

INSPIRIA

МЕРЦАНИЕ ВО ТЬМЕ

Лучший триллер 2022 по версии Amazon
Самый ожидаемый триллер 2022 на Goodreads

СТЕЙСИ
УИЛЛИНГХЭМ

 INSPIRIA

Annotation

ЛУЧШИЙ ТРИЛЛЕР-2022 ПО ВЕРСИИ AMAZON.
САМЫЙ ОЖИДАЕМЫЙ ТРИЛЛЕР НА GOODREADS В 2022 г.
ОТЕЦ ХЛОИ ДЭВИС — СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА...

Ей было всего двенадцать, когда папа получил шесть пожизненных за убийство шести девочек — ее подруг. Именно Хлоя нашла главные доказательства его вины. Но тела жертв так и остались лежать где-то посреди луизианских болот.

ЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРЕСЛЕДУЮТ ДОЧЬ ЗЛОВЕЩЕЙ ТЕНЬЮ...

Хлоя смогла по осколкам собрать свою разбитую жизнь. Теперь она уважаемый подростковый психолог и счастливая невеста. Впрочем, это не избавило ее саму от ПТСР и паранойи. Девушка все время ждет чего-то ужасного.

И ТЕПЕРЬ ЕЕ СТРАХИ ВОПЛОТИЛИСЬ В РЕАЛЬНОСТЬ...

Через двадцать лет после отцовских убийств кошмарные события повторяются. Пропала девочка. Потом другая — ее пациентка.

Может, это безумие — искать в новых исчезновениях отголоски прошлого? Или...

ЕЙ ПРЕДСТОИТ РАЗОБЛАЧИТЬ МАНЬЯКА ЕЩЕ РАЗ?

«Изящный, крайне напряженный триллер с совершенно неожиданными поворотами. Вы будете читать дебют Уилингхэм, даже понимая, что хорошо бы лечь и хоть немного поспать». — Карин Слотер

«Этот роман соединяет роскошную южную готику, проникновенное психологическое исследование, выворачивающую душу семейную трагедию, жесткий саспенс и — главное — одну из наиболее мощных детективных историй, встреченных мной за последние годы». — А. Дж. Финн

«Автор увлекает нас в напряженное путешествие в глубины психологии зла и поднимает к вершинам стойкости духа, ведя свой рассказ безукоризненным литературным языком». — Джеффри Дивер

«Не доверяйте ни одному персонажу в этом до неприличия безупречном дебютном романе. Закрученный реактивный триллер». — Питер Свонсон

«Ради этого романа вы отодвинете весь свой список чтения». —
Вэл Макдермид

«Невероятно умно и увлекательно. Развязка одновременно поразительна и убедительна». — The Washington Post

«Атмосферный стиль и многочисленные ложные следы делают повествование дико напряженным. Уиллингхэм — автор, за чьим творчеством определенно стоит следить». — Publishers Weekly

«Это безупречное повествование не раз вызовет волну мурашек, пока оно, то и дело неожиданно круто поворачивая, стремится к финалу, который заставит вас беспомощно хватать ртом воздух». — Daily Mail

- [Стейси Уиллингхэм](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Май 2019 года](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Июнь 2019 года](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Июль 2019 года](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Стейси Уиллингхэм

Мерцание во тьме

Моим родителям, Кевину и Сью Спасибо вам за все

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше

Stacy Willingham
A FLICKER IN THE DARK

Copyright © 2021 by Stacy Willingham. All rights reserved.

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

В оформлении переплета и титула использованы иллюстрации:
Fer Gregory, Elise_E / Shutterstock.com Используется по лицензии от
Shutterstock.com

© Кодряной П.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Пролог

Я-то думала, что все знаю про чудовищ.

В детстве я считала, что это такие загадочные призраки, которые прячутся в шкафу за вешалками с одеждой, под кроватью, в лесной чаще. Я просто физически ощущала их у себя за спиной — как они подкрадываются все ближе, пока я иду из школы домой в сиянии заходящего солнца. Я не умела описать это чувство словами — просто каким-то образом *знала*, что они здесь. Я чувствовала их всем своим телом, чувствовала опасность — как будто кожу на плече начинает покалывать за мгновение до того, как на него опустится невидимая рука, как будто понимаешь, что неотвязная тревога вызвана парой глаз, буравящих твою спину из укрытия за ветвями разросшегося кустарника.

Но стоит лишь обернуться — и глаза вновь прячутся.

Помню, как мои худые лодыжки все норовили подвернуться на неровностях гравийной дорожки, когда я шагала — быстрее и быстрее — к своему дому, а выхлоп удаляющегося школьного автобуса таял у меня за спиной. Солнечный свет лился сквозь ветви деревьев, в лесу плясали тени, а моя собственная тень казалась огромной, словно изготовившийся к прыжку зверь.

Я начинала глубже дышать, считала про себя до десяти. Потом закрывала глаза, крепче зажмуривалась.

И пускалась бегом.

Каждый день я неслась сломя голову сквозь этот безлюдный участок подъездной дорожки, а дом, которому следовало уже быть на расстоянии вытянутой руки, казалось, лишь отдалялся. Из-под кроссовок летели камешки, пыль и клочья травы, а я все пыталась опередить... что-то. То, что здесь за мной *наблюдало*. То, что ждало. Ждало меня. Путаясь в собственных шнурках, я карабкалась на крыльцо — и с размаху влетала в тепло распахнутых навстречу рук отца, чувствовала над ухом его горячее дыхание, слышала шепот: «Вот и попалась, вот и попалась!» Его пальцы легонько дергали меня за волосы, а в груди саднило от избытка воздуха. Сердце бешено

колотилось изнутри о грудную клетку, и в сознании возникало единственное слово: *безопасность*.

Во всяком случае, так мне тогда казалось.

Вообще-то, страху положено учиться медленно и постепенно: от Санта-Клауса в торговом центре — к монстру у тебя под кроватью; от ужастика, который тебе позволили посмотреть в детстве, — к мужчине в машине у бордюра, с включенным мотором и тонированными стеклами, всего на одну лишнюю секунду задержавшему на тебе взгляд, когда ты идешь мимо в наступающих сумерках. Боковым зрением ты видишь, как машина медленно трогается, и чувствуешь, как колотится сердце, — чувствуешь не только грудью, но и шеей, и внутренностью черепа. Обучение как процесс, от одной ощущаемой угрозы к другой, и каждая последующая *штука* реально опасней предыдущей.

Со мной было не так. На меня понимание страха обрушилось с такой силой, какую мне, подростку, до сих пор испытывать не доводилось. С такой удушливой тяжестью, что и вздохнуть-то больно. В этот самый миг, когда все рухнуло, я и поняла — чудовища не прячутся в лесу, это не тени среди деревьев и не невидимки, притаившиеся в темных углах.

Настоящие чудовища никогда не скрываются.

Мне было двенадцать, когда тени начали обретать форму, черты лица. Когда призрак сделался плотней. Реальней. Когда я стала понимать, что чудовища, может статься, живут среди нас.

И среди них — монстр, которого я научилась бояться больше всех остальных.

Май 2019 года

Глава 1

Горло першит.

Поначалу — совсем чуть-чуть. Словно по глотке изнутри провели снизу вверх тонким перышком. Я пытаюсь просунуть язык себе в горло, чтобы унять зуд.

Ничего не выходит.

Надеюсь, я не простыла. Не было ли в последнее время поблизости кого-нибудь больного? Заразного? Если честно, кто знает. Я целый день рядом с людьми. На вид все вроде были здоровы, но простуда может оказаться заразной и до появления симптомов.

Еще разок пытаюсь дотянуться языком.

Или аллергия. Пыльцы сейчас в воздухе больше обычного. Вернее, значительно больше. Восемь баллов из десяти по аллергенной шкале. Индикатор в приложении у меня на телефоне — ярко-красный.

Я беру стакан с водой, отпиваю немного. Стараюсь ополоснуть горло, прежде чем проглотить.

Тоже не помогло. Я откашливаюсь.

— Что?

Перевожу взгляд на пациентку, полулежащую передо мной на огромной кожаной кушетке в напряженной, словно деревяшка, позе. Пальцами вцепилась в колени, яркие тонкие порезы на идеально чистой коже ладоней сейчас почти незаметны. На запястье я вижу браслет — попытку скрыть самый глубокий из шрамов, кривой, багровый. Деревянные бусины и серебряная подвеска в форме крестика. Болтается словно четки.

Я снова смотрю на девочку, чтобы оценить выражение ее лица, глаз. Слез пока нет, для них рановато.

— Прости меня, — я сверяюсь с записями перед собой, — Лэйси. Просто в горле немного запершило. Продолжай, пожалуйста.

— Ничего, — говорит она. — Короче, я тут объясняла... я иногда дико бешусь, понимаете? И даже сама не знаю почему. Просто злость эта внутри все растет и растет, я еще сама ничего не понимаю, но уже охота...

Лэйси опускает глаза вниз, на руки, водит по ним растопыренными ладонями. Кожа предплечий под ее пальцами вся покрыта мельчайшими порезами, похожими на стеклянистые волоски.

— Это чтобы отпустило, — говорит она. — Успокоиться помогает.

Я киваю, стараясь не обращать внимания на зуд в горле. Который усиливается. «Или это пыль, — говорю я себе, — здесь очень пыльно». Кидаю взгляд на подоконник, на шкаф с книгами, на дипломы в рамках на стене — все покрыто тонким серым налетом, чуть поблескивающим в солнечном свете.

Хлоя, сосредоточься.

Снова поворачиваюсь к девочке.

— И отчего это, Лэйси, как ты думаешь?

— Я ж сказала уже! Сама не знаю.

— Ну, если чисто умозрительно.

Она вздыхает, отводит взгляд и старательно смотрит на что-то несуществующее. Избегая встречаться со мной глазами. Теперь уже вот-вот заплачет.

— Ну, короче, наверное, из-за папы. — Отбрасывает со лба прядь светлых волос; ее нижняя губа чуть дрожит. — Что он от нас ушел и все такое.

— Когда папа от вас ушел?

— Два года назад, — отвечает Лэйси. В уголке глаза вдруг возникает словно бы того и ожидавшая слезинка, скатывается по веснушчатой щеке. Она сердито ее смахивает. — Даже не попрощался. Даже ни хера *ничегошеньки* не объяснил! Свалил, и все.

Я киваю, быстро записывая.

— Как ты думаешь, правильно будет сказать, что ты все еще злишься на папу, потому что он вот так вас бросил?

Ее губа снова начинает дрожать.

— А поскольку он не попрощался, у тебя даже не было возможности объяснить ему, *что* ты из-за этого чувствуешь?

Она кивает шкафу в углу, по-прежнему избегая моего взгляда.

— Да. Пожалуй, что правильно.

— А еще ты на кого-нибудь злишься?

— На маму, наверное. Не знаю почему. Я всегда думала, что это он из-за нее ушел.

— Хорошо, — говорю я. — А еще на кого?

Какое-то время Лэйси молчит, ковыряя ногтем складку кожи.

— На себя, — наконец шепчет она, уже не обращая внимания на застилающие глаза слезы. — Что я была слишком плохая, чтобы он захотел остаться.

— Всем нам случается разозлиться, — говорю я. — Теперь, когда у тебя получилось произнести вслух, на что ты злишься, мы можем поработать над тем, чтобы ты лучше справлялась со своим гневом. Справлялась с ним так, чтобы себе не вредить. Как тебе такой план?

— Херня все это дурацкая, — бормочет она.

— Что именно?

— Все. И он, и вот это. Что я здесь.

— Лэйси, что дурацкого в том, что ты здесь?

— Потому что мне *пришлось!*

Девочка уже кричит. Я спокойно откидываюсь на спинку кресла и переплетаю пальцы. Пусть выкричится.

— Да, я злюсь, — произносит она. — И что теперь? Папа от меня на хер ушел. Он меня *бросил*. Вы хоть понимаете, что это такое? Знаете, каково это — без отца жить? Когда в школе все на тебя тарашатся? И за спиной еще шушукаются!

— Так получилось, что знаю, — отвечаю я. — Знаю, каково это. Приятного тут мало.

Лэйси умолкает, сложенные на коленях руки дрожат, подушечки большого и указательного пальцев теребят крестик на браслете. Вверх-вниз, вверх-вниз.

— От вас тоже отец ушел?

— Вроде того.

— Сколько вам было лет?

— Двенадцать, — отвечаю я.

Она кивает.

— А мне — пятнадцать.

— Пятнадцать было моему брату.

— То есть вы понимаете?

Теперь я киваю и улыбаюсь. Установить доверие — это самое сложное.

— Понимаю, — отвечаю я и снова подаюсь вперед, сокращая между нами дистанцию. Лэйси наконец поворачивается ко мне,

впивается в меня полным слез, умоляющим взглядом. — Еще как понимаю...

Глава 2

В нашей профессии все основано на клише. И неспроста.

Дело в том, что они справедливы.

Когда пятнадцатилетняя девочка тянется бритвой к собственной коже, дело, вероятно, в том, что она чувствует себя неполноценной, и физическая боль ей нужна, чтобы унять резь от жгущих ее изнутри эмоций. За восемнадцатилетним парнем, в гневе не способным себя контролировать, наверняка кроется спор об опеке между родителями, чувство покинутости, необходимость самоутвердиться. От двадцатилетней третьекурсницы, которая имеет привычку в пьяном виде лезть в койку к любому, кто готов потратить ради нее пару долларов на водку с тоником, а потом рыдает по утрам, прямо-таки несет низкой самооценкой и потребностью во внимании, за которое дома ей приходилось сражаться; внутренним конфликтом между тем, какова она есть, и тем, чего, по ее мнению, от нее ждут окружающие.

Отец не любил. Синдром единственного ребенка. Дитя развода.

Все это клише, и каждое справедливо. Я имею полное право так говорить, потому что я и сама — клише.

На экране моих «умных» часов мигает хронометраж записи сегодняшней сессии: 1:01:52. Жму «Отправить на смартфон» и наблюдаю, как маленький таймер из серого делается зеленым, пока файл перекачивается на телефон, одновременно синхронизируясь с ноутбуком. *Технология.* Из детства мне помнится, как каждый из докторов брал в руки мою историю болезни и принимался ее листать, пока я сидела на похожих одна на другую истертых кушетках и разглядывала картотеки, битком набитые чужими проблемами. Полные таких же людей, как и я сама. Каким-то образом это помогало чувствовать себя не такой одинокой, почти нормальной. Металлические ящики на четыре отсека символизировали возможность того, что и мне однажды удастся выразить свою боль — описать ее словами, криком, рыданиями, — а потом, когда заведенный на час таймер дотикает обратно до нуля, мы попросту закроем папочку, вернем ее на нужную полку, запрем там на ключ и забудем про ее содержимое до следующего сеанса.

Пять часов. Пора закрываться.

Я смотрю на экран, на чащобу иконок, в которые превратились мои пациенты. Вообще-то, *закрыться* мне невозможно. Они постоянно изыскивали способ меня найти — по имейлу, через соцсети, — во всяком случае, до тех пор, пока я не махнула рукой и не поудалила отовсюду свои профили, когда мне вконец надоело копаться в панических личных сообщениях от клиентов, которых опять прихватило. Я всегда работаю, всегда наготове, как круглосуточный магазинчик, мигающий во мраке неоновой вывеской «Открыто» в отчаянных попытках выжить.

На экране выскакивает сообщение о загруженной записи. Я кликаю на него, даю файлу название «Лэйси Деклер, сессия 1», потом отрываю взгляд от компьютера и шурюсь на пыльный подоконник — в свете заходящего солнца окружающая меня грязь еще заметней. Снова прокашливаюсь, несколько раз подряд. Наклоняюсь, берусь за деревянную ручку, выдергиваю наружу нижний ящик письменного стола и начинаю копаться в персональной офисной аптечке. Разглядываю баночки с таблетками, от банального ибупрофена до рецептурных средств с названиями попримудливей: алпразолам, элениум, диазепам. Отпихнув их в сторону, достаю коробку растворимого витамина С, высыпаю содержимое одного пакетика в стакан с водой, размешиваю пальцем. Делаю несколько глотков и начинаю писать имейл.

Шэннон,

поздравляю с окончанием рабочей недели! Только что провела отличную первую сессию с Лэйси Деклер — спасибо, что направила ее ко мне. Хотела уточнить насчет лекарств. Насколько я вижу, ты ничего ей не выписала. Исходя из сегодняшней сессии, думаю, ей пошел бы на пользу небольшой курс «Прозака». Как по-твоему? Противопоказания?

Хлоя

Нажимаю «Отправить» и, откинувшись в кресле, допиваю свою жидкость со вкусом мандарина. Остаток порошка на дне стакана течет

медленно, словно клей, мои зубы и язык покрываются шершавым оранжевым налетом. Ответ приходит через несколько минут.

*Хлоя,
не стоит благодарности. Я не возражаю. Можешь
сама выписать.*

*PS Как насчет встретиться вскорости, промочить
горло? Расскажешь мне поподробней о близящемся
СОБЫТИИ!*

Доктор Шэннон Тэк

Я поднимаю трубку офисного телефона, набираю номер аптеки, упомянутой Лэйси — я и сама ею пользуюсь, это очень кстати, — и попадаю прямиком на автоответчик. Записываю сообщение.

— Алло, это доктор Хлоя Дэвис, — диктую имя и фамилию по буквам. — Я звоню, чтобы выписать рецепт для Лэйси Деклер, — снова диктую по буквам, — дата рождения шестнадцатое января две тысячи четвертого года. Я рекомендую пациентке начать курс «Прозака», десять миллиграммов в день в течение восьми недель. Продлевать не нужно. Спасибо.

Делаю паузу, барабаню пальцами по столу.

— Я также хотела бы продлить рецепт другому пациенту, Патрику Бриггсу, — по буквам, — дата рождения второе мая тысяча девятьсот восемьдесят второго года. «Ксанакс», четыре миллиграмма в день. Повторяю, доктор Хлоя Дэвис. — Диктую номер своего телефона. — Благодарю вас.

Кладу трубку и смотрю на нее, неподвижно лежащую на телефонном аппарате. Взгляд непроизвольно дергается к окну — заходящее солнце окрасило мебель из красного дерева в моем кабинете в оранжевый оттенок, цветом не слишком отличающийся от клейкого осадка, что засыхает на дне стакана. Смотрю на часы — семь тридцать, — закрываю свой ноутбук и подпрыгиваю на месте, когда телефон с пронзительным звуком пробуждается к жизни. Бросаю взгляд в его сторону, но офис уже закрыт, и сегодня пятница. Я продолжаю собираться, игнорируя трезвон, и тут соображаю — может

быть, мне перезванивают из аптеки, чтобы что-то уточнить. После очередного звонка я все же беру трубку.

— Доктор Дэвис, — говорю я.

— Хлоя Дэвис?

— Доктор Хлоя Дэвис, — уточняю я. — Чем могу помочь?

— Однако к вам так просто не дозвонишься!

Голос принадлежит мужчине, и он сердито усмехается, словно я его чем-то обидела.

— Прошу прощения, вы — пациент?

— Я не пациент, — отвечает голос, — но я вам целый день звоню. *Целый* день. Ваша регистраторша отказывалась перевести на вас звонок; дай, думаю, попробую вечером, может, на автоответчике сообщение оставлю... Не ждал, что вы трубку возьмете.

Я морщу лоб.

— Видите ли, это мой офис. На личные звонки я в рабочее время не отвечаю. У Мелиссы инструкция переключать на меня только пациентов... — Тут я замолкаю, не понимая, с чего это решила распинаться перед незнакомцем и излагать ему распорядок собственной практики. Добавляю своему голосу немного жесткости. — Могу я узнать, с кем разговариваю? Кто вы такой?

— Меня зовут Аарон Дженсен. Я — журналист из «Нью-Йорк таймс».

У меня перехватывает дыхание. Я поспешно кашляю, хотя звук, наверное, такой, будто я подавилась.

— Вы там в порядке? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я, — просто в горле немного першит. Прошу прощения, вы сказали, «Нью-Йорк таймс»?

Стоит вопросу вырваться, и я уже готова себя возненавидеть. Знаю я, что ему нужно. Сказать по правде, я этого ожидала. Чего-то подобного. Не обязательно «Таймс», но чего-то в этом духе.

— Вы меня поняли? — неуверенно переспрашивает он. — Я из газеты.

— Да, я знаю, что это такое.

— Я пишу очерк о вашем отце и хотел бы с вами побеседовать. Как насчет кофе?

— Прошу прощения, — повторяю я, чтобы он замолчал. *Мать вашу!* Что ж я все время извиняюсь-то? Делаю глубокий вдох, прежде

чем продолжить: — Мне не о чем с вами разговаривать.

— Хлоя...

— Доктор Дэвис!

— *Доктор Дэвис*, — повторяет он со вздохом. — Близится годовщина. Двадцать лет. Уверен, вы и сами знаете.

— Само собой, знаю, — резко отвечаю я. — Прошло двадцать лет, и ничего за это время не изменилось. Девочки по-прежнему мертвы, отец по-прежнему в тюрьме. Что вам всякий раз нужно-то?

Аарон на другом конце провода молчит; я понимаю, что и так уже слишком много ему сказала. Удовлетворила болезненную журналистскую страсть вскрывать чужие раны ровно тогда, когда они готовы зажить. Удовлетворила достаточно, чтобы он ощутил на языке металлический привкус и захотел еще, подобно акуле, которую манит запах крови.

— Но вы-то изменились. Вы и ваш брат. Читатели будут рады узнать, как у вас дела — как вы справились.

Я закатываю глаза к потолку.

— А ваш отец? — продолжает Дженсен. — Может статься, он тоже изменился... Вы не пробовали с ним поговорить?

— Мне не о чем разговаривать с отцом, — отвечаю я. — И с вами. Прошу больше мне не звонить.

Я заканчиваю разговор, бросив трубку на рычаги — резче, чем намеревалась. Опускаю взгляд и вижу, что у меня дрожат пальцы. Поправляю прическу, чтобы чем-то их занять, и гляжу в окно. Небо сделалось темным, чернильно-синим, а солнце — пузырьком на самом горизонте, готовым вот-вот лопнуть.

Я снова поворачиваюсь к столу, хватаю сумку и встаю, оттолкнув кресло. Бросаю последний взгляд на настольную лампу, медленно выдыхаю, потом выключаю ее и неуверенно двигаюсь сквозь мрак.

Глава 3

Незаметных для постороннего взгляда приемов защиты, которыми мы, женщины, подсознательно пользуемся на протяжении дня, превеликое множество. Защиты от призраков, от затаившихся хищников. О которых повествуют назидательные истории и городские легенды. Сказать по правде, эти способы незаметны настолько, что мы сами их почти не осознаем.

Уходи с работы прежде чем стемнеет. Одной рукой прижимай к груди сумочку, а в другой держи наготове ключи, зажав их между пальцами, словно оружие, — и осторожно подходи к машине, стратегически припаркованной прямо под фонарем ровно на тот самый случай, если закончить работу засветло все же не получится. Оказавшись рядом с машиной, сперва проверь заднее сиденье, а потом уже отпирай дверь. Возьми в руку телефон, держи его покрепче и так, чтобы указательным пальцем можно было сразу задействовать быстрый набор 911. Сядь в машину и сразу запри двери. Заведя мотор, не стой на месте, немедленно отъезжай.

Выехав с парковки рядом со зданием, где у меня офис, я сворачиваю в направлении от центра. Остановившись на светофоре, бросаю взгляд — надо полагать, по привычке — на зеркало заднего вида и морщусь, увидев в нем свое отражение. На улице духота, да такая сильная, что кожа покрылась тусклой пленкой; мои каштановые волосы, в обычное время прямые, сейчас слегка выются на кончиках; в подобный беспорядок их может привести только лето Луизианы.

Лето Луизианы...

Как много для меня всего в этой фразе! Я здесь родилась. Ну, не то чтобы *именно* здесь, не в Батон-Руже. Но все-таки в Луизиане. В крошечном городке Бро-Бридж — мировой столице раков. Отчего-то мы этим званием очень гордимся. Примерно как Кокер-Сити в Канзасе гордится своим веревочным клубком в две с половиной тонны весом. Подобные вещи придают совершенно бессмысленному месту хоть какое-то значение.

А еще в Бро-Бридже меньше десяти тысяч населения; иными словами, там все друг друга знают. Или, если конкретней, там любой

знает меня.

В детстве я всякий раз дожидаться не могла, когда же придет лето. Сколько у меня воспоминаний о жизни на болотах! Вот я высматриваю аллигаторов на озере Мартин и громко кричу, заметив под ковром из водорослей пару маленьких жадных глазок. Мой брат хохочет надо мной, и мы кидаемся врассыпную с воплями: «До свиданья, аллигатор!»^[1]. Вот я делаю себе парик из испанского мха, которым густо заросли деревья на обширных задворках нашего дома, а потом несколько дней вычесываю из головы клещей-кожеедов и капаю на красные опухшие укусы бесцветным лаком для ногтей, чтобы не так чесалось. Вот откручиваю свеже сваренному раку хвост, чтобы сразу досуха высосать голову.

Только за воспоминаниями о лете следуют и воспоминания об ужасе.

Когда начали пропадать девочки, мне исполнилось двенадцать. Девочки были немногим старше меня самой. На дворе стоял июль 1999 года, и луизианское лето обещало быть жарким и влажным.

А потом все в одночасье переменялось.

Помню, как в то утро я забрела на кухню. Было еще рано; я терла заспанные глаза, волоча за собой по линолеуму мятно-зеленое покрывало. Я под ним чуть ли не с младенчества спала, а что края обтрепались, мне даже нравилось. Помню, как стала дергать пальцами ткань, вроде нервного тика, когда увидела перед телевизором обеспокоенных родителей. Они о чем-то шептались.

— Что случилось?

Родители обернулись ко мне, вытаращив глаза от неожиданности, но все же успели выключить телевизор, прежде чем я успела увидеть то, что на экране.

Ну, то есть они так подумали.

— Радость моя, — сказал мне отец, шагнув мне навстречу и обняв — крепче, чем обычно. — Все в порядке.

Только ничего не было в порядке. Это я сразу почувствовала. По тому, как отец меня обнимал, по тому, как у мамы, когда она отвернулась к окну, дрожала губа — точно так же, как дрожала сегодня губа у Лэйси, когда она заставила себя осознать то, что и так знала с самого начала. Осознать то, что она стремилась отпихнуть от себя подальше, делая вид, будто все это неправда. Я успела заметить ярко-

красный новостной заголовок внизу экрана, и он уже навеки впечатался в психику — набор слов, разом изменивший всю мою жизнь.

ПРОПАЛА ДЕВОЧКА ИЗ БРО-БРИДЖЕ

Когда тебе двенадцать, ты еще не видишь в словах *ПРОПАЛА ДЕВОЧКА* зловещий смысл, столь очевидный старшим. Сознание не рисует автоматически жуткие картины: похищение, насилие, убийство. Помнится, я еще подумала: а *где* она пропала? Наш дом стоял на участке в добрых десять акров; мне и самой не раз доводилось там теряться, когда я охотилась в болоте на жаб или обследовала пока еще не знакомые заросли, выцарапывала собственное имя на коре ничем не примечательного дерева, сооружала крепости из поросших влажным мхом веток. Как-то раз даже умудрилась застрять в небольшой пещере — норе какого-то животного; ведущий туда чуть приподнятый над землей лаз выглядел одновременно пугающе и заманчиво. Брат привязал мне к ноге кусок старой веревки, я легла на живот и принялась, извиваясь, заползать в холодную, темную пустоту, крепко зажав зубами цепочку карманного фонарика. Я ползла все глубже и глубже, позволив тьме поглотить себя целиком, — и помню, какой чудовищный ужас меня охватил, когда я поняла, что выбраться самостоятельно уже не смогу. Так что, увидев кадры, на которых поисковые группы продирались сквозь густую листву или шлепали по болоту, я никак не могла отделаться от мысли — а что будет, если я когда-нибудь «пропаду» сама, если меня станут искать так же, как сейчас ищут ее.

«Она найдется, — думала я. — А когда это случится, ну и душой же она себя почувствует, узнав, какая поднялась суматоха...»

Только она не нашлась. А три недели спустя пропала другая девочка.

Через четыре недели — еще одна.

К концу лета исчезли шесть девочек. Сегодня здесь, а завтра уже нет. Пропали без следа.

И одна-то пропавшая девочка — слишком много, а шестеро, да еще в Бро-Бридж — в крошечном городке, где, стоит одному ребенку бросить школу, в классе делается непривычно пусто, а стоит переехать

семье, на улице становится очень тихо, — оказались тяжестью почти невыносимой. Не обращать внимания на их отсутствие было невозможно; в небесах над городом словно нависло зло, подобно надвигающейся буре, от которой все внутри леденеет. Это зло ты чувствовала кожей, ощущала на языке, видела в глазах любого встречного. Город, где все доверяли друг дружке, оказался в плену неодолимого недоверия, подозрительность укоренилась так прочно, что не избавишься. Все задавались одним и тем же молчаливым вопросом.

Кто следующая?

Был объявлен комендантский час, с наступлением темноты закрывались все магазины и рестораны. Мне, как и всем девочкам в городе, запретили выходить на улицу после захода солнца. Да я и днем-то чувствовала, что зло может скрываться за любым углом. Предчувствие, что это буду я — что я *следующая*, — оставалось со мной всегда, постоянное, удушливое.

— Не переживай, Хлоя! Тебе бояться нечего.

Мой брат закинул на плечо рюкзак — рано утром, собираясь в летний лагерь. А я опять плакала, мне из дому-то выйти страшно было.

— Ей есть чего бояться, Купер. Все очень серьезно.

— Она еще слишком маленькая, — ответил он. — Двенадцать всего. Он-то, если не забыла, старшеклассниц предпочитает.

— Купер, ради бога!

Мама присела на корточки со мной рядом, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, поправила мне непослушную прядь волос.

— Все очень серьезно, моя хорошая, но ты просто будь осторожна. И внимательна.

— Не садись в машину к незнакомцам, — вздохнул Купер. — Не гуляй в одиночку по темным переулкам. Все очень просто, Хло. Главное, не будь душой.

— Те девочки не были дурами, — отрезала мама негромко. — Им не повезло. Оказались в неподходящем месте в неподходящее время.

...Я сворачиваю на парковку аптеки и подъезжаю к окошку обслуживания для автомобилей. Человек за стеклом занят расфасовкой разнообразных пузырьков по бумажным пакетам. Он открывает окошко, даже не потрудившись поднять взгляд.

— Имя?

— Патрик Бриггс.

Он все же поднимает глаза, поскольку я явно не Патрик. Нажимает на компьютере перед собой несколько клавиш.

— Дата рождения?

— Второе мая, тысяча девятьсот восемьдесят второй.

Развернувшись, сотрудник аптеки принимается шарить в корзине с literой «Б». Я внимательно слежу за тем, как он достает оттуда пакет и снова идет ко мне, и крепко сжимаю руль, чтобы не выдать беспокойства движениями пальцев. Он наводит сканер на штрихкод, я слышу писк.

— Как принимать лекарство, вам известно?

— Вполне. — Я улыбаюсь ему. — Вопросов нет.

Он проталкивает пакет из своего окошка в окно машины; я его ловлю, запикиваю поглубже в сумочку, снова поднимаю стекло и отъезжаю, даже не сказав «спасибо».

Следующие несколько минут я просто веду машину, а сумочка на пассажирском сиденье словно бы светится — внутри таблетки. В свое время меня поражало, насколько легко получить лекарства за другого человека: если можешь назвать его дату рождения, записанную в базе данных аптеки, большинство фармацевтов даже и не попросят тебя предъявить никакой документ. А если кто и попросит, чаще всего удовлетворится несложным объяснением. «Вот черт, права в другой сумочке остались... Я — его невеста, могу и адрес назвать, хотите проверить по базе?»

Сворачиваю на Гарденс, в сторону своего жилого района, и начинается двухкилометровый участок дороги, где я всякий раз теряю ориентацию. Так, наверное, чувствуют себя аквалангисты, оказавшись в абсолютной тьме, в темноте настолько темной, что и собственную ладонь в нескольких сантиметрах от лица не разглядеть.

Никакого чувства направления. Никакого чувства контроля.

По всей дороге — ни единого дома, который мог бы ее подсветить, ни единого фонаря, способного проявить кривые лапы выстроившихся вдоль обочины деревьев. После захода солнца — полная иллюзия того, что ты едешь напрямик в чернильное море, исчезаешь в безграничном небытии, валишься в бездонный колодец.

Я задерживаю дыхание и чуть сильнее даю на педаль газа. Наконец чувствую, что приближается мой съезд. Включаю поворотник

— пусть даже сзади никого, только такая же чернота — и резко сворачиваю направо в наш тупичок. Миновав первые фонари, освещающие ведущую к дому дорогу, наконец перевожу дыхание.

К дому.

В этой фразе тоже много всего. Дом — это не просто здание, не кирпичи и доски, соединенные цементом и гвоздями. А нечто более эмоциональное. Дом — это надежность и безопасность. Это место, куда ты торопишься, когда часы пробьют девять и начнется комендантский час.

Вот только что, если твой дом не безопасен? Не надежен? Что, если распахнутые тебе навстречу руки, в которые ты падаешь, добежав до крыльца, и есть те самые руки, от которых нужно удирать со всех ног? Те самые руки, которые хватали тех девочек, сдавливали им горло, зарывали тела — а потом аккуратно мылись с мылом?

Что, если у тебя в доме все и началось? Если это эпицентр землетрясения, сотрясшего город до самого основания? Глаз урагана, разметавшего семейства, жизни, тебя саму? Все, что ты знала прежде?

Что тогда?

Глава 4

Машина с работающим двигателем стоит на подъездной дорожке, а я копаюсь в сумочке, пока не нахожу бумажный пакет. Разорвав его, достаю оранжевый пузырек, свинчиваю крышку и вытряхиваю на ладонь таблетку, а пакет сминаю и вместе с пузырьком запикиваю в бардачок.

Гляжу на «Ксанакс» у себя в ладони, внимательно изучая белую таблетку. И тут вспоминаю про телефонный звонок в офисе. Аарон Дженсен. *Двадцать лет*. При этом воспоминании в груди у меня все сжимается, и я быстро, пока не передумала, закидываю таблетку в рот и насухо проглатываю. Потом выдыхаю, закрываю глаза. И сразу же чувствую, как сжавшая грудь тяжесть начинает спадать, как расширяются дыхательные пути. На меня нисходит спокойствие, то самое чувство покоя, что я испытываю всякий раз, когда на языке оказывается таблетка. Не знаю, как описать это чувство, разве что как простейшее и чистейшее облегчение. Подобное тому облегчению, которое испытываешь, распахнув дверцу шкафа и убедившись, что за ней никто не прячется, — когда бешеное сердцебиение утихает, когда мозг наполняет головокружительная эйфория, ведь ты знаешь, что бояться нечего. Что никто не выскочит на тебя из тени.

Я открываю глаза.

Когда выхожу из машины, захлопнув дверь и для верности два раза нажав запирающую кнопку на брелоке, то замечаю, что в воздухе чуть пахнет специями. Я задираю нос к небесам и принимаю себя. Кажется, это морепродукты. Или рыба. Похоже, соседи затеяли барбекю, и я на мгновение чувствую обиду, поскольку меня-то не пригласили.

Начинаю долгий путь к своей двери по булыжнику дорожки, а темная громада здания маячит впереди. На полдороге останавливаюсь и смотрю на дом. Когда я купила его несколько лет назад, именно это он собой и представлял. Здание. Оболочка, ждущая, чтобы в нее, как в спущенный воздушный шарик, вдохнули жизнь. Сооружение, готовое сделаться домом, возбужденное и исполненное предвкушений, как первоклассник в свое первое школьное утро. Вот только я понятия не

имела, как сделать его домом. Единственный дом, что я до сей поры знала, вряд ли заслуживал этого имени — во всяком случае, не после всего, что случилось. Помню, как я впервые вошла сюда, сжимая в кулаке ключ. Стук каблуков по деревянному полу отдавался эхом в обширном пустом пространстве, голые беленые стены были испещрены следами от гвоздей там, где висели фотографии в рамках — подтверждая, что подобное вообще возможно; что здесь можно обрести новые воспоминания, начать новую жизнь. Я раскрыла свой комплект инструментов, небольшой красный ящичек, который купил мне Купер — мы вместе шли по огромному хозяйственному магазину, и я с разинутым ртом наблюдала, как он небрежно складывает туда гаечные ключи, молотки и плоскогубцы, словно наполняет пакет в кондитерской лавке кисло-сладкими леденцами, что продаются на вес. Вешать мне было нечего — ни фото, ни картин, — так что я попросту вбила в стену один-единственный гвоздь и повесила на него кольцо с ключом. С одним-единственным ключом. Главное — начать.

Сейчас у меня перед глазами все то, что я с тех пор успела сделать, чтобы хотя бы снаружи казалось, будто у меня мозги не набекрень — чисто внешне; все равно что нанести макияж поверх застарелого синяка или нацепить четки на изуродованное запястье. Понятия не имею, с чего меня вообще озаботило мнение соседей, время от времени проскальзывающих мимо с собачьим поводком в кулаке. Прикрученное к навесу над входом подвесное сиденье вечно покрыто маслянистым слоем желтой пыли; никаких шансов сделать вид, что им кто-нибудь когда-нибудь пользовался. Растения, что я с таким рвением покупала и высаживала, напрочь вымерли от неухода; иссохшие коричневые щупальца двух папоротников напоминают сейчас полупереваренные косточки какого-то животного — я обнаружила такие, когда вскрывала сову на уроке биологии в восьмом классе. Колючий коричневый коврик у двери с банальным «Добро пожаловать!». К двери прикручен бронзовый почтовый ящик в форме огромного конверта. Пользы от него никакой — щель такая узкая, что даже руку не просунуть; если что внутрь и пролезает, то разве что пара открыток от бывших однокурсников, ныне, когда их многообещающие дипломы не сумели сдержать означенных обещаний, ушедших в агенты по недвижимости.

Я снова двигаюсь вперед, пообещав себе, что выкину дурацкий бронзовый конверт и поставлю себе обычный, как у всех, ящик для почты. И в тот же миг осознаю, что мой дом выглядит мертвым. Это единственное здание во всем квартале, где не светятся окна, где за опущенными жалюзи не мигает телевизор. Единственный дом, не подающий признаков жизни.

Подхожу ближе; «Ксанакс» тем временем обволакивает мои мысли принудительным покоем. И все же что-то продолжает меня грызть. Что-то не в порядке. Что-то *не так*. Обвожу взглядом дворик — маленький, но ухоженный. Лужайка подстрижена, забор из некрашеного дерева укрыт кустарником, корявые ветви дуба отбрасывают тень на гараж, которым я ни разу не пользовалась. Снова перевожу взгляд на дом, до него мне буквально пара шагов. Кажется, внутри, за занавеской, что-то шевельнулось, но я трясую головой и заставляю себя двигаться дальше.

Давай-ка без глупостей, Хлоя. Вернись на землю.

Уже вставив ключ в замок и провернув его, я понимаю, что именно не так.

Над входом не горит свет.

Свет над входом, который горит всегда, вообще всегда — даже когда я ложусь спать, хотя пробивающийся сквозь щель в жалюзи луч падает мне прямо на подушку, — сейчас выключен. Я никогда его не гасила. И до выключателя-то ни разу не дотронулась. Теперь я понимаю, почему дом кажется столь лишенным жизни. Никогда не видела его таким темным, без единого проблеска света. Пусть на улице и горят фонари, здесь крошечный *мрак*. Подойди кто-то ко мне со спины, и я даже...

— СЮРПРИЗ!

Издав дикий вопль, я лихорадочно сую руку в сумочку, надеясь нащупать перцовый баллончик. Внутри зажигается свет, и я вижу, что моя гостиная полна людей — человек тридцать, если не сорок; все они смотрят на меня и улыбаются. Сердце с грохотом колотится в груди, я и говорить-то еле могу.

— О боже...

Запнувшись, обвожу взглядом вокруг себя. Надеюсь найти какую-то причину, объяснение. И ничего не нахожу.

— О боже ты мой...

Я вдруг осознаю — рука моя внутри сумочки и сжимает перцовый баллончик с такой силой, что я даже вздрагиваю. Когда выпускаю баллончик, по всему телу пробегает волна облегчения; я вытираю вспотевшую ладонь о подкладку сумочки.

— Это что... это что такое?

— А как, по-твоему? — восклицает кто-то слева от меня, я поворачиваюсь туда и вижу, как сквозь расступившуюся толпу мне навстречу выходит мужчина. — Вечеринка, конечно!

Это Патрик, на нем темные линялые джинсы и синий облегающий пиджак. Он ослепительно мне улыбается, зубы на фоне загара сверкают, песочного цвета волосы откинута набок. Сердцебиение потихоньку утихает; отняв от груди ладонь, я прижимаю ее к щеке и чувствую, что она горит. Мне удается выдавить смущенную улыбку, а Патрик протягивает мне бокал вина, который я беру свободной рукой.

— Вечеринка в нашу с тобой честь, — продолжает он, сжимая меня в объятиях. Я чувствую запах его мыла, его пряного дезодоранта. — В честь нашего обручения.

— Патрик... Что ты здесь делаешь?

— В некотором смысле — живу.

По толпе прокатывается смех, Патрик улыбается и берет меня под руку.

— Ты ж в отъезде должен быть, — бормочу я. — Только завтра возвращаешься.

— А, вот ты о чем... Ну, я тебя обманул, — говорит он, вызвав еще одну волну смеха. — Зато и удивил, наверное?

Я обвожу взглядом море людей, которые, похоже, начинают нервничать. Все смотрят на меня в ожидании. Интересно, громко я заорала?

— А что, по голосу незаметно было?

Я вскидываю вверх обе руки, и толпа раздражается облегченным хохотом. Кто-то в задних рядах кричит «ура!», остальные подхватывают, раздаются свист и аплодисменты, а Патрик снова крепко обнимает меня и целует в губы.

— Дайте им место! — кричит кто-то.

Все снова хохочут и начинают разбредаться по дому, наполнять опустевшие бокалы, болтать между собой, накладывать еду на

картонные тарелки. Теперь я наконец понимаю, что за запах почувствовала снаружи — это приправа для раков! В просвете дверей я замечаю на заднем дворе целый стол исходящих паром кастрюль с раками и с внезапным стыдом вспоминаю свою обиду за то, что не получила приглашения на соседскую вечеринку, которую сама же себе и вообразила.

Патрик с ухмылкой смотрит на меня, еле сдерживая смех. Я луплю его кулаком в плечо.

— Скотина, — говорю ему, хотя тоже уже улыбаюсь. — Меня от страха чуть удар не хватил.

Он наконец разражается хохотом, звучным, громоподобным, тем, который так привлек меня двенадцать месяцев тому назад и все еще не утратил надо мной своей власти. Я притягиваю Патрика к себе и снова целую, теперь уже как следует, поскольку друзья за нами не наблюдают. Чувствую тепло его языка у себя во рту и наслаждаюсь тем, как его присутствие рядом успокаивает меня в чисто физическом смысле. Сердцебиение замедляется, и дыхание тоже, прямо как от «Ксанакса».

— Ты не оставила мне выбора, — говорит он наконец, пригубляя вино. — Пришлось все сделать по-своему.

— Пришлось, говоришь? — уточняю я. — А почему вдруг?

— Да потому что ты наотрез отказываешься что-то для себя организовать. Ни девичника, ни даже просто гулянки с подругами.

— Патрик, я уже не в университете. Мне, вообще-то, тридцать два. Тебе не кажется, что это детский сад какой-то?

Он глядит на меня, выгнув бровь:

— Нет, Хлоя, не кажется. По-моему, это отличный повод повеселиться.

— Ну, видишь ли, мне ведь некому помочь с организацией чего-нибудь в этом духе, — говорю я ему, уставившись в бокал с вином и легонько его покачивая. — Ты сам знаешь, что Купер никакого девичника организовывать не станет, ну а *мама*...

— Я знаю, Хло. Просто пошутил. Но ты заслуживаешь вечеринки в свою честь, и я ее устроил. Только и всего.

Грудь наполняет теплое чувство, я крепко сжимаю его руку.

— Спасибо тебе. Это и правда другое. У меня чуть сердце наружу не выскочило...

Патрик вновь смеется и одним глотком допивает бокал.

— ...но это все равно здорово. Я люблю тебя.

— И я тебя очень люблю. Иди, пообщайся с гостями. И про вино не забывай. — Он стучит пальцем по ножке бокала, из которого я так и не отпила. — Тебе нужно развеяться.

Я залпом выпиваю вино и проталкиваюсь сквозь толпу в гостиной. Кто-то отбирает у меня бокал, чтобы снова его наполнить, кто-то другой протягивает навстречу блюдо с сыром и крекерами.

— С голоду, поди, умираешь. Ты что, всегда так допоздна на работе?

— Конечно! Это ж Хлоя, не кто-нибудь!

— Хло, ничего, если я тебе шардоне налью? У тебя там вроде пино было, но какая, в сущности, разница?

Проходит несколько минут или, может, несколько часов. Я перемещаюсь из одной части дома в другую, каждый раз натываясь на кого-нибудь с неизменными *поздравлениями* и свежим бокалом для себя; вопросы, все время одни и те же, пусть и в разной последовательности, льются даже стремительней, чем вино, хотя в углу уже целая груда пустых бутылок.

— Ну как, сойдет за *промочить горло*?

Я поворачиваюсь и вижу рядом улыбающуюся во весь рот Шэннон. Она смеется, притягивает меня к себе и целует в щеку, как это всегда делает — плотно прижавшись губами к моей коже. Я вспоминаю недавний имейл.

PS Как насчет встретиться вскорости, промочить горло?

— Врушка несчастная, — говорю я ей, с трудом удержавшись, чтобы не стереть со щеки следы помады.

— Ну да, провинилась. — Она улыбается в ответ. — Надо ж было убедиться, что ты ничего не заподозрила.

— Считай, что тебе удалось... Как твое семейство?

— В полном порядке, — отвечает Шэннон, покручивая кольцо на пальце. — Билл на кухню пошел, бокалы наполнить. А Райли...

Она обводит взглядом комнату, быстро стреляя глазами между тел, колышущихся, словно морские волны. Найдя, судя по всему, искомое, улыбается и качает головой.

— Райли вон, в уголке, в телефоне залипла. Ужас просто.

Обернувшись, я вижу ссутулившуюся на стуле девочку-подростка, лихорадочно барабанившую пальцами по смартфону. На ней короткое летнее платьице и белые кроссовки, волосы серовато-русые. На лице выражение такой невыносимой скуки, что я не могу не рассмеяться.

— Ну, ей же пятнадцать, — говорит Патрик.

Я бросаю взгляд в сторону — вот он, стоит рядом, улыбается. Скользя поближе, кладет руку мне на талию, целует в лоб. Не перестаю восхищаться тем, как ловко он с ходу вписывается в любую беседу, отпуская настолько своевременную реплику, как если бы был свидетелем всего разговора.

— Мне вот только объяснить не нужно, — парирует Шэннон. — Она сейчас наказана, одной ей никуда нельзя, потому мы ее с собой и притащили. А она, соответственно, не слишком рада, что мы ее с *какими-то стариками* заставляем общаться.

Я улыбаюсь, не в силах отлепить взгляд от девочки, — гляжу, как Райли с отсутствующим видом наматывает на палец локон, как прикусывает краешек губы, вникая в появившийся на экране текст.

— За что ее наказали?

— Пыталась сбежать без спроса. — Шэннон закатывает глаза. — Мы ее застали, когда она из окна собственной спальни пыталась вылезти — *в полночь!* Лестницу из простыней сделала, как в фильмах! Хорошо хоть шею не свернула...

Я снова смеюсь, зажимаю себе рот ладонью.

— Честное слово, когда мы с Биллом стали встречаться и он рассказал, что у него дочка десяти лет, я и не сообразила, во что вляпалась, — говорит Шэннон негромко, уставившись на падчерицу. — Вот, думаю, повезло-то. Ребенок на халяву, и никаких тебе грязных подгузников, воплей посреди ночи и всего такого прочего. Такая милашка была... Просто удивительно, как все мгновенно меняется, стоит им достичь тинейджерского возраста. Не дети уже, а чудовища какие-то.

— Ненадолго. — Патрик улыбается. — Настанет день, когда от этого останутся лишь воспоминания.

— Господи, хоть бы и вправду так, — смеется Шэннон, делая глоток вина. — Он у тебя суший ангел.

Это уже в мой адрес, однако шагает она поближе к Патрику и стучит ему в грудь.

— Организовал вот это все... Ты даже не представляешь, сколько у него ушло времени, чтобы всех здесь собрать.

— Да, — соглашаюсь я. — Я его не заслуживаю.

— Повезло тебе, что ты не уволилась неделей раньше.

Шэннон легонько пихает меня в бок, и я улыбаюсь — память о нашем знакомстве за прошедшее время ничуть не стерлась. Одна из тех случайных встреч, которые обычно ничем не кончаются. Врезаешься в автобусе в чье-то выставленное плечо, бормочешь «извините» — и вы расходитесь. Одалживаешь у мужчины в баре ручку, когда в твоей паста высохла, бежишь с забытым на дне магазинной тележки бумажником за машиной, пока та не отъехала. В основном все заканчивается улыбкой и обычным «спасибо».

Но иногда такие встречи кое-что значат. Или даже не кое-что, а все.

Мы повстречались с Патриком у входа в главную больницу Батон-Ружа: он направлялся внутрь, я шла наружу. Скорее, даже ковыляла, а дно картонной коробки грозило лопнуть под весом барахла из моего кабинета. Я ведь вполне могла бы пройти мимо, поле зрения было перекрыто коробкой, так что я смотрела себе под ноги, стараясь лишь не промахнуться мимо двери. Вполне могла бы пройти мимо, если б не услышала его голос.

— Вам помочь?

— Нет-нет, — ответила я, перенося вес коробки с одной руки на другую. До автоматической двери оставалась какая-то пара шагов, а снаружи ждала с заведенным мотором моя машина. — Справлюсь.

— Давайте-ка помогу.

Я услышала за спиной торопливые шаги, почувствовала, что коробка чуть приподнялась — его рука проникла между моих.

— Бог ты мой, — выдохнул незнакомец, — да что у вас там такое?

— Большой частью книги. — Я отвела со лба вспотевшие волосы, когда он принял коробку у меня из рук. И в первый раз увидела его лицо — светлые волосы, ресницы им в цвет, зубы, над которыми в отрочестве потрудились дорогой ортодонт, после чего их, вероятно, еще и отбелили раз-другой. Бицепсы под голубой рубашкой напряглись; он поднял в воздух всю мою жизнь и опустил себе на плечо.

— Выгнали?

Моя шея дернулась в его сторону, я уже открыла рот, чтобы поставить наглеца на место, но тут он тоже на меня взглянул. Ласковые глаза, которые, кажется, сделались еще мягче, когда он взгляделся в мое лицо, рассмотрел его все сверху донизу. Он смотрел на меня словно на старого друга; зрачки метались, выискивая на моей коже знакомые черты. Потом его губы тронула понимающая улыбка.

— Шучу, шучу. — Его внимание вернулось к коробке. — Для уволенной у вас слишком счастливый вид. И потом, где охранники, которые должны вас вывести под белы ручки и вышвырнуть на панель? Оно ведь как-то так устроено?

Я улыбнулась, даже рассмеялась. Мы уже были на парковке; он поставил коробку на крышу моей машины, скрестил на груди руки и повернулся ко мне.

— Я сама уволилась, — сказала я ему, и в словах этих прозвучала такая окончательность, что я какую-то секунду была готова расплакаться. Больница Батон-Ружа — моя первая работа, первая и единственная. Шэннон, моя коллега, сделалась мне лучшей подругой. — Сегодня последний день.

— Что ж, мои поздравления. А теперь куда?

— Открываю собственную практику. Я — медицинский психолог.

Он присвистнул и заглянул в коробку на крыше. Что-то внутри привлекло его внимание; он рассеянно покачал головой, наклонился, вытащил книгу и спросил, разглядывая обложку:

— Интересуетесь убийствами?

У меня сдавило грудь, я стрельнула глазами на коробку. Сообразив вдруг, что, кроме учебников по психологии, в ней целая стопка документальных книг о преступниках: «Дьявол в Белом городе», «Без пощады», «Флорентийский монстр». В отличие от большинства я читаю их не ради удовольствия. Я по ним учусь. Я читаю их, пытаюсь понять, провести вскрытие всех тех людей, что живут, чтобы убивать; я поглощаю страницу за страницей, словно они — мои пациенты, расположившиеся на кожаной кушетке и нашептывающие мне в ухо свои тайны.

— Можно сказать и так.

— Я это не в укор, — добавил он, развернув книгу у себя в руках так, чтобы я могла увидеть название, «Полночь в саду Добра и Зла»,

после чего раскрыл ее и начал листать страницы. — Я сам эту книгу обожаю.

Я вежливо улыбнулась, не представляя, что именно следует сказать в ответ.

— Мне в самом деле пора, — произнесла я в конце концов, шагая к машине и протянув на прощание руку. — Благодарю за помощь.

— Рад был оказаться полезным, доктор...

— Дэвис, — сказала я. — Хлоя Дэвис.

— Что ж, доктор Хлоя Дэвис, если вы вновь затеете двигать коробки... — Он выудил бумажник из заднего кармана брюк, достал оттуда визитку и вложил между страницами. Захлопнув книгу, протянул ее мне. — Вы будете знать, как меня найти.

Он улыбнулся, подмигнул мне, потом развернулся и снова зашагал к зданию больницы. Когда за ним закрылись автоматические двери, я перевела взгляд на книгу у себя в руках, провела пальцами по глянцевої обложке. Там, где была заложена визитка, между страницами осталась небольшая щелка; я сунула в нее ноготь и раскрыла книгу. Опустила взгляд и с необычным ощущением в груди взглянула на имя.

Что-то подсказало мне, что Патрика Бриггса я вижу не в последний раз.

Глава 5

Извинившись перед Шэннон и Патриком, я выскользываю наружу через боковую дверь. Когда добираюсь до заднего крыльца, сжимая в руке бокал с четвертой за сегодня разновидностью напитков, у меня в голове все идет кругом. В ушах — шум от бесконечной болтовни, в мозгах — от бутылки вина, которую я успела уговорить. Снаружи пока жарко, но уже подул свежий ветерок. А вот в доме, где между стен мечется тепло разогретых алкоголем тел, было не продохнуть.

Подхожу к столику, где от разложенных на газетах груд раков, кукурузы и сосисок с картошкой почему-то до сих пор поднимается пар. Ставлю на него свой бокал, беру рака и откручиваю ему голову — на запястье мне брызжет сок.

Потом слышу за спиной какое-то движение. Шаги. И голос:

— Не бойся, это я.

Я резко поворачиваюсь. Какое-то время уходит, чтобы разглядеть в темноте фигуру. Между пальцами у нее светится вишневый кончик сигареты.

— Знаю — ты терпеть не можешь сюрпризы...

— Куп!

Уронив рака на тарелку, я шагаю навстречу брату, обвиваю руками его шею и вдыхаю знакомый запах. Никотин и мятная жвачка. Я настолько не ожидала его увидеть, что даже не обращаю внимания на шпильку насчет вечеринки.

— Привет, сестренка.

Чуть отстранившись от Купера, я вглядываюсь в его лицо. Выглядит старше, чем в нашу последнюю встречу, но для него это нормально. Купер может за какой-нибудь месяц на целый год постареть, а седины на висках и глубоких морщин на серьезном лбу и вовсе с каждым днем прибавляется. Вот только Куп из тех, кто с возрастом делается даже привлекательней. Моя соседка по комнате в университете, когда у него в щетине начала появляться проседь, стала звать его Серебряным Лисом. И я это прозвище никак из головы не выброшу. На самом-то деле оно довольно точное. Куп выглядит взрослым и изящным, но при этом спокойным и задумчивым, как

будто в свои тридцать пять лет успел познать больше, чем иным удается за всю жизнь. Я отпускаю его шею.

— Я тебя там не видела, — говорю несколько громче, чем собиралась.

— К тебе было не пробиться, — отвечает он со смехом, делает последнюю затяжку и роняет сигарету наземь, чтобы раздавить каблуком. — Ну, и каково оно, когда на тебя накидывается сразу сорок человек?

Я пожимаю плечами:

— Сойдет за репетицию свадьбы.

Его улыбка чуть кривится, но он тут же придает ей прежнюю форму. Мы оба делаем вид, будто ничего не случилось.

— А где Лорел? — спрашиваю я.

Купер сует обе руки в карманы и смотрит мне поверх плеча; взгляд его делается отдаленным. Я уже знаю, что сейчас услышу.

— Теперь неважно.

— Жалко, — говорю. — Мне она нравилась. По-моему, она хорошая.

— Ну да, — кивает он. — Хорошая. Она и мне нравилась.

Некоторое время мы молчим, прислушиваясь к гулу голосов внутри. Мы оба прекрасно понимаем, как трудно выстроить отношения после всего, через что нам довелось пройти; понимаем, что чаще всего ничего из этого не выходит.

— Ну и как ты, ждешь с нетерпением? — говорит Купер, дергая подбородком в направлении дома. — Свадьбу и все остальное?

Я смеюсь.

— *Все остальное?* Ты просто мастер выбирать слова.

— Ты знаешь, о чем я.

— Да, знаю. И да, жду с нетерпением. Лучше бы ты дал ему шанс.

Купер смотрит на меня, сощурившись. Я переступаю с ноги на ногу.

— Это ты сейчас о чем? — спрашивает он.

— О Патрике, — говорю я. — Знаю, он тебе не нравится...

— С чего ты решила?

Теперь моя очередь сощуриться.

— Давай-ка опять не начинать!

— Нравится он мне, нравится! — Купер вскидывает руки в знак капитуляции. — Только напомни, кто он там по профессии?

— Агент по продажам. Фарма.

— Да что ты говоришь? *Ферма?* — Он хмыкает. — Серьезно? А по виду не скажешь...

— Фармацевтика, — говорю я. — Через «а».

Купер смеется, извлекает из кармана пачку сигарет, сует в рот очередную. Протягивает пачку мне, я отрицательно трясую головой.

— Так больше похоже на правду, — соглашается он. — Для того, кто крутится среди фермеров, он как-то чересчур прилично одет.

— Хватит уже, Куп. — Я складываю руки на груди. — Я предупреждала тебя ровно об этом.

— По-моему, вы слишком торопитесь. — Он щелкает зажигалкой, подносит пламя к сигарете и затягивается. — Сколько вы там знакомы — пару месяцев?

— Год. Мы вместе уже целый год.

— То есть вы *год* как друг друга знаете?

— И что?

— То, что нельзя узнать человека за какой-то год. Ты с его семьей познакомилась?

— Пока нет, — вынуждена признать я. — Он с ними не слишком общается. Да будет тебе! Ты что, собрался судить о человеке по его семье? Уж кому, как не тебе, понимать, что семья — то еще дерьмо.

Купер пожимает плечами и вместо ответа делает еще затяжку. Его ханжество начинает меня раздражать. Брат всегда обладал способностью без малейших усилий залезать мне под кожу, зарываться поглубже, как скарабей, и заживо меня грызть. Хуже всего, по его виду не скажешь, что он это делает. Словно даже не понимает, насколько остро меня режут его слова, как больно колют. Мне вдруг хочется ответить ему тем же самым.

— Слушай, мне тоже очень жаль, что с Лорел у тебя ничего не вышло, да и с остальными, раз уж на то пошло, но это не дает тебе право ревновать. Попробуй разок раскрыться навстречу людям, вместо того чтобы вести себя как последний засранец, — сам удивишься, что обнаружишь.

Купер молчит, и я понимаю, что перегнула палку. Дело, вероятно, в вине. Оно делает меня чересчур прямолинейной. И чересчур

ядовитой. Купер затягивается — глубоко — и выпускает дым. Я вздыхаю.

— Я не это хотела сказать.

— Так ведь ты права, — говорит он, подходя ближе к крыльцу, и облокачивается на перила, скрестив ноги. — Тут я соглашусь. Но, Хлоя, он ведь для тебя устроил эту вечеринку-сюрприз. При том, что ты боишься темноты... Черт возьми, ты вообще всего боишься!

Я легонько постукиваю пальцами по бокалу.

— Он выключил во всем доме свет и подговорил сорок человек закричать, когда ты войдешь. Ты же до смерти перепугалась! Я видел, как ты сразу руку в сумочку сунула. И прекрасно знаю зачем.

Я молчу, в неловкости, что Куп это разглядел.

— Думаешь, устроил бы он все это, зная про твою сраную паранойю?

— Он действовал из лучших побуждений, — говорю я. — Ты и сам понимаешь.

— Не сомневаюсь, но речь-то не об этом. Он тебя не знает, Хлоя. А ты — его.

— Все он знает, — говорю я резко. — Он меня знает. Просто не хочет, чтобы я постоянно пугалась собственной тени. И я ему за это благодарна. Так правильной.

Купер вздыхает, одной затяжкой приканчивает сигарету и выбрасывает окурочек через перила.

— Все, что я хочу сказать, Хлоя, — мы с тобой другие. Не такие, как они все. Нам через то еще дерьмо довелось пройти...

Он машет рукой в сторону дома, я оборачиваюсь и вглядываюсь в собравшихся внутри. Друзья, фактически ставшие мне семьей, смеются и болтают между собой, в высшей степени беззаботные — и тут я вместо любви к ним, которую чувствовала всего несколько минут назад, ощущаю внутри себя пустоту. Купер прав. Мы — другие.

— Он хоть знает? — спрашивает брат очень тихо. И мягко.

Я снова поворачиваюсь, готовая испепелить взглядом его темный силуэт. Но вместо ответа лишь прикусываю изнутри щеку.

— Хлоя?

— Да, — отвечаю я наконец. — Конечно, он все знает, Купер. Конечно, я ему рассказала.

— Что ты ему рассказала?

— Все, понятно тебе? Я рассказала все.

Он кидает быстрый взгляд в сторону дома, откуда доносятся приглушенные звуки продолжающейся уже без нас вечеринки, а я опять молчу. Прикушенная щека болит; кажется, я чувствую вкус крови.

— Да что между вами за кошка пробежала? — говорю наконец напрочь лишенным жизни голосом. — Что случилось?

— Ничего не случилось. Не знаю, как сказать... Если ты — та, кто ты есть, да еще наша семья... Я надеюсь, что он рядом с тобой по правильной причине, вот и все.

— *По правильной причине?* — перебиваю я его громче, чем самой хотелось. — Это что еще за херня такая?

— Хлоя, успокойся!

— Нет! — возражаю я. — Не буду я успокаиваться! Ты мне сейчас хочешь сказать, что *просто* полюбить меня он не мог? *Просто* полюбить такой кусок дерьма, как я? *Ущербную Хлою?*

— Да ладно тебе, — говорит Купер, — давай без этих своих драм.

— Это никакая не моя драма, — отвечаю я, — это я *тебя* прошу прекратить быть эгоистом. Прошу дать ему шанс.

— Хлоя...

— Я хочу видеть тебя на свадьбе, — перебиваю я. — Честное слово, хочу. Но она состоится, придешь ты туда или нет. А если хочешь заставить меня выбирать...

Слышу, как за спиной отодвигается скользящая дверь, резко оборачиваюсь, и мой взгляд останавливается на Патрике. Он улыбается мне, хотя я прекрасно вижу, что его глаза мечутся между мной и Купером, а на губах застыл невысказанный вопрос. Сколько он простоял там, за стеклянной дверью? И сколько успел расслышать?

— Все в порядке? — спрашивает Патрик, подходя ближе. Его рука ложится мне на талию, и я чувствую, как он подтягивает меня поближе к себе — и подальше от Купера.

— Да, — отвечаю я, стараясь собрать волю в кулак и успокоиться. — Да, у нас все в норме.

— Купер, — говорит Патрик, протягивая ему навстречу другую руку. — Здорово, дружище.

Брат улыбается и отвечает моему жениху крепким рукопожатием.

— Кстати, я тебя даже толком поблагодарить не успел. Спасибо тебе за помощь!

Я смотрю на Патрика и чувствую, как кожа на его лбу собирается в складки.

— За какую еще помощь? — спрашиваю.

— С этим вот всем, — Патрик улыбается. — С вечеринкой. Он тебе не рассказал?

Я перевожу взгляд на брата, а в сознании у меня огнем пылают слова, которые я ему сказала. У меня сжимается сердце.

— Нет, — говорю я, все еще глядя на Купера. — Он мне ничего не рассказал.

— Ну да, — продолжает Патрик. — Этот парень — просто спаситель какой-то. Без него ничего не вышло бы.

— Да ерунда, — бормочет Купер, глядя себе под ноги. — Рад был помочь.

— Никакая не ерунда, — возражает Патрик. — Он сюда раньше всех приехал, чтобы раков отварить. Не один час провозился, пока приправу подобрал.

— Почему ты мне не сказал? — спрашиваю я.

Купер неловко пожимает плечами:

— Говорю же, ничего особенного.

— В любом случае пора обратно в дом, — говорит Патрик и тянет меня за собой. — Там есть пара человек, с которыми я хочу тебя познакомить.

— Еще пять минут, — говорю ему я, чуть упираясь, чтобы остаться на месте. Я не могу ни распрощаться с братом подобным образом, ни попросить прощения в присутствии Патрика, открыв тем самым, что за разговор у нас был до его прихода. — Я тебя догоню.

Патрик смотрит на меня, потом на Купера. Чувство такое, что он собирается возразить, даже чуть приоткрывает рот, но вместо этого лишь снова улыбается и сжимает мое плечо.

— Договорились, — отвечает он и машет брату рукой на прощание. — Пять минут.

Стеклянная дверь закрывается, я дожидаюсь, пока Патрик исчезнет из виду, и снова поворачиваюсь к брату.

— Купер, — произношу в конце концов, опуская руки. — Прости меня. Я же не знала.

— Все в порядке, — отвечает он. — Честное слово.

— Ничего не в порядке. Мог бы и сказать что-нибудь. А я еще, как последняя сучка, эгоистом тебя обозвала...

— Все в порядке, — повторяет он, отталкивается от перил, подходит ко мне вплотную и заключает в объятия. — Я для тебя что угодно сделаю, Хло. Ты и сама это знаешь. Ты ведь моя сестренка.

Вздыхнув, я тоже обвиваю его руками, позволяя чувству вины и гневу растаять и осыпаться прочь. Для нас с Купером все это — обычное дело. Мы орем друг на друга, ссоримся, можем месяцами не разговаривать — но когда все кончается, снова чувствуем себя детьми, которые бегают босиком на заднем дворе, когда включена поливалка, строят в подвале крепости из коробок, могут часами болтать между собой, даже не замечая, как окружающие куда-то исчезают... Кажется, иногда я склонна винить Купера в том, что он заставляет меня вспомнить саму себя: кем раньше была я, кем — мои родители. Самим своим существованием он напоминает: имидж, который я демонстрирую окружающему миру, — вовсе не реальность, а искусно созданная маска. Стоит сделать один неверный шаг — и он рассыплется на мелкие кусочки, открыв истинную меня.

У нас непростые отношения, но мы — одна семья. Другой у нас нет.

— Я люблю тебя, — говорю я ему, сжимая покрепче. — И вижу, что ты стараешься.

— Я стараюсь, — подтверждает Купер. — Просто хочу тебя защитить.

— Я знаю.

— Хочу, чтобы у тебя все было замечательно.

— Я знаю.

— Наверное, я просто привык быть тем самым мужчиной в твоей жизни. Единственным, кто о тебе заботится. Теперь ответственность уходит к кому-то еще. А я не хочу ее отдавать.

Я улыбаюсь и крепко зажмуриваюсь, чтобы не дать ускользнуть слезинке.

— У тебя, оказывается, и сердце есть?

— Брось, Хло, — шепчет он. — Я серьезно.

— Я знаю, — снова повторяю я. — Знаю, что серьезно. У меня все будет хорошо.

Некоторое время мы молча стоим, обнявшись, а собравшиеся в мою честь гости, похоже, совершенно забыли, что меня уже бог знает сколько времени с ними нет. Сжимая брата в объятиях, я вдруг вспоминаю про тот телефонный звонок — от Аарона Дженсена. «*Нью-Йорк таймс*».

«Но вы-то изменились, — сказал репортер. — Вы и ваш брат. Читатели будут рады узнать, как у вас дела — как вы справились».

— Эй, Куп, — говорю я, поднимая голову. — Можно тебя кое о чем спросить?

— Валяй.

— Тебе сегодня никто не звонил?

Он озадаченно на меня смотрит.

— В каком смысле — никто?

Я не уверена, хочу ли продолжать.

— Хлоя, — говорит Купер, чувствуя, что я пытаюсь отстраниться, и крепче берет меня за руки. — Ты сейчас про какой звонок?

Я набираю воздуха, чтобы ответить, но брат меня опережает.

— А ты знаешь, мне и в самом деле звонили. От мамы. Оставили сообщение, а я про него совсем забыл... Тебе тоже звонили?

Я выдыхаю и торопливо киваю.

— Да, — вру не краснея. — Я тоже тот звонок пропустила.

— Нам как раз пора было ее навестить, — говорит он. — Сейчас моя очередь. Извини, что задержался.

— Ничего страшного, — говорю я. — Хочешь, я съезжу, раз ты занят?

— Нет. — Он качает головой. — У тебя и так сейчас забот полно. Съезжу в эти выходные, обещаю. Больше ничего спросить не хотела?

Мои мысли возвращаются к Аарону Дженсену и к нашей беседе по моему телефону в офисе — не то чтобы ее можно было назвать беседой. *Двадцать лет*. Наверное, мне следует рассказать об этом брату — что «*Нью-Йорк таймс*» затеяла ворошить наше прошлое. Что этот Аарон Дженсен пишет статью про нашего отца и про нас. Потом я понимаю: если у Аарона есть контакты Купера, он ему уже позвонил бы. Он сам сказал, что целый день пытался до меня дозвониться. Раз уж до меня не смог, разве не переключился бы на брата? На другого ребенка Дэвисов? Нет; если он до сих пор не добрался до Купа, значит, не смог раздобыть его номер, его адрес, вообще ничего.

— Да, — говорю я, — больше ничего.

Не стоит его этим грузить. В самом лучшем случае новости о том, что репортер из «Таймс» звонил мне на работу, чтобы накопать грязи на нашу семью, расстроят его настолько, что он за один час скурит всю пачку сигарет из заднего кармана. В худшем — Куп сам ему позвонит, чтобы послать на хер. Тогда у Дженсена действительно появится его номер, и мы оба влипнем по уши.

— Слушай, там тебя твой женишок заждался, — говорит Купер, хлопнув меня пару раз по спине. Обойдя меня сбоку, он направляется к ступенькам, ведущим на задний двор. — Давай-ка внутрь.

— А ты не зайдешь? — уточняю я, хотя уже знаю ответ.

— На сегодняшний вечер вращения в обществе мне достаточно. До свиданья, аллигатор.

Я улыбаюсь, снова беру со стола свой бокал и поднимаю к подбородку. Детская прибаутка, слетающая с уст моего брата, мужчины почти что уже средних лет, никогда не делается банальностью — она звучит почти диссонансом, юношеский голосок, переносящий меня на два десятка лет назад, когда жизнь была проще, веселей и свободней. И в то же самое время она совершенно уместна, поскольку двадцать лет назад наш мир перестал вращаться. Мы застряли в том времени, навеки юные. Как и те девочки.

Допив вино, я машу рукой в его сторону. Мрак уже поглотил его, но я знаю, что он еще там. И ждет.

— Заходи, крокодил, — шепчу я, вглядываясь в тени.

Тишину нарушает хруст листьев под ногами, и несколько мгновений спустя я понимаю, что Купер ушел.

Июнь 2019 года

Глава 6

Я открываю глаза. Голова гудит от ритмичных ударов, словно толпа дикарей лупит в барабаны, комната чуть ли не ходуном ходит. Перекатившись на другой бок, я смотрю на будильник. Десять сорок пять. Как я умудрилась спать так долго?

Усевшись в постели, принимаюсь тереть виски, щурясь от яркого света. Когда я только сюда въехала — когда это была еще *моя* спальня, а не *наша*, дом, а не *гнездышко*, — мне хотелось, чтобы все вокруг было белым. Стены, ковер, простыни, занавески. Белизна означает чистоту, покой, безопасность.

Однако сейчас белизна значит яркость. Слишком яркую яркость. От льняных штор, висящих поверх огромных окон — от пола до потолка, — толку, как я теперь понимаю, ни малейшего, поскольку они не в состоянии сдержать ослепительное солнце, лупящее мне прямо по подушке. Я испускаю стон.

— Патрик! — кричу, наклоняясь к прикроватной тумбочке, чтобы достать пузырек ибупрофена. На мраморной подставке стоит стакан с водой — и появился он здесь совсем недавно. Лед еще не растаял, кубики торчат над поверхностью, словно буйки в штиль. Холодный пот, проступающий на стенках стакана, собирается под ним в лужицу. — Патрик, что ж мне так плохо-то?

Мой жених, который как раз входит сейчас в спальню, негромко усмехается. В руках у него поднос с оладьями и диетическим индюшачьим беконом, и я немедленно озадачиваюсь вопросом, чем таким я заслужила, чтобы мне приносили завтрак в постель. Не хватает разве что вазочки со свежесорванным полевым цветком, чтобы все вместе сделалось сценой из семейного кинофильма — это если оставить за скобками мое дикое похмелье...

«Может, это карма, — думаю я. — Семья у меня была дерьмовая, зато муж достанется идеальный».

— После двух бутылок вина так оно и бывает, — говорит Патрик и целует меня в лоб. — Особенно если те бутылки в процессе постоянно меняются.

— Мне просто давали один бокал за другим, — говорю я, выбрав кусочек бекона и вгрызаясь в него. — Я даже не знаю, что именно пила.

И тут вспоминаю про «Ксанакс». Про маленькую белую таблетку, которую проглотила за какие-то несколько минут до того, как мне начали вручать бокалы. Неудивительно, что мне так хреново; неудивительно и то, что вчерашний вечер кажется слегка размытым по краям, словно я сейчас пересматриваю события сквозь матовое доньшко стакана. Щеки вспыхивают от стыда, но Патрик ничего не замечает. Просто смеется и гладит меня по спутанным волосам. Его прическа, в отличие от моей, в идеальном состоянии. Я осознаю, что он успел принять душ, его лицо выбрито, светло-песочные волосы смазаны гелем и расчесаны на идеально тонкий пробор. От него пахнет средством после бритья и одеколоном.

— Ты куда-то собрался?

— В Новый Орлеан. — Он морщит лоб. — Помнишь, я тебе говорил на прошлой неделе? Про конференцию?

— А, точно. — Я трясую головой, хотя ничего такого не припоминаю. — Извини, башка до сих пор мутная. Только... сегодня же суббота. Она что, на выходных будет? Ты ведь только что вернулся домой...

До знакомства с Патриком я мало что знала о фармацевтических продажах. По большому счету только про деньги, или, если точнее, что в этой профессии они немаленькие. Во всяком случае, в перспективе, если хорошо справляться. Теперь-то мне известно куда больше, в частности, что работа эта сопряжена с постоянными разъездами. За Патриком закреплена добрая половина Луизианы и часть Миссисипи, так что на неделе он буквально не вылезает из машины. Встает рано, ложится поздно, уйму времени проводит в пути от больницы к больнице. И конференций тоже множество: тренинги по продажам и ассортименту, интернет-маркетинг медицинского оборудования, семинары по перспективным направлениям фармацевтики. Я знаю, что он все это время скучает по мне, но знаю также, что ему все это нравится — вино и обеды, роскошные отели, треп с врачами... И в своем деле он очень успешен.

— Вечером все собираются в отеле, чтобы перезнакомиться, — медленно произносит Патрик. — Завтра — турнир по гольфу, а в

понедельник начнется сама конференция. Ты все забыла?

Мое сердце пропускает удар. «Да, — думаю я. — Да, я все забыла». Но я лишь улыбаюсь, отпихиваю в сторону тарелку с завтраком и обвиваю руками его шею.

— Прости, уже припоминаю... Просто, кажется, не протрезвела еще.

Патрик, как я и ожидала, смеется и ерошит мне волосы, будто я дошкольник на матче в детский бейсбол и настала моя очередь подавать.

— Неплохо вчера повеселились, — говорю я, чтобы сменить тему. Кладу голову ему на колени и закрываю глаза. — Спасибо тебе за все.

— Конечно, неплохо, — соглашается он, рисуя кончиком пальца у меня на голове различные фигуры. Кружок, квадратик, сердечко. Потом на минуту умолкает — молчанием того сорта, которое тяжело повисает в воздухе — и наконец спрашивает: — О чем ты там вчера с братом разговаривала? Ну, снаружи.

— Ты про какой разговор?

— Ты прекрасно знаешь, про какой. Тот, который я прервал.

— А, вот ты о чем, — говорю я и чувствую, что веки опять наливаются тяжестью. — Купер в своем репертуаре. Ничего особенного.

— О чем бы вы там ни говорили, выглядело все... не слишком мирно.

— Он беспокоится, что ты женишься на мне *по неправильной причине*, — говорю я, обозначая пальцами кавычки в знак, что цитирую. — Такой уж мой брат. Стремится меня защитить.

— Он так и сказал?

Патрик убирает руку с моей головы; я чувствую, как он напрягся, и жалею, что эти слова не застряли у меня в глотке. А все из-за вина, которое до сих пор шумит в крови и заставляет мысли расплескиваться, словно содержимое переполненного бокала, оставляя повсюду пятна...

— Забудь, — говорю, открывая глаза. Я ожидала, что Патрик смотрит на меня сейчас сверху вниз, но нет — он уставился невидящим взглядом куда-то вдаль. — Купер полюбит тебя не меньше моего, я точно знаю. Он старается.

— Он хоть объяснил, откуда у него такие мысли?

— Патрик, ну что ты, в самом деле? — Я усаживаюсь на постели. — Купер меня защищает. И всегда так делал, с самого детства. Сам знаешь, что у нас за прошлое. Он вроде как ото всех вокруг ждет подлянки. В этом мы с ним похожи.

— Да, — произносит Патрик, все еще стеклянно глядя вдаль. — Да, понимаю.

— И я-то знаю, что ты женишься на мне по самым правильным причинам, — говорю я и кладу ладонь ему на щеку. Он чуть отдергивается, словно мое прикосновение вывело его из транса. — Включая накачанную пилатесом попку и мою оргазмическую курятину под винным соусом.

Он наконец оборачивается на меня, не в силах сдержать улыбки, потом раздражается хохотом. Накрыв мою ладонь своей, сжимает мне пальцы, потом встает.

— Не вздумай работать все выходные, — говорит Патрик, разглаживая складки на отутюженных брюках. — И дома не сиди. Развлекайся.

Картинно закатив глаза, я подхватываю очередной ломтик бекона и, сложив его вдвое, целиком запихиваю в рот.

— Или займись подготовкой к свадьбе, — продолжает он. — Дальше откладывать некуда.

— Еще целый месяц, — с ухмылкой отвечаю я.

То обстоятельство, что свадьба намечена на июль, тот самый месяц, когда двадцать лет назад начали пропадать девочки, от меня не укрылось. Мысль об этом посетила меня в тот самый миг, когда мы прошли сквозь ворота «Кипарисового ранчо». К усадьбе вела великолепная мощеная дорожка, с дубов по обе ее стороны все еще капало после дождя, выкрашенные в белый цвет стулья были идеально ровно расставлены между четырьмя белыми колоннами здания. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались нетронутые пастбища. Помню, как мой взгляд остановился на перестроенном для празднеств амбаре на краю участка; его деревянные столбы были увиты гирляндами огоньков, зеленью и цветами магнолии сливочного оттенка. В загоне за белым заборчиком щипали траву лошади; безупречность изумрудной равнины нарушала разве что речка вдали — она вилась вдоль самого горизонта, словно набухшая вена на руке.

— То, что надо, — произнес Патрик, крепко сжимая мою ладонь. — Согласись, Хлоя, — ровно то, что надо.

Я улыбнулась и кивнула ему. Действительно, то, что надо, вот только окружающие просторы сразу же напомнили мне дом. Перемазанного грязью отца, когда он появлялся из-за деревьев с лопатой на плече. Болота, окружавшие наш участок подобно крепостному рву — внутрь никто не попадет, но и самим наружу не выбраться. Я бросила взгляд на усадьбу и попыталась представить, как выхожу в своем свадебном платье на огромное крыльцо, а потом спускаюсь по ступеням навстречу Патрику. Внимание мое привлекло какое-то легкое движение, и я пригляделась. На крыльце развалилась в кресле-качалке девочка-подросток, ее вытянутые ноги в коричневых ездовых сапогах легонько упирались в одну из колонн, лениво покачивая кресло. Поймав мой взгляд, она уселась прямо,правила платье и положила ногу на ногу.

— Моя внучка, — объяснила стоявшая рядом женщина. Оторвав взгляд от девочки, я глянула в ее сторону. — Этот дом принадлежит нашей семье уже не одно поколение. А ей нравится забегать сюда после школы. Она любит на крыльце делать уроки.

— Всяко лучше, чем в библиотеке, — улыбнулся Патрик и помахал девочке рукой. Та смутилась, чуть опустила голову, но все же помахала в ответ. Патрик снова обернулся к женщине. — Нам все подходит. Когда у вас есть свободная дата?

— Сейчас посмотрим, — ответила она, глядя в свой планшет. Ей пришлось повернуть его раз-другой, пока экран не занял правильное положение. — Этот год у нас почти весь зарезервирован. Вы, надо сказать, несколько припозднились.

— А мы только что обручились, — сказала я, вертя на пальце новообретенное бриллиантовое кольцо, что уже стало входить у меня в привычку. Подаренное Патриком кольцо было фамильной реликвией: еще викторианское, оставшееся от прапрабабушки. Заметно потертое, но это делало его даже более ценным — такую старину не подделать. Овальный камень в центре, окруженный венком из круглых алмазов поменьше, само кольцо из светлого, чуть дымчатого золота 585-й пробы, и царапины на нем — свидетельства долгих лет семейной истории. — И не хотим чувствовать себя одной из тех парочек, что способны ждать годами, оттягивая неизбежное.

— Это точно, годы берут свое, — добавил Патрик. — Счетчик тикает.

Он легонько хлопнул меня по животу, и женщина, водившая пальцами по экрану, перелистывая страницы, понимающе усмехнулась. Я попыталась не покраснеть.

— Как я уже сказала, все выходные на этот год зарезервированы. Если хотите, можно попробовать следующий.

Патрик покачал головой.

— Все до единого? Невероятно. Как насчет пятниц?

— Большой частью тоже зарезервированы под репетиции, — ответила женщина. — Но, похоже, одна все-таки осталась. Двадцать шестое июля.

Патрик бросил в мою сторону вопросительный взгляд.

— Ну что, в первом приближении годится?

Я знала, что он просто шутит, но при одном лишь упоминании *июля* сердце бешено заколотилось.

— Июль в Луизиане, — протянула я, стараясь справиться с лицом. — Наши гости не расплавятся? Особенно когда снаружи?

— Мы можем установить наружные кондиционеры, — сказала женщина. — Навесы, вентиляторы, все, что пожелаете.

— Даже не знаю, — ответила я. — И мошкары в это время полно...

— Мы каждый год все вокруг опрыскиваем, — заверила женщина. — Гарантирую, с насекомыми никаких проблем не будет. Летом мы только и делаем, что свадьбы проводим.

В этот момент я обнаружила, что Патрик вопросительно смотрит на меня, буравя глазами мой висок, словно при достаточном усилии смог бы размотать путаницу ворочающихся внутри мыслей. Но я не пожелала повернуться и встретиться с ним взглядом. Не пожелала согласиться с иррациональностью причины, по которой одно лишь упоминание июля превращает мою обычную нервозность в подобие мании, в прогрессирующую болезнь, что усиливается с началом каждого лета. Не пожелала признать, что в желудке нарастает чувство тошноты, что кислый запах навоза вдалеке смешивается со сладким ароматом магнолий, что жужжание мух вдруг сделалось оглушительным — мух, которые кружат где-то поблизости над чем-то мертвым...

— Хорошо. — Я кивнула и снова бросила взгляд на крыльцо; только девочки там уже не было, лишь пустое кресло медленно раскачивалось на ветру. — Июль так июль.

Глава 7

Я провожаю глазами машину Патрика, сдающую задом от дома, он мигает на прощание фарами и машет мне рукой сквозь ветровое стекло. Я машу ему в ответ. На мне плотно запахнутый на груди шелковый халатик, в руке — исходящая паром чашка с кофе.

Вернувшись внутрь и закрыв за собой дверь, я окидываю взглядом внутренность дома. На всевозможных поверхностях торчат оставшиеся со вчерашнего дня стаканы, корзина для вторсырья на кухне забита пустыми винными бутылками, вокруг липких горлышек вьются свежевывулупившиеся мухи. Я принимаюсь за уборку — соскребаю с тарелок остатки еды и составляю их в огромную пустую раковину, стараясь не обращать внимания на грызущую мозг головную боль от вчерашней смеси таблеток и вина.

Вспоминаю о пузырьке у меня в машине: выписанный мной Патрику «Ксанакс», который ему не нужен и о котором он даже не подозревает. Потом — о ящике стола у меня в кабинете, набитом всевозможными болеутоляющими, наверняка способными заглушить пульсацию внутри черепа. Знать, что они там есть, соблазнительно. Какая-то часть меня желает немедленно прыгнуть в машину и помчаться в офис, а там — протянуть руку и сделать выбор. А после того свернуться на предназначенной для пациентов кушетке и снова заснуть.

Вместо этого я отпиваю немного кофе.

Я выбрала свою работу вовсе не ради легкого доступа к таблеткам, не говоря уже о том, что Луизиана — лишь один из трех штатов, где психологи могут выписывать лекарства собственным пациентам. Только здесь, в Иллинойсе и Нью-Мексико; в остальных местах нам обычно нужно обращаться за рецептом к терапевту или психиатру, который направил к нам больных. А вот здесь не так. Здесь мы и сами можем выписать. Здесь больше никого привлечь не нужно. Я еще не решила, удачное это совпадение или же крайне опасное. Но, повторюсь, причина выбора профессии не в этом. Я вовсе не для того стала психологом, чтобы воспользоваться дыркой в законодательстве; чтобы можно было не обращаться к дилерам, а

спокойно подъехать прямо к окошку аптеки; чтобы получить искомое не в пластиковом пакете, а в бумажном мешке с логотипом вместе с кассовым чеком и скидочными купонами на зубную пасту и обезжиренное молоко. Я стала психологом ради того, чтобы помогать людям, — это опять клише, и опять правда. Я стала психологом, поскольку понимаю, что такое душевная травма — таким пониманием, которому ни в каком университете не научат. Я осознаю, сколь фундаментальным образом мозг может испоганить любые прочие телесные проявления, сколь серьезные искажения во все вокруг могут вносить эмоции — причем такие, о существовании которых ты и не подозреваешь. Понимаю, как эмоции не дают тебе ясно видеть, ясно соображать, поступать ясным образом. Как они могут причинять боль всему твоему телу, с головы до кончиков пальцев, тупую, пульсирующую, непрерывную боль, от которой невозможно избавиться.

В подростковом возрасте я повидала множество докторов — бесконечную череду терапевтов, психиатров и психологов, — и каждый задавал одни и те же стандартные вопросы в попытках излечить непрерывно переключающийся внутри моей психики калейдоскоп расстройств. По нам с Купером можно было тогда учебники писать — я служила бы образцом для описания панических атак, ипохондрии, бессонницы и боязни темноты, причем список с каждым годом лишь пополнялся. Купер же, напротив, замкнулся в себе. Я переживала слишком много, он — почти ничего. От громкой активной личности остался лишь тихий шепот.

Вдвоем мы служили образцом детской травмы, которую, завернув в пеленки, подкладывали на порог каждому специалисту в Луизиане. Любой из них знал про нас, любой знал, что с нами не так. Любой знал, но никто не мог исправить. Потому я и решила взяться за дело самостоятельно...

Проковыляв через гостиную, плюхаюсь на диван, да так, что расплескиваю кофе. Слизываю потеки с края кружки. Слышится негромкий бубнеж утреннего выпуска новостей на канале, который обычно смотрит Патрик; я берусь за свой ноутбук и принимаюсь давить на клавишу, пробуждая его от глубокого оцепенения. Открываю почту, пролистываю личные сообщения, большей частью по поводу предстоящей свадьбы.

Всего два месяца, Хлоя! Давай уже определимся насчет свадебного торта. Что у нас будет сверху: карамельное покрытие или лимонный крем?

Привет, Хлоя! Цветочной лавке нужно подтверждение по количеству столов. Мне сказать им, чтобы выставили счет на двадцать букетов, или десяти хватит?

Несколько месяцев тому назад я бы все уточнила у Патрика. Самая мельчайшая из подробностей требовала решения, принятого нами обоими вместе. Но постепенно маленькая, почти интимная свадьба, которую я себе представляла — церемония на открытом воздухе и совместное празднование с самыми близкими друзьями, единственный длинный и узкий стол, мы с Патриком сидим во главе и наслаждаемся своими любимыми блюдами, перемежая их розовым шампанским и взрывами чистосердечного смеха, — превратилась в нечто совсем иное. В экзотическое животное, которое никто из нас не знал как приручить. И оно требовало непрерывно принимать решения, отвечать на бесконечные имейлы насчет совершенно тривиальных подробностей. Патрик ожидал, что практически все вердикты я буду выносить самостоятельно — вероятно, это казалось ему правильным, учитывая закрепившуюся за невестами репутацию потребности в абсолютном контроле. Вот только груз ответственности, целиком навалившейся на мои плечи, вверг меня в даже более глубокий, чем обычно, стресс. Патрик же твердо настаивал лишь на том, что терпеть не может торт из бэзе и не желает приглашать родителей, причем оба эти его требования меня совершенно устраивали.

Никогда не признаюсь в этом Патрику, но я жду не дождусь, когда все закончится. Вот это вот все. Я мысленно произношу «спасибо» за то, что обручение и свадьба не затянулись слишком уж надолго, и начинаю отстукивать ответы.

Спасибо, карамель — самое то!

Может, сойдемся на среднем? 15?

Еще несколько имейлов; наконец я дохожу до сообщения от распорядительницы церемонии — и застываю над ним.

Хлоя, здравствуйте! Извините за настойчивость, но нам нужно зафиксировать все подробности, чтобы я могла перейти к схеме, по которой рассаживать гостей. Вы уже решили, кто поведет вас навстречу жениху? Когда будет возможность, сообщите мне, пожалуйста.

Курсор завис над кнопкой «Удалить», но тут я слышу рядом с собой назойливый голос психолога — свой собственный голос.

Классический прием, Хлоя, — избегать решения. Ты прекрасно знаешь, что проблему он не устраняет, лишь откладывает на потом.

Отреагировав на внутренний совет картинным закатыванием глаз, я принимаюсь барабанить по клавиатуре. И вообще, идея того, что отдавать дочь жениху должен отец, настолько несовременна! При одной мысли, что меня кому-то *отдадут*, мой желудок проваливается куда-то в пятки; можно подумать, я — вещь, доставшаяся на аукционе тому, кто дал наилучшую цену. Они бы еще институт приданого возродили!

Я сразу же думаю о Купере — с двенадцати лет он был мне полным заменителем отца. Представляю себе, как он, сжимая мою руку, увлекает меня между гостями...

Потом вспоминаю вчерашние слова Купера. Неодобрение в его глазах, в его тоне.

Он тебя не знает, Хлоя. А ты — его.

Захлопнув компьютер, я отталкиваю его от себя вдоль дивана и бросаю взгляд на все это время негромко работавший телевизор. Внизу экрана сияет ярко-красная полоса: «СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ». Я протягиваю руку к пульту и добавляю громкости.

«Полиция еще раз обращается за помощью к свидетелям, способным пролить свет на обстоятельства исчезновения Обри Гравино, пятнадцатилетней школьницы из Батон-Ружа, Луизиана. Об исчезновении Обри заявили три дня назад ее родители. В последний

раз ее видели днем в среду, она в одиночестве возвращалась из школы через «Кипарисовое кладбище»».

На экране появляется фото Обри, и я вздрагиваю. Когда я училась в средней школе, мне казалось, что пятнадцать — это ужасно много. Это про совсем больших, взрослых. Я могла лишь мечтать обо всем том, что смогу делать, когда мне самой исполнится пятнадцать, — но в последующие годы мне пришлось осознать, какой это еще до боли юный возраст. Какая *она* еще юная, какие были они все... Обри кажется мне смутно знакомой — надо полагать, она напоминает мне всех остальных школьниц, которых я вижу на кушетке у себя в кабинете: худоба, свойственная лишь подростковому метаболизму, подведенные черным карандашом глаза, волосы, еще не знавшие краски, завивки и прочих малополезных вещей, которым по мере взросления подвергают себя женщины в попытках выглядеть помоложе. Я заставляю себя не думать о том, как она, вероятно, выглядит сейчас: бледная, неподвижная, холодная. Смерть делает людей старше, кожа становится серой, глаза тускнеют. Нельзя умирать в таком возрасте. Это противоестественно.

Обри на экране сменяется новым изображением: Батон-Руж, вид сверху. Взгляд немедленно устремляется туда, где находятся мой дом и офис: ближе к центру, рядом с Миссисипи. Поверх «Кипарисового кладбища», места, где Обри видели в последний раз, зажигается красная точка.

«Поисковые партии сейчас прочесывают кладбище, хотя родители Обри не теряют надежды, что их дочь жива».

Карта исчезает, начинается видеоизображение — мужчина и женщина, оба среднего возраста и с явными следами сильного недосыпания, стоят на возвышении в зале для прессы. Согласно подписи внизу экрана, это родители Обри. Мужчина, чуть в сторонке, молчит, а женщина, мать, умоляюще обращается к камере.

— Обри, деточка, — говорит она, — где бы ты сейчас ни была, знай — мы тебя ищем. Мы ищем, и мы тебя найдем.

Мужчина шмыгает, вытирает глаза рукавом, а губу под носом — тыльной стороной ладони. Погладив его по руке, она продолжает:

— Если Обри сейчас у вас или вы что-то знаете о ее местонахождении, умоляю вас — откликнитесь. Мы хотим, чтобы наша дочь вернулась домой.

Мужчина начинает рыдать, слышны тяжкие всхлипы. Женщина шагает вперед, не отрывая глаз от камеры. Как мне уже известно, в полиции настаивают именно на такой тактике. Смотреть в камеру. Говорить в камеру. Говорить *с ним*.

— Мы хотим, чтобы наша деточка вернулась домой.

Глава 8

Лина Родс была первой из девочек. Самой первой. С которой все началось.

Я ее прекрасно помню, и вовсе не так, как большинство вспоминают о безвременно ушедших юных женщинах. Как малознакомые соученики сочиняют якобы имевшие место события, как бывшие подруги постят в «Фейсбуке»^[2] старые фото, копаются в приключившихся хохмах и совместных воспоминаниях, при этом тщательно скрывая, что уже не один год как перестали общаться.

Бро-Бридж помнит Лину исключительно по фотографии, выбранной для плаката с надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», словно это запечатленное во времени мгновение было для нее единственным в жизни. Единственным, которое что-либо значило. Никогда не смогу понять, как семейству удастся выбрать одно-единственное фото, заключающее в себе целую жизнь, целую личность. Слишком это должно быть страшно — задача одновременно очень важная и совершенно невыполнимая. Выбирая фото, ты выбираешь для нее то единственное мгновение, которое запомнит мир, — лишь это мгновение, и ничего больше.

Но я-то помню Лину. И вовсе не поверхностно, а по-настоящему. Помню разные ее моменты, хорошие и дурные. Помню ее достоинства и недостатки. Помню, какой она была на самом деле.

А была она громкой, вульгарной и ругалась так, как я от собственного отца слышала лишь однажды, когда тот в мастерской случайно отсек себе топором кончик пальца. Причем грязь, которой у нее был полон рот, совершенно не вязалась с внешностью, и это особенно завораживало. Лина была высокой и худой, с непропорционально большой для мальчишеской пятнадцатилетней фигуры грудью. Открытая, энергичная, соломенные волосы заплетены в две косы. Когда она шла по улице, на нее оглядывались, и она это знала; чужое внимание словно наполняло ее воздухом — а меня, наоборот, заставляло сдуться, — и под направленными на нее взглядами она как бы делалась ярче и выше ростом.

Мальчикам она нравилась. Мне — тоже. Мало того, я ей завидовала. Лине завидовали все девочки в Бро-Бридже — до того жуткого утра вторника, когда ее лицо появилось в телевизоре.

И все же одно мгновение выделяется из всех прочих. Одно мгновение из жизни Лины. Мгновение, которое мне никогда не забыть, сколько ни старайся.

В конце концов, именно из-за него отец отправился в тюрьму.

* * *

Выключив телевизор, я некоторое время смотрю на свое отражение в мертвом экране. Все эти пресс-конференции одинаковы. Уж я-то их насмотрелась.

Ими всегда заправляет мать. Мать держит эмоции под контролем. Мать говорит ровно и размеренно, а отец маячит на заднем плане, не в силах поднять голову, чтобы тот, кто похитил его дочь, успел заглянуть ему в глаза. Общество склонно предполагать, что все должно быть наоборот, что мужчина сохраняет контроль над собой, пока женщина беззвучно плачет, но это не так. И я знаю почему.

Потому что мужчины думают в прошедшем времени — меня научил этому Бро-Бридж. Научили отцы шести пропавших девочек. Они исполнены стыда и думают о том, что именно *сделали не так*. Им, мужчинам, положено быть защитниками. Они должны были обеспечить безопасность своих дочерей — и не сумели. Матери, напротив, думают в настоящем времени, они разрабатывают план действий. Они не могут позволить себе думать о прошлом, поскольку прошлое уже не имеет значения и лишь отвлекает. Это напрасная трата времени. Думать о будущем они тоже не могут — будущее слишком страшно, слишком болезненно; если позволить сознанию туда забрести, есть риск, что оно не вернется обратно. Риск сломаться.

Вместо всего этого они живут сегодняшним днем. И думают о том, что можно сделать сегодня, чтобы завтра их ребенок вернулся домой.

Берт Родс, тот раскис напрочь. До того дня я никогда не видела, чтобы мужчины так рыдали, сотрясаясь всем телом с каждым из мучительных всхлипов. Прежде-то он выглядел довольно

привлекательно: эдакий характерный для рабочего класса жизнерадостный типаж, бицепсы, от которых рубашка трещит, рельефный подбородок, загорелая кожа... Во время первого телеинтервью я его едва узнала. Глаза провалились внутрь черепа, утонув в двух красных колодцах, а сутулился он так, словно был не в силах удержать свой собственный вес.

Отца арестовали в конце сентября, почти через три месяца после того, как воцарился весь этот ужас. И в вечер ареста я почти сразу же подумала о Берте Родсе — раньше, чем о Лине, Робин, Маргарет, Керри и других девочках, пропавших тем летом. Помню, как наша гостиная осветилась красными и синими вспышками, как мы с Купером бросились к окну и уставились наружу, а вооруженные люди уже вломились к нам в дверь с криками: «Не двигаться!» Помню отца в старом откидном кресле, протертом настолько, что кожа посередине сиденья больше напоминала мягкий фетр; он даже головы в их сторону не поднял. Как и на мать, бессильно всхлипывающую в углу. Помню шелуху от подсолнуховых семечек, которые он обожал, прилипшую к зубам, к ногтям, к нижней губе. Помню, как его тащили наружу — ореховая трубка выпала изо рта, перепачкав пол черной золой, а на ковре остался узкий след от просыпавшихся семечек.

Помню, как его взгляд, твердый и внимательный, встретился с моими глазами и задержался на них. Сперва с моими, потом с глазами Купера.

— Чтоб без глупостей, — сказал он.

Потом его вытащили наружу, на душный вечерний воздух, приложили головой о борт фургона, так что очки с толстыми стеклами протестующе хрустнули; огни полицейской мигалки окрасили его кожу в тошнотворный багрянец. Затем отца втолкнули внутрь и захлопнули за ним дверцу.

Я видела, как он молча сидит в фургоне, глядя на разделительную металлическую сетку перед собой, совершенно не шевелясь; единственным заметным глазу движением была стекающая по переносице струйка крови, которую он даже не пытался вытереть. Я смотрела на него и думала о Берте Родсе. О том, легче ему будет или тяжелей, когда он узнает, кто забрал у него дочь. Конечно, речь о совершенно невозможном выборе, но будь он у Берта, что бы тот предпочел — чтобы убийца оказался полнейшим чужаком, вторгшимся

в его город и его жизнь, или же знакомцем, не раз бывавшим у него в гостях? Его соседом и приятелем?

В последовавшие за тем месяцы я видела отца только по телевизору — очки в треснувшей оправе смотрят исключительно в пол, руки прочно скованы за спиной, кожа на запястьях красная и натертая. Уткнувшись носом в самый экран, я смотрела, как люди, высыпавшие на ведущую к зданию суда улицу с самодельными плакатами, на которых были намалеваны ужасные, отвратительные слова, шипели вслед отцу, когда его проводили мимо них.

Убийца. Извращенец. Чудовище.

На некоторых плакатах были лица девочек — те, что все лето не сходили с экранов в непрерывном потоке скорбных новостей. Девочек немногим старше меня самой. Я узнавала каждую из них, я запомнила черты их лиц. Я видела их улыбки, заглядывала им в глаза — когда-то живые и полные перспектив...

Лиана, Робин, Маргарет, Керри, Сьюзен, Джилл.

Лица, бывшие причиной комендантского часа. Лица, из-за которых меня не выпускали одну на улицу после наступления темноты. Правило это претворял в жизнь отец, который лупил меня чуть ли не до синяков, стоило мне заявиться домой после заката или не закрыть на ночь окно в спальне. Он вселил в мое сердце чистый, беспримесный страх — обессиливающий ужас перед невидимкой, ответственным за те исчезновения. Перед тем, из-за кого от девочек остались лишь черно-белые изображения, приклеенные к кускам картона. Перед тем, кому было известно, где им довелось окончить жизнь и что осталось у них в глазах, когда она наконец их покинула.

Разумеется, когда отца арестовали, я уже все знала. С того самого момента, когда полиция вломилась к нам в дом, с момента, когда отец заглянул нам в глаза и прошептал: «Чтоб без глупостей». Сказать по правде, знала даже раньше, когда позволила головоломке сложиться. Когда заставила себя обернуться и посмотреть в лицо тому, кто, как я чувствовала, таился у меня за спиной. И все же главным был тот самый момент — я одна в гостиной, уткнувшись лицом в телевизор, мама медленно сходит с ума в спальне, Купер скукожился где-то на задворках и не показывается на глаза, — тот самый момент, когда я слушала звон кандалов у отца на ногах и смотрела, как его с ничего не выражающим лицом ведут из полицейской машины в тюрьму, или в

суд, или обратно. Тот самый момент, когда тяжесть всего этого обрушилась на меня и погребла под обломками.

Поскольку это он был тем невидимкой.

Глава 9

Дом кажется мне одновременно слишком просторным и слишком тесным. Находясь внутри, я испытываю клаустрофобию, четыре стены давят, воздух затхл и несвеж. И в то же время я до невозможности одинока; здесь слишком много места, чтобы заполнить его безмолвными мыслями одной-единственной живой души. Мне хочется куда-то двигаться.

Поднявшись с дивана, я отправляюсь в спальню, где меняю слишком большой для меня халат на джинсы и серую футболку, завязываю волосы узлом на затылке и решаю отказаться от макияжа, лишь мазнув по губам бальзамом. Пять минут спустя я уже снаружи; стоит подошвам моих туфель на низком каблуке ступить на мощеную дорожку, как бешеное сердцебиение начинает утихать.

Я сажусь в машину, завожу мотор и на полном автопилоте выезжаю за пределы квартала, направляясь в центр. Протягиваю руку, чтобы включить радио, но она зависает в воздухе, пока я не возвращаю ее обратно на руль.

— Все в порядке, Хлоя, — говорю себе; в тишине внутри машины голос звучит болезненно громко. — Что тебя беспокоит? Попробуй проговорить вслух.

Побарабанив по рулю пальцами, включаю поворотник и решаю повернуть налево. Продолжая разговаривать с собой, словно с пациентом.

— Пропала девочка, — отвечаю я себе. — Местная, и это меня тревожит.

Будь это на приеме, мой следующий вопрос был бы: «Почему? Почему это тебя тревожит?»

Впрочем, причины очевидны. Пропала девочка. Пятнадцати лет. На расстоянии короткой пробежки от моего дома, моего офиса, моей жизни.

— Ты ее не знаешь, — говорю я громко. — Ты не знаешь ее, Хлоя. Это не Лина. Не кто-то из тех остальных. К тебе она не имеет никакого отношения.

Резко выдыхаю, сбрасываю скорость, поскольку впереди уже зажегся желтый, окидываю взглядом улицу. Мать переводит через дорогу маленькую дочку, крепко держа ее за руку; слева от меня катит на роликах кучка подростков, прямо передо мной бегут трусцой мужчина и его собака. Загорается зеленый.

— К тебе это не имеет отношения, — повторяю я, выезжаю на перекресток и сворачиваю направо.

Я ехала, особо не выбирая направления, но сейчас понимаю, что оказалась совсем рядом с офисом, в каких-то нескольких кварталах от манящих таблеток в ящике стола. Всего одна капсула отделяет меня от замедленного пульса и ровного дыхания, от огромной кожаной кушетки за прочно запертой дверью и опущенными шторами.

Я отгоняю прочь эти мысли.

У меня нет проблем. Я ни на что такое не подседа. Я не шляюсь по барам, чтобы напиться до беспамятства, не просыпаюсь по ночам в холодном поту оттого, что решила отказать себе в бокале мерло перед сном. Я могу днями, неделями, месяцами обходиться без таблеток, вина или еще какой-нибудь химии, нужной, чтобы приглушить страх, постоянно вибрирующий у меня в жилах: будто у тебя внутри тронули гитарную струну, заставившую дребезжать кости. Но я справляюсь. У всех моих расстройств, всех этих умных терминов — *бессонница*, *боязнь темноты*, *ипохондрия* — есть нечто общее, одинаковое для них и связующее их вместе обстоятельство, и называется оно *контроль*.

Я боюсь любых ситуаций, которые не могу контролировать. Я воображаю себе то, что может случиться со мной во сне, когда я беззащитна. То, что может незамеченным подкрасться во мраке. Невидимых убийц, способных удушить мои клетки, пока я даже не подозреваю об опасности: воображаю себя пережившей то, что пережила, справившейся с тем, через что прошла, только ради того, чтобы умереть из-за невымытых рук или першащего горла.

Я воображаю Лину и то чувство полной потери контроля над происходящим, которое она ощутила, когда на ее горле сомкнулись руки и начали давить. Перекрытые дыхательные пути, пульсация в глазных яблоках; зрение сперва сделалось очень ярким, потом же наоборот, все тускнело и тускнело, пока она наконец не перестала что-либо видеть...

Аптечка — мой спасательный круг. Я знаю, что выписывать рецепты без медицинской необходимости неправильно; и не просто неправильно, а незаконно. Я рискую лишиться лицензии или даже сесть в тюрьму. Но каждому из нас нужен спасательный круг, тот плот неподалеку, когда чувствуешь, что начинаешь тонуть. Когда я чувствую, что теряю контроль, то знаю — мои союзники рядом и готовы исправить то во мне, что нуждается в исправлении. Чаще всего нервы успокаивает уже одна эта мысль. Однажды я посоветовала страдающей клаустрофобией пациентке класть в сумочку одну-единственную таблетку «Ксанакса» всякий раз, когда ей нужно лететь на самолете — ее наличия уже будет достаточно, чтобы вызвать мысленную реакцию, а следом и физическое облегчение. Я сказала ей, что таблетку, скорее всего, даже пить не придется; одного лишь знания, что спасение рядом, должно хватить, чтобы удушающая тяжесть ушла прочь.

Так оно и оказалось. Разумеется. Мне ли не знать.

Я уже вижу вдали свой офис, старое кирпичное здание, выглядывающее из-за замшелых дубов. Кладбище от него в нескольких кварталах к западу; приняв решение, я сворачиваю в ту сторону и еду в направлении кованых ворот, манящих меня внутрь своей распахнутой пастью. Припарковавшись снаружи, выключаю зажигание.

«Кипарисовое кладбище». Место, где Обри Гравино в последний раз видели живой. Я слышу какой-то шум и вглядываюсь сквозь стекло: на некотором расстоянии отсюда территорию кладбища прочесывает поисковая партия, словно накинувшиеся на упавший кусочек мяса муравьи. Они пробиваются сквозь разросшуюся траву, обходя раскрошившиеся надгробия, топчут подошвами кроссовок выходящие меж могил немощные тропки. Кладбище занимает больше двадцати акров, участок до невозможности огромный. Перспективы найти здесь что бы то ни было представляются в лучшем случае весьма туманными.

Я выхожу из машины, минуя ворота и потихоньку приближаюсь к поисковикам. На территории тут и там растут болотные кипарисы — символ штата Луизиана, давший название и кладбищу, — их толстые красноватые стволы похожи на жилистые конечности. С ветвей, словно заросли неопрятной паутины, свисают пряди испанского мха.

Поднырнув под полицейскую ленту, я изо всех сил делаю вид, что нахожусь на своем месте, стараясь при этом держаться подальше от полицейских и репортеров с фотоаппаратами на шее, что бесцельно бродят между волонтеров, пытающихся найти Обри.

Или *не* найти. Последнее, что ты хочешь отыскать, будучи в поисковой партии, это тело, или того хуже — отдельные его части.

В Бро-Бридже поисковые партии так и не нашли ни тел, ни их частей. Я умоляла маму разрешить мне побродить вместе с ними; я видела, как целыми толпами собираются люди, как им раздают фонарики, портативные рации и целые коробки бутылок с водой. Громогласный инструктаж — и все разбегаются по сторонам, словно комары от взмаха свернутой газеты. Разумеется, мама мне не разрешила. Пришлось сидеть дома и смотреть, как вдали мигают искорки — это поисковики прочесывали казавшиеся бесконечными мрачные просторы заросших высокой травой пастбищ. Какое это беспомощное занятие — смотреть... И ждать. И не знать, что они найдут. Даже хуже, чем видеть поисковиков на своем собственном дворе. Я не могла оторвать глаз от окна, пока полиция перебирала по камушку все десять акров нашего участка после того, как отца забрали в тюрьму. Но и у нас они ничего не нашли.

Нет, девочки все еще где-то там, а укрывающий их слой земли с каждым годом делается все толще. Во мне от одной мысли, что их никогда не найдут, все замирает, хоть я и понимаю, что теперь-то уже нет шансов. Дело тут даже не в том, что это несправедливо, что семьи никогда не узнают правды, даже не в том, что их мертвые тела разлагаются точно так же, как труп полевой крысы, который я однажды обнаружила под крыльцом, утрачивая человеческий облик вместе с кожей, волосами, клочьями одежды. От целой жизни остается лишь кучка костей, ничем не отличающихся от моих или ваших, да и от крысиных, по большому счету, тоже. Нет, заставляет меня просыпаться среди ночи, отчаянно цепляться за надежду, что их все же когда-нибудь отыщут, не это.

А осознание того, сколько безвестных тел может оказаться захоронено прямо у меня под ногами в любой произвольный момент времени — тел, о которых окружающий мир успел позабыть начисто.

Собственно, как раз сейчас у меня под ногами действительно захоронены тела. Множество тел. Но кладбище — это другое дело.

Тела здесь аккуратно уложены, а не просто брошены. Они здесь для того, чтобы помнить, а не чтобы забыть.

— Кажется, я нашла!

Я оборачиваюсь влево, на женщину средних лет в белых кроссовках, штанах цвета хаки и большой, не по размеру, трикотажной футболке — по существу это неофициальная униформа озабоченного гражданина, намеренного присоединиться к поискам. Она стоит на коленях прямо на земле, сосредоточенно щурясь на что-то перед собой.левой рукой отчаянно машет остальным, правой судорожно сжимает рацию из тех, что продают в секции игрушек.

Я обвожу взглядом вокруг и понимаю, что в радиусе нескольких шагов от нас больше никого нет. Остальные приближаются, некоторые даже бегом, но я-то уже здесь. Делаю шаг поближе; женщина поднимает на меня взгляд, возбужденный и в то же время умоляющий, как если б ей хотелось, чтобы в находке обнаружился некий смысл, важное значение — и в то же время не хотелось бы. Отчаянно не хотелось.

— Гляньте, — она делает приглашающий жест. — Гляньте-ка вот сюда.

Я делаю еще шаг, выгибаю шею — и когда мое зрение фокусируется на вдавленном в грязь предмете, меня словно бьет электричеством. Ничего не соображая, я протягиваю руку — совершенно рефлекторно, словно меня молоточком по коленке ударили — и подбираю его с земли. Подбегает запыхавшийся полицейский.

— Что там? — спрашивает он, нависнув надо мной. У него странно сдавленный голос, словно воздуху приходится пробиваться сквозь заросли мокроты. Не умеет носом дышать. При виде того, что у меня на ладони, он выпучивает глаза. — Только, бога ради, не прикасайтесь!

— Простите, — говорю я, протягивая ему находку. — Простите, я... я не подумала. Это сережка.

Женщина укоризненно смотрит на меня, а полицейский тоже опускается на колени — я слышу хрипы у него в легких — и выставляет одну руку в сторону, давая остальным знак, что приближаться не следует. Затянутой в перчатку рукой он берет с моей ладони сережку и рассматривает ее. Маленькая, серебряная, три бриллианта сверху образуют перевернутый треугольник, с его

вершины свисает единственная жемчужина. Красивая — я бы обратила на нее внимание в витрине ювелира. Для пятнадцатилетней школьницы пожалуй что слишком красивая.

— Хорошо, — говорит полицейский, отводя рукой прядь волос с потного лба; кажется, он стал чуть меньше размером. — Хорошо, это уже что-то. Мы приобщим ее к уликам, но не надо забывать, что мы находимся в общественном месте. Здесь тысячи могил, а значит, сотни посетителей ежедневно. Сережку мог обронить кто угодно.

— Нет, — женщина качает головой, — не кто угодно. Это сережка Обри.

Сунув руку в карман штанов, она достает оттуда сложенный вчетверо листок бумаги. Разворачивает его — это листовка «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» с изображением Обри. Я узнаю его — точно такое же висело сегодня утром передо мной в телевизоре. Единственное фото, заключающее в себе целую жизнь. Обри широко улыбается, ее веки подведены черным карандашом, розовая помада блестит от света фотовспышки. Фотография обрезана чуть ниже шеи, но я вижу, что на ней цепочка, которую я раньше не заметила, цепочка с удобно устроившимся в ямке между ключицами кулоном — три бриллианта и жемчужина. И повыше, в мочках ушей под густыми, зачесанными назад каштановыми волосами, — такие же сережки.

Глава 10

Добрым нравом Лина не отличалась, но ко мне относилась по-доброму. Я не собираюсь приукрашивать факты и выдумывать для нее оправдания. Она была той еще чертовкой, занозой в общественной заднице и, похоже, прямо-таки кайфовала, когда другие чувствовали себя неуютно в ее присутствии и избегали смотреть ей в глаза. С чего бы еще пятнадцатилетке надевать в школу вызывающе подчеркивающие грудь лифчики и, намотав кончик косы на палец с обгрызанным ногтем, демонстративно прикусывать краешек пухлой губы? Женщина в теле ребенка, или же ребенок в теле женщины, — казалось, годятся оба описания. Одновременно слишком зрелая и слишком юная — возрасту не соответствовала ни ее фигура, ни мозги. Однако были в ней отдельные черты, скрытые где-то глубоко под слоями макияжа и облаками сигаретного дыма, окутывавшего ее каждый день после школьного звонка, — они напоминали тебе, что это просто девочка. Одинокая, запутавшаяся сама в себе девочка.

Конечно, когда мне самой было двенадцать, я их не замечала. Мне она всегда казалась очень взрослой, даже несмотря на то, что с моим братом они были одногодками. Купер-то на взрослого похож не был — с его постоянной отрыжкой, игровой приставкой и коллекцией непристойных журнальчиков, которые он прятал за отошедшей половицей под кроватью у себя в спальне. Никогда не забуду тот день, когда я их там обнаружила — я-то рассчитывала найти у него в комнате спрятанные деньги... Хотела купить себе тени для глаз, такие бледно-розовые, я их у Лины видела. Мама отказывалась покупать мне косметику, пока я не перейду в старшие классы, но мне их очень хотелось. Так сильно, что ради них я была готова на кражу. Вот так и забралась в комнату к Куперу, отвела скрипучую половицу — и первое, что увидела, была пара сисек. Мне как пощечину отвесили; я отдернулась так резко, что чуть не расшибла затылок о низ кровати. И сразу же все рассказала отцу.

В тот год фестиваль раков пришелся на самое начало мая, словно пролог к целому лету. Было уже жарко, но не слишком. По меркам большинства непривычных к такому штатов — очень даже жарко, но

по-луизиански — сущая ерунда. Настоящая жара здесь наступает ближе к августу, когда влажное дыхание болот каждое утро плывет по городским улицам, словно грозовые тучи, ищущие, куда бы им пролиться с наибольшей пользой.

К августу пропадут уже три девочки из шести.

Я склонна упоминать Бро-Бридж с иронией — *ай-ай, мировая столица раков*, — но ежегодным фестивалем действительно можно гордиться. На тысяча девятьсот девяносто девятый год пришелся мой последний фестиваль раков, но он-то и оказался для меня круче всех остальных. Помню, как я бродила по ярмарке, одна, сама по себе, впитывая кожей звуки и запахи Луизианы. Из динамиков на сцене льется наша местная, «болотная» поп-музыка — и аромат раков, которых готовят вокруг всевозможнейшими способами: раки вареные, печеные, раковый суп, раковые сосиски. Меня занесло было на рачьи бега, но тут моя голова резко дернулась вправо — среди кучки ребят рядом с отцовской машиной я заметила каштановую шевелюру Купера. В те дни он постоянно был окружен компанией — тут мы с ним были прямой противоположностью. Приятели увивались вокруг него, тянулись следом, словно облака мошкары во влажную погоду. Он же, похоже, не имел ничего против. В известном смысле *толпа* сделалась частью его самого. Случалось, что Куп раздраженно от них отмахивался. Они тут же послушно рассеивались, находили кого-то еще, чтобы его облепить. Но длилось это недолго — они всякий раз возвращались обратно.

Брат, похоже, почувствовал мой взгляд, поскольку вскоре поверх голов приятелей обнаружили его глаза, встретившиеся с моими. Я со смущенной улыбкой помахала ему рукой. Я была не против одиночества, честное слово, не против — но не переносила того, как это воспринимали остальные. В первую очередь Купер. Он тут же принялся проталкиваться сквозь приятелей мне навстречу, а когда какой-то задохлик попытался за ним последовать, остановил его небрежным движением руки. Подойдя, обнял меня за плечо.

— Забьемся на попкорн, что победит номер семь?

Я улыбнулась, благодаря его за компанию — и за его манеру словно не обращать внимания, что большую часть жизни я провожу одна.

— Принято!

Мое внимание вернулось к ракам — забег должен был вот-вот начаться. Помню, как распорядитель заорал по-французски: «Пошли!», как взревела толпа и как придонные создания, пощелкивая всеми сочленениями, устремились к финишной черте, намалеванной на противоположном конце трехметровой доски. Через какие-то несколько секунд выяснилось, что Купер выиграл, а я, соответственно, проиграла, так что мы направились к ближайшему ларьку, чтобы рассчитаться.

Я стояла в очереди, счастливая, как никогда. Наступающее лето сулило столько замечательного, словно у меня прямо под ногами раскатывали сейчас вдаль красную ковровую дорожку такой длины, что она казалась бесконечной. Купер ухватил пакетик с попкорном, закинул в рот одно зернышко и принялся обсасывать соль, я тем временем расплачивалась. Потом мы оба развернулись — и обнаружили перед собой Лину.

— Привет, Куп. — Улыбнувшись ему, она перевела взгляд на меня. В руках Лина держала бутылку «Спрайта» и пальцами то закручивала, то откручивала пробку. — Привет, Хлоя.

— Привет, Лина.

Моего брата все знали — популярный спортсмен, член школьной сборной Бро-Бриджа по борьбе. Его многие звали по имени, и меня всегда поражало, как он ухитряется заводить друзей с той же естественностью, с которой я нахожусь с собой наедине. С выбором компании Купер тоже особенно не заморачивался — сегодня тусуется с приятелями-борцами, а завтра остановится потрепаться с кучкой каких-нибудь торчков. Впечатление было по большей части такое, что его внимание заставляет других почувствовать себя важными птицами, словно в них тоже найдется что-то редкое и ценное.

Лина тоже была популярной, но совсем по другой причине.

— Глотнуть не хочешь?

Я взглядела в нее — плоский животик выглядывает из-под плотно облегающей блузки размера на два меньше, чем нужно, так что пуговицы сверху расходятся и видно ложбинку между грудями. На животе что-то сверкнуло — колечко в пупке, — и я тут же резко задрала подбородок, чтобы не подумали, будто я тарашусь. Улыбнувшись мне, Лина поднесла бутылку к губам. Я увидела, как по подбородку катится капля; она утерла ее пальцем.

— Нравится? — подтянув кофточку еще выше, покрутила бриллиант между пальцев. Под ним болталась подвеска — что-то вроде жука. — Светлячок, — пояснила Лина, словно прочитав мои мысли. — Обожаю их. Он у меня в темноте светится.

Сложив ладони горкой вокруг живота, она кивнула мне, приглашая посмотреть. Что я и сделала, упершись лбом ей в руки. Жучок внутри ярко сиял неоновозеленым светом.

— Я люблю их ловить, — заявила она, глядя сверху вниз на собственный живот. — И в банку сажать.

— Я тоже люблю, — сказала я, продолжая глядеть в щель между пальцев. Мне вспомнились те светлячки, которыми по вечерам кишели наши деревья, и как я бегу сквозь мрак, отмахиваясь от них, словно плыву через звездное море.

— А потом достаю оттуда и давлю между пальцами. Ты знаешь, что можно этим их светом свое имя на тротуаре написать?

Я скривилась: казалось невозможным даже вообразить себе, что давишь жука и тот со щелчком лопается. И одновременно в этом заключалось что-то крутое — растереть его сок между пальцами, поднести их к лицу и смотреть, как они светятся.

— На нас смотрят, — сказала вдруг Лина и убрала руки.

Быстро подняв голову, я проследила направление ее взгляда — прямо к собственному отцу. Он и правда пристально смотрел на нас с другой стороны толпы. Смотрел на Лину, на ее блузку, задранную вверх до самого лифчика. Она улыбнулась и помахала ему свободной рукой. Быстро опустив голову, отец двинулся куда-то дальше.

— Так что, — сказала Лина, протянув Куперу бутылку «Спрайта» и как следует взболтнув ее, — глотнуть не желаешь?

Он тоже скосил глаза туда, где только что был отец, но обнаружил там не его внимательный взгляд, а лишь пустое место. Тогда Купер взял у Лины бутылку и сделал поспешный глоток.

— Я тоже буду, — сказала я, выдернув бутылку у него из рук. — Здорово пить охота.

— Хлоя, это не...

Но предупреждение брата запоздало: я уже поднесла бутылку к губам, жидкость потекла мне в рот и дальше, в горло. Я не то чтобы глоточек сделала, а отхлебнула как следует. Отхлебнула чего-то, по вкусу больше всего напоминавшего аккумуляторную кислоту; мне

обожгло весь пищевод до самого желудка. Поспешно убрав бутылку ото рта, я рыгнула, чувствуя, что содержимое желудка устремляется обратно в горло. Надув щеки и уже давясь, все же совладала с тошнотой, заставила жидкость провалиться вниз и наконец обрела способность дышать.

— Уф. — Закашлялась, вытерла рот тыльной стороной ладони. — Что это было-то?

Хихикнув, Лина отобрала у меня бутылку и допила все содержимое. Меня поразило, что она как будто воду глотала.

— Это водка, дурочка. Никогда водку не пробовала?

Купер, глубоко засунув руки в карманы, огляделся вокруг. И ответил за меня, поскольку я говорить не очень-то могла:

— Нет, она не пробовала. Ей всего двенадцать.

Лина безмятежно пожала плечами:

— Когда-то ведь надо начинать.

Купер сунул мне попкорн, и я сразу закинула в рот целую горсть, надеясь зажевать ужасный привкус. Я чувствовала, как огонь стекает от горла к желудку и полыхает там, собравшись лужей на дне. Чуть закружилась голова; ощущение было странным, но вроде как приятным. Я улыбнулась.

— Вот видишь, ей понравилось, — сказала Лина, глядя на меня. И тоже мне улыбнулась. — Неплохо ты так глотнула... Для двенадцати лет так и вообще круто вышло.

Потом подтянула блузку пониже, прикрыв кожу и светлячка, закинула косы за плечи и развернулась на пятках балетным пируэтом, когда в движение приходит все тело целиком. Когда она зашагала прочь, я не могла оторвать от нее глаз — от того, как ее бедра качаются в унисон с косами, от ее ног, худых, но с подчеркнутыми мускулами.

— Покатал бы меня как-нибудь на машине, что ли, — прокричала Лина, обернувшись и помавав нам бутылкой.

Я так и не протрезвела почти до самого вечера. Поначалу Купер вроде как злился — на меня, на мою глупость, мою наивность. На мой заплетающийся язык, манеру невпопад хихикать и наткаться на фонарные столбы. Ему пришлось оставить друзей ради того, чтобы за мной — *пьяненькой* — приглядывать, но мне-то откуда было знать, что там алкоголь? Я и понятия не имела, что в бутылке со «Спрайтом» может оказаться спиртное.

— Расслабься уже, — посоветовала я ему, спотыкаясь о собственные ноги.

Подняв глаза, увидела, что он смотрит на меня сверху вниз с шокированным выражением на лице. Сперва решила, что он вот-вот взорвется, и уже пожалела о сказанном. Но тут его плечи расслабились, лицо расплылось в улыбке, и брат расхохотался. Когда он погладил меня по волосам и покачал головой, я почувствовала, как мою грудь распирает что-то вроде гордости. Потом Купер купил мне раковый сэндвич — и лишь вытаращил глаза, когда я умяла его в один присест.

— Весело сегодня было, — сказала я ему, когда мы, держась за руки, возвращались к машине. Пьяной я себя уже не чувствовала, скорее сонной. Уже темнело, наши родители давно ушли, оставив нам двадцать долларов на ужин, поцеловав меня в лоб и наказав вернуться не позже восьми. Купер, который только что получил водительские права, при их виде велел мне молчать, чтобы заплетающийся язык меня не выдал. Вот я и молчала. Молчала и смотрела. Как мама непрерывно щебечет: «какой удачный выдался год», и «господи, как ноги-то гудят», и «пошли уже, Ричард, дети сами справятся». Как у нее щеки покраснелись, как оборки платья развеваются на ветру. У меня снова стало распирает грудь, но уже не от гордости. А от радости и любви. Любви к моим маме и брату.

Потом я бросила взгляд на отца — и тут же сдулась. Казалось, он был... где-то еще. Озабочен. Отвлечен на что-то, происходящее не рядом с нами, а внутри, у него в голове. Я старалась не дышать слишком глубоко, опасаясь, что он почувствует запах водки. «Интересно, — подумала я, — он видел, как Лина дала нам бутылку? Он ведь смотрел тогда на нас. На нее».

— Надо полагать, весело, — согласился Купер, улыбнувшись мне. — Вот только смотри, чтобы у тебя в привычку не вошло.

— Что — не вошло?

— Сама знаешь что.

Я наморщила брови:

— Сам-то ты тоже пил.

— Я старше, мне можно.

— Лина сказала, что когда-то все равно нужно начинать.

Купер покачал головой:

— Не надо слушать Лину. Ты ведь не хочешь стать такой, как она?

Конечно же, я хотела. Хотела стать такой, как Лина. Хотела обрести ее уверенность, ее блеск, ее настрой. Она была вроде той бутылки от «Спрайта»: снаружи на вид одно, внутри же совсем другое. Опасное, словно отрава. И одновременно притягательное, освобождающее.

Помню, как, добравшись до дома тем вечером, я смотрела на светлячков под деревьями. Они мигали, словно небесные созвездия, точно так же, как и всегда. Только той ночью все казалось другим. И *светлячки* тоже. Помню, как поймала одного рукой, как он трепыхался у меня в ладони, пока я несла его в дом, а там осторожно посадила в стакан и затянула сверху прозрачным пластиком. Проколола крошечные дырочки для воздуха и потом не один час смотрела, как искорка сверкает, заточенная во мраке — а я лежала у себя в спальне под одеялом, размеренно дышала и думала о ней.

То, как выглядела и вела себя Лина в тот день, глубоко запало мне в память. Как у нее распушились кончики волос — когда воздух сделался влажным, вокруг ее головы словно зажегся светлый ореол. Как она дразнила окружающих, покачивая бутылкой, и бедрами — и пальчиками, когда помахала моему отцу. Какая у нее была прическа, какая одежда, а больше всего запомнила светлячка у нее в пупке — как тот светился в темноте, когда она закрыла его ладонями и пригласила меня взглянуть.

Поэтому я его сразу же узнала, когда увидела снова, — четыре месяца спустя, в шкафу у отца.

Глава 11

В том, что нашлась сережка Обри, хорошего мало. При одном лишь виде украшения, втопанного в кладбищенскую грязь, у меня кровь в жилах застыла; всю поисковую партию тоже словно накрыло противопожарным брезентом, притушив огонь активности, которым минуту назад было охвачено кладбище. Все чуть опустили плечи, чуть повесили головы.

Я же вспомнила Лину.

С кладбища я направилась напрямиком в офис, сил все это выносить уже не было. Особенно звуки — вопли цикад, шуршание подошв по сухой траве, то, как поисковики время от времени сморкаются и сплевывают, жужжание комаров, прерываемое хлопком ладони о кожу. Когда полицейский аккуратно упаковал находку в пластиковый пакет и удалился, женщина в штанах цвета хаки, похоже, решила, что теперь мы с ней — команда. Поднявшись из своей жабьей позы на корточках, она уперла руки в бедра и выжидающе уставилась на меня, словно моей обязанностью теперь было указать место, где нам удастся обнаружить очередную улику. А я в этот миг почувствовала себя самозванкой, которой не следует здесь находиться. Словно играла роль в каком-то фильме, изображая из себя ту, кем на самом деле не являлась. Так что я без единого слова просто развернулась и зашагала прочь. Ощущая на своей спине ее взгляд, пока не села в машину и не тронулась, да и после того никак не отпускало чувство, будто за мной следят.

Припарковавшись рядом со зданием офиса, я лихорадочно взбираюсь по лестнице, втыкаю ключ в замок, проворачиваю, толкаю дверь. Включаю свет в пустом предбаннике и прохожу в кабинет; руки слегка трясутся, но с каждым шагом, приближающим меня к столу, все меньше и меньше. Я сажусь в кресло, выдохнув, наклоняюсь вбок и выдвигаю нижний ящик. Груда пузырьков умоляюще взирает на меня; каждый надеется, что я выберу именно его. Прикусив изнутри щеку, я внимательно их разглядываю. Берусь за один, потом за другой, сравниваю между собой и наконец останавливаю выбор на миллиграммовой дозе «Ативана». Изучаю маленькую пятиугольную

таблетку у себя на ладони, ее словно припудренную белизну, рельефную букву «А». Доза совсем маленькая, успокаиваю я себя. Ровно настолько, чтобы тело окутало ощущение покоя. Закинув таблетку в рот, я проглатываю ее насухо и закрываю ящик ногой.

Задумчиво поворачиваюсь в офисном кресле. Взгляд падает на телефон — на нем мигает красный огонек. Одно голосовое сообщение. Включив громкую связь, я слушаю заполнивший кабинет знакомый голос.

«Доктор Дэвис, это Аарон Дженсен из «Нью-Йорк таймс». Мы недавно с вами разговаривали, и я, понимаете, и в самом деле был бы очень благодарен, если б у вас нашелся часок для разговора. Статья будет опубликована в любом случае, но я все же хотел бы дать вам возможность высказать свою точку зрения. Можете перезвонить мне прямо по этому номеру».

Пауза, но я слышу, как он дышит. Задумался.

«Я и с вашим отцом намерен связаться. Подумал, что вам, может быть, важно это знать».

Звук опускаемой трубки.

Я оседаю в кресле. Последние двадцать лет я изо всех сил избегаю своего отца во всех смыслах этого слова. Избегаю говорить с ним, думать о нем, говорить о нем. Сперва, сразу после его ареста, это было нелегко. Нас преследовали, появлялись у нас под окнами по вечерам, выкрикивая оскорбления и размахивая плакатами, словно мы тоже каким-то образом участвовали в убийствах юных невинных девочек. Словно знали о них, но закрывали глаза. Наш дом забрасывали яйцами, у отцовского грузовичка, все еще припаркованного у входа, порезали шины, а на боку написали красной краской с потеками из баллончика «ИЗВРАЩЕНЕЦ». В спальне мамы ночью кто-то разбил камнем окно, ее всю засыпало стеклом. В новостях только об этом и говорили — серийным убийцей из Бро-Бриджа оказался Дик Дэвис.

Слова-то какие: *серийный убийца*... Очень официально. Почему-то я даже не думала об отце как о серийном убийце, пока не обнаружила в газетах эти слова применительно к нему крупным шрифтом. Для отца, тихого человека с мягким голосом, такое определение казалось слишком суровым. Это он учил меня ездить на велосипеде, а сам бежал рядом, сжимая руками руль. Когда он наконец

отпустил его, я тут же врезалась в забор, прямо в деревянный столб; щеку обожгло жгучей болью. Помню, как он подбежал, подхватил меня на руки; помню, как прижал теплую влажную салфетку к порезу у меня под глазом. Рукавом вытер мне слезы, поцеловал спутанные волосы, потуже затянул ремешок шлема и сказал, чтобы я попробовала еще разок. Отец укладывал меня спать по ночам, рассказывал мне сказки, которые сам же и сочинял, оставлял себе карикатурные усы, когда брился, просто чтобы видеть, как я хохочу, когда он выйдет из ванной, — и притворялся при этом, будто не понимает, отчего я уткнулась в диванную подушку и заливаюсь так, что слезы по щекам бегут. Разве такой человек может быть *серийным убийцей*? Серийные убийцы ведь ничего такого не делают... или все же делают?

Делают, и он им был. Он убил тех девочек. Он убил Лину.

Помню, как отец смотрел на нее в тот день на фестивале — вперив взгляд в пятнадцатилетнее тело, словно волк в умирающую дичь. Я всегда думала, что именно в тот момент все и началось. Иногда я даже себя виню — она ведь тогда со мной разговаривала. Для меня задрала блузку, чтобы показать кольцо в пупке. Не будь меня там, разве отец увидел бы ее *такой*? *Так* о ней подумал? Она несколько раз заходила к нам тем летом, чтобы отдать мне кое-какую ненужную одежду или подержанные музыкальные диски, и всякий раз, когда отец заглядывал ко мне в комнату и заставлял ее лежать пузом вниз на дощатом полу, дрыгая ногами и выпятив попку в рваных джинсовых шортах, он останавливался. Смотрел. Потом, кашлянув, выходил.

Суд показывали по телевизору — я знаю, потому что сама смотрела. Сперва мама нам не разрешала, мне и Куперу, выгоняла нас прочь, если нам случалось забрести в гостиную и застать ее скрючившейся на полу, носом в самый экран. «Это не для детей, — говорила она. — Идите снаружи поиграйте, воздухом подышите». Она вела себя так, словно это был просто фильм с возрастным ограничением, а не суд над нашим отцом по обвинению в убийствах.

Но настал день, когда и это переменялось.

Помню, как резко прозвучал дверной звонок, как его звук разнесся по нашему погруженному в постоянное молчание дому, отдался резонансом в напольных часах-ходиках — у меня от этого жестяного дребезжания мурашки по коже побежали. Мы побросали все то, чем занимались, и уставились на дверь. Гостей у нас давным-давно не

было — а те, что все же заглядывали, не снисходили до подобных вежливых формальностей. Об их появлении возвещали вопли, ударяющиеся в стены предметы — но хуже всего были те, кто не производил никаких звуков. Мы уже не раз обнаруживали, что наш двор испещрен незнакомыми отпечатками подошв — кто-то чужой прокрадывался сюда ночами, движимый болезненным любопытством, и заглядывал в окна. Мне из-за этого казалось, что мы превратились в коллекцию уродцев за стеклом музейной витрины — одновременно притягательную и отталкивающую. Помню, как я наконец его поймала — шла себе по тропинке и увидела у окна чей-то затылок; его обладатель вглядывался внутрь, уверенный, что дома никого нет. Я кинулась на него, успев разве что рукава засучить, влекомая адреналином и слепой ненавистью.

— *ТЫ КТО ТАКОЙ?* — заорала я, сжимая кулачки. Меня так достала наша жизнь, сделавшаяся всеобщим достоянием! Нас уже как людей, настоящих живых людей, перестали воспринимать.

Он резко обернулся, выпучив глаза и выставив навстречу ладони, будто ему и в голову до сих пор не приходило, что в доме кто-то живет. Оказалось, это совсем молоденький парнишка. Если и старше меня, то ненамного.

— Никто, — пробормотал он, заикаясь. — Просто никто.

Мы так ко всему этому привыкли — к вторжениям, подглядываниям, телефонным звонкам с угрозами, — что когда кто-то вежливо позвонил в дверь, нам показалось чуть ли не куда страшней выяснить, кто же это там, за толстой панелью из кедра, терпеливо ждет, чтобы его пригласили войти.

— Мама, — сказала я наконец, переводя взгляд от входной двери на нее. Она сидела у кухонного стола, запустив пальцы в уже начавшие редеть волосы. — Ты открывать думаешь?

Она озадаченно взглянула на меня, будто я говорила на иностранном языке, так что слов не разобрать. Казалось, она меняется с каждым днем: морщинки все глубже врезаются в теряющую упругость кожу, тени под красными усталыми глазами делаются отчетливей. В конце концов она молча встала и заглянула в круглое окошко посередине двери. Скрип дверных петель и ее тихий, изумленный голос:

— Вы, Тео? Здравствуйте. Заходите.

Теодор Гейтс — адвокат, защищавший моего отца. Он прошел внутрь, ступая тяжело и медленно. Помню его сверкающий кожаный портфель, массивное обручальное кольцо на пальце. Он сочувственно мне улыбнулся, но я лишь скорчила рожу. Я вообще не могла понять, как он спать-то ночами может, если взялся защищать моего отца после всего, что тот сделал.

— Кофе не желаете?

— С удовольствием, Мона. Большое вам спасибо.

Мама проковыляла на кухню, брякнула о кухонный стол керамическая кружка. Кофейник простоял нетронутым уже трое суток, но она наполнила из него кружку и принялась рассеянно помешивать ложечкой, хотя сливки налить забыла. Потом вручила кофе мистру Гейтсу. Тот отпил глоточек, чуть кашлянул, поставил кружку на стол и аккуратно отодвинул от себя мизинцем.

— Послушайте, Мона. Есть определенные новости. И я хотел бы сообщить вам их первым.

Она ничего не ответила — просто глядела в окошко над кухонной раковиной, уже затянутое зеленой плесенью.

— Я договорился, что ваш муж признает вину. На очень хороших условиях. Он согласен.

Тут она резко вздернула голову, словно его слова рассекли резиновую ленту, туго натянувшуюся вдоль ее шеи.

— В Луизиане есть смертная казнь, — уточнил он. — Мы не можем рисковать.

— Дети, марш наверх!

Она глянула на нас с Купером — мы так и сидели на ковре в гостиной, а я ковыряла пальцами горелую дыру в месте, куда упала отцовская трубка. Мы послушно поднялись, молча, бочком пересекли кухню и поднялись по лестнице. Оказавшись рядом со спальнями, громко захлопнули двери, после чего на цыпочках подкрались обратно к перилам. Уселись на верхней ступеньке и стали слушать.

— Вы же не думаете, что они могут приговорить его *к смерти*, — произнесла мама чуть ли не шепотом. — Улик-то почти никаких. Ни орудия убийства, ни тел.

— Улики есть, — возразил он. — Вы и сами знаете. Вы их видели.

Она вздохнула, потом заскрежетал по полу кухонный стул — мама подвинула его ближе к столу и тоже присела.

— И вы думаете, их достаточно для... казни? Мы ведь с вами, Тео, о *смертном приговоре* говорим. Это дело необратимое. Они должны быть совершенно уверены, без каких-либо поводов для сомнений...

— Мы говорим о шести убитых девочках, Мона. *О шести*. У вас дома обнаружены фактические улики, а свидетели подтверждают, что в дни, непосредственно предшествующие исчезновению, Дика видели рядом по меньшей мере с каждой второй из них. Но теперь, Мона, еще и разговоры пошли. Вы наверняка их тоже слышали. О том, что Лина была не первой.

— Это все высосано из пальца, — ответила она. — Нет никаких свидетельств в пользу того, что та девочка — тоже его работа.

— У той девочки есть имя, — отрезал мистер Гейтс. — Вы могли бы его и назвать. Тара Кинг.

— Тара Кинг, — прошептала я, прислушиваясь, как оно звучит у меня на губах. Про Тару Кинг я никогда не слышала.

Купер резко вытянул руку и вцепился мне в локоть.

— *Хлоя*, — прошипел он мое собственное имя, — *помолчи*.

В кухне повисла тишина — мы с братом уже затаили дыхание, ожидая, что мама сейчас появится внизу лестницы. Но она заговорила снова. Не расслышала, наверное.

— Тара Кинг убежала из дома, — проговорила мама. — Сама сказала родителям, что хочет уйти. Оставила записку, и было это чуть ли не за год до того, как все началось. Не вписывается в картину.

— Мона, это ничего не значит. Она все еще не нашлась, никто о ней ничего не слышал, а у присяжных уже кончается терпение. Рассуждать они не способны, эмоции бьют через край.

Мама замолкла, не желая ничего отвечать. Заглянуть в кухню я не могла, но способна была вообразить всю картину — как она сидит, плотно скрестив руки на груди, а ее взгляд где-то блуждает, забираясь все дальше и дальше. Мы уже начали тогда терять свою маму, и процесс этот все ускорялся.

— Понимаете, все очень нелегко. Когда дело уже превратилось в сенсацию, — пояснил Тео. — Его лицо постоянно в телевизоре. Люди уже все для себя решили, их не переспоришь.

— Поэтому вы хотите, чтобы он сдался.

— Я хочу, чтобы он остался жив. Если признать вину, прокурор не будет требовать смертной казни. Выбора у нас нет.

В доме снова сделалось тихо — так тихо, что я начала беспокоиться, как бы они не услышали нашего дыхания, пусть медленного и затаенного, мы ведь были совсем рядом.

— Если у вас нет чего-то еще, от чего я бы мог отталкиваться, — добавил адвокат. — Чего-то такого, о чем вы мне до сих пор не сказали.

Я еще больше затаила дыхание, изо всех сил вслушиваясь в оглушительную тишину. Бешено колотилось сердце, отдаваясь в голове, в глазах.

— Нет, — наконец обреченно сказала мама. — Больше ничего нет. Вам известно все.

— Что ж, — вздохнул Тео, — я так и думал. И вот еще что, Мона...

Теперь я представила себе, как мама смотрит на него со слезами на глазах. Отказавшись от сопротивления.

— Частью сделки было его согласие показать полиции, где спрятаны тела.

И опять тишина — теперь уже оттого, что никто из нас не мог вымолвить ни слова. Поскольку когда Теодор Гейтс покинул в тот день наш дом, все мгновенно переменялось. Отец уже не считался виновным, он *был* виновен. И признал это — не только перед присяжными, но и перед нами. И мама постепенно оставила всякие усилия. Ей сделалось все равно. День проходил за днем, а ее глаза все тускнели, превращаясь в две стекляшки. Она перестала покидать дом, потом — спальню, потом — кровать, и нам с Купером никто не мешал сидеть, уткнувшись носами в экран. Отец признал вину, и когда наконец передали репортаж с вынесения приговора, мы смотрели его от начала и до конца.

— Почему вы это сделали, мистер Дэвис? Почему вы убили этих девочек?

Отец глядел себе на колени, не поднимая глаз на судью. В зале было тихо, все затаили дыхание, ожидание тяжело повисло в воздухе. Казалось, он задумался над вопросом, старательно ищет ответ, пережевывая все в собственной голове, словно впервые за все время действительно озадачился этим словом — *почему*.

— Это все мрак у меня внутри, — ответил он наконец. — Мрак, который пробуждается по ночам.

Я глянула на Купера, надеясь прочитав в его лице какое-то объяснение, но он, словно замороженный, не отрывал взгляда от телевизора. Я тоже вернулась к экрану.

— Какой именно мрак? — уточнил судья.

Отец лишь покачал головой, в уголке его глаза появилась единственная слезинка и скатилась вниз по щеке. Было так тихо, что я, клянусь, расслышала звук, с которым слеза упала на стол.

— Я не знаю, — ответил он тихо. — Не знаю. Но он такой могучий... Я не мог ему противостоять. Я пытался, и довольно долго. Очень долго, очень. Но я больше не мог.

— Вы хотите сказать, что убивать девочек вас заставлял *мрак*?

— Да. — Он кивнул. Теперь уже все его лицо было в слезах, под носом показались сопли. — Да, это он. Словно тень. Огромная тень, всегда в углу комнаты. Любой комнаты. Я старался держаться подальше, старался оставаться на свету, но больше уже не мог. Он засосал меня и проглотил целиком. Иногда мне кажется, что это был сам дьявол.

В этот миг я осознала, что никогда раньше не видела отца плачущим. За те двенадцать лет, что мы прожили под одной крышей, он и слезинки не уронил в моем присутствии. Наверное, когда родители плачут, положено испытывать боль, места себе не находить. Помню, когда умерла моя тетя, я влетела в родительскую спальню и застала маму плачущей в постели. Когда она подняла голову, на подушке остался отпечаток ее лица — следы от слез, соплей и слюны будто изобразили на ткани комичную рожицу. Сцена была шокирующей, словно не от мира сего — пятна у мамы на коже, покрасневший нос, и то, как она попыталась отвести в сторону прилипшие к щеке мокрые волосы и улыбнуться мне, будто ничего не случилось. Помню, как я ошарашенно застыла у входа, потом медленно попятилась назад и закрыла дверь, не произнеся ни единого слова. Но, увидев в телевизоре плачущего отца — слезы собрались в лужицу над верхней губой, потом потекли вниз, на раскрытую перед ним тетрадь, — я не испытала ничего, кроме отвращения.

Эмоции, решила я, вроде бы натуральные — а вот объяснение показалось мне вынужденным, отрепетированным. Словно он

действовал по сценарию, играя роль исповедующегося в грехах серийного убийцы. Он ищет сочувствия, поняла я. Дескать, виноват кто угодно, только не он сам. Жалеет не о том, что совершил, а лишь о том, что попался. А оттого, что он обвинял в своих поступках вымышленное существо — какого-то дьявола, который прятался по углам и заставлял его их душить, — меня всю невыразимой яростью пронзило. Помню, я так сжала кулаки, что ногтями ладони до крови изрезала.

— Трус засранный, — выругалась я. Купер вытаращил на меня глаза, пораженный моими словами, моим гневом.

Больше я своего отца не видела. Последним было лицо в телевизоре, описывающее невидимого монстра, что заставил его задушить девочек и спрятать тела в лесу на задворках нашего обширного участка. Он сдержал обещание показать полицейским, где именно. Помню, как громко хлопнула дверь фургона, но я даже к окну не стала подходить, чтобы взглянуть, как он ведет детективов к деревьям. Какие-то следы им найти удалось — волосы, обрывки одежды, — но тел не было. Видимо, какое-то животное их опередило — аллигатор, или койот, или еще какой-нибудь изголодавшийся болотный хищник. Но я знала, что все это правда, потому что однажды ночью своими глазами видела его — бредущую со стороны деревьев темную фигуру, перемазанную грязью. С лопатой на плече он ковылял к дому, не подозревая, что я вижу его из окна спальни. От самой мысли, что он закопал в ту ночь труп, а потом вернулся домой, чтобы поцеловать меня перед сном, мне захотелось вылезти из собственной кожи и сбежать из дома. Как можно дальше.

...Я вздыхаю, конечности от «Ативана» чуть покалывает. Выключив в тот день телевизор, я решила для себя, что мой отец мертв. Разумеется, на самом деле это не так. Признание вины его спасло. Он отбывает шесть последовательных пожизненных заключений в государственной тюрьме Луизианы без права на помилование. Но для меня он мертв. Мне так лучше. Вот только мне отчего-то все сложнее и сложнее верить в собственную ложь. Все сложнее и сложнее забыть. Возможно, дело в свадьбе, в мысли, что он не сможет вести меня за руку под венец. Или в годовщине — *двадцать лет* — и Аароне Дженсене, заставляющем меня вспомнить про жуткий юбилей, с которым я не желаю иметь ничего общего.

Или в Обри Гравино. Еще в одной пятнадцатилетней девочке, чья жизнь оборвалась слишком рано.

Я кидаю взгляд на стол, и он останавливается на ноутбуке. Я открываю его, экран пробуждается; я вызываю браузер, пальцы застывают над клавиатурой. Потом начинаю печатать.

Сперва я вбиваю в «Гугл» *Аарон Дженсен, «Нью-Йорк таймс»*. Экран заполняется страницами из газетных статей. Я открываю одну, перескакиваю к следующей. Потом к еще одной. Теперь мне ясно, что журналист зарабатывает на хлеб, описывая убийства и прочие чужие несчастья. Обезглавленное тело в кустах в Центральном парке Нью-Йорка, многочисленные женщины, пропавшие на канадском шоссе, прозванном впоследствии Дорогой слез. Я кликаю на его биографию. Снимок маленький, круглый, черно-белый. Дженсен из тех людей, чье лицо не соответствует голосу, словно его пришили к телу второпях и ошиблись при этом на пару размеров. Голос глубокий и мужественный, но не лицо. Дженсен худ, на вид тридцати с чем-то лет, на нем очки в коричневой черепаховой оправе, причем не похоже, чтобы он нуждался в услугах окулиста. Есть такие очки с голубыми светофильтрами — специально для тех, кто мечтает обзавестись очками.

Первый звоночек.

На нем облегающая рубашка в клеточку, рукава закатаны по локоть, а поверх тощей груди болтается узкий вязаный галстук.

Второй звоночек.

Я проглядываю статью в поисках третьего. Последней причины, чтобы определить Аарона Дженсена как очередного ублюдка-журналиста, рассчитывающего поживиться на нашей семье, и выкинуть его из головы. У меня уже не первый раз просят подобное интервью, далеко не первый. Мне знакомо это *хотелось бы выслушать, как все видится с вашей стороны*. И я ведь верила. Я позволяла им войти. Рассказывала, как оно мне видится, чтобы несколько дней спустя раскрыть газету и в ужасе обнаружить, как в ней мою семью расписывают чуть ли не отцовскими сообщниками. Как маму обвиняют в интрижках, всплывших в ходе расследования; дескать, она изменяла отцу, а он оттого ощущал *эмоциональную неустойчивость* и *гнев на всех женщин*. Ее обвиняли в том, что она позволяла девочкам бывать у нас в гостях, а сама, поглощенная

мыслями об ухажерах, не замечала, как отец выбирается из дома по вечерам и возвращается обратно весь в грязи. Отдельные статейки намекали даже, что она обо всем знала — знала о мраке у отца внутри и попросту закрывала на это глаза. Дескать, это и довело ее до измен — его педофилия, его ярость. И с ума ее тоже свело чувство вины — вина за ее собственную роль во всем заставила ее замкнуться в себе и бросить детей на произвол судьбы именно тогда, когда они в ней больше всего нуждались.

Детей. Это я еще про детей не начала. Купер, золотой мальчик, которому отец очевидным образом завидовал. Поскольку видел, как девочки на него заглядываются, на его мальчишескую смазливую физиономию, борцовские бицепсы и чарующую улыбку одним уголком рта. Купер, как и любой подросток, хранил дома порнографию, но отец, благодаря мне, ее нашел. Может статься, в этот миг мрак и пополз из всех углов, может статься, перелистывание тех журнальчиков и разбудило в отце то, что он долгие годы сдерживал. Скрытую склонность к насилию.

А тут еще я, Хлоя, вступившая в пору созревания дочь, которая как раз начала пользоваться косметикой, брить ноги и задира́ть блузку, чтобы демонстрировать пупок, в точности как Лина в тот день на фестивале. И в таком виде ходить по собственному дому. На глазах у собственного отца.

Обвинение жертв в чистом виде. Мой отец, белый мужчина средних лет, — и порок, который он не способен объяснить. Не предложил он ни внятных объяснений, ни приемлемого ответа на вопрос *почему*. И, конечно же, это представлялось невозможным — люди не желали верить, что типичный белый мужчина способен убивать без причины. Вот *мы* и сделали́сь причиной: пренебрежение со стороны жены, вызов от сына, ранняя распущенность дочери... Слишком тяжкий груз для его хрупкого эго, вот он в конце концов и сломался.

Я все еще помню те вопросы, которые мне задавали. И свои ответы, вывернутые наизнанку, опубликованные на бумаге и сохраненные в интернет-архивах, откуда их можно вызывать на экраны компьютеров до скончания времен.

— Как вы думаете, почему ваш отец это сделал?

Помню, как я постучала тогда ручкой по бейджику со своим именем, еще новенькому и блестящему: то интервью состоялось, когда я только начала работать в больнице Батон-Ружа. Предполагалось, что это будет очередная духоподъемная история для воскресного выпуска газеты: дочь Ричарда Дэвиса сделалась психологом, одновременно избавляясь от полученной в детстве травмы и помогая другим заблудшим юным душам.

— Не знаю, — ответила я в конце концов. — Иногда простого объяснения попросту не существует. Надо полагать, он испытывал потребность в доминировании, в контроле, но в детстве я такого за ним не замечала.

— Но ваша мать должна была заметить?

Я застыла, вытаращила глаза. Затем произнесла:

— В обязанности моей матери не входило замечать все до единого тревожные признаки в отцовском поведении. Зачастую никаких явных сигналов не увидеть до той поры, когда уже слишком поздно. Взять тех же Теда Банди или Денниса Рейдера^[3]. У обоих были подружки или жены, и семьи их понятия не имели о том, чем они занимаются по ночам. Моя мать не отвечает за него, за его поступки. У нее была своя жизнь.

— Именно так — своя жизнь. Из приговора ясно следует, что у нее было несколько внебрачных связей.

— Да, — сказала я. — Идеальной женой ее назвать было нельзя, но кого из нас...

— И одна из них — с Бертом Родсом, отцом Лины.

Я ничего не сказала — картина убитого горем Берта Родса все еще была свежа в памяти.

— Она была эмоционально отчуждена от вашего отца? Собиралась его бросить?

— Нет, — я покачала головой, — она не была от него отчуждена. Они были счастливы вместе — во всяком случае, я так думала. Они *казались* счастливыми...

— А от вас не была? После приговора она пыталась покончить с собой. Притом, что у нее оставалось двое несовершеннолетних детей, во всем от нее зависевших.

В тот момент я осознала, что статья уже написана; ничего из сказанного сейчас мной не могло бы изменить ее сюжет. Хуже того,

они собирались использовать мои собственные слова — слова психолога, слова дочери — для подкрепления собственных догадок. В качестве доказательств.

...Покинув сайт «Таймс», я открываю новое окно, но не успеваю начать печатать, как раздается трель и поверх экрана вываливается срочное новостное сообщение.

ОБНАРУЖЕНО ТЕЛО ОБРИ ГРАВИНО

Глава 12

Кликать на новости я даже не пытаюсь. Встаю из-за стола, закрываю ноутбук. Облако «Ативана» выносит меня из офиса прямо к машине. Я невесомо плыву над дорогой — через город, через свой район, через входную дверь, — пока не обнаруживаю себя на диване; голова тонет все глубже в подушках, а глаза буравят потолок.

В таком положении я и остаюсь до конца выходных.

Уже утро понедельника, а в доме все еще пахнет синтетическим лимоном от мощного средства, которым я субботним утром оттирала кухонную стойку от винных пятен. Все вокруг чистое — в отличие от меня самой. Я не принимала душ с самого «Кипарисового кладбища», забившаяся под ногти грязь от сережки Обри все еще видна. Корни волос сальные; когда я провожу сквозь них рукой, пряди так и остаются в одном положении, а не ниспадают со лба, как обычно. Перед работой обязательно надо помыться, вот только заставить себя не получается.

То, что ты сейчас ощущаешь, Хлоя, сродни посттравматическому синдрому. Беспокойство не уходит, несмотря на то, что непосредственная угроза миновала.

Само собой, давать советы куда легче, чем им следовать. Я чувствую себя ханжой, самозванкой, излагающей пациенту заученные наизусть рекомендации, которые сама же, будучи пациенткой, сознательно игнорирую. Телефон рядом со мной начинает вибрировать, ползет по мраморной поверхности стойки. Я бросаю взгляд на экран: одно новое текстовое сообщение от Патрика. Проведя по экрану пальцем, я изучаю текст.

С добрым утром, любимая. Ухожу на открытие конференции, большую часть дня отвечать не смогу. Хорошего тебе дня. Я уже соскучился.

Я касаюсь пальцами экрана, и слова Патрика снимают немного тяжести с моих плеч. Сама не могу объяснить, почему он на меня так действует. Такое чувство, будто он знает, что со мной сейчас происходит: я соскальзываю в воду, слишком уставшая, чтобы попробовать ухватиться за ветку над головой, а он — неожиданно

протянувшаяся из ветвей рука, которая хватает меня за одежду и в самый последний момент вытягивает на берег, в безопасность.

Я отправляю ему ответ, возвращаю телефон на стойку, включаю кофеварку и отправляюсь в душ, где до упора выворачиваю ручку. Ступаю под горячую воду, тугой поток колет голое тело словно иголками. Позволяю душе какое-то время жечь себя, чтобы покраснела кожа. И стараюсь не думать про Обри, про найденное на кладбище тело. Не думать о ее коже — исцарапанной, грязной, покрытой личинками, собравшимися на трапезу. Не думать о том, кто ее нашел. Может, насморчный и запыхавшийся полицейский, так торопившийся спрятать найденную сережку в безопасности закрытого фургона... Или женщина в штанах цвета хаки — вот она перепрыгивает через канаву или участок с особенно разросшейся травой, и вопль застревает у нее в глотке, выходит наружу мокрым грудным кашлем...

Вместо всего этого я думаю о Патрике. О том, чем он сейчас занят, — входит в холодную аудиторию в Новом Орлеане, в руках у него, вероятно, пластиковый стаканчик с бесплатным кофе для делегатов; он окидывает взглядом ряды в поисках свободного места, на груди — бейджик с именем... Наверное, он легко там со всеми перезнакомится. Патрик кого угодно способен разговорить. В конце концов, он сумел за какие-то несколько месяцев превратить совершенно незнакомую и постоянно контролирующую собственные эмоции женщину в собственную невесту.

Впрочем, наше первое свидание организовала я. Хоть какая-то заслуга. В конце концов, это его визитка в тот день оказалась между страниц моей книжки. У меня был его телефон, у него моего не было. Смутно припоминаю, как сунула тогда книгу обратно в коробку на крыше машины, как потом переставила коробку в багажник и отъехала прочь, наблюдая в зеркале заднего вида, как он исчезает в дверях больницы Батон-Ружа. Помню, как подумала, какой он милый, да и симпатичный тоже. На визитке значилось *фармацевтические продажи*; это объясняло, как он там оказался. Мне еще подумалось, что он, может статься, оттого со мной и стал заигрывать — просто очередной клиент, очередной заработок...

Про визитку я не забыла и всегда знала, что она там, беззвучно взывает ко мне из угла комнаты. Я продержала ее там сколько смогла, пока три недели спустя не настал черед разбирать и эту коробку с

книгами, последнюю из оставшихся. Помню, как доставала оттуда за корешки, пыльные и потрескавшиеся, по несколько книг разом и ставила их на полки, пока в коробке наконец не осталась лишь одна. Я уставилась в пустую коробку, и глаза мои встретились с холодным бронзовым взглядом Девочки-птичницы на обложке. «Полночь в саду Добра и Зла». Наклонившись, я достала книгу, повернула корешком вниз. Мои пальцы пробежались по страницам, нащупали между ними щель, где и скрывалась визитка. Сунув туда большой палец, я распахнула книгу — и еще раз увидела его имя.

Патрик Бриггс.

Взяв визитку, я принялась постукивать по ней пальцами и задумалась. Телефонный номер глядел на меня с молчаливым вызовом. Я прекрасно понимала неприязнь своего брата к длительным отношениям, к тому, чтобы быть с кем-то слишком близким. С одной стороны, пример отца показал мне, что можно влюбиться в человека, толком его не зная, и я от этой мысли ночами заснуть не могла. Стоило мне заинтересоваться мужчиной, и я неизменно принималась гадать — а этот что скрывает? Чего он мне не говорит? В котором из шкафов, похороненные во мраке, скрываются его скелеты? Я была в ужасе от перспективы обнаружить те шкафы, понять их истинное содержимое — как содержимое шкатулки в шкафу моего отца.

С другой стороны, пример Лины научил меня, что можно полюбить кого-то и потерять его безо всякой причины. Найти самого лучшего человека, а потом однажды утром обнаружить, что он исчез, что его забрала чья-то грубая сила или злая воля. Что, если я *тоже* найду кого-то, самого замечательного, а его у меня заберут?

Не легче ли будет всю жизнь прожить одной?

Чем я уже не один год и занималась. Жила одна. Школу я окончила, толком не приходя в себя. Когда Купер уже отучился и я осталась предоставлена самой себе, на меня начали нападать в спортзале — крутые парни пытались подчеркнуть свою неприязнь к насилию по отношению к женщинам, тыкая кончиком ножа мне в предплечье, рисуя на коже зигзаги. «Это тебе за папашу», — шипели они, совершенно глухие к иронии происходящего. Помню, как я шла домой, а с пальцев, как воск со свечи, капала кровь — по всему городу тянулся алый пунктир, словно на пиратской карте. Сокровище там, где

крестик. Помню, как я убеждала себя, что, если удастся поступить в университет, я смогу уехать из Бро-Бриджа. Уехать от всего этого.

Что я и сделала.

В университете Луизианы у меня были отношения с парнями, но ничего серьезного: пьяные обжимания в переполненном баре, потом мы незаметно ускользали вдвоем в комнату общежития; дверь я всегда оставляла чуть приоткрытой, так, чтобы доносились приглушенные звуки вечеринки. Стены дрожат от дешевой музыки, по коридору катятся смешки девичьих компаний, они хлопают по двери раскрытыми ладонями. А потом перешептываются и переглядываются, когда вы появляетесь из комнаты — взъерошенные волосы, расстегнутые джинсы. Заплетающаяся речь парнишки, которого я выбрала для себя несколько часов назад в результате вдумчивой проверки, целью которой было минимизировать риски как того, что он слишком ко мне привяжется, так и того, что решит убить меня в темном уголке собственной спальни. Значит, не слишком рослый, не слишком мускулистый. Если навалится сверху, я смогу его оттолкнуть. С приятелями (озлобленный одиночка — излишний риск), но не душа компании (слишком много постельных побед — тоже рискованно; такой склонен считать женское тело не более чем послушной игрушкой). И обязательно правильное количество выпитого — не слишком много, иначе стоять не будет, но ровно столько, чтобы слегка пошатывался и немного остекленели глаза. Правильное количество выпитого касалось и *меня* самой — уверенная в себе, чуть возбужденная и одновременно немножко приторможенная, реакции снижены ровно до такой степени, чтобы дать поцеловать себя в шею, не отдернувшись, но не настолько, чтобы утратить внимание, координацию, чувство опасности. Есть надежда, что наутро он моего лица уже не вспомнит; имени уж точно.

Так мне больше нравилось: анонимность — то самое, чего я была начисто лишена в детстве. Роскошь близости — чужое сердце бьется рядом с твоим, чужие пальцы переплелись с твоими — без риска испытать боль. Мои единственные относительно серьезные отношения закончились не лучшим образом; я была не готова к тому, чтобы встречаться. К тому, чтобы полностью доверять другому. Но, повторюсь, мне происходившее казалось нормальным. Я делала все

это, чтобы заглушить одиночество, самым фактом чужого физического присутствия заставить собственное тело поверить, что оно не одно.

Хотя срабатывало почему-то прямо противоположным образом.

Окончив университет, я обрела в больнице друзей, коллег, общество, которым могла окружить себя в течение дня, а на ночь удалиться домой и возобновить привычную изоляцию. Какое-то время все это работало, но стоило мне открыть собственную практику, и я снова обнаружила себя в *полном* одиночестве. Дни и ночи напролет. К тому дню, когда снова взяла в руки визитку Патрика, я едва ли не месяц ни с одной живой душой словом не перемолвилась, если не считать редких эсэмэсок от Купа с Шэннон или звонков из маминой клиники с напоминанием о сроках очередного посещения. Я знала, что когда сквозь двери практики хлынет поток пациентов, ситуация изменится, но это все же не совсем то. Кроме того, смыслом моих бесед с пациентами будет помогать им, а не наоборот.

Карточка Патрика жгла мне руки. Помню, как я подошла к столу, села, откинулась на спинку стула. Взяла телефон и набрала номер. Звонки на другом конце длились так долго, что я почти уже дала отбой. Потом вдруг раздался голос:

— Это Патрик, я вас слушаю.

Я молчала — перехватило горло. Подождав несколько секунд, он попробовал еще раз:

— Алло?

— Патрик, — выговорила я наконец, — это Хлоя Дэвис.

От молчания на другом конце у меня упало сердце.

— Мы познакомились с месяц назад, — умоляюще произнесла я. — В больнице.

— Доктор Хлоя Дэвис, — отозвался он. Я прямо-таки услышала, как его губы растягиваются в улыбке. — Я уж думал, вы не позвоните.

— Я распаковывала вещи, — попыталась объяснить я, чувствуя, что пульс понемногу успокаивается. — Я... потеряла вашу карточку, вот только сейчас нашла, на самом дне коробки.

— Значит, переезд успешно завершён?

— Более или менее, — ответила я, обводя взглядом царящий в кабинете беспорядок.

— Это следует отметить. Как вы смотрите на то, чтобы чуть-чуть выпить?

Я еще никогда не принимала предложения выпить от незнакомцев; все полноценные свидания, на которых мне доводилось бывать, организовывали общие друзья. Руководствовались они самыми лучшими побуждениями, но истинным мотивом, как я понимала, служила неловкость, возникавшая всякий раз, когда я единственной в компании оказывалась без пары. Я заколебалась и почти уже придумала причину, чтобы отказаться. Вместо этого, словно губы мои двигались, не подчиняясь приказам мозга, я поняла, что отвечаю согласием. Не изголодайся я так в тот день по беседе, по хоть какому-то человеческому общению, телефонным звонком все и закончилось бы.

Только вышло по-другому.

Час спустя я сидела в баре ресторана «Ривер Рум» и крутила в пальцах бокал вина. Сидевший рядом на барном стуле Патрик внимательно изучал мой силуэт.

— Что такое? — спросила его я, полусознанным движением поправляя прическу. — У меня что-то в зубах застряло?

— Нет... — Он рассмеялся, отрицательно качая головой. — Просто... просто не могу поверить, что сейчас сижу здесь. Рядом с вами.

Я тогда тоже взглянула на него, пытаюсь разгадать, что скрывается за этими словами. Обычный флирт или нечто более зловещее? Перед свиданием я — само собой — «загуглила» Патрика Бриггса, и вот сейчас узнаю, проделал ли и он ту же штуку. Поиск по имени ничего особенного не обнаружил, только его страничку в «Фейсбуке» с разносортными фотографиями. Со стаканом виски на крыше разнообразных модных баров. С клюшкой для гольфа в одной руке и запотевшей банкой пива в другой. Сидя на кушетке, нога на ногу, с младенцем на коленях — согласно подписи, сыном его лучшего друга. Еще я нашла его профиль в профессиональной соцсети, подтверждавший, что он работает в фармацевтических продажах. И упоминание в газетной заметке от 2015 года, где значилось время, показанное им в Луизианском марафоне: четыре часа девятнадцать минут. Все очень среднее, совершенно невинное, чуть ли не скучное. Ровно то, что мне нужно.

Вот только если он тоже меня «загуглил», то должен был узнать больше. Куда больше.

— Итак, — сказал Патрик, — доктор Хлоя Дэвис, расскажите о себе.

— Знаете, вовсе незачем всякий раз звать меня так. *Доктор Хлоя Дэвис*. Звучит очень формально.

Он улыбнулся, отпил немного виски.

— Как же мне в таком случае вас звать?

— Хлоя, — ответила я, глядя прямо на него. — Просто Хлоя.

— Договорились. Итак, Просто Хлоя... — Я со смехом шлепнула его по руке тыльной стороной ладони. Он улыбнулся в ответ. — Ну серьезно, расскажите о себе. Я сижу тут, выпиваю с незнакомкой... Хотя бы убедите меня в том, что не представляете опасности.

Я почувствовала, что по коже побежали колючие мурашки, заставляя волоски на руках встать дыбом.

— Я родилась в Луизиане, — начала я, осторожно пробуя воду. Патрик никак не отреагировал. — Не в самом Батон-Руже — в небольшом городке примерно в часе отсюда.

— А я вот коренной батонружец, — провозгласил он, чуть наклонив к себе свой стакан. — И как же вас к нам занесло?

— Я здесь училась. У меня степень университета Луизианы.

— Внушает.

— Благодарю.

— Как насчет ревнивых старших братьев, о которых мне лучше знать заранее?

У меня снова упало сердце; все эти фразы могли быть невинным флиртом, но могли также означать, что этот человек хочет выманить у меня правду, о которой сам прекрасно осведомлен. Сразу же нахлынули воспоминания обо всех моих неудачных первых свиданиях, когда я вдруг осознавала — тот, с кем я веду ни к чему не обязывающую беседу, уже знает все, что требуется. Некоторые спрашивали напрямую — «вы ведь дочка Дика Дэвиса, верно?» — а в глазах у них светилась жажда подробностей. Другие нетерпеливо выжидали, барабаня пальцами по столу, пока я говорила о чем-то еще, — можно подумать, я жду не дождусь возможности сообщить, что у меня общая ДНК с серийным убийцей.

— Откуда вы знаете? — спросила я как можно беззаботней. — Оно что, так в глаза бросается?

Патрик пожал плечами.

— Да нет, — сказал он, снова поворачиваясь к бару. — Просто у меня тоже была младшая сестренка, и уж я-то точно был ревнивым. Помнил любого из парней, кто хоть раз на нее глянул. Черт возьми, будь вы ею, я сейчас наблюдал бы за вами из уголка этого самого бара.

Как я выяснила на одном из последующих свиданий, Патрик действительно меня не «гуглил». Моя паранойя насчет его вопросов была именно паранойей, и ничем иным. Он вообще никогда не слышал ни про Бро-Бридж, ни про Дика Дэвиса и пропавших девочек. Когда все случилось, ему было всего семнадцать и он особо не интересовался новостями. Могу вообразить, как его мать старалась оградить его от всего этого точно так же, как моя — меня. Я рассказала ему обо всем однажды вечером, когда мы валялись на диване у меня в гостиной; не знаю точно, чем был обусловлен выбор момента. Наверное, я поняла, что рано или поздно нужно будет во всем признаться. Эта правда обо мне, о моем прошлом должна была стать тем решающим — да или нет — моментом, который определит нашу совместную жизнь, наше будущее или же его отсутствие.

Так что я просто начала говорить, наблюдая за тем, как морщинки у него на лбу делаются все глубже с каждой минутой, с каждой мрачной подробностью. Я рассказала ему *все*: про Лину, про фестиваль, про то, как отца арестовали прямо у нас в гостиной, про слова, которые он произнес, прежде чем его вытолкали в ночь. Рассказала про то, что видела в окно спальни — про отца и лопату, — и про то, что дом, где я провела детство, так и стоит там до сих пор пустой. Оставленные в Бро-Бридже воспоминания о моем детстве, превратившиеся в настоящий колдовской дом, обитель призраков, место, мимо которого детишки несутся, затаив дыхание, чтобы ненароком не вызвать духов, которые наверняка там водятся. Рассказала про сидящего в тюрьме отца. Про признание вины и последовательные пожизненные сроки. Про то, что не видела его и не разговаривала с ним двадцать лет. К тому моменту я уже совершенно собой не управляла; воспоминания просто лились из меня, словно пахучие внутренности из выпотрошенной рыбы. Я и не представляла себе, сколь важно было все это из себя выпустить, как оно отравляло меня изнутри.

Когда я закончила, Патрик молчал. Я смущенно потеревила вылезшую из диванной обивки нитку.

— Просто решила, что тебе все это следует знать, — произнесла я, опустив голову. — Если мы собираемся и дальше, ну, *встречаться* или вроде того. Но я прекрасно тебя пойму, если тебе все это покажется слишком. Если оно тебя отпугнет, поверь, я не стану...

Тут я почувствовала его ладони у себя на щеках, как они легонько поднимают мою голову, чтобы наши взгляды встретились.

— Хлоя, — сказал он мягко. — Это ничуть не слишком. Я люблю тебя.

Потом Патрик объяснил мне, что понимает мою боль; не в том искусственном смысле, в котором друзья и родственники претендуют на *понимание того, через что тебе пришлось пройти*, но в самом непосредственном. В семнадцать лет он потерял сестру; она тоже пропала, в тот же самый год, что и девочки из Бро-Бриджа. На одно ужасное мгновение в моем сознании вспыхнуло отцовское лицо. А за пределами города он не убивал? Не мог отправиться в Батон-Руж, всего в часе езды, чтобы совершить еще одно убийство? Я вспомнила Тару Кинг, еще одну пропавшую девочку, которая отличалась от остальных. Разрыв шаблона. Та, что не укладывалась в схему — и оставалась загадкой десятилетия спустя. И хотя Патрик отрицательно покачал головой, в подробности он вдаваться не стал, назвал лишь имя. *Софи*. Ей было тринадцать.

— Что случилось? — спросила я наконец еле слышным шепотом. Я молилась про себя, чтобы ответ существовал, чтобы я получила надежное подтверждение — отец этого сделать не мог. Но такого не случилось.

— Мы не знаем, — ответил он. — Вот что хуже всего. Вечером она была у подружки в гостях, домой возвращалась уже в темноте. Каких-то несколько кварталов, она там множество раз ходила. И до той ночи ничего с ней не случилось.

Я кивнула, представляя себе Софи, идущую одну вдоль заброшенной дороги. Как она выглядела, я понятия не имела, поэтому ее лицо оставалось как будто в тени. Лишь тело. Тело девочки. Тело Лины.

...Моя кожа уже пылает, она сделалась противоестественно алой, и я пальцами ног нащупываю коврик рядом с душем. Завернувшись в полотенце, прохожу в свой гардероб, перебираю пальцами блузку за блузкой, пока наконец не останавливаю выбор на произвольной

вешалке, пристроив ее на дверную ручку. Уронив полотенце на пол, я принимаюсь одеваться, в памяти всплывают слова Патрика. *Я люблю тебя.* Я и не представляла себе, как жажду услышать эти слова, сколь ярким было их отсутствие в моей жизни до того мгновения. Когда Патрик произнес это спустя всего лишь месяц ухаживаний, я какую-то секунду рылась в голове, пытаюсь вспомнить, когда слышала их в последний раз, когда их произносили ради меня, одной лишь меня.

Так и не вспомнила.

Прохожу в кухню, наливаю кофе в свою дорожную кружку с крышкой, скребу ногтями все еще влажные волосы в надежде, что это поможет им высохнуть. Можно было подумать, что странное совпадение между мной и Патриком вобьет между нами клин — мой отец похищал девочек, его сестру похитили, — но произошло прямо противоположное. Оно нас сблизило, связало произнесенными вслух словами, как узами. Патрик словно заявил на меня права, но в хорошем смысле. Он стал обо мне заботиться. В том же, надо полагать, смысле, в котором права на меня предъявлял Купер, поскольку оба понимали, как это опасно — быть женщиной. Оба понимали, что такое смерть и как быстро она может тебя забрать. Сколь нечестным образом способна завладеть очередной жертвой.

И еще оба понимали *меня*. Отчего я такая, какая есть.

Направляюсь к дверям — в одной руке кофе, в другой сумочка — и выхожу наружу, во влажный утренний воздух. Просто удивительно, что со мной способна сделать единственная эсэмэска от Патрика — как мысли о нем меняют мое настроение, мой взгляд на жизнь. Я чувствую прилив сил, словно душ смыл не только грязь из-под ногтей, но и связанные с ней воспоминания; впервые с того момента, как я увидела изображение Обри Гравино на экране телевизора, нависшее надо мной ощущение неминуемой угрозы практически испарилось.

Я начинаю чувствовать себя нормально. Чувствовать безопасность.

Я сажусь в машину и завожу мотор; дорога до работы знакома до автоматизма. Радио не включаю, зная, что не устою перед искушением найти новостной выпуск и узнать малоприятные подробности насчет обнаруженного тела Обри. Мне не нужно их знать. Я не хочу. Вероятно, эта новость появилась на первых полосах, пропустить ее не получится. Но я пока что хотела бы остаться чистой. Подъехав к

офису, открываю входную дверь, внутри горит свет — регистраторша уже здесь. Войдя в приемную, я разворачиваюсь к ней, ожидая, как обычно, увидеть на ее столе большой стакан кофе из «Старбакса», услышать ее мелодичное приветствие.

Но вижу совсем другое.

— Мелисса, — говорю я, застыв на пороге. Она стоит посреди офиса, ее щеки покрыты красными пятнами. Она плакала. — С тобой все в порядке?

Мелисса трясет головой — «нет» — и прячет лицо в ладонях. Я слышу, как она шмыгает носом, потом начинает подвывать, не отнимая рук от лица; слезы просачиваются между пальцами и капают на пол.

— Какой ужас, — говорит она, снова тряся головой, еще и еще. — Вы видели новости?

Я чуть расслабляюсь и выдыхаю. Она говорит про тело Обри. На долю секунды я чувствую раздражение. Я не хочу сейчас про это разговаривать. Я хочу оставить это в прошлом, забыть о нем. Шагаю мимо нее вперед, к двери своего кабинета.

— Да, видела, — говорю, вставляя ключ в замок. — Ты права, это ужасно. Но по крайней мере у родителей теперь есть определенность.

Она отнимает ладони от лица и озадаченно на меня смотрит.

— Тело, — уточняю я. — Они все-таки его нашли. Так не всегда бывает.

Мелисса знает про моего отца, про мое прошлое. Знает про девочек из Бро-Бриджа и про то, как их родителям так и не довелось увидеть тела. Если взвешивать убийства на рычажных весах, *предположительная смерть* окажется на самом конце шкалы. Нет ничего хуже отсутствия ответов, отсутствия определенности. Неуверенность — несмотря на то, что все улики явно указывают на реальность того, о чем вы и сами в глубине души знаете, но в отсутствие тела неспособны себя убедить. Всегда остается лоскуток сомнения, осколок надежды. Но фальшивая надежда куда хуже, чем ее полное отсутствие.

Мелисса снова шмыгает носом:

— Вы это... вы это про что?

— Про Обри Гравино, — говорю я резче, чем хотелось бы. — Ее тело обнаружили в субботу на «Кипарисовом кладбище».

— А я не про Обри, — медленно произносит она.

Я поворачиваюсь к ней — теперь уже и сама с искаженным лицом. Ключ все еще в замке, но я его не провернула. Рука вяло зависла в воздухе. Мелисса подходит к журнальному столику, берет черную коробочку пульта и направляет на вмонтированный в стену телевизор. Обычно я прошу, чтобы в приемные часы телевизор был выключен, но сейчас она включает его, экран оживает, и на нем обнаруживается еще один ярко-красный заголовок.

*СРОЧНО: В БАТОН-РУЖЕ ПРОПАЛА ЕЩЕ ОДНА
ДЕВОЧКА*

Над полосой бегущей строки — новое девичье лицо. Я вглядываюсь в черты. Песочного цвета волосы скрывают голубые глаза и такие же светлые ресницы; белая, словно фарфоровая кожа усыпана неяркими веснушками. Белизна ее лица завораживает — кожа словно у куклы, прикоснуться страшно, — но тут я резко выдыхаю и роняю руку.

Я узнала ее. Эта девочка мне знакома.

— Я про Лэйси, — говорит Мелисса, глядя в глаза девочке, три дня назад сидевшей перед ней в этой самой комнате; по щеке ее катится слеза. — Лэйси Деклер пропала.

Глава 13

Робин Макгилл была второй девочкой моего отца, его сиквелом. Она была тихой, немногословной, бледной и тоненькой, словно тростинка, а в сочетании с волосами ярко-закатного цвета больше всего напоминала ходячую спичку. На Лину Робин не походила ни в каком доступном воображению смысле, но это ничего не значило. И не спасло ее. Потому что спустя три недели после исчезновения Лины пропала и Робин.

Страх, последовавший за ее исчезновением, был вдвое больше того, что последовал за Линой. Если пропала одна девочка, причин тому можно найти множество. Бродила рядом с болотом, поскользнулась и утонула, а тело утянули вглубь челюсти существа, скрывавшегося под самой поверхностью. Несчастный случай, но не убийство. Может быть, в преступлении виновата ревность — девочка дразнила многих мальчиков, и одного из них дразнить не следовало. Или попросту забеременела и сбежала — эта теория витала над городом, густая и вонючая, словно болотный туман, до тех пор пока на экранах телевизоров не замелькало лицо Робин, — и уж про нее-то каждый знал точно, что она не беременела и не убегала. Робин была умницей и книжным червем, держалась сама по себе и никогда не носила платьев короче чем до середины лодыжек. Пока не исчезла Робин, я и сама была склонна верить всем этим теориям. В сбежавшей несовершеннолетней девочке не было ничего *такого уж* невероятного, особенно если речь шла о Лине. И потом, такое уже случалось. С Тарой. Для такого городка, как Бро-Бридж, убийство казалось куда менее уместным.

Но когда за месяц пропадают две девочки, это уже не совпадение. Не несчастный случай. Не стечение обстоятельств. Это свидетельство коварства, расчета, и куда страшней всего, с чем нам до той поры доводилось сталкиваться. Всего, что мы считали возможным.

...Исчезновение Лэйси Деклер — не совпадение. Я это собственным нутром чувствую. Чувствую так же, как и двадцать лет назад, когда увидела в выпуске новостей лицо Робин; прямо сейчас, стоя в собственном офисе, глаза в глаза с веснушчатой Лэйси, я

ощущаю себя как в двенадцать лет, когда выхожу в подступающих сумерках из школьного автобуса, привезшего меня домой из летнего лагеря, и бегу к дому по пыльной дорожке. Я вижу отца, который ждет меня на крыльце, присев на корточки, и бегу к нему навстречу, хотя следовало бы улепетывать прочь. Страх сжимает меня, словно рука у горла.

Кто-то вышел на охоту. Снова.

— Вы сами-то в порядке? — Голос Мелиссы встряхивает меня, выводит из ступора. Она смотрит прямо на меня, черты лица едва различимы сквозь встревоженность. — Что-то вы побледнели...

— В порядке, — киваю я. — Просто... воспоминания нахлынули, сама понимаешь.

Она тоже кивает; знает, что уточнения не требуются.

— Можешь отменить на сегодня все приемы? — спрашиваю я. — А потом отправляйся домой. Отдохни.

Она снова кивает, на этот раз с облегчением, потом бредет к столу и надевает на голову гарнитуру. Я поворачиваюсь к телевизору и, взяв пульт, добавляю звука. Комнату постепенно заполняет голос ведущего новостного выпуска, сперва тихий, потом очень громкий.

«Для тех, кто только что к нам присоединился, — пришло сообщение, что в окрестностях Батон-Ружа, Луизиана, пропала еще одна девочка, вторая за неделю. Повторяю, мы можем подтвердить, что через два дня после того, как первого июня на «Кипарисовом кладбище» было обнаружено тело Обри Гравино, поступило сообщение об исчезновении еще одной девочки, на этот раз пятнадцатилетней Лэйси Деклер, также из Батон-Ружа. Наш собственный корреспондент Анджела Бейкер находится сейчас в школе «Магнет», Батон-Руж. Анджела?»

Камера уходит прочь от стола ведущего, лицо Лэйси исчезает с экрана. Я вижу перед собой школу в каких-то нескольких кварталах от собственного офиса. Женщина-репортер кивает в камеру, нажимает пальцем на свой наушник и начинает говорить.

«Спасибо, Дин. Я нахожусь в школе «Магнет» Батон-Ружа, Лэйси Деклер оканчивает здесь девятый класс. Мама Лэйси, Джанин Деклер, рассказала полиции, что забрала Лэйси из школы в пятницу утром после тренировки, чтобы отвезти ее на прием к специалисту совсем неподалеку».

У меня перехватывает дыхание; я бросаю взгляд на Мелиссу, пытаюсь понять, расслышала ли она; только она не слушает, а разговаривает по телефону и одновременно стучит по клавишам ноутбука, перенося назначенных на сегодня пациентов. Мне не слишком приятно лишать ее заработка почти за целый день, но я даже вообразить не могу, как стану сегодня кого-то принимать. Будет нечестно брать с них деньги за время, которое я на них не потрачу. Не смогу. Поскольку мысли мои будут витать где-то еще. Я буду думать про Обри, Лэйси и Лину.

Снова гляжу на экран.

«После приема Лэйси должна была отправиться пешком к подруге, чтобы провести у нее уик-энд, но так у нее и не появилась».

Камера переключается на женщину — согласно титрам, это мать Лэйси. Она рыдает в экран, объясняя, что подумала, будто Лэйси выключила телефон, как она зачастую делает. *«Она не такая, как другие дети, которых от «Инстаграма» не оторвать. Лэйси время от времени нужно отключиться. Она очень чувствительная».* Мать вспоминает, как обнаруженное тело Обри послужило ей катализатором, чтобы официально объявить о пропаже дочери, и, как это характерно для женщин, чувствует необходимость защитить себя, доказать всему миру, что она хорошая и внимательная мать. Что она ни в чем не виновата. Я слушаю, как она всхлипывает — *«мне и в страшном сне не могло присниться, что с Лэйси что-то случилось, иначе я тут же заявила бы о ее исчезновении...»* — когда на меня обрушивается осознание: Лэйси ушла с приема в пятницу днем, с приема, который вела я, но так и не появилась там, где ей следовало. Выйдя из моей двери, она исчезла; следовательно, этот офис, мой офис — последнее место, где ее видели живой, а я сама — тот последний человек, кто ее видел.

— Доктор Дэвис?

Я оборачиваюсь. Голос принадлежит не Мелиссе, которая стоит у себя за столом, уставившись на меня и сжимая в руке гарнитуру. Голос низкий, мужской. Я стреляю глазами в сторону дверного проема и понимаю, что сразу за дверью стоят двое полицейских. Я судорожно сглатываю.

— Да?

Они одновременно шагают внутрь, и тот, что слева, пониже ростом, поднимает руку с жетоном.

— Меня зовут детектив Майкл Томас, а это мой коллега, Колин Дойл, — говорит он, дергая головой в сторону крупного мужчины справа. — Мы хотели бы поговорить с вами об исчезновении Лэйси Деклер.

Глава 14

В полицейском участке было жарко — до неприятности жарко. Помню, что по всему кабинету шерифа были расставлены миниатюрные вентиляторы, гонявшие во всевозможных направлениях затхлый воздух, и наклеенные на стол шерифа разноцветные бумажки для записей трепетали под теплым ветерком. Угодившие под перекрестный обстрел короткие прядки у меня на висках щекотали мне щеки. На шее шерифа Дули одна за другой проступали капли влаги и впитывались в воротник, оставляя темные мокрые пятна. Первый осенний день уже почти миновал, но жара все еще оставалась невыносимой.

— Хлоя, детка, — сказала мама, сжимая мои пальцы потной ладонью, — пожалуйста, покажи шерифу то, что показала мне сегодня утром.

Я опустила взгляд на шкатулку у себя на коленях, чтобы не встречаться с ним глазами. Не хотела я ему показывать. Не хотела, чтобы он знал то, что знаю я. Чтобы увидел то, что видела я, то, что находится в шкатулке, — поскольку как только он увидит, всему конец. Все необратимо изменится.

— Хлоя.

Я подняла глаза на шерифа, который наклонился сейчас ко мне поверх стола. Голос у него был глубокий и грубый, но и ласковый при этом тоже — наверное, из-за тягучего южного акцента, его ни с чем не спутать; каждый звук густой и медленный, точно капля патоки. Он смотрел на шкатулку у меня на коленях, старинный деревянный ящичек, где мама хранила свои серьги и оставшиеся от бабушки брошки, пока отец на прошлое Рождество не подарил ей новую. Внутри была фигурка балерины; когда открываешь крышку, она начинала вращаться, танцевать под негромкий позвякивающий мотив.

— Не бойся, радость моя, — сказал он, — ты все правильно делаешь. Просто расскажи мне обо всем с самого начала. Где ты нашла эту шкатулку?

— Мне сегодня утром было скучно, — начала я, крепче прижав ее к животу и ковыряя ногтем расщепившуюся древесину. — На улице

жара, наружу мне не хотелось, вот я и решила поиграть с косметикой, прическу себе накрутить, все такое...

На моих щеках выступил румянец, но и мама, и шериф сделали вид, будто ничего не замечают. Я всегда вела себя по-мальчишески и предпочитала активные игры с Купером во дворе возле с прической, но после той самой встречи с Линой стала обращать внимание на такие свои свойства, которыми раньше совершенно не интересовалась. На то, как выпирают ключицы, если зачесать волосы назад, или как губы кажутся более пухлыми, когда хорошенько намажешь их ванильным бальзамом. Тут я выпустила шкатулку из рук и вытерла рот предплечьем, внезапно осознав, что бальзам-то никуда не делся.

— Я понял, Хлоя. Продолжай.

— Ну, я пошла к маме с папой в спальню, стала копаться в шкафу... Но я ничего такого не искала, — добавила я, кинув взгляд на маму. — Честное слово, просто думала взять косынку или что-то такое, волосы подвязать, и тут вижу твою шкатулку с бабушкиными заколками...

— Все в порядке, детка, — прошептала она, по ее щеке скатилась слеза. — Я не сержусь.

— Ну я и взяла ее, — сказала я, снова опустив взгляд на шкатулку. — И открыла.

— И что ты увидела внутри? — спросил шериф.

У меня задрожали губы, и я снова прижала шкатулку к себе.

— Я не ябеда, — прошептала я, — и не хочу никому неприятностей.

— Нам просто нужно знать, что в шкатулке, Хлоя. О неприятностях речи пока что нет. Давай глянем, что там, а потом уже будем решать.

Я отрицательно затрясла головой, поскольку наконец-то полностью ощутила всю серьезность ситуации. Не надо было показывать маме шкатулку, вообще не надо было ничего говорить. Просто захлопнуть крышку, сунуть ее обратно в пыльный угол и забыть обо всем. Только вот я поступила иначе.

— Хлоя, — сказал шериф, усаживаясь прямой. — Все очень серьезно. Твоя мама обратилась с весьма существенным заявлением, так что нам необходимо знать, что в шкатулке.

— Я передумала, — в панике воскликнула я. — Спутала что-то с чем-то и все такое... Там нет ничего важного!

— Ты ведь дружила с Линой Родс?

Я прикусила язык и нехотя кивнула. В маленьком городке все про всех знают.

— Да, сэр, — ответила я. — Она была ко мне очень добра.

— Ну так вот, Хлоя, эту девочку кто-то убил.

— Шериф, — произнесла мама, подавшись вперед. Он остановил ее жестом руки, не отводя от меня пристального взгляда.

— Кто-то убил ее и выбросил тело в таком жутком месте, что мы до сих пор его ищем. Мы не смогли найти тело, чтобы отдать родителям. Что ты по этому поводу думаешь?

— Я думаю, это просто ужас, — прошептала я, уронив слезинку.

— Вот и я тоже так думаю. Только это еще не все. Тот, кто убил Лину, на этом не остановился. Этот человек убил еще пять девочек. И, может статься, до конца года убьет еще пять. Так что если ты что-то знаешь насчет того, кем этот человек может быть, мы тоже должны это знать, Хлоя. Пока он не убил кого-то еще.

— Я ничего не хочу вам показывать, если у папы из-за этого будут неприятности. — Слезы у меня уже лились ручьем. — Я не хочу, чтобы вы его забрали!

Шериф откинулся на спинку кресла, в его взгляде читалось сочувствие. Помолчав с минуту, он подался вперед и снова заговорил:

— Даже если это спасет чью-то жизнь?

* * *

Я поднимаю взгляд на двух мужчин перед собой — детектива Томаса и полицейского Дойла. Они в моем кабинете, в удобных креслах, в обычное время предназначенных для пациентов, и внимательно смотрят на меня. Выжидающе. Ждут, когда я что-нибудь скажу, как ждал шериф Дули двадцать лет назад.

— Прошу меня простить. — Я попрямее усаживаюсь в собственном кресле. — Я что-то задумалась на секундочку... Не могли бы вы повторить вопрос?

Мужчины переглядываются, потом Томас кладет на стол передо мной фотографию.

— Лэйси Деклер, — произносит он, постучав по ней пальцем. — Вам это имя или это лицо знакомы?

— Да, — отвечаю я. — Да, Лэйси — моя новая пациентка. Я принимала ее в пятницу днем. Судя по новостям, вы здесь именно из-за этого.

— Совершенно верно, — говорит Дойл.

Рот он открыл в первый раз за визит, и я непроизвольно оборачиваюсь к нему. Голос мне знаком. Я его уже слышала — хриплый, задыхающийся. В эти выходные, на кладбище. Это тот самый полицейский, который подбежал к нам, когда нашлась сережка Обри. Тот самый, кто забрал ее у меня из рук.

— В котором примерно часу Лэйси покинула ваш офис?

— Она у меня была в тот день... ну да, последней пациенткой, — говорю я, с трудом оторвав взгляд от Дойла и глядя на детектива. — Стало быть, ушла около шести тридцати.

— Вы видели, как она ушла?

— Да, — отвечаю я. — То есть нет. Я видела, как она выходит из офиса, но не из здания.

Полицейский озадаченно смотрит на меня, будто тоже узнал.

— То есть вы полагаете, что из здания она не выходила?

— Мне кажется разумным предположить, что все-таки вышла, — говорю я, стараясь не раздражаться. — Если выйти за дверь офиса, больше особенно и деваться-то некуда, только наружу. Есть еще чулан уборщика, но он всегда заперт, и туалет у самой входной двери. Вот и все.

Оба кивают; похоже, ответ их удовлетворил.

— А о чем шла речь во время приема? — интересуется детектив.

— Я не могу ответить на этот вопрос. Отношения между психологом и пациентом сугубо конфиденциальны. Я не имею права пересказывать то, что говорят мне клиенты внутри этих стен.

— Даже если это спасет чью-то жизнь?

Меня словно кулаком в грудь ударили, вышибив из легких весь воздух. Пропавшие девочки, вопросы, которые задают полицейские. Слишком много для меня одной, и все так похоже... Я изо всех сил моргаю, пытаюсь избавиться от заполнившего мое периферийное

зрение яркого сияния. На какую-то секунду мне даже кажется, что я падаю в обморок.

— Я... я прошу прощения, — говорю, заикаясь. — Что вы сказали?

— Если б Лэйси во время приема в пятницу сказала вам что-то, что могло бы потенциально спасти ей жизнь, вы поделились бы с нами?

— Да, — отвечаю я дрожащим голосом. Опускаю глаза на ящик стола, на таблетки, сулящие убежище, стоит лишь протянуть руку. Мне нужно принять таблетку. Прямо сейчас. — Разумеется, я вам сказала бы. Услышь я от нее хоть что-то, заставившее заподозрить, что она в опасности, я поделилась бы с вами.

— Тогда почему она вообще пришла к психотерапевту, раз с ней все в порядке?

— Я психолог. — Мои пальцы трясутся. — И она в первый раз была у меня на приеме, это вводная сессия. Фактически просто знакомство. У нее... нелады в семье, и ей нужна помощь, чтобы с этим справиться.

— Нелады в семье, — повторяет Доил. Он все еще смотрит на меня с подозрением — во всяком случае, мне так кажется.

— Именно. — Я киваю. — И прошу меня простить, но больше ничего я рассказать не могу.

Встаю, намекая тем самым, что им пора уходить. Я была на месте преступления, где обнаружили тело Обри — господи, этот вот самый полицейский ко мне подошел, когда у меня *в руках* улика была! — а теперь оказалась последней, кто видел Лэйси перед исчезновением... Оба эти совпадения, да еще вкупе с моей фамилией, должны немедленно поместить меня в самый фокус следствия — где мне быть совершенно не хочется. Окидываю взглядом кабинет — нет ли здесь чего-либо, способного намекнуть, кто я такая и что у меня в прошлом. Никаких личных сувениров я здесь не держу, ни семейных фото, ни напоминаний о Бро-Бридже. Все, что они обо мне знают, это имя, но если захотят узнать побольше, этого будет достаточно.

Полицейские снова переглядываются и тоже в унисон встают; от скрежета кресел по полу у меня мурашки бегут по коже.

— Что ж, доктор Дэвис, спасибо, что уделили нам время, — говорит детектив Томас. — И если вы вспомните что-нибудь, имеющее

отношение к расследованию, что-то, о чем, на ваш взгляд, нам следует знать...

— Я немедленно вам сообщу, — подхватываю я, вежливо улыбаясь. Они подходят к двери, открывают ее и, прежде чем выйти, обводят взглядом приемную, уже пустую.

Дойл неуверенно разворачивается обратно.

— Простите, доктор Дэвис, еще один вопрос, — говорит он. — Вы кажетесь мне знакомой, но я не могу вспомнить, откуда. Мы с вами раньше не встречались?

— Нет, — отвечаю я, скрестив руки на груди. — Нет, не думаю.

— Вы уверены?

— Вполне, — говорю я. — А теперь прошу меня извинить, у меня сегодня один прием за другим. Девятичасовая пациентка вот-вот будет здесь.

Глава 15

Я выхожу в приемную; там так тихо, что звук моего собственного дыхания словно делается громче. Томас и Дойл ушли. Сумочки Мелиссы не видно, экран ее компьютера темный. Сверкает лишь телевизор; лицо Лэйси словно заполняет всю комнату ее незримым присутствием.

Я солгала Дойлу. Мы встречались — на «Кипарисовом кладбище», когда тот забрал у меня из ладони сережку мертвой девочки. Про сегодняшние приемы я тоже солгала. Мелисса их отменила, о чем я ее сама же и попросила, и вот сейчас, в девять пятнадцать утра понедельника, мне совершенно нечем заняться — только усесться в пустом кабинете и предоставить мраку собственных мыслей сожрать меня с потрохами и выплюнуть косточки.

Но я знаю, что не могу себе этого позволить. Только не опять.

Беру в руку телефон, решая, с кем могла бы поговорить сейчас, кому позвонить. Купер отпадает сразу — он слишком встревожится. Начнет задавать вопросы, на которые я не хочу отвечать, делать выводы, которых мне хотелось бы избежать. Будет смотреть на меня с беспокойством, бросать взгляды на ящик стола, молча гадая, какие избавительные средства я храню там, во мраке, и что за мысли, ими порожденные, бурлят сейчас у меня в голове. Нет, мне нужен кто-то рациональный, спокойный. Кто мог бы успокоить и меня. Следом я думаю о Патрике, но он на конференции. Я не могу его этим отвлекать. Не то чтобы он не нашел минутки меня выслушать — все как раз наоборот. Он тут же бросит все и помчится на помощь, а я не могу ему позволить. Не хочу во все это впутываться. Да и во что *это*, собственно? Всего лишь мои собственные воспоминания, собственные неукротенные демоны, всплывающие на поверхность подобно пузырям. Для решения этой проблемы он не сможет ничего сделать, не сможет сказать ничего такого, что до сих пор не сказал. А мне вовсе не это нужно. Мне нужен кто-то, способный меня выслушать.

И тут я вскидываю голову. Я вдруг поняла, куда мне направиться.

Схватив сумочку и ключи, я запираю дверь офиса, прыгаю в машину и отправляюсь на юг. Каких-то несколько минут спустя

сбрасываю скорость и сворачиваю под вывеску «Риверсайд — уход за родственниками»; за ней уже виднеется знакомая россыпь домиков цвета пыльцы. Мне всегда казалось, что выбор краски должен был символизировать солнце, счастье и другие подобные приятности. Какое-то время я даже в это верила, убедив себя, что расцветка способна искусственно улучшить настроение обитателей клиники. Но некогда ярко-желтая краска успела выцвести, стены под безжалостным воздействием времени и стихий облезли, лишившиеся ставней окна зияли беззубыми ухмылками, сквозь трещины тротуара начали пробиваться сорняки — словно и им хотелось удрать отсюда подальше. Подъезжая сейчас к зданиям, я вижу вовсе не сияющее мне навстречу солнце с его теплом, энергией и весельем. Я вижу запустение — словно смотрю на несвежую простыню или пожелтевшие нечищенные зубы.

Будь я собственным пациентом, я бы знала, что сейчас себе сказать.

Это проекция, Хлоя. Не может ли оказаться, что ты наблюдаешь в этих зданиях признаки небрежения, поскольку чувствуешь, что и сама пренебрегаешь кем-то внутри?

Ну да, ну да. Я сама все знаю, но от этого не легче. Свернув на парковку у входа, хлопаю дверцей чуть громче, чем нужно, и, пройдя через автоматическую дверь, оказываюсь в вестибюле.

— Хлоя, здравствуйте!

Обернувшись к стойке, я улыбаюсь машущей мне рукой женщине. Она крупная, с большим бюстом, волосы туго забраны в пучок над головой, униформа на ней выцветшая и обмякшая. Я машу рукой в ответ и облакачиваюсь о стойку.

— Привет, Марта, как поживаете?

— Неплохо, неплохо. Заглянули навестить мамочку?

— Да, мэм, — улыбаюсь я.

— Давненько вас не было. — Она достает журнал посетителей и придвигает ко мне. В ее голосе звучит упрек, но я стараюсь не обращать внимания, сосредоточившись вместо этого на журнале. Он открыт на чистой странице, я пишу на верхней строчке свое имя, взгляд падает на дату в правом верхнем углу: 3 июня, понедельник. Я судорожно глотаю — так щемит сейчас сердце.

— Все так, — выговариваю я наконец. — Дел по горло, но это меня не оправдывает. Я должна была заехать раньше.

— Свадьба уже совсем скоро, верно?

— Через месяц, — отвечаю я. — Сама поверить не могу.

— Рада за вас, милая моя. Очень рада. Уверена, что и мамочка ваша радуется.

Я снова улыбаюсь, благодарная ей за эту ложь. Мне тоже хочется верить, что мама за меня радуется, вот только сказать наверняка ничего нельзя.

— Проходите, — говорит она и снова убирает журнал к себе на колени. — Дорогу вы знаете. С ней сейчас должна быть сиделка.

— Спасибо, Марта.

Развернувшись, я окидываю взглядом вестибюль — от него в разных направлениях расходятся три коридора. Левый ведет к кухне и столовой, где здешних обитателей кормят, каждый день в одно и то же время, пищей из огромных баков — водянистыми омлетами, спагетти с мясом, тушеной курицей под маковым соусом; все это подается с увядшими листьями салата, обильно спрыснутыми солоноватой приправой. Средний коридор ведет в общий холл, обширный зал с телевизорами, настольными играми и на удивление удобными креслами, мне в них не раз доводилось вздремнуть. Я сворачиваю направо — в коридор номер три, утыканный дверями палат, — и шагаю по бесконечной дорожке из мраморного линолеума, пока не достигаю комнаты 424.

— Тук-тук, — говорю, стуча по приоткрытой двери. — Мама?

— Заходите, заходите! У нас сейчас как раз утренний туалет.

Заглянув в палату, я вижу маму — впервые за месяц. Все по-прежнему — она выглядит одновременно такой же и не такой. Такой же, как все последние двадцать лет, но не такой, какой ее предпочитает видеть моя память, — молодой, прекрасной, полной жизни. Яркие летние платья, чуть прикрывающие загорелые колени, волнистые волосы, забранные назад заколками, покрасневшие от летней жары щеки. Теперь я вижу, как ее бледные худые ноги выглядывают из-под незапахнутого халата, а она безо всякого выражения на лице сидит в кресле-каталке. Сиделка расчесывает ей волосы, подстриженные сейчас по плечи, а она глядит в выходящее на парковку окно.

— Привет, мама. — Я захожу, присаживаюсь на краешек постели и улыбаюсь. — Доброе утро.

— Доброе утро, дорогая, — откликается сиделка. Новая, мне не знакомая. Она это, похоже, чувствует и продолжает: — Меня зовут Шерил. Мы с вашей мамочкой вместе почти месяц и уже успели друг к дружке привыкнуть, правда, Мона?

Легонько похлопав маму по плечу, она улыбается, еще несколько раз проводит расческой по волосам, потом кладет ее на прикроватную тумбочку и разворачивает кресло ко мне. При виде маминого лица я всякий раз испытываю шок, сколько бы лет ни прошло. Оно не обезображено, не искалечено до неузнаваемости. Просто другое. Мелочи, которые и делали маму мамой, изменились — так, ее некогда идеально ухоженные брови разрослись, придавая лицу несколько мужской вид. Кожа воскового оттенка без следов макияжа, волосы вымыты дешевым шампунем, кончики от него делаются тонкими и непослушными.

И шея. Длинный широкий шрам никуда не делся.

— Я вас оставлю, — говорит Шерил, направляясь к двери. — Если что понадобится, крикните.

— Спасибо.

Я остаюсь с мамой наедине. Ее глаза словно буравят мои собственные, и во мне снова вспыхивает чувство вины. После попытки самоубийства маму поместили в клинику в Бро-Бридже. Мы с Купером были еще слишком юны, чтобы жить самостоятельно — мне двенадцать, ему пятнадцать, — поэтому нас отправили к тетке на окраине городка, но мы сразу же решили забрать ее оттуда, как только сможем. И заботиться о ней самостоятельно. Потом Куперу исполнилось восемнадцать, но было ясно, что с ним она остаться не может, он не сумеет постоянно за ней приглядывать. Мой брат на месте-то усидеть не способен, а ей нужен распорядок. Несложный, но распорядок. Поэтому, когда я поступила в университет, мы перевезли ее в Батон-Руж; предполагалось, что когда окончу, то и буду присматривать... но и тут обнаружили причины этого не делать. Разве смогу я получить степень, постоянно заботясь о матери-инвалиде? А познакомиться с кем-то, встречаться, выйти замуж... хотя, если честно, у меня прекрасно получалось уклоняться от всего этого и без посторонней помощи. В результате она так и оставалась

здесь, в «Риверсайте», а мы все убеждали себя, что это временно. Когда я защитилась. Когда мы накопили достаточно денег. Когда я открыла собственную практику. Год тянулся за годом, но мы приглушали вину, посещая ее каждый уик-энд. Сперва вдвоем, потом по очереди, одну неделю — Купер, другую — я, стараясь побыстрее закончить каждый визит, не отрываясь от телефонов, поскольку втискивали посещения между другими важными делами. Теперь мы обычно приезжаем, только когда об этом попросят сиделки. Так-то они добрые, но наверняка шушукаются у нас за спиной. Осуждают нас за то, что совсем бросили мать, оставив ее на попечение чужих людей.

Чего они не могут понять, так это что она тоже нас бросила.

— Прости, что давно не заглядывала, — говорю я, всматриваясь в ее лицо в поисках какого-либо движения, каких-либо признаков жизни. — Свадьба уже в июле, столько всего приходится организовывать в последний момент...

Молчание лениво тянется, хотя я уже привыкла. Разговаривать сама с собой. Я знаю, что она не ответит.

— Обещаю уже скоро привести сюда Патрика, чтобы вы познакомились, — говорю я. — Он тебе понравится. Он хороший.

Мама несколько раз моргает и стучает пальцем по подлокотнику. Я бросаю изумленный взгляд на ее руку и снова спрашиваю:

— Хочешь с ним познакомиться?

Она снова легонько стучит пальцем, и я улыбаюсь.

...Я обнаружила маму на полу встроенного шкафа в ее спальне вскоре после того, как отцу вынесли приговор, — того самого шкафа, где я нашла шкатулку, определившую его судьбу. Поэтический символизм не ускользнул от меня даже в двенадцатилетнем возрасте. Она пыталась повеситься на отцовском кожаном ремне, но потолочная балка не выдержала. Когда я ее там обнаружила, лицо у нее было багровым, глаза вылезли, она лишь чуть сучила ногами. Помню, как я принялась орать Куперу, чтобы тот хоть что-то сказал, хоть что-то сделал. Помню его, ошеломленного, молча застывшего в коридоре. «СДЕЛАЙ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ!» — заорала я снова, и он заморгал, тряхнул головой и бросился к шкафу делать ей искусственное дыхание. В какой-то момент меня осенило, что нужно позвонить в 911, что я и сделала. Так вот мы ее и спасли — однако лишь частично, не целиком.

Месяц мама провела в коме. Мы с Купером были недостаточно взрослыми, чтобы решать за врачей, так что выбирать пришлось нашему отцу в тюрьме. Он отказался отключать аппаратуру. Посетить маму он не мог, но ее состояние ему обрисовали четко — она никогда уже не сможет ни ходить, ни говорить, ни что-либо самостоятельно делать. И все равно отец предпочел дать ей шанс. Я снова заметила в этом поэтический символизм — на свободе он убивал, а оказавшись за решеткой, предпочел спасти жизнь. Неделю за неделей мы наблюдали, как мама неподвижно лежит на больничной койке, а грудь ее поднимается и опускается при помощи аппарата искусственного дыхания, пока однажды утром она не сделала самостоятельное движение — открыла глаза.

К ней так и не вернулись ни способность двигаться, ни речь. Ее мозг сильно пострадал от аноксии, резкого недостатка кислорода, так что она осталась в состоянии, как его называли врачи, *бодрствующей комы*. Они еще всякие другие слова говорили про поражение мозга — *обширное, необратимое*. Она не совсем здесь, но и не целиком нас покинула. Насколько глубоко она способна понимать окружающее — дело мутное; в иные дни я начинаю рассказывать про нашу с Купером жизнь, про все то, что нам довелось пережить и переделать за годы, прошедшие с того дня, когда она решила, будто ради нас жить не стоит, и вижу в ее глазах искорку, которая означает — она меня слышит. Понимает, что я говорю. И просит прощения.

Бывают и другие дни, когда я гляжу ей в черные, как чернила, зрачки и вижу там лишь собственное отражение.

...Сегодня день хороший. Она меня слышит. И понимает. Слов произносить не в состоянии, зато способна постукивать пальцем. За долгие годы я успела понять, что стук имеет смысл — что-то вроде кивка, надо полагать, мягкое напоминание, что она следит за разговором.

Хотя, может статься, мне просто хочется, чтобы так было. И в действительности он ничего не значит.

Я гляжу на маму — живое воплощение боли, причиненной отцом. Если уж быть честной, в этом и заключается истинная причина того, почему она все эти годы здесь. Конечно, ухаживать за кем-то со столь глубокой степенью инвалидности — огромная ответственность, но я бы справилась, если б захотела. У меня достаточно денег, чтобы нанять

себе помощницу, может статься, даже постоянную сиделку. Истина в том, что я этого не хочу. Не могу себе представить, как день за днем заглядываю ей в глаза и вынуждена переживать тот миг, когда мы ее нашли — снова, и снова, и снова. Не могу представить, как воспоминания захлестывают мой дом — то единственное место, где я до сих пор старалась поддерживать хоть какую-то видимость нормальной жизни. Я бросила маму, потому что мне так легче. Точно так же я бросила и дом, где провела детство, отказавшись копаться в старом барахле и заново переживать весь случившийся там ужас. Просто оставила его потихоньку гнить, словно он, если не признавать его существования, как-то сам собой растает.

— Еще до свадьбы приведу, — говорю я, честно намереваясь так и поступить. Я хочу, чтобы Патрик познакомился с мамой и чтобы мама с ним — тоже. Я кладу ладонь ей на ногу, она такая тонкая, что мне инстинктивно хочется отдернуться, за двадцать лет неподвижности мышцы атрофировались, остались лишь кожа да кости. Но я заставляю себя не убирать ладонь, даже чуть поглаживаю. — Только, мама, я ведь не об этом хотела поговорить. Не потому приехала.

Опускаю глаза к собственным коленям, прекрасно понимая, что стоит словам сорваться с моих губ, их будет уже не проглотить, не отмотать обратно. Они будут заключены в сознании моей мамы — в запертой шкатулке, ключ от которой потерян. А когда они там окажутся, она уже не сможет выпустить их наружу. Не сможет обсудить их, даже произнести вслух, снять с души камень, как могу я — как снимаю его *прямо* здесь и сейчас. Я вдруг чувствую себя ужасной эгоисткой. Но ничего не могу с собой поделать. Так что все равно говорю:

— Опять пропавшие девочки. Убитые. Здесь, в Батон-Руже.

Кажется, я вижу, как у нее расширились глаза, хотя, опять же, может быть, мне просто того хочется.

— В субботу на «Кипарисовом кладбище» обнаружили тело пятнадцатилетней девочки. Я там была с поисковой партией. Мы нашли ее сережку. А сегодня утром объявили о пропаже еще одной. Тоже пятнадцать лет. И на этот раз я ее *знаю*. Это моя пациентка.

В комнате повисает молчание, и впервые с тех пор, как мне было двенадцать, я очень хочу услышать мамин голос. Мне отчаянно

хочется, чтобы ее практичные и в то же время заботливые слова укутали мне плечи, будто пледом зимой, и я почувствовала бы себя в безопасности. В тепле.

Все очень серьезно, моя хорошая, но ты просто будь осторожна. И внимательна.

— Все это выглядит очень знакомо, — говорю я, уставившись в окно. — Есть в нем что-то такое, что кажется... не знаю. Тем же самым. Словно дежавю. Ко мне в офис пришли полицейские, и наш разговор напомнил мне...

Я осекаюсь и гляжу на маму, думая о том, помнит ли и она нашу тогдашнюю беседу в кабинете шерифа Дули. Спертый воздух, трепещущие под вентилятором листочки для записей, деревянную шкатулку у меня на коленях...

— Целые разговоры будто бы опять всплыли на поверхность, — говорю я. — Словно я повторяю их снова и снова. Но потом я думаю о том времени, когда у меня в последний раз было такое же чувство...

Снова осекаюсь, напоминая себе, что уж об этом-то мама никак помнить не может. Про последний раз она ничего не знает — про то время в университете, когда воспоминания нахлынули снова, столь живые, что я не могла отличить прошлое от настоящего, *тогда от сейчас*. Реальность от воображения.

— Наверное, у меня просто по случаю приближающейся годовщины паранойя разыгралась, — говорю я. — Ну, то есть больше обычного.

Смеюсь, убираю руку с ее ноги, чтобы прикрыть рот. Задеваю ладонью щеку и чувствую, что она мокрая, что по лицу бегут слезы. Я и не подозревала, что плачу.

— Мне, похоже, просто требовалось проговорить все это вслух. Сказать кому-нибудь, чтобы самой почувствовать, насколько все глупо звучит. — Я вытираю щеку ладонью, которую потом обтираю о брюки. — Господи, как я рада, что раньше всего заглянула к тебе... Вообще не знаю, из-за чего я так беспокоюсь. Отец в тюрьме. И никакого отношения к этому не имеет.

Мама смотрит на меня; глаза ее переполнены вопросами, которые, как я знаю, она хотела бы задать. Опускаю взгляд на ее руку, на почти незаметно дрожащие пальцы.

— А вот и я!

Я подскакиваю на месте и резко оборачиваюсь туда, откуда прозвучал голос. Это Шерил, стоит в дверном проеме. Положив руку на грудь, я перевожу дух.

— Не хотела вас испугать, дорогуша, — смеется она. — Как вы тут без меня, неплохо провели время?

— Да. — Бросаю взгляд на маму. — Хорошо все-таки, когда получается встретиться.

— У вас ведь, Мона, всю неделю от посетителей отбоя нет, верно?

Я улыбаюсь, радуясь, что Купер исполнил свое обещание.

— И давно мой брат успел заскочить?

— Не ваш брат, нет. — Шерил подходит к маме сзади, берет ее руками за спинку каталки, ногой отпускает тормоз. — Другой человек. Сказал, что он — друг семьи.

Я гляжу на нее, нахмурив лоб.

— Какой еще другой человек?

— Ну, такой, модного вида, не из местных. Вроде сказал, что из Нью-Йорка...

У меня сдавливает грудь.

— Каштановые волосы? — спрашиваю я. — Очки в черепаховой оправе?

Шерил щелкает пальцами, потом тыкает указательным в мою сторону:

— В точку!

Я встаю, беру с кровати сумочку.

— Мне пора, — говорю, быстро подхожу к маме и обнимаю ее за шею. — Прости меня, мама. Прости... за все.

Выскочив за дверь, я несусь по коридору; с каждым стуком каблука в грудной клетке нарастает ярость. Да как он посмел? Как он только *посмел*? Добежав до вестибюля, я врезаюсь в стойку и пытаюсь перевести дух. Да, я догадываюсь, кто этот загадочный визитер, но мне нужно быть уверенной...

— Марта, мне нужен журнал посетителей.

— Вы в нем уже расписались, милочка. Помните, когда вошли?

— Нет, мне нужно глянуть, кто приходил раньше. В эти выходные.

— Дорогая моя, не уверена, что могу вам позволить...

— Кто-то в этом здании позволил пройти к моей матери человеку, не имевшему на то разрешения. Он назвался другом семьи, но никакой

он не друг. Это опасный человек, и мне нужно знать, был ли он здесь.

— Опасный? Милочка, мы не пускаем никого, кто не имел бы...

— Пожалуйста, — прошу ее я. — Пожалуйста, можно мне посмотреть?

Она какое-то время вглядывается в меня, потом, нагнувшись, берет со стола журнал и пододвигает его ко мне вдоль стойки. Я шепчу «спасибо» и принимаюсь листать покрытые подписями страницы за предыдущие дни. Добираюсь до вчерашнего раздела — я потратила этот день впустую, валяясь на диване, — быстро пробегаю глазами по списку, и сердце мое замирает, когда я вижу имя, которое надеялась не увидеть.

Записанное неразборчивым почерком доказательство, которое я искала.

Аарон Дженсен был здесь.

Глава 16

После второго гудка отвечает знакомый голос:

— Аарон Дженсен.

— *Говнюк!* — сообщаю я, даже не пытаюсь представиться, и ураганом несусь к машине через парковку. Вернув журнал, я немедленно набрала голосовую почту моего офисного телефона и заново прослушала сообщение, которое Аарон оставил мне в пятницу вечером.

Можете перезвонить мне прямо по этому номеру.

— Хлоя Дэвис, — отвечает журналист; по голосу можно заподозрить, что он улыбается. — Я так и думал, что вы мне сегодня позвоните.

— Вы заходили к *моей матери!* Кто дал вам право?

— Я сообщил вам, что намерен встретиться с вашей семьей. И честно обо всем предупредил.

— Нет, — я трясусь головой, — вы сказали насчет отца. На отца мне насрать, но мама — это уже за гранью!

— Давайте встретимся. Как вы понимаете, я сейчас в городе. И все вам объясню.

— Идите в жопу, — обрываю его я. — Не собираюсь я с вами встречаться. Ваш поступок напрочь неэтичен.

— Вы что, об этике со мной хотите поговорить?

Я застываю на месте в двух шагах от своей машины.

— Что вы имеете в виду?

— Просто давайте сегодня встретимся. Я вас надолго не задержу.

— Я занята, — нагло утверждаю я, открывая машину и проскальзывая внутрь. — Один пациент за другим.

— Тогда я зайду к вам в офис. Подожду в приемной, пока у вас окно в расписании не появится.

— Нет, — выдыхаю я, зажмуриваясь. Упираюсь лбом в руль. Ходить и дальше вокруг да около бессмысленно. Дженсен все равно не отвяжется. Он прилетел в Батон-Руж из Нью-Йорка ради того, чтобы встретиться со мной, и если я хочу, чтобы он перестал копать в моей жизни, придется с ним поговорить. Лично. — Пожалуйста, в офис не

надо. Я согласна с вами встретиться, хорошо? Прямо сейчас. Где бы вы хотели?

— Час еще ранний... Как насчет кофе? Я угощаю.

— Рядом с рекой есть одно заведение, — говорю я, ущипнув себя за переносицу. — «Кофе-хаус». Жду вас там через двадцать минут.

Даю отбой, врубаю заднюю передачу и, развернувшись, еду в направлении Миссисипи. До кафе мне десять минут, но я хочу быть там раньше его. Когда он только появится в дверях, я уже буду сидеть за столиком, который сама выберу. В нашем разговоре я займу водительское сиденье и не стану довольствоваться ролью пассажира. Не стану защищаться, как сейчас, когда меня застали врасплох.

Припарковавшись неподалеку, я ныряю внутрь небольшого кафе — замечательного, но мало кому известного заведения на Ривер-роуд, наполовину скрытого за дубовыми деревьями, с которых осыпается серо-зеленая листва. Внутри полусумрак. Я заказываю себе латте; мой взгляд останавливается на доске объявлений над стойкой с сахаром и сливками. Между рекламой уроков игры на скрипке с отрывными бумажками понизу и плакатом предстоящего концерта втиснуто фото Лэйси Деклер, сверху черным фломастером написано «РАЗЫСКИВАЕТСЯ». Фотография приколотая кнопкой поверх другого листка бумаги, лишь уголки виднеются. Я протягиваю руку и отвожу фото в сторону — под ним листовка с изображением Обри; ее уже успели заменить, спрятать из виду, словно неисправный торговый автомат.

Я протискиваюсь за угловой столик, сев так, чтобы видеть входную дверь. Мои пальцы начинают нетерпеливо барабанить по краю чашки; я заставляю себя держать их неподвижно, хотя нервная энергия сочится у меня из каждой поры. Потом жду.

Проходит пятнадцать минут, латте совсем остыл. Я уже думаю подойти к стойке и попросить его подогреть, но не успеваю шелохнуться, как вижу входящего внутрь Аарона. Я немедленно узнаю его по фотке на сайте — на нем снова клетчатая рубашка, уже другая, и все те же дурацкие очки без диоптрий, — хотя он вовсе не так худ, как на том фото. Одежда облегает его куда плотней, чем я себе представляла; тяжело болтающаяся на плече кожаная компьютерная сумка, натянув ткань, обрисовывает неожиданный бицепс. Интересно, как давно сделана та фотография — наверное, сразу после

университета. Когда он, по сути, был еще мальчиком. Я продолжаю его разглядывать, а он неспешно проходит через кафе, присматривается к витрине с пирожными, щурится на прикрученное поверх бара меню. Заказав капучино, расплачивается наличными, беззаботно лизнув пальцы, прежде чем взяться за купюры. Сдачу бросает в банку для чаевых. Ожидая кофе, изучает картины на стенах; когда кофеварка громко взвизгивает, я ежусь.

От его спокойствия мне почему-то не по себе. Я ожидала, что он ворвется внутрь, надеясь поскорей со мной разделаться, — точно так же, как я надеялась разделаться с ним. Я хотела, чтобы он торопился, оказался потным, запыхавшимся. Чтобы для него стало неожиданностью, что я уже здесь. Вместо этого он опоздал. И ведет себя так, словно торопиться ему вообще некуда. Ведет себя так, словно это *он* управляет ситуацией... И тут я понимаю.

Он знает, что я здесь. Знает, что я за ним наблюдаю.

Это его спокойствие, эта беззаботность — лишь демонстрация, на меня и рассчитанная. Он хочет, чтобы я начала нервничать, задергалась. Мысль эта бесит меня даже больше, чем следует.

— Аарон, — кричу я, слишком живо размахивая при этом рукой. Он дергает головой и смотрит в мою сторону. — Я здесь!

— Привет, Хлоя. — Улыбаясь, он подходит к столику и ставит сумку на стул. — Спасибо, что согласились встретиться.

— Доктор Дэвис, — уточняю я. — И это вы меня вынудили.

Аарон ухмыляется:

— Я тут ждал, пока сварят капучино... Вам, к слову, что-нибудь заказать?

— Не нужно. — Я киваю на чашку у себя между ладоней. — У меня уже есть, спасибо.

— Давно вы здесь? Похоже, ваш кофе остыл.

Я смотрю на него, пытаюсь сообразить, как это можно было заметить. Наверное, у меня озадаченный вид, поскольку Дженсен, улыбнувшись самую малость, показывает на кромку моей чашки, где уже начинает конденсироваться влага.

— Пар не идет.

— Я здесь всего две минуты, — говорю я.

— Ну да. — Он продолжает разглядывать мой кофе. — Если хотите, я попрошу его для вас подогреть...

— Не нужно. Давайте уже начнем.

Он улыбается, кивает. Потом возвращается к бару, чтобы забрать свою чашку.

Все верно, думаю я, поднося чашку к губам и морщась от комнатной температуры напитка; заставляю себя сделать глоток. *Говнюк и есть*. Аарон садится на стул напротив меня, достает из сумки блокнот, я ставлю чашку обратно на стол. Украдкой бросаю взгляд на пресс-карту, аккуратно приколотую к рубашке, на ней — крупный логотип «Нью-Йорк таймс».

— Прежде чем вы начали что-либо записывать, хотелось бы кое-что прояснить, — говорю я. — Это не интервью. Это — разговор, в котором я прямо и недвусмысленно требую прекратить преследование моей семьи.

— Не думаю, что два моих телефонных звонка можно квалифицировать как преследование.

— Вы заявили в клинику к моей матери.

— А, вот вы о чем, — говорит журналист, подтягивая рукава повыше. — Я у нее в комнате минуты две пробыл, самое большее — три.

— Надеюсь, успели за это время получить уйму ценной информации. — Я меряю его яростным взглядом. — Она ведь у меня такая болтунья...

Какое-то время Аарон молчит, глядя на меня.

— Если честно, я не представлял себе всей глубины ее... инвалидности. Прощу меня извинить.

Я киваю — хоть маленькая, но победа.

— Но я ведь и не поговорить с ней туда ездил, — продолжает он. — Не за этим. Нет, я надеялся добыть какую-нибудь информацию, но в первую очередь думал привлечь ваше внимание. Я знал, что мой визит заставит вас со мной встретиться.

— Только зачем вы с таким упорством добивались этой встречи? Я вам уже все сказала. С отцом я не разговариваю. Не поддерживаю никаких отношений. Никакой ценной информации от меня не добиться. Если честно, вы без толку тратите время...

— План статьи изменился. Эта сторона вопроса меня уже не интересует.

— Так, — говорю я, не очень понимая, к чему он клонит. — А какая интересует?

— Обри Гравино, — отвечает Дженсен. — А теперь и Лэйси Деклер.

Я чувствую, как в моей грудной клетке все быстрее колотится сердце. Быстро обвожу взглядом внутренность кафе, но там почти никого нет. Понижаю голос до шепота:

— Почему вы решили, будто у меня есть что сказать про этих девочек?

— Потому что их смерти... я не склонен считать, что это простое совпадение. Думаю, они как-то связаны с вашим отцом. И еще думаю, что вы поможете мне обнаружить эту связь.

Я качаю головой, крепко обхватив чашку руками, чтобы они не тряслись.

— Послушайте, все это притянута за уши. Знаю, вам кажется, что из этого выйдет отличный сюжет — но вы ведь сами должны понимать, с учетом вашей специализации и всего прочего, что такое происходит сплошь и рядом.

Аарон польщенно улыбается.

— Вы постарались про меня разузнать, — говорит он.

— Вы-то про меня все знаете.

— Тоже верно, — соглашается он. — Но послушайте, Хлоя, наблюдается явное сходство. Вы не можете этого отрицать.

Вспоминаю утренний разговор с мамой. Ползучее ощущение дежавю, в котором я сама себе призналась, неудобное чувство, что все это уже было. Но я ведь себя не в первый раз так чувствую, не в первый раз воссоздаю отцовские преступления у себя в голове. Однажды такое уже случилось, но только тогда я ошиблась. Очень и очень сильно.

— Вы правы, сходство есть, — говорю я. — Какой-то ублюдок убил девочку-подростка. Весьма прискорбно, но, как я уже сказала, такое происходит сплошь и рядом.

— Хлоя, двадцатилетняя годовщина уже близко. Похищения и правда случаются постоянно — но не серийные убийства. У того, что они происходят здесь и сейчас, имеется причина. И вам она известна.

— Ого, с каких это пор речь идет о серийных убийствах? Вы в своих выводах слишком далеко заходите. Есть только одно тело. *Одно.*

Лэйси, насколько мы знаем, могла просто убежать из дому.

Аарон смотрит на меня, в его глазах мелькает разочарованная искорка. Теперь его очередь понизить голос.

— Мы с вами прекрасно знаем, что никуда Лэйси не убегала.

Вздыхнув, я устремляю взгляд поверх плеча Аарона и сквозь окно, наружу. Усиливается бриз, пряди мха развеваются на ветру. Я вижу, что небо стремительно меняется — из бледно-голубого, словно яйцо малиновки, делается разбухшим и серым; даже находясь внутри, я прекрасно чувствую надвигающуюся грозу. С фотографии с надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» на меня смотрит Лэйси; ее глаза нашли меня здесь, за столиком. Я не могу заставить себя встретить ее взгляд.

— И что же, по-вашему, сейчас происходит? — спрашиваю, продолжая смотреть наружу, на деревья вдалеке. — Мой отец в тюрьме. Он — чудовище, с этим я не спорю, но ведь не призрак же во плоти. Он уже никому не способен причинить вред.

— Я знаю. — Аарон кивает. — Само собой, это не он. Но я думаю, это кто-то, желающий им стать.

Я вновь смотрю на него, прикусив губу изнутри.

— Думаю, у нас появился подражатель. И готов биться об заклад, что к концу недели будет новая жертва.

Глава 17

Любой серийный убийца оставляет что-то вроде подписи. Подобно имени в уголке картины или пасхалке, скрытой в сцене фильма, — ведь любой художник хочет обессмертить собственные творения. Чтобы о них помнили годы и годы спустя.

И не всегда эта подпись делается кровью, как любят показывать в кино — вырезанные прямо на теле зашифрованные символы или отчлененные конечности, разбросанные по всему городу. Иногда это нечто очень простое — идеальный порядок на месте преступления или то, в какой позе тело лежит на полу. Одни и те же приемы слежки за жертвой, зафиксированные ни о чем не подозревающими случайными свидетелями, с ритуальной точностью раз за разом повторяющиеся процедуры — пока постепенно не проявляется определенная схема. Которая не слишком-то отличается от методичности, с которой исполняют свои повседневные дела обычные люди, как если бы не существовало иных способов заправлять постель или мыть посуду. Люди, как меня учили, управляют своими привычками, и то, как человек лишает другого жизни, говорит о нем очень и очень многое. Любое убийство так же уникально, как и отпечаток пальца. Вот только после отца не осталось ни тел, на которых он мог оставить отметки, ни мест преступления, чтобы сохранить его автографы, ни даже отпечатков пальцев, которые можно снять и проанализировать. Целый город задавался вопросом: можно ли обнаружить подпись художника, если нет холста?

Ответ: нельзя.

Отдел полиции Бро-Бриджа потратил все лето девяносто девятого года, прочесывая Луизиану в поисках ключа к личности преступника. Вслушивались в каждый шепоток, надеясь, что тот укажет на реального подозреваемого, искали скрытые подписи на несуществующих местах преступления. И, само собой, ничего не нашли. Шесть пропавших девочек — и ни единого свидетеля, который заметил бы подозрительного типа, ошивавшегося рядом с общественным бассейном, либо машину, медленно ползущую по ночным улицам в поисках жертвы. Ответ в конце концов обнаружила

я. Двенадцатилетняя девочка, решившая поиграть с маминной косметикой и забравшаяся в глубины родительского шкафа в поисках косынки, чтобы завязать волосы. Вот там-то, взяв в руки деревянную шкатулку, я и увидела то, что никто другой не мог увидеть.

Отец не оставлял улики — он забирал их себе.

* * *

— Даже если это спасет чью-то жизнь, Хлоя?

Я разглядывала капающий с шеи шерифа Дули пот. Он же смотрел на меня так пристально, как никто до сих пор не смотрел. На меня и на шкатулку, которую я сжимала в руках.

— Если ты отдашь мне шкатулку, то сможешь спасти жизнь. Подумай об этом. Представь себе, что кто-то мог бы спасти жизнь Лине, но не стал, потому что не хотел неприятностей.

Я опустила взгляд на колени и чуть кивнула. Потом быстро, чтобы не передумать, вытянула руки перед собой.

Шериф охватил мои ладони своими — на них были резиновые перчатки, скользкие, но теплые на ощупь, — потом осторожно забрал у меня шкатулку. Вгляделся в крышку, подцепил ее пальцами и приподнял — кабинет наполнила звякающая мелодия. Чтобы не видеть, что написано у него на лице, я сосредоточилась на балерине, медленно описывающей идеальные круги.

— Там украшения, — сказала я, не отводя глаз от танцующей девочки. В том, как она кружилась в своей выцветшей розовой юбочке, воздев руки над головой, было нечто завораживающее. Она напомнила мне Лину, ее пируэт во время фестиваля.

— Я вижу. Ты знаешь, чьи они?

Я кивнула. Я знала, что ему нужен более подробный ответ, но не могла заставить себя его произнести. Во всяком случае, по собственной воле.

— Чьи это украшения, Хлоя?

Я услышала, как из груди мамы рядом со мной вырвался всхлип, и кинула взгляд в ее сторону. Она зажимала себе рот рукой, голова ее дергалась. Мама уже видела, что находится внутри шкатулки, я ей дома показала. Я надеялась услышать от нее какое-то объяснение,

отличное от того, что уже начало тогда оформляться в моей собственной голове. Того единственного, которое действительно что-то объясняло. Но у нее не нашлось что сказать.

— Хлоя?

Я снова посмотрела на шерифа.

— Колечко для пупка — это Лины. Вон там, в самой середине.

Шериф достал из шкатулки маленького серебряного светлячка. Проведя не одну неделю во мраке, тот казался сейчас мертвым. Там не было солнца, чтобы заставить его светиться.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела его у Лины на фестивале. Она мне показывала.

Он кивнул и опустил светлячка обратно в шкатулку.

— А остальные?

— Вон то жемчужное ожерелье я знаю, — произнесла мама, всхлипывая. Шериф глянул на нее, снова полез в шкатулку и достал нитку с нанизанными жемчужинами — крупными, розовыми; на концах нитки ленточки, чтобы завязывать. — Это Робин Макгилл. Я... я его на ней видела. Как-то в церкви, в воскресенье. Я еще сказала ей, что оно очень необычное. Ричард был там со мной. Он его тоже видел.

Шериф вздохнул и положил ожерелье обратно.

В течение последующего часа удалось идентифицировать и остальные украшения — бриллиантовые сережки Маргарет Уокер, серебряный браслет Керри Холлис, кольцо с сапфиром Джилл Стивенсон, серьги из белого золота Сьюзен Харди. Следов ДНК на них не было — все украшения оказались тщательно протертыми, как и сама шкатулка, — но родители девочек смогли все подтвердить. Это были подарки — на окончание восьмого класса, по случаю конфирмации, ко дню рождения. Предметы, назначением которых было отмечать вехи жизненного пути дочерей, вместо этого навеки остались памятниками их безвременной смерти.

— Ты нам помогла, Хлоя. Спасибо тебе.

Я лишь кивнула — позвякивающий ритм ввел меня в какой-то расслабленный ступор. Шериф Дули захлопнул крышку, и я вскинула голову — чары исчезли. Он снова пристально смотрел на меня, держа одну руку на закрытой теперь шкатулке.

— Ты когда-нибудь видела своего отца рядом с Линой Родс или другими пропавшими девочками?

— Да, — сказала я, и в памяти у меня вспыхнула картинка с фестиваля. Как он на нее смотрит, на ее высокий, гладкий живот. Как резко опускает голову, обнаружив, что его заметили. — Я видела, как он смотрел на нее на фестивале раков. Как раз когда она мне светлячка показала.

— И что именно он делал?

— Просто... глазел. Она задрала блузку вверх. Потом увидела, что он смотрит, и помахала ему.

Мама неодобрительно хмыкнула и покачала головой.

— Пока вы не ушли, больше ты ничего рассказать нам про отца не хочешь? Что-то такое, что нам следовало бы знать?

Я выдохнула и крепче охватила себя обеими руками. В кабинете было жарко, но меня вдруг пробрал озноб.

— Я его однажды с лопатой видела, — сказала я, избегая встречаться взглядом с мамой. Она про это еще не знала. — Он шел к дому через двор, с болот возвращался.

Все замолкли, новое откровение повисло в воздухе, подобно густому утреннему туману.

— А сама ты где была?

— У себя в спальне. Мне не спалось, а прямо под окном у меня скамейка, я там читать люблю. Простите, что я раньше ничего не сказала. Я... я не знала...

— Конечно же, не знала, радость моя, — сказал шериф Дули. — Откуда тебе было знать? Ты и так уже сделала больше чем достаточно.

* * *

По всему дому прокатывается раскат грома, и висящие ножками вверх внутри винного шкафа бокалы начинают дребезжать, словно кто-то зубами стучит. На подходе еще одна летняя гроза. В воздухе я ощущаю электричество, на губах привкус дождя.

— Хло, ты меня слышала?

Я поднимаю взгляд от бокала, наполовину наполненного каберне. Воспоминание о кабинете шерифа Дули медленно тает, и я вижу рядом с кухонной стойкой Патрика — рукава закатаны, в одной руке большой нож. Сегодня днем он вернулся со своей конференции раньше, чем

ожидалось. Приехав домой из офиса, я застала его на кухне пританцовывающим под Луи Армстронга; на нем был мой фартук, а стол завален ингредиентами для ужина. Вспомнив эту картину, я улыбаюсь.

— Извини, нет. Что ты такое сказал?

— Я сказал, что ты и так уже сделала более чем достаточно.

Я покрепче сжимаю ножку бокала, рискуя, что тонкое стекло треснет прямо под пальцами. И копаюсь в мозгу, пытаюсь сообразить, о чем мы с ним только что разговаривали. Последние дни я блуждаю в собственных мыслях, погружена в воспоминания. Особенно пока Патрика не было и я оставалась дома одна, чувство было такое, словно я опять живу в прошлом. Когда с губ Патрика слетают какие-то слова, я даже не знаю, действительно ли он их произносит или это мое воображение извлекает их из чуланов памяти и вкладывает ему в рот, чтобы он выплюнул их мне обратно. Я тоже открываю рот, собираясь заговорить, но Патрик меня опережает.

— Полицейские не имели никакого права заявляться к тебе прямо в офис, — продолжает он, не отводя взгляда от разделочной доски. Быстрыми плавными движениями шинкует морковь, потом сдвигает ее ближе к краю и принимается за помидоры. — Слава богу, у тебя в это время еще не было посетителей. Твоей репутации такое еще как могло навредить!

— Это да, — отвечаю я. Вспомнила. Мы говорили про Лэйси Деклер и про детектива Томаса с Дойлом, допрашивавших меня прямо на работе. Мне показалось, ему следует об этом рассказать, на случай если о том, где в последний раз видели Лэйси, объявят по новостям. — С другой стороны, все-таки я последней видела ее в живых.

— Может статья, она и сейчас жива, — говорит Патрик. — Тело не нашли. Уже целая неделя прошла.

— Это верно.

— А другая девочка... сколько ее искали, пока не нашли? Трое суток?

— Да, — отвечаю я, вращая вино в бокале. — Да, трое суток. Получается, ты за всем этим следил?

— Ну, вроде того. Постоянно в новостях. Такое не пропустишь.

— Даже в Новом Орлеане?

Патрик продолжает шинковать, помидорный сок стекает с разделочной доски и собирается в лужицу на стойке. Дом сотрясает еще один раскат грома. Он ничего мне не отвечает.

— Тебе не кажется, что это мог быть один и тот же человек? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали беззаботно. — Не думаешь, что тут есть... ну, какая-то связь?

Патрик пожимает плечами:

— Не знаю. — Он пальцем стирает с лезвия помидорный сок, потом облизывает его. — По-моему, еще рано об этом говорить. Так о чем они тебя спрашивали?

— Да ни о чем конкретно. Пытались выяснить у меня, что она рассказывала во время приема. Само собой, я не стала отвечать, чем они остались не слишком довольны.

— Правильно сделала.

— Спросили, видела ли я, как она вышла из здания.

Патрик смотрит на меня, наморщив лоб.

— А ты видела?

— Нет. Как выходит из офиса — да, но не из здания. Ну, то есть я-то была уверена, что она вышла. Там и деваться больше некуда. Разве что на нее напали прямо внутри, только... — Я делаю паузу, смотрю на покрывающую стенки бокала рубиновую жидкость. — Только это как-то маловероятно.

Он кивает, переводит взгляд на разделочную доску, потом сгребает с нее овощи в сковородку. Кухню заполняет аромат чеснока.

— Во всем прочем разговор был совершенно бестолковый, — говорю я. — Они, похоже, даже не знали, с чего начать.

Снаружи все застилает сплошная пелена дождя; дом наполняется звуком миллионов пальцев, которые барабанят по крыше, умоляя впустить их внутрь. Патрик бросает взгляд на окно, потом подходит к нему и распахивает настежь; в кухню вливается густой земляной запах летней грозы, смешиваясь с ароматом домашней пищи. Какое-то время я наблюдаю за ним, за тем, как естественно Патрик скользит по кухне, посыпает тушащиеся овощи молотым перцем, втирает в розовое филе лосося марокканские пряности, перекидывает полотенце через могучее плечо — и мое сердце переполняется теплом от совершенства всех этих действий. От его совершенства. Никогда не смогу понять, отчего он выбрал меня, *ущербную Хлою*. Он ведет себя так, словно

полюбил меня с нашей первой встречи, с того самого мгновения, как узнал мое имя. Но Патрик еще столько всего про меня не знает... Я думаю про спрятанную в моем кабинете небольшую аптечку — мой спасательный круг — и про то, как я использовала его имя для фальшивых рецептов ради того, чтобы собрать всю эту коллекцию. Думаю о своем детстве, о своем прошлом. Обо всем том, что я повидала. Всем том, что сделала.

Он тебя не знает, Хлоя.

Я пытаюсь выбросить слова Купера из головы, но понимаю, что брат прав. Если не считать моей семьи, Патрик знает про меня больше, чем кто-либо еще на свете, но это не так уж и много. Поверхностный уровень. Имитация. Я уверена, что, если покажу ему себя всю — покажу *ущербную Хлою*, открою ему свою пахучую, пульсирующую сердцевину, — ему хватит одного вдоха, чтобы отшатнуться. То, что ему откроется, никому понравиться не может.

— Ну и хватит об этом, — говорит он и наклоняется поверх стойки, чтобы наполнить мой изрядно опустевший бокал. — Как прошел остаток недели? Из свадебного удалось что-нибудь сделать?

Вспоминаю субботнее утро, когда Патрик отправился в Новый Орлеан. Я собиралась тогда заняться свадьбой, даже открыла ноутбук и ответила на несколько имейлов, но потом гостиную заполнили новости про Обри Гравино, и нахлынувшие воспоминания заперли меня внутри собственной головы, как в ушедшем под воду автомобиле. Я вспоминаю, как вышла из дома и принялась бесцельно кружить по Батон-Ружу, как наткнулась на «Кипарисовом кладбище» на поисковую партию, как мы нашли сережку Обри, как я уехала оттуда за несколько минут до того, как обнаружили и саму Обри. Думаю про Аарона Дженсена, навестившего маму, про теорию, которой он со мной поделился и которую я целую неделю изо всех сил пытаюсь забыть. Сейчас пятница, а Аарон предсказал, что к понедельнику найдут еще тело. До сих пор этого не случилось, и с каждым прошедшим днем груз на моих плечах делается чуть легче. Поскольку повышаются шансы, что он ошибся.

На какую-то секунду я задумываюсь о том, что из этого следует рассказать Патрику, и решаю, что пока не готова, чтобы он узнал меня ближе — во всяком случае, с этой стороны. С той, которая сама себе выписывает лекарства, чтобы успокоить нервы. С той, которая

присоединяется к поисковой партии на кладбище в попытках найти ответы на вопросы, задаваемые самой себе уже двадцать лет. Поскольку Патрик не позволяет мне прятаться, не дает бояться. Он устраивает для меня неожиданные вечеринки, готовится к свадьбе в июле, попросту плюет в лицо моим иррациональным страхам. Узнай он, чем я занималась всю неделю, пока его не было — глушила себя таблетками до полного оцепенения, вертела в голове сочиненный репортерешкой сценарий, втянула во все это собственную маму, при том что она не могла возразить, — ему было бы за меня стыдно. Мне *самой* стыдно.

— Вроде бы да, — говорю я наконец и отпиваю из бокала. — Торт будет карамельный.

— Вот это прогресс! — восклицает Патрик, перегибается еще дальше через стойку и целует меня в губы. Я откликаюсь на поцелуй, потом чуть отстраняюсь и гляжу на него. Он тоже вглядывается мне в лицо, его глаза изучают каждый участок моей кожи.

— Что случилось? — спрашивает он, погружая пальцы мне в волосы. Его ладонь охватывает мой череп, и я опускаю в нее голову, словно в колыбель. — Что не так, Хлоя?

— Все хорошо, — улыбаюсь я ему. По кухне волной прокатывается очередной громовой раскат, и я чувствую мурашки, бегущие по коже; не знаю, на что я так реагирую — молния ли это, вспыхнувшая снаружи, или то, как пальцы Патрика гладят мою шею, медленно рисуя круги на особо нежном участке кожи прямо за ухом. Я закрываю глаза. — Просто я так счастлива, что ты дома...

Глава 18

Когда я просыпаюсь, дождь все еще идет — дождь той медленной, ленивой разновидности, которая грозит немедленно усыпить тебя заново. Я лежу во мраке, чувствуя под боком тепло Патрика, его кожу, прижатую к моей, его медленное, размеренное дыхание. Прислушиваюсь к капели за окном, к отдаленным раскатам грома. Закрываю глаза и представляю себе Лэйси — тело наполовину присыпано грязной землей, дождь смыл последние остатки улики, если они вообще были...

Сейчас утро субботы. Тело Обри нашли неделю назад. С новостей об исчезновении Лэйси и моей встречи с Аароном Дженсенем прошло пять дней.

— ...Почему вы решили, что это подражатель? — спросила я его, сгорбившись над остывшим кофе. — Мы ведь пока что почти ничего и не знаем.

— Время и место. Две пятнадцатилетние девочки, что соответствует жертвам вашего отца, похищены и убиты за какие-то несколько недель до годовщины исчезновения Лины Родс. Плюс то обстоятельство, что дело происходит в Батон-Руже, где теперь проживает семья Дика Дэвиса.

— Но есть ведь и разница. Тела жертв моего отца так и не нашли.

— Верно, — согласился Аарон. — Но, я думаю, подражатель как раз *хочет*, чтобы их нашли. Ему нужно, чтобы его усилия оценили. Тело Обри он бросил на кладбище, где ее видели в последний раз. Понятно, что его должны были вскоре обнаружить.

— Да, но ровно об этом и речь. Это не похоже на то, что делал отец. Скорее уж преступник случайно наткнулся на Обри, убил ее на месте, да там же и оставил. В этом преступлении не видно никакого расчета.

— Место, где он ее бросил, чем-то важно. Оно имеет особое значение. Может быть, он оставил рядом с телом улики, чтобы их нашли...

— Для моего отца «Кипарисовое кладбище» не имело никакого особого значения, — возразила я, раздражаясь. — А время убийства —

не более чем совпадение.

— По-вашему, то, что вторую девочку, Лэйси, похитили в нескольких минутах от вашего офиса, тоже совпадение?

Я не нашлась что ответить.

— Не удивлюсь, Хлоя, если окажется, что этот персонаж уже крутился где-то неподалеку от вас. Подражатели — у них ведь всегда имеется причина для подражания. Может статься, они восхищаются тем, кого пытаются повторить, а может, напротив, презирают его, — но в любом случае копируют его стиль. Его жертв. Пытаются *стать* тем убийцей, что был до них, а быть может, даже превзойти его.

Я приподняла брови и сделала глоток кофе.

— Подражатель убивает оттого, что одержим личностью другого убийцы, — продолжил Аарон, сложив руки на столе и наклонившись вперед. — Он все про него знает, а следовательно, может оказаться, что он знает и вас. Наблюдает за вами. Он мог видеть, как Лэйси от вас выходит. Я всего лишь прошу вас довериться собственным ощущениям. Быть настороже и прислушиваться к тому, что подсказывает вам инстинкт.

Я подумала про «Кипарисовое кладбище», про ощущение, будто за мной наблюдают, которое испытывала, подходя к машине и по дороге в офис. Заерзала на стуле, чувствуя все возрастающее беспокойство. Разговоры об отце всегда заставляли меня испытывать вину, вот только я никогда не могла понять, за что именно. За то, что предала его, что единственная из всех указала на него, и в результате он оказался за решеткой до конца своих дней? Или за то, что у меня с ним одна кровь, одна ДНК, одна фамилия? Сколько раз, когда речь заходила об отце, я чувствовала неодолимое желание просить прощения. Просить у Аарона, у родителей Лины, у всего Бро-Бриджа. У всех вокруг — за то, что существую на свете. В мире было бы куда меньше боли, если б Ричард Дэвис вообще не родился...

Однако он родился, а следом за ним и я.

Чувствую рядом движение и поворачиваю голову к Патрику, который не спит и смотрит на меня. Наблюдает за мной, за тем, как движутся мои обращенные к потолку глаза, пока я прокручиваю в голове разговор с Аароном.

— Доброе утро. — Голос у него все еще сонный, он вздыхает, охватывает меня руками и прижимает к себе. — О чем задумалась?

— Да ни о чем, — отвечаю я, тоже прижимаясь поближе. Трусь о его бедра и улыбаюсь: в меня упирается что-то твердое. Изогнувшись, я поворачиваюсь к нему, охватываю его ноги своими — и вот мы уже в полусонном молчании занимаемся любовью. Наши тела, чуть влажные от утреннего пота, прижаты одно к другому; Патрик впивается в меня крепким глубоким поцелуем — язык прямо у меня в глотке, зубы давят на губу. Его руки шарят по моему телу, по бедрам, животу, минуют грудь и приближаются к горлу.

Я отвечаю на поцелуи, стараясь не обращать внимание на руки у себя на шее. Мне хотелось бы, чтобы он перенес их куда-то еще, куда угодно... Но Патрик этого не делает. Не убирает руки, а сам продолжает двигаться — резче и резче, быстрее и быстрее. Руки начинают давить. Я с криком отталкиваюсь от него и поспешно отодвигаюсь в сторону, как можно дальше.

— Что такое? — спрашивает он и садится, ошеломленно глядя на меня. — Я сделал тебе больно?

— Нет, — говорю я, чувствуя, как колотится сердце. — Нет, не больно. Просто...

Смотрю на него, на его озадаченное лицо. На беспокойство во взгляде, что он все-таки причинил мне боль, на обиду, которую он не может не чувствовать при мысли, что я вырвалась из его объятий, будто его пальцы были горящими спичками, обжегшими мне кожу. Потом вспоминаю, как он целовал меня вечером на кухне. Как трогал пальцами трепещущую жилку под челюстью, как ласково, но твердо взял за шею...

Я валюсь обратно на подушку и вздыхаю:

— Прости меня. — Крепко зажмуриваю глаза. Надо выбросить это из головы. — Что-то я сегодня сильно напряжена. Дергаюсь без видимой причины.

— Все в порядке. — Патрик обнимает меня за талию. Я знаю, что все испортила, — его возбуждения след простыл, да и моего тоже; но он все равно меня обнимает. — Сейчас столько всего творится...

Я знаю, что он знает, что я думаю про Обри и Лэйси, но вслух этого никто из нас не произносит. Какое-то время мы лежим молча и слушаем дождь. Стоит мне подумать, что Патрик, кажется, опять заснул, как я слышу его шепот:

— Хлоя?

— М-м-м...

— Ты мне ничего рассказать не хочешь?

Я не отвечаю, и затянувшееся молчание говорит ему все, что он хочет знать.

— Ты можешь смело со мной поделиться, — шепчет он. — Я твой жених. Я за тебя. Всегда.

— Знаю, — говорю я. И я ему верю. В конце концов, я все рассказала Патрику про отца, про свое прошлое. Но одно дело — отвлеченно перебирать воспоминания, сообщая о них как о свершившихся фактах, только и всего. И совершенно другое — заново переживать их в его присутствии. Видеть в каждом темном углу лицо отца, слышать слова мамы, эхом звучащие в чужих словах. Хуже всего, что все это — ощущение дежавю — уже *было* раньше. Никогда не забуду взгляд Купера, когда он смотрел на меня тогда, давно, а я пыталась объяснить свои поступки, свои мысли. Ту смесь озабоченности с неподдельным страхом.

— Я в порядке, — говорю. — Честное слово. Просто столько всего сразу... Девочки пропадают, отцовская годовщина скоро...

Мой телефон на прикроватной тумбочке принимается энергично вибрировать, включившийся экран частично освещает все еще темную спальню. Опершись на локоть, я щурюсь на незнакомый номер, чей обладатель пытается до меня дозвониться.

— Кто это?

— Не знаю, — отвечаю я. — Вряд ли по работе — сегодня суббота и еще совсем рано.

— Давай, отвечай, — говорит Патрик, отворачиваясь. — Мало ли что...

Я беру телефон, даю ему еще немного повибрировать в ладони, потом провожу пальцем по экрану и подношу к уху. Прокашливаюсь и говорю:

— Доктор Дэвис слушает.

— Здравствуйте, доктор Дэвис, это детектив Майкл Томас. Мы в понедельник беседовали у вас в офисе насчет исчезновения Лэйси Деклер.

— Да, — говорю я, бросая взгляд на Патрика. Он тоже взял телефон и проверяет сейчас почту. — Я вас помню. Чем могу быть полезна?

— Тело Лэйси обнаружено сегодня утром в переулке за вашим офисом. Прошу прощения, что сообщаю подобное по телефону.

Я резко вздыхаю, инстинктивно прикрыв рукой рот. Патрик смотрит на меня, опускает телефон. Я молча отрицательно трясую головой, по моим щекам текут слезы.

— Нужно, чтобы вы подъехали в морг и взглянули на тело.

— Но... — Я не уверена, что правильно его поняла. — Прошу прощения, детектив, я ведь Лэйси всего один раз в жизни видела. Вы наверняка предпочли бы, чтобы ее опознала собственная мать? Я с ней и знакома-то толком не была...

— Тело уже опознано, — перебивает он. — Поскольку ее обнаружили у самого вашего офиса, а мать видела ее, только когда подвозила туда, на данной стадии разумно предположить, что вы последняя застали Лэйси живой. Мы бы хотели, чтобы вы взглянули на нее и сказали нам, изменилось ли что-нибудь с момента приема у вас. Может статься, что-то не на месте...

Я выдыхаю, перевожу ладонь ото рта на лоб. Кажется, в комнате делается жарче, а дождь снаружи — громче.

— Я правда не знаю, будет ли от меня какой-то прок. Мы всего час вместе провели. Я даже толком не помню, во что она была одета.

— Полезной может оказаться любая мелочь, — говорит детектив. — Может быть, вы что-то вспомните, когда ее увидите... Чем быстрее вы приедете, тем лучше.

Я киваю в знак согласия, кладу телефон и снова валюсь в постель.

— Лэйси мертва, — сообщаю не столько даже Патрику, сколько самой себе. — Ее нашли рядом с моим офисом. Ее *убили* прямо у моего офиса. Я, наверное, еще у себя была...

— Я уже понял, о чем речь, — говорит он, облакачиваясь на спинку кровати. Его рука нащупывает под одеялом мою, наши пальцы сплетаются. — Ты ничего не могла поделать, Хлоя. Ничего. Откуда тебе было знать?

Я снова вспоминаю отца, лопату у него на плече. Темный силуэт, медленно пробирающийся через двор. Словно торопиться ему совершенно некуда. И я наверху, скрючившись на своей скамейке с фонариком для чтения в руке, гляжу в окно. И вижу все, но при этом понятия не имею, что именно.

Простите, что я раньше ничего не сказала. Я... я не знала...

Не говорила ли мне Лэйси что-то, что могло бы спасти ей жизнь? Не видела ли я в тот день чего-то подозрительного, какого-нибудь незнакомца рядом с офисом — видела, но не заметила? Как в тот раз?

В голове эхом разносятся слова Аарона.

Может оказаться, что он знает и вас. Наблюдает за вами.

— Мне нужно ехать, — говорю я, выпускаю руку Патрика и свешиваю ноги с кровати. Без одеяла я ощущаю себя беззащитной; нагота перестала быть той же могучей, чувственной силой, что какие-то несколько минут назад. Теперь от нее пахнет уязвимостью и стыдом. Чувствуя на себе взгляд Патрика, я быстро пересекаю спальню, открываю дверь в ванную, шагаю во мрак и закрываю ее за собой.

Глава 19

— Причиной смерти явилось удушение.

Я стою над телом Лэйси, ее белое лицо отликает ледяной голубизной. Слева от меня — дознаватель с блокнотом, справа, очень близко, — детектив Томас. Я не знаю, что сказать, поэтому ничего не говорю; взгляд мой прыгает по телу девочки, которую я почти и не знала. Девочки, вошедшей ко мне в кабинет неделю назад, чтобы поделиться своими проблемами. Которые, как она надеялась, я помогу ей решить.

— Это видно по синякам на шее. — Дознаватель указывает на них карандашом. — Отпечатки пальцев совершенно отчетливые. Размер и расстояние между ними то же, что и у Обри. Лигатуры, то есть следы от веревок на запястьях и лодыжках, тоже аналогичные.

Я гляжу на дознавателя и сглатываю комок.

— Так вы, значит, считаете, тут есть связь? Это один и тот же человек?

— Об этом мы поговорим в другой раз, — обрывает меня детектив Томас. — Сейчас нас интересует только Лэйси. Как я уже сказал, ее нашли в переулке за вашим офисом. Вы туда когда-нибудь заглядываете?

— Нет, — отвечаю я, глядя на тело перед собой. Светлые волосы намокли от дождя и липнут к коже, словно паутина. Бледная кожа каким-то образом сделалась еще белей, сделав заметней коллекцию шрамов — тонких алых порезов, разбросанных по груди, рукам, ногам. — Нет. А если и заглядываю, то крайне редко. По большому счету, им только мусоровоз пользуется, у нас бак с той стороны. Все остальные паркуются спереди.

Детектив кивает, шумно выдыхает воздух. Какое-то время мы молчим — он дает мне возможность приглядеться, проникнуться мрачным зрелищем. Я вдруг осознаю, что, хотя вся моя жизнь неразрывно связана со смертями, собственно мертвое тело вижу впервые. Впервые гляжу в мертвые глаза. Предполагается, что я должна сейчас вспоминать лицо Лэйси, как она тогда выглядела в моем кабинете, выглядела до всего этого, — но в голове у меня

совершенная пустота. Я не в состоянии вызвать в памяти другую Лэйси, с розовой кожей, дергающимися пальцами, полными слез глазами, как она лежит у меня на кожаной кушетке и рассказывает про своего отца. Я вижу только эту Лэйси. Мертвую Лэйси. Лэйси, в которую чужие люди тычут пальцами на столе у патологоанатома.

— Вы замечаете какие-нибудь отличия? — спрашивает Томас в конце концов, чтобы хоть что-то происходило. — Одежда вся на месте?

— Честное слово, не знаю, — откликаюсь я, вглядываясь в тело. На Лэйси черная футболка, линялые джинсовые шорты, грязные, разрисованные сбоку кеды. Я пытаюсь представить себе, как она сидит на уроке и от скуки что-то чертит шариковой ручкой на собственной обуви. Пытаюсь, но не могу. — Я ведь уже сказала, что не присматривалась, во что она одета.

— Это ничего, — говорит он. — Ничего страшного. Просто попробуйте еще. Торопиться не нужно.

Я киваю и думаю — а Лина что, так же выглядела спустя неделю после смерти? Лежа где-нибудь в поле или в могилке? Пока с нее не слезла кожа, пока не разложилась одежда. Так же, как Лэйси? Бледная и разбухшая от влажной жары?

— Она вам про это рассказывала? — Детектив Томас указывает глазами на ее руки, на тоненькие шрамы на коже. Я снова киваю.

— Немного.

— А про это?

Теперь он смотрит на большой шрам на запястье — толстую, мясистую фиолетовую молнию, привлекающую тогда мое внимание.

— Нет, — качаю я головой, — до этого мы не добрались.

— Вот же хрень позорная, — ругается он негромко. — Слишком она юная была, чтобы так мучиться.

— Да, — киваю я в третий раз. — Да, слишком.

Какое-то время мы все трое молчим, нам нужно время для скорби — не только по безвременной смерти девочки, но и по ее жизни.

— А вы раньше этот переулок проверяли? — спрашиваю я наконец. — Ну, то есть когда только узнали о ее исчезновении.

Томас смотрит на меня, и я вижу в его глазах вспышку раздражения. В том обстоятельстве, что тело девочки обнаружили в

нескольких шагах от места, где ее в последний раз видели, а ушла на это целая неделя, хорошего мало, и он это знает.

— Да, — наконец произносит детектив, громко вздохнув. — Да, проверяли. Или как-то ухитрились ее не заметить, или она оказалась там уже потом. Ее убили где-то еще, а потом подкинули.

— Там места всего ничего, — говорю я. — Переулок очень узкий. Бак его чуть ли не весь занимает. Если вы там проверяли, не могу поверить, что ее не заметили. Там и спрятаться-то толком негде...

— Откуда вы все это знаете, если никогда туда не заглядывали?

— Видела из приемной. Оттуда в переулок выходит окно.

Какое-то время Томас вглядывается в меня, и я понимаю, что он прикидывает сейчас, не удалось ли поймать меня на лжи.

— Вид, прямо скажем, так себе, — добавляю я, пытаюсь улыбнуться.

Он кивает — то ли удовлетворился моим ответом, то ли отложил проверку на потом.

— Они-то ее и нашли. Мусорщики. Ее засунули за бак. Когда они его подняли, чтобы опорожнить, тело выпало.

— В таком случае тело наверняка подбросили, — говорит дознаватель, дотрагиваясь снизу до ее рук. — Вот это — трупные пятна. Их расположение показывает, что она умерла, лежа на спине. Не сидя. И не *засунутой* куда-то.

К желудку подкатывает волна тошноты; я пытаюсь закатить глаза, чтобы не смотреть больше на ее тело, не разглядывать раны, но у меня не выходит. Она в синяках; кожа там, где, как я понимаю, под воздействием силы тяжести застоялась кровь, сделалась мраморной. Дознаватель упоминал лигатуры, и мои глаза пробегают вдоль ее рук, от плеч и до кончиков пальцев.

— Что вы еще выяснили? — спрашиваю я.

— Она была под действием снотворного, — отвечает он. — В волосах обнаружены следы большой дозы диазепама.

— Диазепама. Это ведь «Валиум»? — спрашивает детектив Томас. Я киваю. — Лэйси принимала лекарства от панических атак? Или от депрессии?

— Нет. — Я качаю головой. — Нет, хотя я ей выписала рецепт. Но она еще не начала ничего пить.

— Судя по анализам, лекарство было принято около недели назад, — добавляет дознаватель. — Примерно тогда же наступила и смерть.

После этого нового откровения детектив Томас вперяет в дознавателя взгляд, и я чувствую повисшую вдруг в воздухе дрожь нетерпения.

— Как скоро будут полные результаты вскрытия?

Тот смотрит на детектива, потом на меня.

— Чем быстрее мы сможем начать, тем раньше вы их и получите.

Теперь уже оба смотрят на меня; в их глазах — намек, что пользы от меня не оказалось никакой. Но я никак не могу оторвать взгляд от руки Лэйси. От испещривших кожу крошечных порезов, от лигатур на запястье, от зигзагообразного фиолетового шрама, пересекающего вены.

— Доктор Дэвис, не считите за грубость, но я вас сюда не поболтать пригласил, — говорит детектив Томас. — Если вам больше нечего вспомнить, можете идти.

Я качаю головой, сверлю взглядом запястье.

— Нет, кое-что я припоминаю. — Прослеживаю глазами траекторию бритвы, оставившей столь корявую отметку. Крови, наверное, было море. — Что-то, что я видела в тот день у Лэйси. И чего сейчас нет.

— Отлично, — говорит он, переступая с ноги на ногу. И внимательно смотрит на меня. — Готов вас выслушать.

— Шрам. В пятницу он бросился мне в глаза. Я обратила внимание, что она прячет его под браслетом. Деревянные бусины и маленький серебряный крестик.

Детектив тоже смотрит ей на руку, на голое запястье. Помню, как с него, поверх вен, свисали четки, — может статься, напоминанием на тот случай, если Лэйси опять захочет резать себе кожу. Они совершенно точно были там, на запястье, когда она сидела у меня в кабинете, ерзая на кожаной кушетке. Были там, когда она встала, чтобы идти, были, когда кто-то схватил ее прямо у меня за дверь. Когда опоил ее снотворным, когда убил.

Но сейчас их нет.

— Кто-то забрал браслет.

Глава 20

Когда я наконец добираюсь до своей припаркованной у морга машины, то отмечаю, что дышу с перебоями. Втягиваю в себя побольше воздуха, а выдохнуть забываю, пытаюсь сделать выводы из того, что сейчас видела.

Браслет Лэйси исчез.

Я пытаюсь убедить себя, что он мог просто свалиться с руки. Как и сережка Обри, втоптанная в грязь «Кипарисового кладбища», браслет Лэйси мог слететь с запястья, пока она отбивалась от похитителя, или же зацепиться за бак, когда полицейские доставали из-за него тело. Валяется сейчас в куче мусора, и никто его никогда не найдет. Только я была уверена, что Аарон со мной не согласился бы.

Я всего лишь прошу вас довериться собственным ощущениям. Прислушиваться к тому, что подсказывает инстинкт.

Я выдыхаю и стараюсь унять дрожь в пальцах. Так что же подсказывает мне инстинкт?

Слова дознавателя о пятнах на шее Лэйси и лигатурах на руках не дают возможности отрицать следующего факта: за смерть Обри Гравино и Лэйси Деклер отвечает один и тот же человек. Тот же способ убийства, те же следы от пальцев. Как бы я перед тем ни старалась убедить себя в ином, в том, что Лэйси могла убежать из дома или покончить с собой — она ведь, в конце концов, уже пыталась? — в глубине души я и так это знала. Похищения случаются. Особенно если речь идет о юных, симпатичных девушках. Но два похищения за одну неделю? В радиусе нескольких миль?

Слишком много для совпадения.

Вот только доказательство, что за смерть Обри и Лэйси ответствен один и тот же человек, еще не делает его подражателем. Отсюда не следует, что убийства имели отношение к моему отцу, ко мне самой.

Тело Обри он бросил на кладбище, где ее видели в последний раз.

Я думаю про Лэйси, оставленную за мусорным баком в переулке позади моего офиса — места, где ее видели в последний раз. Даже и не спрятанную особо. И не только это — я знаю, что ее туда поместили намеренно. Это не было случайным нападением с убийством прямо на

месте, как я предположила насчет Обри. Нет, ее похитили от моего офиса, накачали снотворным, убили где-то в другом месте и привезли обратно.

Мое сердце пропускает удар, когда в мозгу у меня материализуется мысль, слишком жуткая, чтобы додумать до конца. Я пытаюсь от нее избавиться, пытаюсь списать все на паранойю, на дежавю, просто на приступ беспричинного страха. На очередную иррациональную конструкцию, которую мое сознание выстроило в попытках обнаружить смысл в бессмыслице.

Пытаюсь, но не могу.

А если убийца хотел, чтобы тела были обнаружены... но не полицией? Если он хотел, чтобы тела нашла я?

Тело Обри обнаружили спустя какие-то несколько минут после того, как я покинула поисковую партию. Мог ли этот человек знать, что я там буду?

Или даже страшней — а сам он там в это время тоже был?

Возвращаюсь к Лэйси, к мысленному изображению ее тела в каких-то нескольких шагах от двери моего офиса. Я сказала детективу Томасу чистую правду: в переулок я почти не заглядываю — но он прекрасно виден из окна. Бак уж точно виден, и более чем вероятно, что не будь я всю неделю в таких расстроенных чувствах, заметила бы за ним из окна приемной и обмякшее тело Лэйси.

А это он тоже знал?

Может быть, он оставил рядом с телом улики, чтобы их нашли.

Мысли несутся так быстро, что я за ними не поспеваю. Так, улики на теле, улики на теле... Может быть, отсутствующий браслет — улика? Может быть, убийца намеренно его забрал? Может быть, знал, что когда я найду тело и обнаружу отсутствие браслета, картинка сложится и я все пойму?

В раскалившейся на тридцатиградусной жаре машине душно, но по телу все равно бегут мурашки. Я завожу двигатель, направляю поток воздуха из кондиционера себе на волосы. Смотрю на бардачок и вспоминаю про пузырек «Ксанакса», купленный на прошлой неделе. Представляю себе, как кладу на язык одну таблетку, ее горьковатый привкус во рту, пока она не растворится и не потечет по венам, расслабляя мышцы и обволакивая сознание... Открываю бардачок, и

пузырек, гремя, выкатывается наружу. Я беру его, верчу в руках. Открываю крышку, вытряхиваю таблетку на ладонь.

Мобильник рядом со мной вибрирует. Я оборачиваюсь на засветившийся экран, вижу там имя Патрика и его изображение. Гляжу на таблетку у себя на ладони, опять на телефон. Вздыхаю, беру мобильник и отвечаю на звонок.

— Алло, — говорю, глядя на зажатый между пальцами «Ксанакс», внимательно его изучаю.

— Алло, — неуверенно произносит он. — Ты как, закончила?

— Ага.

— И как все прошло?

— Ужасно, Патрик. Она выглядела...

Мои мысли возвращаются к телу Лэйси на столе, ее словно обмороженной коже, восковым глазам. Я думаю о мелких порезах у нее на руках, похожих на россыпь вишневых леденцов. И об огромном порезе на запястье.

— Она выглядела просто жутко, — заканчиваю я. Другие слова мне на ум не приходят.

— Мне так жаль, что тебе пришлось это пережить, — говорит Патрик.

— Мне самой жаль.

— Что-нибудь полезное найти удалось?

Я вспоминаю пропавший браслет и уже открываю рот, но тут понимаю, что без контекста эта новость ничего не значит. Чтобы объяснить, в чем его важность, мне придется рассказать про поездку на «Кипарисовое кладбище» и сережку Обри, обнаруженную там за несколько минут до того, как нашли тело. Рассказать про свою встречу с Аароном Дженсенем и его теорию насчет подражателя. Заново посетить мрачные закоулки, где всю неделю бродили мои мысли, посетить в присутствии Патрика. *Вместе* с Патриком.

Я закрываю глаза и тру ладонями веки, пока не начинаю видеть звездочки.

— Нет, — говорю наконец. — Ничего. Как я и сказала детективу, мы провели вместе всего час.

Патрик шумно выдыхает. Я прямо-таки вижу, как он сидит на кровати, опершись о ее спинку своей голой спиной, и ерошит волосы. Как прижимает телефон плечом и принимается тереть глаза.

— Езжай домой, — говорит он после паузы. — Езжай домой, и давай-ка обратно в постель. Давай-ка сегодня хорошенько отдохнем.

— Давай. — Я киваю. — Давай, мысль отличная.

Поерзав на сиденье, запихиваю таблетку вместе с пузырьком обратно в бардачок. И уже готова включить передачу, когда в памяти снова раздается голос Аарона. Я медлю, решая, не следует ли мне вернуться обратно и все рассказать детективу Томасу. Рассказать ему про теорию Аарона. Если я не расскажу, сколько еще пропадет девочек?

Только я не могу. Пока не готова. Не готова снова с головой окунуться в нечто подобное. Чтобы объяснить теорию Аарона, мне придется также объяснять про себя и свою семью. Про свое прошлое. Я не хочу снова распахивать эту дверь, потому что закрыть ее уже не получится.

— Мне тут кое-что еще нужно сделать, — говорю я. — За час должна управиться.

— Хлоя...

— Со мной все будет в порядке. Я в порядке. К обеду вернусь.

Даю отбой, чтобы Патрик не успел меня отговорить, потом набираю другой номер. Пальцы нетерпеливо барабанят по рулю, пока на том конце не раздается знакомый голос:

— Аарон слушает.

— Здравствуйте, Аарон. Это Хлоя.

— Доктор Дэвис, — уточняет он непринужденно. — В прошлый раз вы приветствовали меня куда суше.

Я гляжу в окно и впервые с того момента, как сегодня утром увидела на телефоне номер детектива Томаса, чуть улыбаюсь.

— Послушайте, вы еще не уехали?.. Нам нужно поговорить.

Глава 21

Поговорив со мной, шериф Дули предложил нам на выбор два варианта: остаться в участке до тех пор, пока полиция не получит ордера на арест отца, или вернуться домой, никому ничего не говорить и ждать.

— Сколько времени потребуется на ордер? — спросила его мама.

— Точно сказать не могу. От нескольких часов до нескольких дней. Но с такими доказательствами, я думаю, к вечеру должны управиться.

Мама посмотрела на меня, словно ожидая, что я отвечу. Словно решение должна принять я. В двенадцать-то лет. Умнее — а главное, безопаснее — было бы остаться в участке. Это понимала она, понимала я, и шериф Дули тоже.

— Мы возвращаемся домой, — сказала мама вопреки всему. — Дома — мой сын. Я не могу оставить Купера с ним.

Шериф Дули поерзал на стуле.

— Мы могли бы съездить за мальчиком и привезти его сюда.

— Нет. — Мама покачала головой. — Нет, это будет подозрительно. Если Ричард заподозрит что-то прежде чем у вас будет ордер...

— Полиция будет вести за кварталом скрытное наблюдение. Бежать мы ему не дадим.

— Он ничего нам не сделает, — сказала мама. — Не тронет нас. Ведь мы — его семья.

— При всем моем уважении, мэм, мы говорим сейчас о серийном убийце. Предполагается, что на нем шесть трупов.

— Если я почувствую опасность, мы немедленно уйдем из дома. Я позвоню в полицию и попрошу, чтобы кого-нибудь прислали.

На том и порешили. Мы отправились домой.

По лицу шерифа Дули было видно, что он недоумевает, откуда у мамы столь непоколебимое желание вернуться к отцу. Мы только что предоставили ему улики, почти неопровержимо свидетельствующие, что отец — серийный убийца, а она рвется домой... А вот у меня недоумения не было, потому что я знала. Знала, что мама захочет

вернуться, потому что она всегда возвращалась. Даже приводя к себе домой, в свою спальню, мужчин, она все равно каждый вечер выходила к отцу, готовила для него ужин, подавала к креслу, а потом молча возвращалась в спальню и закрывала за собой дверь. Я скосила глаза на маму, на застывшее у нее на лице упрямое выражение. Может быть, она все еще не убеждена. Может быть, хочет напоследок его увидеть. Может быть, хочет таким неприметным образом попрощаться...

Или, может, все еще проще. Она просто не знает, как это — взять и уйти.

Шериф Дули, издав откровенно неодобрительный вздох, встал из-за стола и открыл перед нами дверь кабинета. Мы покинули участок в каком-то оцепенении, никто не произнес ни слова. Молчали мы и в машине, все те пятнадцать минут, покуда мамина старенькая красная «Тойота», чихая выхлопом, везла нас домой. Я сидела впереди; в сиденье подо мной обнаружилась дырка, и я успела за время поездки расковырять ее пальцами. Шкатулку вместе с отцовскими трофеями мне пришлось оставить в участке. Мне она нравилась — и музыка, и танцующая балерина. Я беспокоилась, вернут нам ее или нет.

— Ты все правильно сделала, моя хорошая, — сказала в конце концов мама. Прозвучало это утешающе, но отчего-то не слишком убедительно. — Но мы должны вести себя как обычно, Хлоя. Так обычно, как только возможно. Понимаю, что это будет нелегко, но нужно чуть потерпеть.

— Ладно.

— Может быть, когда мы вернемся, тебе будет лучше пойти в свою комнату и закрыть дверь. Я скажу папе, что тебе нездоровится.

— Ладно.

— Он ничего нам не сделает, — повторила мама, и я не стала отвечать. Чувство было такое, что она это самой себе сказала.

Мы свернули на длинную подъездную дорожку, ту самую, гравийную, по которой мне доводилось носиться среди движущихся между деревьев теней, взбивая кроссовками пыль. Больше мне бегать не понадобится, поняла я. Больше бояться нечего. Но по мере того, как наш дом в заляпанном кляксами от насекомых ветровом стекле делался все ближе, во мне нарастало неодолимое желание распахнуть

дверь, выскочить наружу, броситься в чашу и затаиться там. Казалось, в лесу сейчас куда безопасней. Дыхание начало учащаться.

— А вдруг у меня не получится? — спросила я. Воздух я глотала уже очень часто, пусть и неглубоко; от гипервентиляции все вокруг сделалось ярче и пошло пятнами. На какой-то миг мне показалось, что я прямо сейчас в машине и умру. — Куперу-то хоть можно сказать?

— Нет, — ответила мама. Она взглянула на меня, увидела, с какой пугающей скоростью у меня вздымается грудная клетка. Оставив одну руку на руле, развернулась в мою сторону, погладила мне пальцами щеку. — Хлоя, дыши нормально. Ради меня. Попробуй вдохнуть носом.

Я сомкнула губы и поглубже вдохнула через ноздри, наполнив всю грудь воздухом.

— Теперь выдыхай через рот.

Сделав губы трубочкой, я медленно выпустила воздух и почувствовала, что сердце бьется уже не так дико.

— А теперь повторяй.

Я стала повторять. Вдох носом, выдох ртом. Зрение понемногу восстанавливалось, так что когда машина наконец остановилась у крыльца и мама выключила зажигание, я обнаружила, что могу глядеть на нависшую громаду дома, нормально дыша.

— Мы никому ничего не говорим, — повторила мама. — До тех пор, пока не приедет полиция. Ты все поняла?

Я кивнула, уронив слезинку. Повернувшись к маме, увидела, что она тоже смотрит на дом. Смотрит так, будто там поселились призраки. Только в этот миг, глядя на ее напряженное лицо, в котором напускная уверенность так и не сумела скрыть поселившийся в глубине глаз страх, я поняла ее истинные намерения. Поняла, почему мы здесь, зачем вернулись. Не оттого, что мама чувствовала себя обязанной это сделать, не из-за ее слабости. Мы вернулись, потому что она хотела доказать себе, что не боится его. Доказать себе, что она сильная и бесстрашная, что способна не убегать от проблем, как всегда это делала. Не прятаться от проблем, от *него*, не делать вид, что их не существует.

А теперь ей стало страшно. Так же страшно, как и мне.

— Пойдем, — сказала мама, распахивая дверцу. Я тоже вылезла, захлопнула дверь и обошла машину, глядя на крыльцо, на

поскрипывающие от ветерка кресла-качалки, на тень, которую моя любимая магнолия отбрасывала на гамак, привязанный отцом к ее стволу несколько лет назад. Мы вошли внутрь; входная дверь издала громкий стон. Мама подтолкнула меня к лестнице, и я уже двинулась было в спальню, но голос заставил меня застыть, даже не поставив ногу на ступеньку:

— Вы где были?

Замерев на месте, я осторожно повернула голову и увидела, что отец сидит на диване в гостиной и смотрит на нас. В руке у него была бутылка пива, и он обдирал с нее пальцами влажную этикетку; на столике уже набралась целая кучка бумажных катышков. Рядом с ней были рассыпаны семечки. Отец был чистым, после душа, волосы аккуратно зачесаны назад, подбородок недавно побрит. И, похоже, приделся — брюки цвета хаки, заправленная в них рубашка. В то же время он выглядел заметно уставшим. Даже, пожалуй, измученным. Кожа казалась обвисшей, глаза — запавшими, словно он несколько ночей не спал.

— Пообедали в городе, — ответила мама. — Решили, что девочкам нужно развлечься.

— Отличная идея.

— Вот только Хлоя неважно себя чувствует, — сказала мама, глядя на меня. — Боюсь, не подхватила ли чего.

— Вот незадача, моя радость... Иди-ка ко мне.

Я глянула на маму, та чуть кивнула. Спустившись по ступенькам обратно, я вернулась в гостиную и подошла к отцу, чувствуя, что сердце мое вот-вот выскочит из груди. Встала перед ним, а он испытующе на меня глянул. Я вдруг подумала — а что, если он заметил пропажу шкатулки? Что, если он меня сейчас про нее спросит?

Отец положил руку мне на лоб.

— Радость моя, ты ж прямо горишь, — сказал он. — Пот ручьем. И трясет тебя *всю*.

— Да, — согласилась я, уперев глаза в пол. — Мне нужно прилечь.

— Обожди-ка. — Отец подхватил бутылку с пивом и прижал мне к шее. Я дернулась, кожа под холодным запотевшим стеклом сразу

онемела, с него закапало мне на грудь, на блузку. Я почувствовала под бутылкой собственный пульс, его лихорадочный ритм. — Так легче?

Я кивнула, с трудом выдавив улыбку.

— По-моему, ты права, — сказал он. — Пойди-ка приляг. И постарайся уснуть.

— А Куп где? — спросила я, вдруг осознав, что его не видно.

— У себя.

Я снова кивнула. Его комната была слева от лестницы, моя — справа. Я подумала, что, может быть, удастся проскользнуть к нему в спальню так, чтобы родители не заметили, залезть на кровать и с головой укрыться покрывалом. Остаться одной мне совсем не хотелось.

— Иди приляг, — повторил отец. — Я к тебе попозже загляну, температуру померить.

Я развернулась и снова двинулась к лестнице, все еще прижимая к шее бутылку. Мама пошла за мной; то, что она рядом, внушало мне уверенность. Мы уже почти вышли из гостиной.

— Мона, — позвал отец. — Обожди минутку.

Я почувствовала, что мама разворачивается, смотрит на него. Она не ответила, так что отец заговорил снова.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

* * *

Я смотрю на реку и чувствую, как взгляд Аарона сверлит мне череп. Оборачиваюсь к нему — в сомнениях, верно ли я расслышала или это опять мое подсознание переполнили воспоминания, туманя мне мозг, путая восприятие.

— Так как? — переспрашивает он. — Ничего сказать не хотите?

— Ну да, — осторожно отвечаю я. — Я вас за этим и позвала. Рано утром мне позвонил детектив Томас...

— Об этом поговорим потом. Есть кое-что еще. Вы мне солгали.

Я снова отворачиваюсь к реке, подношу к губам кофе. Мы сидим на скамейке у самой воды; в сгущающемся тумане мост вдалеке кажется каким-то промышленным сооружением.

— О чем?

— Вот об этом.

Аарон поворачивает ко мне экран своего телефона; я придерживаю его свободной рукой. Вижу фотографию себя среди множества других людей. И немедленно понимаю, где именно она сделана. Серая футболка, завязанные в пучок волосы, кривые ветви деревьев в прядях испанского мха, в отдалении — размытая желтая лента. «Кипарисовое кладбище» неделю тому назад.

— Где вы это взяли?

— Из статьи в интернете, — говорит журналист. — Я просматривал сайт местной газеты, пытаюсь решить, с кем мне еще нужно побеседовать, и наткнулся на фотографии поисковой партии. Вообразите мое изумление, когда я обнаружил там вас.

Я вздыхаю, мысленно ругая себя, что не обращала должного внимания на журналистов, шлявшихся там с камерами на шее. Остается надеяться, что статья не попадет на глаза Патрику — или, того хуже, Дойлу.

— Я вовсе не утверждала, что меня там *не было*.

— Да, но вы сказали мне, что «Кипарисовое кладбище» для вашей семьи ничего особенного не значит. Что нет ни малейшей причины видеть в брошенном там теле Обри повод для подозрений.

— Повода и нет, — говорю я. — Оно ничего не значит. В поисковую партию меня занесло случайно. Я каталась по городу, пытаюсь привести чувства в порядок. Увидела все это издалека и решила глянуть поближе.

Дженсен смотрит на меня, прищутив глаза:

— В моей работе доверие — это все. Честность — это все. Если вы мне лжете, я не смогу с вами работать.

— Я не лгу, — говорю я, поднимая вверх ладони. — Клянусь.

— Почему вам захотелось глянуть поближе?

— Сама толком не знаю, — отвечаю я, прихлебывая кофе. — Любопытство, надо полагать. Я думала про Обри. И про Лину.

Аарон молчит, не отрывая от меня взгляда.

— Какой она была? — спрашивает он наконец, невольно выдавая голосом собственное любопытство. Он ничего не может с собой поделаться, я это знаю. Никто никогда не может. — Вы были подругами?

— В некотором смысле. Когда я была маленькой, думала, что да. Но теперь понимаю, что это было на самом деле.

— И что же?

— Она была старше меня — крутая девчонка, которой нужен был кто-то помладше, от нее зависимый, — отвечаю я. — Но ко мне относилась по-хорошему. Одежду мне ненужную дарила, косметикой учила пользоваться...

— Это и называется друг, — говорит Аарон. — Причем, на мой взгляд, лучшего свойства.

— Ну да. — Я киваю. — Да, пожалуй, что вы правы. Просто было в ней что-то такое... я даже не знаю. Магнетическое, что ли?

Бросаю взгляд на Аарона, он понимающе кивает в ответ. Интересно, у него тоже была своя Лина? Наверное, с каждым в жизни случается Лина. Появляется, сияя подобно метеору, и так же быстро гаснет.

— Она мною немножко пользовалась, я это понимала, только меня оно не волновало, — продолжаю я, постукивая пальцами по стаканчику с кофе. — Дома у нее не то чтобы все было гладко, так что у нас она находила убежище. А еще, похоже, была влюблена в моего брата.

Аарон чуть приподнимает брови.

— В брата все были влюблены, — говорю я, и от воспоминания мои губы сами собой складываются в улыбку. — Ему-то она не особо нравилась, но, я думаю, именно поэтому так часто и заглядывала. Помню, как-то раз... — Обрываю себя, пока не сболтнула лишнего. — Прошу прощения, вам это вряд ли интересно.

— Отчего же, — возражает он, — продолжайте, пожалуйста.

Я шумно выдыхаю, запускаю пальцы в волосы.

— Как-то раз, тем самым летом, но еще до того, как все началось, Лина была у нас — она постоянно находила поводы, чтобы почаще у нас появляться — и уговорила меня вломиться к Куперу в комнату. Я такого обычно не делаю... ну, правил не нарушаю. Но Лина на меня вроде как воздействие оказывала. Пробуждала желание выйти за пределы. Жить, ничего не опасаясь.

...Я прекрасно помню тот день — как горели щеки под послеполуденным солнцем, как в спину впивались острые травинки, как чесалась от них шея. Мы с Линой валялись на газоне нашего двора, высматривая в облаках различные фигуры.

— Знаешь, чего бы нам сейчас совсем не помешало? — спросила она меня хрипловатым голосом. — Немного «травки».

Я повернула голову набок, чтобы посмотреть в ее сторону. Лина все еще внимательно вглядывалась в облака, прикусив изнутри щеку. В одной ладони с обгрызенными ногтями она сжимала зажигалку, рассеянно чиркая ею время от времени, другую держала над пламенем, все ближе и ближе, пока на коже не появился черный кружок.

— У братца твоего наверняка найдется.

По ее щеке полз муравей, неторопливо приближаясь к уголку глаза. Мне показалось, что Лина ощущает его присутствие, чувствует, как он подползает все ближе. Что она испытывает его, вернее, себя. Как долго еще она сможет вытерпеть — подобно тому, как терпит обжигающее пламя, — прежде чем не придется смахнуть его рукой.

— У Купа? — Я отвернулась от нее. — Это с чего еще? Он не наркоман какой-нибудь.

Лина фыркнула и приподнялась на локте:

— Хлоя, ты просто прелесть какая наивная. Дети вообще такие милашки...

— Никакой я не ребенок, — возмутилась я и тоже села. — И потом, у него комната заперта.

— У тебя что, кредитки нету?

— Нету, — ответила я, пристыженная еще раз. А у Лины что, есть? Я ни у кого из пятнадцатилетних кредиток не видела; у Купера ее уж точно не было, только Лина, она ведь не такая, как все... — Но есть библиотечная карточка.

— Ну еще бы, библиотечная, конечно, есть, — сказала Лина, поднимаясь с земли. Протянула мне руки — в отпечатках от травинок, с пятнышками грязи на коже. Я ухватила их потными ладошками и тоже встала, глядя, как она отряхивает траву сзади с ног. — Ну, пошли. Всему-то тебя учить нужно...

Мы вошли в дом, заглянули ко мне в комнату, чтобы забрать кошелек, где была моя карточка, потом пересекли коридор и оказались у двери Купера.

— Вот, я ж говорила, — сказала я, подергав ручку. — Заперто.

— Он что, всякий раз комнату запирает?

— С тех пор, как я у него под кроватью противные журнальчики нашла, — да.

— *Купер!* — воскликнула Лина, округлив глаза. Мне, впрочем, показалось, что новость ее скорее впечатлила, чем шокировала. — Гадкий мальчишка... Ну, где твоя карточка?

Я протянула карту, и она вставила ее в дверную щель.

— Для начала проверь дверные петли, — сказала Лина, орудуя карточкой. — Если их не видно, дверь правильная. Надо, чтобы язычок замка смотрел на тебя косой стороной.

— Понятно, — ответила я, стараясь затолкать подступающую панику себе обратно в глотку.

— Карту нужно вставлять уголком. Когда уже войдет в щель, выпрямишь. Вот так.

Я смотрела как зачарованная, а она проталкивала карточку все глубже и глубже, одновременно надавливая на дверь. Карточка начала гнуться, и я взмолилась про себя, чтобы она не сломалась.

— А ты где всему этому научилась? — спросила я наконец.

— Да тут такое дело, — сказала Лина, не переставая орудовать карточкой. — Когда тебя все время под замок сажают, поневоле научишься.

— Тебя родители в комнате запирают?

Ничего не ответив, она еще несколько раз как следует нажала на карточку — и дверь наконец распахнулась.

— Та-дам!

Лина обернулась ко мне с довольным выражением на лице, которое, однако, постепенно стало меняться. Рот раскрылся, глаза вытаращились. Потом она улыбнулась и сказала, уперев ладонь в бедро:

— О... Привет, Куп.

...Аарон смеется, допивает свой латте и ставит бумажный стаканчик на землю у ног.

— Так, значит, вы попались, — говорит он. — Даже внутрь зайти не успели?

— Ну да, — отвечаю я. — Он стоял прямо у меня за спиной, на лестнице, и все с самого начала видел. Думаю, хотел узнать, получится у нас или нет.

— То есть «травки» вы так и не попробовали?

— Нет. — Я улыбаюсь. — Пришлось еще несколько годиков подождать. Только я не думаю, что Лина ради этого к нему в спальню

лезла. Наверное, она даже хотела познакомиться. Чтобы привлечь его внимание.

— И как, сработало?

— Нет. С Купером такие штуки никогда не проходили. Если и сработало, то скорее в противоположную сторону. Он со мной тем вечером поговорил как следует — чтобы я с наркотиками не связывалась, чтобы примеры для подражания получше выбирала и так далее.

Выглядывает солнце, и чувство такое, что температура мгновенно поднимается на несколько градусов, влажный воздух густеет, точно сливки. У меня горят щеки — не знаю, от солнца или от того, что делюсь с чужим человеком подобными воспоминаниями. Даже не знаю, что на меня нашло.

— Так почему вы захотели встретиться? — Аарон понимает, что я не прочь сменить тему. — Откуда вдруг такая благосклонность?

— Сегодня утром я видела тело Лэйси, — говорю я. — А вы в нашу прошлую встречу посоветовали мне слушаться инстинктов.

— Так, обождите, — перебивает он. — Вы видели тело Лэйси? Где?

— Ее нашли в переулке позади моего офиса. За мусорным баком.

— О боже...

— Меня попросили посмотреть на нее, чтобы определить, не изменилось ли что-нибудь с момента нашей встречи. Не пропало ли что.

Аарон молчит, ожидая, что я продолжу. Я вздыхаю, поворачиваюсь к нему и говорю:

— Пропал браслет. А тогда, на кладбище, я нашла сережку. Принадлежавшую Обри. Сперва я подумала, что она просто выпала у нее из уха, пока ее волокли или вроде того, но потом узнала, что сережка шла в комплекте. У Обри была такая же цепочка. Тела Обри я не видела, но если ее нашли без цепочки...

— Вы думаете, что убийца забирает у них украшения, — снова перебивает Аарон. — В качестве трофея.

— Отец так делал, — говорю я, и от этого признания мне тошно, хотя уже столько лет миновало. — Его и поймали-то, потому что я нашла шкатулку с украшениями жертв у него в шкафу.

Глаза Аарона округляются, он опускает взгляд к коленям, переваривая полученную от меня информацию. Помолчав с минуту, я продолжаю:

— Знаю, это может показаться натянутым, но тут, по-моему, есть за что зацепиться.

— Да нет, вы совершенно правы, — говорит журналист. — Такие совпадения игнорировать нельзя. Кто еще мог об этом знать?

— Ну, моя семья, само собой. Полиция. Родители жертв.

— И все?

— Отец признал вину, — говорю я. — Не все улики дошли до открытых слушаний. Так что, думаю, это все. Разве что информация каким-то образом просочилась наружу.

— Вы можете назвать кого-нибудь из списка, кто мог бы поступить подобным образом? Может, кто-то из полицейских чересчур увлекся делом вашего отца?

— Нет, — я качаю головой, — полицейские все были...

Тут я останавливаюсь, наконец-то осознав. Моя семья. Полиция. Родители жертв.

— Был один такой человек, — говорю я медленно. — Один из родителей. Отец Лины. Берт Родс.

Аарон смотрит на меня и кивает, приглашая продолжать.

— Он... не лучшим образом со всем этим справился.

— У него убили дочь. С таким редко кто хорошо справляется.

— Это не было обычным горем, — возражаю я. — Что-то иное. Ярость. В нем еще до убийств было что-то эдакое... не совсем нормальное.

Я снова думаю про Лину, ковыряющуюся в двери моего брата. И случайное признание, сорвавшееся с ее языка. Как она сделала вид, что не слышит, когда я переспросила.

Тебя родители в комнате запирают?

Аарон снова кивает и медленно выпускает воздух сквозь поджатые губы.

— Как вы тогда говорили про подражателей? — спрашиваю я. — Что они либо *восхищаются*, либо *презирают*?

— Да, — говорит Аарон. — Грубо говоря, все подражатели делятся на две категории. Есть такие, кто преклоняется перед убийцей и повторяет его преступления в знак уважения, — и есть другие,

которые в чем-то с убийцей не согласны: может, между ними имеются политические расхождения или они просто полагают, что убийца не заслужил своей славы, а они сами справились бы куда лучше. Аналогичные преступления они совершают, чтобы отвлечь внимание от предшественника и привлечь к себе. Но и в том, и в другом случае это игра.

— Берт Родс моего отца *презирал*. Причина для того у него имелась, и тем не менее было в этом что-то нездоровое. Похожее на манию.

— Хорошо, — говорит наконец Аарон. — Хорошо. Спасибо, что мне об этом рассказали. Полицию вы тоже оповестите?

— Нет, — отвечаю я поспешней, чем следовало. — Во всяком случае, не сейчас.

— Почему? Есть что-то еще?

Я качаю головой, решив не упоминать вторую половину моей теории — что тот, кто похищал девочек, обращается лично ко мне. Дразнит меня. Испытывает. Хочет, чтобы я догадалась. Мне совершенно не нужно, чтобы Аарон усомнился в моей рассудке, чтобы не отбросил и все остальное сказанное мною как преувеличение. Нужно сперва самой кое-что исследовать.

— Нет, просто я еще не готова. Слишком рано.

Встаю, отвожу со лба прядь волос, которую ветер вытянул из пучка у меня на голове. Делаю вдох, поворачиваюсь к Аарону, чтобы попрощаться, и обнаруживаю, что он смотрит на меня так, как до сих пор еще не смотрел. В его глазах читается забота.

— Хлоя, — говорит он, — обождите минутку.

— Да?

Журналист колеблется, будто не уверен, что готов продолжать. Потом, наконец решившись, подается ко мне и негромко произносит:

— Обещайте мне, что будете благоразумны, хорошо?

Глава 22

Помню, как я видела родителей Лины, Берта и Аннабель Родс, в зрительном зале, когда школа Бро-Бриджа давала свой ежегодный спектакль. В тот год — год, когда случились убийства, — ставили «Бриолин»^[4]. Лине досталась роль Сэнди, и ее обтягивающие джинсы из кожзаменителя ярко вспыхивали всякий раз, когда свет сценического прожектора падал на нее под удачным углом. Привычные косы на голове сменила химическая завивка, за ухом торчала фальшивая сигарета (впрочем, я сильно сомневаюсь, что сигарета была из реквизита; более чем вероятно, что Лина выкурила ее на парковке после того, как опустили занавес). Купер тоже играл в спектакле, потому-то мы там и оказались. Спортсмен он был отличный, а вот актер так себе. В программке мой брат числился в конце списка, что-то вроде «школьник номер три».

В отличие от Лины. Она была звездой спектакля.

Родители и я протискивались по рядам в поисках трех свободных мест рядом, извиняясь, если доводилось стукнуться коленями с другими родителями, уже занявшими сиденья.

— Мона, — отец помахал рукой, — сюда.

Он показал на три места в самом центре зала, рядом с Родсами. Глаза у мамы на долю секунды вылезли на лоб, но она сразу налепила на лицо улыбку, положила руку мне на плечо и подтолкнула в нужном направлении — слишком резко.

— Привет, Берт. — Отец улыбнулся. — И ты, Аннабель. Тут свободно?

Берт Родс тоже улыбнулся отцу и махнул рукой в сторону сидений, совершенно не обращая внимания на маму. Тогда мне это показалось грубостью. Они с мамой были знакомы; я видела его у нас дома какую-то пару недель назад. По профессии Берт был установщиком охранных систем. Помню, как он делал что-то своими загорелыми выдубленными руками, стоя на коленях в пыли рядом с домом, когда мама похлопала его по плечу и пригласила внутрь. Я все видела из окна — как он посмотрел на нее снизу вверх, утирая пот со лба, как она с неестественно громким смехом потянула его в дом. Они

прошли в кухню и о чем-то там говорили приглушенными голосами. Сверху из-за перил я видела, как мама облокотилась на кухонную стойку, держа обеими руками стакан со сладким холодным чаем, так что плечи сдавили ей грудь.

Стоило нам усесться, как свет в зале потух и через всю сцену протанцевала Лина, раскачивая бедрами так, что белая юбка-колокол летала вокруг талии. Отец заерзал на сиденье и заложил ногу за ногу. Берт Родс откашлялся.

Помню, как я глянула на него, заметив его напряженную позу. Взгляд мамы был неподвижно прикован к сцене. А сидевший между ними отец ни на что не обращал внимания. Я поняла, что Берт Родс вовсе не вел себя грубо. Он неуютно себя чувствовал. Ему было что скрывать. Как и маме.

Новость об их интрижке шоком обрушилась на меня после ареста отца. Дети, как я сейчас понимаю, считают своих родителей абсолютно счастливыми людьми, представителями особого подвида человечества, лишённого чувств, мнений, проблем и потребностей. В свои двенадцать лет я еще не понимала все сложности, свойственные жизни, браку, отношениям. Отец целые дни проводил на работе, мама оставалась дома одна. Мы с Купером все время были в школе, или в борцовской секции, или в летнем лагере, и я ни разу не задавалась вопросом, чем же она там весь день занимается. Наша неспешная вечерняя рутина — ужин на индивидуальных столиках перед телевизором, потом отец дремлет в кресле, а мама, вымыв посуду, с книжкой в руках отправляется в спальню — именно этим и казалась: рутинной. Мне никогда не приходило в голову, как маме скучно, как одиноко. Отсутствие между родителями проявлений нежности — я ни разу не замечала, чтобы они держались за руки или целовались, — казалось мне естественным, иного я просто не видела. Не *знала*. Поэтому, когда тем летом мама стала сплошным потоком приглашать в дом мужчин — садовника, электрика и еще того, кто установил нам охранную сигнализацию, того, чья дочь потом пропадет, — я сочла это за обычное проявление южного гостеприимства. Предложение чуть охладиться стаканчиком домашнего сладкого чая.

Кое-кто поговаривал, что Лину мой отец убил в отместку, что это было извращенной попыткой поквитаться, когда он узнал про Берта и маму. Дескать, Лина, его первая жертва, и выпустила наружу мрак.

Дескать, тогда тот и выполз из всех углов, сделался плотней и назойливей, неподвластным контролю. Берт Родс именно так и считал.

Потом я вспомнила, как он стоял рядом с матерью Лины на той первой телевизионной пресс-конференции, еще до того, как статус Лины постепенно изменился с *пропавшей* на *предположительно мертвую*. Он был совершенно не в себе — с исчезновения дочери прошло каких-то двое суток, а Берт уже несколько слов во внятную фразу связать не мог. Но вот когда убийцей назвали отца, тогда он сломался окончательно.

Помню, как Купер однажды утром втолкнул меня в дом — Берт Родс был у нас во дворе, метался по нему, как бешеное животное. Прочие гости были не такими — они предпочитали бросаться чем-то с расстояния, а если мы выходили навстречу, разбегались. На этот раз все было по-другому. Берт Родс, крупный взрослый мужчина, был в гневе, в ярости. Мама нас к тому времени уже покинула — во всяком случае, ментально, — а мы с Купером не знали, что делать, так что прижались друг к другу у меня в спальне и смотрели из окна. Смотрели, как он пинает землю и осыпает наш дом ругательствами. Смотрели, как он выпускает вопли, рвет на себе одежду и волосы. В конце концов Купер вышел наружу. Я умоляла его этого не делать, цеплялась за рукав, обливаясь слезами. Потом беспомощно смотрела, как он спускается по ступенькам, выходит во двор. Как он тоже орет, тычет пальцем Берту в мясистую грудь. Кончилось тем, что тот все же ушел, но пообещал отомстить. Помню его вопль: «Это еще не все!», грубый голос, эхом разнесшийся по нашему дому, теперь огромному и пустому...

Позднее мы узнали, что разбивший окно в спальне мамы камень был пущен его мозолистой рукой, что шины отцовского грузовичка изрезал его нож. Берт считал себя виноватым. В конце концов, это он спал с замужней женщиной, и тем же самым летом ее муж убил его дочь. Карма сработала, и вина оказалась невыносимой. Гнев переполнял его до мозга костей. Уверена, что попади отец в руки Берту Родсу после того, как признался в убийстве Лины, тот убил бы его самого. Причем не быстро. Не милосердно. А напротив, медленно и жестоко. И с наслаждением.

Но сделать этого Берт, само собой, не мог. Добраться до отца. Тот был под надзором полиции, за прочно запертой решеткой.

Отец, но не его семья. Вот Берт и обратил взоры на нас...

* * *

Я открываю дверь своего дома и просовываю голову внутрь, высматривая Патрика. Как и обещала, я вернулась домой к обеду. Из кухни пахнет свежесваренным кофе. Я замечаю в гостиной свой ноутбук, мне хочется немедленно схватить его, раскрыть и застучать по клавишам.

Я хочу побольше выяснить про Берта Родса.

Он знал про светлячка в пупке Лины. Знал про то, как отец смотрел на его дочь на фестивале, и во время спектакля, и когда она валялась на полу у меня в спальне, задрав длинные ноги. Остальные девочки — Робин, Маргарет, Керри, Сьюзен, Джилл — тоже были его жертвами. Но — случайно выбранными. Их отец похищал по необходимости, или оттого, что подвернулись под руку, или по обеим причинам сразу. Они оказались в неправильном месте в неправильное время, в то самое время, когда наружу выползал мрак и отец не мог с ним справиться — тогда он находил первую попавшуюся юную, невинную, беззащитную девочку и душил ее изо всех сил, пока мрак не удалялся обратно в угол, как прячущееся от света насекомое. Но Лина с самого начала была чем-то большим. Тут дело было личное. Она оказалась первой. И погибла из-за того, кем была, из-за того, что заставляла его чувствовать. Когда дразнила его пальчиками, прежде чем раствориться в толпе. Когда его дразнил Берт, который спал с его женой, а на людях улыбался ему и претендовал на дружбу.

Пройдя через коридор в гостиную, я усаживаюсь на диван, беру на колени компьютер и включаю его. Берт Родс был в гневе, разъярен и ничего не простил. Берт Родс затаил злобу. Быть может, она продолжает кипеть в нем и двадцать лет спустя? Он не забыл преступлений отца — так, быть может, и нам не позволяет их забыть? Я не могу избавиться от ощущения, будто кое-что нащупала, так что опускаю пальцы на клавиатуру, вбиваю в поисковик его имя и нажимаю «Ввод». Высыпается целый список статей; речь почти во всех об убийствах в Бро-Бридже. Я быстро пробегаю по страницам, читая лишь заголовки. Все статьи старые, их я уже видела. Принимаю

решение сузить поиск, ввожу *Берт Родс Батон-Руж* и делаю еще одну попытку.

На этот раз в поисковой выдаче обнаруживается новая ссылка. Веб-сайт компании «Охранные системы» из Батон-Ружа. Я кликаю на него, сайт загружается, и я читаю текст на главной странице.

«Охранные системы» — компания с местными корнями, занимающаяся срочной установкой охранных сигнализаций. Наши опытные специалисты оборудуют ваш дом самой современной системой и организуют круглосуточный мониторинг, обеспечивая безопасность вам и вашей семье.

Я нажимаю вкладку «Наша команда», на экране появляется лицо Берта Родса. Впиваюсь глазами в изображение — некогда резко очерченный подбородок успел поднабрать жирка, кожа обвисла, словно тесто для пиццы, которое держат на весу. Он стал старше, обрюзг, облысел. Если честно, выглядит совсем хреново. Но это он. Несомненно, он.

Тут меня накрывает.

Он здесь живет. Берт Родс живет *здесь*, в Батон-Руже.

Я целиком поглощена его изображением, тем, как он смотрит в камеру, тем, насколько лишено выражения его лицо. Он ни счастлив, ни печален, ни зол, ни раздражен — просто человеческая оболочка. Внутри пустота. Губы чуть опущены, глаза черные, безо всяких эмоций. Чувство такое, что свет фотовспышки они втянули в глубь себя, а не отразили, как обычно на фотографиях. Я наклоняюсь к экрану, настолько зачарованная изображением, лицом из своего прошлого, что даже не слышу шагов.

— Хлоя?

Я подскакиваю на месте, рука сама собой хватается за сердце. Прямо у меня за спиной стоит Патрик, и я инстинктивно захлопываю ноутбук. Он удивленно на него смотрит.

— Что у тебя там?

— Ох, извини, — говорю я, стреляя глазами на ноутбук и снова на Патрика.

Он одет, в руках у него огромная чашка с кофе. Не отводя от меня глаз, он протягивает ее мне. Я принимаю чашку без особой охоты, поскольку полчаса назад выпила двойной, когда встречалась

с Аароном, и уже сильно дерганая от кофеина — во всяком случае, хотелось бы верить, что причина именно в нем.

Не добившись ответа, Патрик делает еще одну попытку.

— Где ты была?

— Просто кое-что нужно было сделать, — отвечаю я, отодвигая ноутбук в сторонку. — Раз уж я все равно была в центре, дай, думаю, заодно и с этим разделаюсь...

— Хлоя, — перебивает он меня, — ну правда, чем ты таким занимаешься?

— *Ничем*, — отрезаю я. — Патрик, со мной все в порядке. Честное слово. Нужно было кое-куда заехать, вот и все, договорились?

— Хорошо, — Патрик вскидывает руки вверх. — Хорошо, я все понял.

Он разворачивается, а меня захлестывает чувство вины. Вспоминаются все мои прочие отношения, закончившиеся, даже не успев начаться, поскольку я ничем не способна делиться с людьми. Не могу им доверять. Паранойя и страх глушат внутри меня все прочие эмоции, как бы те ни вопили в надежде быть услышанными.

— Прости меня, не уходи, — говорю я, протягивая к Патрику руку. Маню его движениями пальцев, и он снова разворачивается, подходит к дивану и садится рядом. Я обнимаю его одной рукой, кладу голову ему на плечо.

— Сама понимаю, что как-то не лучшим образом со всем этим справляюсь.

— Чем тебе помочь?

— Давай займемся чем-нибудь вместе, — предлагаю я, усаживаясь попрымей. У меня пальцы чешутся снова схватить ноутбук и углубиться в подробности насчет Берта Родса, но сейчас нужно побыть с Патриком. Нельзя его раз за разом так отталкивать. — Знаю, ты предлагал провести целый день вместе в постели, но мне сейчас не совсем это нужно. Хотелось бы именно *заняться* чем-нибудь вдвоем. Выбраться из дома...

Он вздыхает, гладит меня по волосам. В его взгляде одновременно любовь и грусть, и я уже знаю — то, что он сейчас скажет, меня не обрадует.

— Хлоя, прости. Мне сегодня нужно ехать в Лафайетт. Помнишь ту больницу, с которой я все никак не мог договориться о встрече? Они

позвонили мне, пока ты... делала свои дела. У них есть для меня часок сегодня ближе к вечеру; если получится, я смогу даже врача-другого на ужин вытащить... Короче, я должен ехать.

— А, ну ладно. — Я киваю. И наконец обращаю внимание на то, как он одет. Не просто одет, а на выход. Для работы. — Конечно же... конечно, поезжай. Раз нужно, то давай.

— Но тебе-то точно следует куда-нибудь выбраться. — Патрик тычет пальцем мне в грудь. — Чем-нибудь заняться. Воздухом подышать. Жаль, что я не смогу быть с тобой, но завтра к утру уже должен вернуться.

— Все в порядке, — говорю я. — У меня еще столько всего недорешенного со свадьбой... Нужно отвечать на имейлы. Я просто посижу здесь и со всем этим разделаюсь, а вечерком, если получится, опрокину бокал-другой с Шэннон.

— Вот и умница. — Патрик притягивает меня к себе и целует в лоб. Замирает на мгновение, и я кожей чувствую, что его глаза сверлят сейчас все еще закрытый ноутбук рядом со мной. Продолжая прижимать меня к груди одной рукой, другой, свободной, он подхватывает компьютер. Я пытаюсь его перехватить, но Патрик успевает поймать мое запястье, крепко сжимает, а сам молча кладет компьютер на колени и открывает его.

— Патрик, — говорю я, но он не обращает внимания, только крепче сжимает мне руку. — Патрик, ну что ты в самом деле...

Я проглатываю комок в горле, когда экран освещает его лицо, жду, пока он просмотрит страницу, которая, как я знаю, все еще там открыта — компания «Охранные системы», изображение Берта Родса. Какое-то время Патрик молчит, и я уже уверена, что он узнал имя. Понял, чем я занималась. В конце концов, про Лину я ему рассказывала. Я уже открываю рот, чтобы все объяснить, но Патрик меня опережает.

— То есть вот ты отчего так нервничаешь?

— Слушай, давай я все объясню, — говорю я, безуспешно пытаюсь высвободить руку. — Когда нашли тело Обри, я стала беспокоиться...

— Ты хочешь установить дома охранную систему? — спрашивает Патрик. — Боишься, что тот, кто охотится за этими девочками, и до тебя дотянется?

Я молчу, пытаюсь решить — позволить ли ему думать в этом направлении или сказать правду. Снова открываю рот и опять не успеваю ничего произнести.

— Хлоя, отчего ж ты мне-то ничего не сказала? Похоже, здорово перепугалась... — Патрик отпускает мое запястье; в ладонь устремляется кровь, по пальцам словно бегут ледяные иголки. Я и не представляла, насколько сильно он сжал мне руку. Потом Патрик снова привлекает меня к себе, гладит пальцами по шее и вдоль позвоночника. — У тебя, наверное, такие воспоминания сейчас пробудились... Ну, то есть я знал, что ты думаешь обо всем этом, об отце, но не подозревал, что дошло до *такого*.

— Прости, — бормочу я, уткнувшись губами ему в плечо. — Просто все это казалось... такой глупостью! Все эти страхи...

Не сказать, что чистая правда. Однако и не совсем ложь.

— Все будет хорошо, Хлоя. Тебе нечего бояться.

В памяти вспыхивает утро двадцатилетней давности. Я, мама и Купер. Все трое на корточках в коридоре, у нас с Купером рюкзаки на спинах. Я плачу. Мама меня утешает.

Ей есть чего бояться, Купер. Все очень серьезно.

— Этот мерзавец, кем бы он ни был, если не забыла, предпочитает старшеклассниц.

Сглотнув, я киваю, и в сознании сами собой возникают слова, которые он, я уверена, собирается сказать. Словно я опять в коридоре, а мама утирает мне слезы. *«Не садись в машину к незнакомцам. Не гуляй в одиночку по темным переулкам».*

Чуть отстранившись, Патрик улыбается мне, я тоже заставляю себя улыбнуться.

— Но если с охранной системой тебе будет легче, думаю, нужно так и сделать, — добавляет он. — Позвони тому парню из фирмы, пусть приезжает. По крайней мере успокоишься.

— Хорошо, — я снова киваю, — попробую этим заняться. Вот только дорогие они, эти системы...

Патрик качает головой:

— Твое спокойствие куда дороже. Ему цены нет.

Я улыбаюсь, на этот раз без всякой фальши, и в последний раз заключаю его в объятия. Он не виноват, что сердится на меня, что проявляет любопытство. В последние дни я сделалась скрытной, и он

это чувствует. Только понятия не имеет, что я не собиралась покупать охранную систему, что меня интересовал человек на экране, а не оборудование, которое он устанавливает, но это неважно. Эмоции в голосе Патрика совершенно искренние. Он говорит ровно то, что думает.

— Спасибо, — говорю я ему, — ты у меня такой чудесный...

— Как и ты, — отвечает Патрик, целует меня в лоб и встает. — Мне уже пора. Займись чем-нибудь полезным, а я пришлю тебе эсэмэску, когда доеду.

Глава 23

Стоит машине Патрика отъехать, как я бегу обратно к компьютеру, хватаю телефон и пишу Аарону эсэмэску.

Берт Родс живет здесь. В Батон-Руже.

Я не знаю, что делать с этой информацией. Но это определенно важно. Это не может быть простым совпадением. Вот только этого мало, чтобы идти в полицию. Насколько я могу судить, они пока не поняли, что означают пропавшие украшения, а я поднимать эту тему до сих пор не желаю. Минуту спустя телефон вибрирует — пришел ответ от Аарона.

Сейчас разберусь. Дайте мне десять минут.

Отложив телефон, я бросаю взгляд на компьютер, на экране которого все еще светится лицо Берта Родса — свидетельство пережитой им травмы. Когда человек пострадал физически, это можно прочесть по синякам и шрамам, но эмоциональные, душевные раны залегают куда глубже. Каждая бессонная ночь отражается в глазах, каждая пролитая слезинка оставляет след на щеке, каждый приступ гнева отпечатывается в складках морщин. От жажды крови трескаются губы. Какую-то минуту я колеблюсь, впитывая собственными глазами лицо сломанного человека. Во мне пробуждается сочувствие, и я начинаю сомневаться — неужели тот, кто столь трагически потерял собственную дочь, способен преобразиться и точно так же отнять чужую жизнь? Способен подвергнуть другую ни в чем не повинную семью подобному горю? Но я сразу же вспоминаю своих собственных пациентов, предстающие передо мной каждый день искалеченные души. Вспоминаю себя саму. Вспоминаю статистику, от которой у меня еще в университете кровь в жилах застывала — сорок процентов из тех, кто был в детстве жертвой насилия, сами становятся насильниками. Случается не с каждым — но случается. Цикл воспроизводства. Дело во власти, в контроле — вернее, в его отсутствии. В том, чтобы заполучить его обратно и присвоить.

Мне ли этого не понимать.

Телефон начинает вибрировать, на экране появляется имя Аарона. Я отвечаю после первого же звонка.

— Что вам удалось выяснить? — спрашиваю, все еще не в силах оторвать глаз от ноутбука.

— Нанесение телесных повреждений, пьянство в общественном месте, вождение в нетрезвом виде, — говорит он. — Последние пятнадцать лет регулярно попадает в тюрьму, насколько можно судить; его жена давным-давно подала на развод после разбирательств насчет домашнего насилия. Суд запретил ему к ней приближаться.

— Что он ей сделал?

Аарон молчит, и я не в состоянии определить — он сверяется сейчас со своими записями или просто не хочет отвечать.

— Аарон?

— Он начал ее душить.

Слова будто оседают у меня на коже, и в комнате мгновенно делается на десять градусов холодней.

Начал ее душить.

— Это может оказаться совпадением, — говорит Аарон.

— Или не оказаться.

— Между злым алкоголиком и серийным убийцей — дистанция огромного размера.

— Возможно, имеет место эскалация, — говорю я. — Пятнадцать лет арестов за насилие — надежный индикатор того, что он способен и на большее. Он напал на жену точно таким же образом, которым напали на его дочь, Аарон. Точно таким же, каким были убиты Обри и Лэйси...

— Хорошо, — журналист кивает, — хорошо. Надо будет не упускать его из виду. Но если вас это и в самом деле беспокоит, я думаю, вам следует обратиться в полицию. Расскажите им нашу теорию. Про подражателя.

— Нет, — я качаю головой, — еще рано. Нам нужно больше доказательств.

— Зачем? — спрашивает Аарон, в его голосе слышно возбуждение. — Хлоя, в прошлый раз вы сказали то же самое. Это и есть *больше*. Отчего вы так боитесь полиции?

Вопрос меня ошарашивает. Я вспоминаю о том, как лгала Томасу и Дойлу, скрывая информацию от следствия. Мне никогда не приходило в голову, что я *боюсь* полиции, но потом я вспоминаю про университет, про тот последний раз, когда я ввязалась во что-то

подобное, и как погано все в результате вышло. Как сильно я ошиблась.

— Я не боюсь полиции, — говорю. Аарон молчит, и мне кажется, что я должна продолжить, объяснить подробнее. Сказать, что я боюсь себя. Вместо этого я вздыхаю.

— Я не хочу разговаривать с ними по той же самой причине, по которой не хотела разговаривать с вами, — произношу я резче, чем хотела. — Я совершенно не собиралась в это ввязываться. Во все это.

— Но вы уже ввязались, — обрывает меня Аарон. В его голосе звучит обида, и в этот самый миг куда отчетливей, чем когда на пристани он слушал мои воспоминания о Лине, я чувствую, что наши отношения сделались чем-то большим, нежели отношения журналиста и героя его репортажа. В них появилась личная нотка. — Хотели вы того или нет, но ввязались.

Я бросаю взгляд в сторону окна — в самый подходящий момент, чтобы заметить сквозь жалюзи очертания подъезжающей к дому машины. Гостей я не жду, поэтому смотрю на часы — Патрик уехал с полчаса назад. Я озираюсь по сторонам — быть может, он что-то забыл и ему пришлось вернуться?

— Послушайте, Аарон, я хочу извиниться, — говорю я, ущипнув себя за переносицу. — Это прозвучало не лучшим образом. Знаю, что вы хотите помочь. Вы правы, я оказалась во всем этом независимо от собственного желания. Мой отец о том позаботился.

Он молчит, но я чувствую, что напряжение на том конце понемногу рассасывается.

— Я только хотела сказать, что еще не готова, чтобы полиция начала копаться в моей жизни, — объясняю я. — Если я все это на них вывалю, расскажу, кто я такая, мне будет уже не отвертеться. Они снова разберут меня по косточкам и станут разглядывать под микроскопом. Это мой дом, Аарон. Моя жизнь. Здесь я чувствую себя нормальной... по крайней мере, насколько оно вообще возможно. И мне так больше нравится.

— Хорошо, — говорит он в конце концов. — Хорошо, я вас понял. Простите, что настаивал.

— Все в порядке. Если у нас появятся еще доказательства, я все им расскажу. Обещаю.

Я слышу, как снаружи хлопает дверца, и, обернувшись, вижу направляющийся к моему крыльцу силуэт.

— Только нам надо заканчивать. Наверное, Патрик вернулся. Я вам потом перезвоню.

Дав отбой, я бросаю телефон на диван и иду к дверям. На крыльце слышатся шаги, но, прежде чем Патрик успевает войти, я сама распахиваю дверь и упираю руку в бедро.

— Похоже, так просто от тебя не отделаться!

Потом я вижу, кто передо мной стоит, и моя улыбка исчезает, а игривое выражение лица сменяется ужасом. Это не Патрик. Уронив обе руки, я меряю его взглядом, сверху вниз и обратно, коренастую фигуру и грязную одежду, морщинистую кожу и темные, мертвые глаза. Даже темней, чем на фотографии, все еще открытой у меня на ноутбуке. Пульс стремительно учащается, на какое-то жуткое мгновение я даже вынуждена ухватиться за дверной косяк, чтобы не упасть в обморок.

На пороге стоит Берт Родс.

Глава 24

Кажется, мы разглядываем друг друга целую вечность, и каждый бросает другому беззвучный вызов — ну, говори же! Но даже будь у меня что сказать, ничего не вышло бы. Мои губы словно примерзли к зубам, а ужас оттого, что я вижу Берта Родса во плоти, лишил меня способности двигаться. Я не могу ни шевельнуться, ни заговорить. Только таращиться. От его глаз мой взгляд перескакивает на ладони, мозолистые и грязные. И очень большие. Я легко воображаю себе, как они без труда охватывают мою шею и сжимают — сперва ласково, но давление увеличивается с каждой попыткой вдохнуть. Я царапаю его руки ногтями, мои вылезающие из орбит глаза вглядываются в его, пытаюсь отыскать во мраке хоть какой-то проблеск жизни. На его потрескавшихся губах змеится ухмылка. Детектив Томас найдет у меня на шее синяки в форме отпечатков пальцев.

Берт Родс прокашливается:

— Патрик Бриггс здесь проживает?

Я таращусь на него еще секунду-другую, несколько раз моргаю, словно мозг пытается таким образом стряхнуть оцепенение. Я все верно расслышала — ему нужен Патрик? Когда я так и не отвечаю, он заговаривает снова:

— Где-то с полчаса назад нам позвонил Патрик Бриггс и попросил установить охранную систему по этому адресу. — Он смотрит на бланк заказа, потом бросает взгляд на табличку с названием улицы у себя за спиной, словно пытаюсь убедиться, что не заблудился. — Сказал, нужно срочно.

Я смотрю ему через плечо на припаркованную на подъездной дорожке машину, на боку у нее логотип «Охранных систем». Похоже, Патрик позвонил прямо из машины — очень мило с его стороны, и намерения у него были самые лучшие, вот только в результате они привели ко мне Берта Родса. Патрик понятия не имел, какому риску меня сейчас подвергает. Я снова смотрю на человека из собственного прошлого, который переминается с ноги на ногу у меня на пороге, вежливо ожидая приглашения войти. Я постепенно начинаю понимать.

Он не узнает меня. Не знает, кто я.

Тут я наконец замечаю, что дышу очень часто; моя грудь резко вздымается с каждым отчаянным вдохом. Похоже, Берт замечает это одновременно со мной и смотрит на меня с подозрением. Его любопытство вполне закономерно: отчего бы это одно его присутствие вызывает у совершенно незнакомого человека гипервентиляцию? Мне необходимо успокоиться.

Хлоя, дыши нормально. Ради меня. Попробуй вдохнуть носом.

Представив, что мама рядом, я крепко сжимаю губы и втягиваю воздух через ноздри, пока грудная клетка не заполнится.

Теперь выдыхай через рот.

Поджав губы, я медленно выпускаю воздух наружу и чувствую, что пульс начинает замедляться. Я сжимаю кулаки, чтобы руки не тряслись.

— Да, — отвечаю наконец, отступаю в сторону и жестом приглашаю его войти.

Его нога переступает порог моего дома, моей крепости. Моего священного места и убежища, старательно обустроенного, чтобы излучать ощущение нормальности и уверенности в себе — но иллюзия тут же разлетается в клочья, как только внутри оказывается некто из моего прошлого. Даже атмосфера в доме мгновенно меняется, от мельтешения молекул воздуха у меня волосы на руках дыбом встают. Когда Берт стоит совсем рядом, чуть ли не касаясь моего лица, он кажется даже крупней, чем мне помнится, — притом что последний раз я оказывалась с ним в одной комнате, когда мне было всего двенадцать. Но он-то этого не знает. Даже не подозревает, что я — двенадцатилетняя девочка, плоть от плоти того, кто убил его дочь. Что это я закричала, когда брошенный им камень разбил окно в комнате моей мамы. Что это я спряталась под кровать, когда он объявился у нас на крыльце, распространяя вонь от виски, пота и слез.

Берт не подозревает, что у нас общая история. И теперь, когда он у меня дома, я прикидываю, не удастся ли это обернуть в свою пользу.

Родс проходит еще дальше в дом и принимается оглядываться; его глаза внимательно изучают коридор, примыкающую к нему гостиную, кухню и ведущую на второй этаж лестницу. Сделав несколько шагов, он заглядывает в каждую из комнат и сам себе кивает.

Внезапно меня окатывает волной ужаса. А если он все-таки меня узнал? Если хочет сейчас убедиться, что я одна?

— Муж наверху, — говорю я поспешно, стреляя глазами в сторону лестницы. В спальне, где-то в шкафу, Патрик хранит пистолет на случай визита грабителей. Я копаюсь в памяти, пытаюсь вспомнить, где же именно. Может, получится сочинить повод, чтобы сбегать наверх и на всякий случай прихватить оружие... — Он работает удаленно, сейчас на телефоне, но если что-то нужно, я могу у него спросить.

Берт щурится на меня, потом чуть облизывает губы и с улыбкой отрицательно покачивает головой, отчего у меня возникает отчетливое ощущение, будто он издевается. Будто знает, что я все вру насчет Патрика и что дома совершенно одна. Он снова подходит ко мне и трет руками о штаны, как если б у него вспотели ладони. Я начинаю паниковать и думаю уже, не кинуться ли наружу, но он обходит меня и дважды стучит пальцем по двери.

— Это ни к чему, я просто проверяю входы. Дверей две, передняя и задняя. Но и окон много, так что я рекомендовал бы датчики на стеклах. Наверху тоже проверить?

— Нет, — поспешно отвечаю я. — Нет, главное — чтобы внизу. Насчет всего этого вы... вы совершенно правы. Спасибо.

— Камеры нужны?

— Что?

— Камеры, — повторяет Берт. — Маленькие такие, мы их можем по всему дому поставить, и у вас будет доступ к видео через телефон...

— Да, — говорю я быстро, не успев подумать. — Да, конечно. Камеры — это хорошо.

— Вот и отлично. — Он кивает. Что-то царапает на бланке заказа и протягивает его мне. — Вот тут, внизу, имя и роспись, а я пока схожу за инструментом.

Я беру бланк, а Берт выходит наружу и направляется к машине. Ясное дело, имя я написать не могу. *Настоящее* имя. Само собой, он его узнает. Так что я пишу на бланке «Элизабет Бриггс» — мое второе имя с фамилией Патрика — и, когда Родс снова входит, вручаю ему бланк. Пока он изучает мою подпись, я направляюсь к дивану.

— Спасибо, что оперативно приехали, — говорю я, захлопываю ноутбук и сую телефон в задний карман. — Мы вас так скоро не ждали.

— «Заботимся о вас круглосуточно», — цитирует Родс слоган с веб-сайта. Потом начинает обходить первый этаж, приклеивая датчики к каждому стеклу.

Меня вдруг охватывает тревога при мысли, что он будет знать, куда здесь не следует лезть, чтобы сработала сигнализация; с него станет пропустить одно из стекол и тщательно запомнить то окно, через которое потом можно будет попасть внутрь. Может, он именно так и выбирает жертвы — может, он и Обри с Лэйси взял на заметку, когда у *них* дома сигнализацию ставил. Заходил к ним в спальни, в шкафчики с бельем заглядывал. Изучил все их привычки.

Я молчу, а он бродит по дому, сует нос в каждый угол, прощупывает все щели. Потом, кряхтя, взбирается на складную лесенку и втыкает в углу гостиной маленькую круглую камеру. Я смотрю на нее, а крошечный глазок — на меня.

— Вы — владелец компании? — спрашиваю я в конце концов.

— Нет, — отвечает Родс.

Я жду, чтобы он еще что-нибудь добавил, но Берт молчит. Я решаю не отступать.

— Давно этим занимаетесь?

Он слезает с лесенки, смотрит на меня и уже открывает рот, чтобы что-то сказать. Однако, передумав, направляется к двери, достает из сумки с инструментом дрель и прикручивает рядом с входом панель управления. Коридор заполняет шум дрели, я гляжу ему в затылок, потом делаю еще попытку:

— Вы местный? Из Батон-Ружа?

Жужжание прекращается, и я вижу, как у него напряглись плечи. Он не поворачивается, но теперь комнату заполняет уже звук его голоса:

— Думаешь, Хлоя, я тебя не узнал?

Я застываю на месте, лишившись слов. Просто гляжу ему в затылок, пока он наконец не оборачивается, медленно-медленно.

— Сразу же узнал, стоило тебе дверь открыть.

— Прощу прощения, — выдавливаю я из себя. — Не понимаю, о чем вы сейчас.

— Все ты понимаешь, — говорит Берт, делая шаг в мою сторону. В руке он по-прежнему сжимает дрель. — Ты — Хлоя Дэвис. Твой

жених, когда звонил, назвал мне твое имя. Сказал, что сам едет в Лафайетт, но ты будешь дома.

Я тарашу на него глаза, постепенно осозная сказанное. Он знает, кто я. Знал с самого начала. И еще знал, что я дома одна.

Родс делает еще шаг.

— А написанное тобой на бланке чужое имя означает, что и ты меня узнала, так что я плохо понимаю, в какие игры ты тут пытаешься играть с этими своими вопросами.

Телефон жжет мне кожу сквозь карман. Я могу достать его, набрать 911. Но Берт сейчас прямо передо мной, и я боюсь, что одно лишь мое движение — и он на меня кинется.

— Хочешь знать, как я оказался в Батон-Руже? — спрашивает он. Постепенно заводясь — я вижу это по румянцу на лице, по потемневшим глазам. На языке у него лопаются пузырьки слюны. — Я, Хлоя, здесь уже давно. После развода с Аннабель мне требовалась перемена мест. Чтобы начать все заново. Там я чувствовал себя словно во мраке, поэтому собрал барахлишко да и убрался на хрен из города и от всех воспоминаний тоже. Какое-то время все было ничего, пока несколько лет назад я не раскрыл воскресную газету — и кого, по-твоему, я там увидел?

Берт делает паузу, его губы кривятся в усмешке.

— Да это ты на меня оттуда тарашилась, — говорит он, тыча дрелью в мою сторону. — А под фото — веселенькая надпись насчет *избавления от полученной в детстве травмы* или еще какой-то подобной хрени. Прямо здесь, в Батон-Руже.

Я помню эту статью — интервью, которое согласилась дать газете, когда начала работать в больнице Батон-Ружа. Мне показалось, что статья может сделаться чем-то вроде искупления. Возможностью переопределить себя, начать с новой страницы. Конечно же, ничем подобным она не стала. Просто очередная спекуляция на теме отца, прославление насилия под маской respectable журналистики.

— Я прочитал ту статейку, — продолжает Берт. — До последнего говенного словечка. И знаешь что? Она меня только заново взбесила. Все эти твои оправдания собственного папаши, и как ты его делишками пользуешься, чтобы собственную карьеру продвигать... А потом еще и про мамашу прочитал, как она, после всего того, что

натворила, нашла-таки лазейку. Чтобы не нужно было с самой собой мириться.

Под грузом его слов я молчу, осознавая, с какой беспримесной ненавистью он на меня сейчас взирает. Его руки сжимают дрель с такой силой, что побелевшие костяшки пальцев, кажется, вот-вот прорвут кожу.

— Мне от всего вашего семейства блевать уже охота, — говорит Родс. — А я, куда ни двинусь, только на вас и натыкаюсь.

— Я никогда не оправдывала отца, — возражаю я. — И ничем не пыталась *воспользоваться*. Тому, что он сделал, нет прощения, никакого. Это *меня* тошнит.

— Ах, вот оно как? Тошнит, значит? — вопрошает он, склонив набок голову. — Скажи-ка на милость, от собственной практики тебя тоже тошнит? От миленького офиса в центре? От шестизначной суммы в налоговой декларации? От сраного двухэтажного домика в Гарденс и женишка словно с картинки? От этого всего тебя ненароком не тошнит?

Я сглатываю комок. Берта Родса я недооценила. Впускать его в дом было ошибкой. Изображать из себя детектива и допрашивать его — тоже. Он не просто меня знает — он *обо мне* все знает. Он искал обо мне информацию точно так же, как и я о нем, — но куда дольше. Он знает про мою практику, про мой офис. Может статья, знает даже, что Лэйси была моей пациенткой, а сам он таился рядом в засаде в тот день, когда она вышла наружу, чтобы исчезнуть...

— А теперь ответь мне, — рычит он, — честно ли это, что дочка Дика Дэвиса выросла и живет идеальной жизнью, а моя гниет неизвестно где — там, где этот ублюдок ее бросил?

— Я не живу идеальной жизнью, — обрываю его я. Меня вдруг тоже охватывает бешенство. — Вы и представления не имеете, через что мне довелось пройти, как меня всю перекорежило тем, что сделал отец!

— Через что *тебе* довелось пройти? — орет он, снова тыча в меня дрелью. — Хочешь мне рассказать, через что *тебе* довелось пройти? Как *тебя* перекорежило? А моя дочь? *Ей* через что довелось пройти?

— Лина была моей подругой. Она мне *подругой* была, мистер Родс! Не вы один тем летом кого-то потеряли!

Выражение его лица слегка меняется — взгляд делается чуть мягче, лоб чуть глаже, — и он вдруг глядит на меня так, будто мне снова двенадцать. Может, оттого, что я обратилась к нему «мистер Родс», точно так же, как когда мама познакомила нас с ним однажды вечером: я вломилась домой после лагеря, вся в грязи, в поту и еще в недоумении от того, что кто-то незнакомый стоит с ней совсем рядом. Или от того, что я *ее* — Лину — назвала по имени. Он, наверное, уже очень давно не слышал его произнесенным вслух, сладкого, словно древесный сок от кусочка коры на языке. Пытаясь воспользоваться этой мгновенной переменной настроением, я решаю продолжить.

— И мне очень жаль, что с вашей дочерью так случилось, — говорю, отступая на шаг, чтобы увеличить между нами расстояние. — Честное слово, жаль. Я про нее каждый день вспоминаю.

Вздыхнув, Берт опускает дрель. Поворачивается в сторону и смотрит куда-то сквозь жалюзи — очень, очень далеко.

— Ты себе хоть представляешь, что это такое? — говорит он наконец. — Я ночами не спал, только представлял себе. Воображал. У меня это манией сделалось.

— У меня тоже. Через что она прошла — это невообразимо.

— Нет, — он трясет головой. — Я не про нее сейчас. Не про Лину. Я не о том думал, каково это — умереть самому. Мне, право слово, как-то и наплевать было бы.

Родс снова смотрит на меня. Глаза его опять превратились в чернильно-черные дыры, вся мягкость из взгляда исчезла. Вернулось и выражение лица — выражение пустого, лишённого эмоций безразличия. Оно и на человеческое-то почти не похоже — скорее на маску, что свисает с гвоздя на угольно-черной стене.

— Я про твоего отца думал, — говорит он. — Не про умереть, а про убить.

Глава 25

Я не шевелюсь до тех пор, пока не слышу рев мотора и глухой удар, с которым грузовичок разворачивается прямо через бордюр, прежде чем укатиться прочь. Стою неподвижно, слушая, как звук удаляющегося мотора затухает на расстоянии, пока наконец не оказываюсь наедине с тишиной.

Думаешь, Хлоя, я тебя не узнал?

Его слова меня поймали, обездвижили — в тот самый миг, когда он обернулся и посмотрел мне в глаза. Я почувствовала себя такой же парализованной, как некогда, увидев отца, крадущегося через наш двор с лопатой. Я понимала тогда, что вижу что-то неправильное, что-то пугающее. Опасное. Знала, что мне нужно завопить и пуститься наутек. Выскочить за дверь, размахивая руками. Но как тяжелые шаги отца заставили меня тогда застыть на месте, так и взгляд Берта Родса погрузил в транс, приковал к полу. Голос его обвился вокруг меня удавом и не отпускал. Он казался тяжелым, будто соленая вода; пытаться убежать от этого голоса, от Берта было бы все равно что бежать через болото, когда плотная густая грязь липнет к лодыжкам. Чем сильнее стараешься, тем больше устаешь, больше слабеешь. Тем глубже погружаешься.

Я пережидаю еще минуту, чтобы окончательно убедиться, что он уехал, потом делаю осторожный шаг вперед. Пол под ногами скрипит.

Я не про нее сейчас. Не про Лину. Я не о том думал, каково это — умереть самому. Мне, право слово, как-то и наплевать было бы.

Я делаю еще шаг — медленно, осторожно, словно Родс все еще таится за открытой входной дверью, готовый напасть.

Я про твоего отца думал. Не про умереть, а про убить.

Еще один шаг к двери — и я ее захлопываю, запираю, упираюсь в деревянную панель спиной. Меня всю колотит, а комната делается ярче; я стараюсь отделаться от призрачного чувства, которое накатывает, когда иссякнет неожиданный выброс адреналина — пальцы трясутся, в поле зрения плавают пятна, дыхание прерывистое.

Соскользнув вдоль стены, я запускаю пальцы в волосы и пытаюсь не расплакаться.

В конце концов поднимаю взгляд на контрольную панель, сияющую на стене у меня над головой. Поднявшись на ноги, набираю на клавиатуре код и нажимаю «Активировать»; красная иконка с изображением замка делается зеленой. Я перевожу дух, хотя и не могу отделаться от чувства, что эти действия лишены смысла. Вряд ли он все установил правильно. Пропустил одно-другое, запрограммировал особый код для себя самого... Патрик хотел поставить охранную систему, чтобы я чувствовала себя в безопасности, — но сейчас мне страшно, как никогда.

Мне нужно обратиться с этим в полицию. Дальше откладывать нельзя. Берт Родс не просто знает, кто я, — он знает, где я живу. Знает, что я сейчас одна. Может быть, знает даже, что я его подозреваю. Несмотря на все мое нежелание впутываться в очередное расследование по поводу исчезнувших девочек, эта встреча предоставила мне то самое недостающее доказательство. Слова Бerta Родса — как его бесит, что я жива и кем стала, как он размышлял об убийстве — были по существу одновременно признанием вины и угрозой насилия. Трясущейся рукой я вытягиваю из заднего кармана телефон, открываю список звонков и жму на номер, впервые появившийся там сегодня утром, номер, с которого пришло подтверждение самой страшной из моих тревог: Лэйси Деклер мертва. Слушая гудки на другом конце, собираюсь с силами для предстоящего разговора. Разговора, которого я изо всех сил пыталась избежать.

Очередной гудок резко обрывается, я слышу голос.

— Детектив Томас.

— Здравствуйте. Это Хлоя Дэвис.

— Доктор Дэвис. — Удивление. — Чем могу помочь? Вспомнили что-то еще?

— Да, — говорю я. — Да, вспомнила. Мы можем встретиться? И как можно скорее.

— Конечно. — На другом конце слышно шуршание, словно он перекладывает бумаги. — Сможете подъехать в отделение?

— Да, — снова говорю я. — Да, могу. Сейчас буду.

Я даю отбой. В мыслях полный беспорядок, но я беру ключи и выхожу наружу, тщательно убедившись, что заперла за собой дверь.

Сажусь в машину, завожу мотор. Он не сказал, куда ехать, но я знаю и так. Мне уже доводилось бывать в отделении полиции Батон-Ружа, хоть я и надеюсь, что, когда мне придется признаться, кто я такая, эта часть моей жизни наружу не выплывет. Не должна бы, хотя кто знает... Даже если и так, что мне останется? Только попытаться все объяснить.

Въехав на парковку для посетителей, я выключаю мотор и смотрю на манящий к себе вход. Здание выглядит так же, как и десять лет назад, только старше. Неухоженной. Коричневые кирпичи все еще коричневые, но краска потрескалась по швам, крупные лоскуты успели отвалиться и кучками валяются внизу на бетоне. Газон клочковатый и бурый, проволочная ограда между отделением полиции и соседним торговым центром провисла и готова упасть. Выйдя из машины и захлопнув дверцу, я тороплюсь войти внутрь, пока не передумала.

Пройдя к стойке дежурного, встаю у окошка. Женщина за прозрачным пластиковым стеклом стучит акриловыми ногтями по клавиатуре.

— Здравствуйте, — прерываю я ее занятие. — У меня встреча с детективом Майклом Томасом.

Бросив на меня взгляд из-за пластика, она прикусывает изнутри щеку, словно решая, стоит ли верить моим словам. Мое утверждение прозвучало чуть ли не вопросительно — оттого, разумеется, что моя домашняя решимость во всем признаться полиции практически испарилась, стоило мне ступить внутрь.

— Могу ему эсэмэску написать, — говорю я и протягиваю телефон, пытаюсь убедить нас обеих одновременно, что меня стоит пропустить внутрь. — Передайте, что я пришла.

Она оценивающе смотрит на меня еще секунду-другую, потом набирает на телефоне внутренний короткий номер, а трубку прижимает плечом к подбородку и продолжает печатать. Я могу расслышать гудок и голос ответившего детектива Томаса.

— К вам посетительница, — говорит она и кидает на меня вопросительный взгляд.

— Хлоя Дэвис.

— Говорит, ее зовут Хлоя Дэвис, — повторяет она. — И что ей назначено.

Потом сразу же кладет трубку и машет рукой в сторону двери справа от меня. Дверь снабжена металлодетектором и охранником, у которого одновременно возбужденный и скучающий вид.

— Он сказал, чтобы вы проходили. Металлические предметы и электронику положить в коробку. Вторая дверь направо.

Дверь в кабинет детектива Томаса приоткрыта. Я просовываю внутрь голову и легонько стучу.

— Заходите, — говорит он, глядя на меня из-за стола, заваленного бумагами и папками. На столе также присутствует открытая упаковка соленых крекеров, оттуда торчит внутренний пакет; поверхность стола усыпана крошками. Перехватив мой взгляд, детектив быстро наклоняется и закрывает упаковку. — Прошу простить за беспорядок.

— Ничего-ничего, — говорю я, проходя внутрь и закрывая за собой дверь. На секунду застываю, пока он не делает жест в сторону стула перед собой. Усаживаюсь, и память тут же возвращает меня на несколько дней назад, когда роли были противоположными, когда я сидела в кресле в *собственном* кабинете и указывала *ему*, куда сесть. Я вздыхаю.

— Ну, — произносит он, сложив руки перед собой на столе, — и что же вы вспомнили?

— Сперва я хотела бы кое-что спросить. Обри Гравино. Когда ее нашли, на ней были украшения?

— Не вижу, какое это имеет отношение к делу.

— Оно имеет. Вернее, может иметь, в зависимости от вашего ответа.

— Давайте вы лучше сперва скажете, что вспомнили, а потом вернемся к вашему вопросу.

— Нет, — трясую я головой, — прежде, чем сказать, я должна быть уверена. Честное слово, это важно.

Томас смотрит на меня еще пару секунд, прикидывая варианты. Потом громко вздыхает в знак неодобрения и принимается копаться в папках. Найдя нужную, раскрывает ее и перелистывает несколько страниц.

— Нет, украшений не было, — говорит он наконец. — Одна сережка обнаружена на кладбище рядом с телом — серебро, жемчужина, три бриллианта.

Снова смотрит на меня, вздев брови, будто спрашивает: «Ну что, довольны?»

— То есть цепочки не было?

Задержав на мне взгляд на какое-то время, детектив снова опускает его к бумагам.

— Нет. Никакой цепочки. Только сережка.

Резко выдохнув, я запускаю пальцы себе в волосы. Томас снова внимательно на меня смотрит, ожидая, когда я что-нибудь скажу, что-нибудь сделаю. Откинувшись на спинку стула, я так и поступаю.

— Сережка — часть комплекта. Когда Обри похитили, на ней должна была быть цепочка с таким же кулоном. Она их на всех фото вместе носит. На плакате «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», на школьных фотографиях, в «Фейсбуке»... Если на ней были сережки, то был и кулон.

Томас закрывает папку:

— Откуда вы знаете?

— Проверила, — говорю я. — Нужно было убедиться, прежде чем идти к вам.

— Хорошо. И отчего вы решили, что это важно?

— Потому что у Лэйси тоже было украшение. Помните?

— Верно, — говорит он. — Вы упоминали про браслет.

— Браслет из бусин с металлическим крестиком. Я видела его у нее на запястье у себя в кабинете. Она прикрывала им шрам. Но когда этим утром я смотрела на ее тело... браслета не было.

В комнате повисает неловкая тишина. Детектив Томас продолжает меня разглядывать, и я не уверена — он сейчас размышляет над сказанным мной или же беспокоится, все ли со мной в порядке. Я начинаю говорить быстрее.

— Думаю, убийца забирает украшения жертв на память. И делает это потому, что так делал мой отец. Ричард Дэвис, если знаете такого. В Бро-Бридже.

Я наблюдаю за его реакцией по мере того, как складывается головоломка. Реакция всегда одинаковая — всякий раз, когда кто-нибудь осознает, кто я такая: сначала все лицо заметно расслабляется, но потом челюсть твердеет, словно человеку приходится сдерживать себя, чтобы немедленно на меня не кинуться. Наши фамилии, наши черты лица. Мне с детства говорили, что нос у меня отцовский,

крупный, чуть крючковатый — и я из всех своих черт именно эту больше всего не переношу: не из заботы о внешности, а оттого, что каждый взгляд в зеркало мне напоминает, чья у меня ДНК.

— Вы — Хлоя Дэвис, — произносит Томас. — Дочь Дика Дэвиса.

— К несчастью, да.

— Знаете, а я ведь про вас в газете читал. — Он показывает на меня пальцем, чуть шевеля им по мере того, как вспоминает. — Только... как-то не сообразил.

— Да, была статья несколько лет назад. Рада, что она успела позабыться.

— И вы полагаете, что нынешние убийства как-то связаны с преступлениями вашего отца?

Томас все еще смотрит на меня с сомнением, будто я — витающий в воздухе призрак; не может поверить, что я настоящая.

— Сперва я так не думала, — говорю я. — Но в следующем месяце двадцатилетняя годовщина, а я недавно обнаружила, что отец одной из тогдашних жертв живет здесь, в Батон-Руже. Берт Родс. И он... склонен к насилию. У него были неприятности с полицией. Он пытался задушить собственную жену...

— По-вашему, он — подражатель? — перебивает меня детектив. — По-вашему, отец жертвы мог сделаться подражателем?

— У него неприятности с полицией, — повторяю я. — И еще... моя семья. Он ненавидит мою семью. Ну, то есть это-то понять можно, но он пришел ко мне домой сегодня утром, был в бешенстве, я страшно перепугалась...

— Он явился к вам без предупреждения? — Томас садится прямее, тянется за карандашом. — Он вам угрожал?

— Ну, не то чтобы совсем без предупреждения... Он занимается установкой охранных систем; мой жених позвонил в фирму и заказал такую систему...

— То есть вы его сами пригласили? — Томас вновь откидывается на спинку кресла и откладывает карандаш.

— Может, хватит меня перебивать?

Прозвучало громче, чем мне хотелось бы; детектив Томас ошарашенно смотрит на меня, во взгляде — смесь изумления и неловкости. В кабинете повисает неуютное молчание. Я прикусываю губу. Не переношу подобные взгляды. Я видела такой у Купера. Видела

у полицейских и детективов, прямо здесь, в этом самом здании. Взгляд, в котором читаются первые намеки на беспокойство — не за мою безопасность, но за мой рассудок. Взгляд, после которого я чувствую, что моим словам не верят, чувствую, что начинаю рассыпаться на части, все быстрее и быстрее, сваливаюсь в неуправляемый штопор, после которого от меня вскоре ничего не останется.

— Прошу меня простить, — выдавливаю я, заставляя себя успокоиться. — Прошу прощения, просто мне показалось, что вы меня толком не слушаете. Сегодня утром вы попросили меня взглянуть на тело Лэйси и сообщить вам, если я вспомню что-нибудь важное. Я вам сейчас и рассказываю то, что мне представляется важным.

— Ладно, — говорит детектив, вскидывая руки. — Ладно, вы правы. Я тоже прошу прощения. Продолжайте.

— Спасибо. — Чувствую, как мускулы моих плеч немного расслабились. — Давайте еще раз. Берт Родс — один из немногих, если не вообще единственный, кому известны такие подробности. Он живет там, где сейчас происходят убийства, и у него имеется мотив, чтобы совершать их именно таким образом, как и мой отец двадцать лет назад. На такие совпадения невозможно закрывать глаза.

— А в чем именно, по-вашему, заключается этот мотив? Девочки ему знакомы?

— Нет... ну, то есть не знаю. Не думаю. Но разве это не ваша обязанность — выяснить?

Детектив Томас чуть приподнимает бровь.

— Прошу прощения, — снова говорю я. — Просто... сами смотрите. Мотивы могут быть самые разные, верно? Может быть, месть — он нападает на девочек, которых я знаю, чтобы мне досадить или чтобы я почувствовала такую же боль, что и он, когда погибла его дочь. Око за око. Или — горе, потребность в контроле, те же самые дерьмовые причины, из-за которых жертвы насилия сами делаются насильниками. Может, он пытается что-то доказать. Или, детектив, он и сам извращенец. Двадцать лет назад он ведь тоже был не лучшим из родителей. Я еще маленькая была, но что-то такое *чувствовала*. Будто с ним что-то не то.

— Хорошо, но ваше тогдашнее чувство — это еще не мотив.

— Ладно, а как насчет вот такого? — выпаливаю я. — Сегодня утром он признался мне, что после смерти Лины постоянно думал над тем, каково это будет кого-нибудь убить. Нормальный человек такое скажет? Нормальный человек станет думать об убийстве после того, как убили его собственную дочь? Разве не наоборот? У него эмпатия не в ту сторону направлена.

Детектив Томас замолкает на минуту, потом вздыхает снова — теперь в его вздохе звучит капитуляция.

— Хорошо, — говорит он. — Хорошо, мы его проверим. Я согласен — такие совпадения заслуживают внимания.

— Спасибо.

Я уже собираюсь встать, но детектив Томас снова смотрит на меня, и на его губах читается вопрос.

— Доктор Дэвис, одно уточнение. Вы сказали, что этот человек...

Томас смотрит на листок перед собой, но он чистый. К горлу у меня подкатывает желчью раздражение.

— Берт Родс. Запишите, будьте любезны.

— Верно, Берт Родс. — Томас царапает имя в уголке листка, дважды обводит кружочком. — Вы сказали, возможно, он нападает на девочек, которые вам знакомы...

— Да, не исключено. Он признался, что в курсе, где у меня офис; может, потому Лэйси и похитил. Может, он за ним наблюдал и увидел, как Лэйси оттуда вышла. Может, он и тело в переулке оставил, поскольку надеялся, что я его там найду, замечу отсутствующий браслет, сделаю выводы. И буду вынуждена признать, что девочки до сих пор умирают из-за...

Я останавливаюсь, сглатываю комок. И заставляю себя произнести:

— Из-за моего отца.

— Хорошо, — говорит он, ведя карандашом вдоль края листа. — Хорошо, такая возможность существует. Но в чем в таком случае связь между вами и Обри Гравино? Откуда вы ее-то знаете?

Я смотрю на него и чувствую, что краснею. Вопрос совершенно законный, отчего-то я не удосужилась самой себе его задать. Я была на кладбище непосредственно перед тем, как обнаружили тело Обри, и это могло быть совпадением, пока исчезновение Лэйси сразу за порогом моего офиса не вывело все на совершенно новый уровень.

Однако что касается реальной связи между Обри и мной... тут мне в голову ничего не приходит. Я вспоминаю, как впервые увидела ее лицо в новостях, как оно показалось мне смутно знакомым, будто я где-то его уже видела, возможно, во сне. И просто списала все на еженедельно проходящий через мой кабинет поток девочек-подростков, которые все выглядят одинаково.

Вот только в этом ли одном дело?

— С Обри я не знакома, — вынуждена я признать. — Никакая связь мне в голову не приходит. Но я еще подумаю.

— Хорошо. — Томас кивает, не отводя от меня пристального взгляда. — Хорошо, доктор Дэвис, и спасибо, что пришли. Мы обязательно исследуем то, о чем вы рассказали, и непременно сообщим вам, если что-то удастся выяснить.

Резко поднявшись со стула, я направляюсь к выходу. Теперь кабинет пробуждает во мне клаустрофобию — закрытая дверь, закрытые окна, наваленные повсюду бумаги... Мои ладони вспотели, сердце громко колотится в груди. Я поспешно подхожу к двери и берусь за ручку, чувствуя, что внимательный взгляд детектива Томаса не прекращает сверлить мне спину. Ясно, что моему рассказу он не слишком доверяет; учитывая весь драматизм сказанного, оно и неудивительно. Однако, явившись сюда со своей теорией, я рассчитывала по крайней мере направить на Берта Родса луч прожектора, чтобы полиция внимательно за ним присматривала, а ему сделалось трудней прятаться во мраке.

Вместо этого я чувствую, что луч теперь направлен прямо на меня.

Глава 26

К тому времени как я возвращаюсь домой, уже вечерет. Когда я вхожу внутрь, установленная сегодня сигнализация дважды пищит, отчего паника пронзает меня, точно током. Закрыв за собой дверь, я немедленно опять включаю сигнализацию, установив уровень звука на максимум. Потом обвожу взглядом свой дом, тихий и неподвижный. Как я ни стараюсь, во всем чувствуется присутствие Берта Родса. Звук его голоса эхом отдается в пустом коридоре, темные глазки взирают на меня из-за каждого угла. Я даже чувствую мускусный аромат пота с нотками алкоголя, который утром тянулся за ним, пока он бродил по моему дому — трогал стены, обследовал окна, вновь впрыскивая себя в мою жизнь.

Войдя в кухню, я присаживаюсь у стойки, кладу на нее сумочку и достаю оттуда пузырек «Ксанакса», который забрала из машины. Кручу его в руках, чуть встряхивая, прислушиваюсь к шороху перекатывающихся внутри таблеток. О «Ксанаксе» я мечтала с той самой секунды, как утром вышла из морга; с тех пор пролетело-то лишь несколько часов — я тогда сидела в машине, перед глазами стояло синее тело Лэйси, пальцы, в которых я держала таблетку, тряслись, — но с учетом случившегося после, кажется, целая жизнь прошла. Открутив крышку, вытряхиваю таблетку, тут же закидываю ее в рот и насухо проглатываю, пока не отвлек очередной звонок. Потом взгляд падает на холодильник, и я понимаю, что целый день ничего не ела.

Вскочив со стула, подхожу к холодильнику, распахиваю дверцу и прижимаюсь к холодной стали. Мне уже легче. Я рассказала полиции про Берта Родса. Не то чтобы детектив Томас выглядел особенно убежденным, но, что смогла, я сделала. Теперь они им займутся. Наверняка будут наблюдать за ним, за его передвижениями, его поведением. Томас будет знать, какие дома он посещает, и если в одном из этих домов пропадет девочка, он поймет. Поймет, что я была права, и перестанет глядеть на меня так, будто *это я* рехнулась. Будто *это мне* есть что скрывать.

Глаза останавливаются на остатках вчерашнего лосося. Я беру стеклянный контейнер, снимаю с него крышку и ставлю в микроволновку. Кухня быстро наполняется ароматами специй. Обедать уже поздно, будем считать это ранним ужином, а значит, я имею полное право на бокал каберне, под которое этот лосось вчера вечером так прекрасно шел. Подойдя к винному шкафу, до краев наполняю бокал рубиново-красной жидкостью, делаю большой глоток, потом выливаю в бокал все, что осталось в бутылке, а ее отправляю в мусорный контейнер.

Не успеваю я снова усесться у стойки, раздается стук в дверь — громкий, кулаком, так что я хватаюсь за сердце, — а затем звучит знакомый голос:

— Хлоя, это я. Уже вхожу.

Я слышу звук вставляемого в скважину ключа, негромкое пощелкивание, с которым движется язычок замка. Вижу, как начинает поворачиваться дверная ручка, и тут вспоминаю про сигнализацию.

— Подожди, — кричу я, устремляясь к двери. — Куп, не заходи! Обожди секундочку.

Добежав до пульта, вбиваю код за мгновение до того, как распахнется дверь. Когда это происходит, поворачиваюсь к входу и встречаю удивленный взгляд брата.

— Ты поставила сирену? — спрашивает он, стоя на коврике с надписью «Добро пожаловать!» и сжимая в руке бутылку вина. — Если хотела, чтобы я вернул ключ, могла бы просто попросить.

— Очень смешно, — улыбаюсь я. — Придется тебе все-таки теперь меня предупреждать, если надумаешь прийти. А то эта штука на тебя полицию напустит.

Нажав на кнопку, я жестом приглашаю его войти, а сама возвращаюсь к стойке и облокачиваюсь о прохладный мрамор.

— А надумаешь влезть в окно, я тебя на телефоне увижу. — Подняв телефон и помахав им, показываю на камеру в углу.

— Она что, правда все записывает? — спрашивает Купер.

— Еще как.

Открыв на телефоне приложение, я разворачиваю его к брату, чтобы тот сам увидел, как стоит в самой середине экрана.

— Угумс, — говорит он, разворачивается и машет в камеру рукой. Потом снова оборачивается ко мне и ухмыляется.

— Ну и еще, — говорю я. — Как бы я ни была рада тебя видеть, не забывай, что я теперь живу не одна.

— Ну да, ну да, — говорит Купер, присаживаясь на краешек табурета. — К слову, где женишок?

— Уехал, — отвечаю я. — По работе.

— На выходных?

— Работы у него полно.

— Хм, — говорит брат, вращая на поверхности стойки принесенную бутылку мерло. Под кухонными лампами жидкость поблескивает, отбрасывая на стену кровавые тени.

— Купер, не начинай, — требую я. — Не сейчас.

— Я и не начал.

— Но собирался.

— Тебя саму-то не беспокоит? — спрашивает он, и слова звучат так веско и необходимо, словно, не произнеси он их сейчас, они вырвались бы наружу и сами. — Как часто он так уезжает? Хло, я правда не понимаю. Я всегда воображал тебя с кем-то, кто будет рядом, чтобы ты чувствовала себя в безопасности. После всего, через что тебе довелось пройти, ты это заслужила. Кого-то, кто будет рядом.

— Патрик рядом со мной, — говорю я, взяв свой бокал и сделав большой глоток. — С ним я чувствую себя в безопасности.

— Тогда зачем сигнализация?

Я пытаюсь подобрать ответ, постукивая кончиками пальцев по резному стеклу.

— Это его идея, — говорю наконец. — Понял? Чтобы я была в безопасности даже в его отсутствие.

— Ну, как знаешь, — говорит Купер, со вздохом поднимаясь с табурета. Подойдя к винному шкафчику, достает оттуда штопор и раскупоривает собственную бутылку. Хоть я и ожидаю хлопка, он все равно заставляет меня подпрыгнуть. — Так или иначе, я тут думал предложить тебе выпить по глоточку, но вижу, что ты и без меня начала...

— Купер, зачем ты пришел? Чтобы опять со мной поругаться?

— Нет, я пришел, потому что ты моя сестра, — отвечает он. — Потому что я за тебя переживаю. Хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

— У меня все прекрасно, — говорю я, поднимая руки, чтобы пожать плечами. — Даже и рассказать тебе нечего.

— Как ты со всем этим справляешься?

— С чем «этим», Купер?

— Не прикидывайся, — говорит он. — Сама знаешь.

Я вздыхаю, глаза пробегают по пустой гостиной; диван вдруг кажется таким мягким, таким манящим... Я чуть опускаю плечи — слишком они напряжены. Слишком я напряжена.

— Воспоминания одолевают, — отвечаю я, делая еще глоток. — Само собой.

— Ага. Меня тоже.

— Иногда становится нелегко понять, где реальность, а где нет.

Слова выскользывают прежде, чем я успеваю их проглотить; я все еще чувствую на языке их вкус, вкус того признания, которое так хотелось бы отмотать назад. Забыть о его существовании. Я опускаю взгляд на бокал, оказывается, уже наполовину пустой, потом снова смотрю на Купера.

— Я хочу сказать, все такое знакомое... Столько сходства... Ты не замечаешь никаких совпадений?

Купер смотрит на меня, чуть приоткрыв рот.

— Какого именно рода сходства, Хлоя?

— А, забудь, — говорю я. — Неважно.

— Хлоя, — Купер наклоняется ко мне, — а это что такое?

Я прослеживаю его взгляд до пузырька «Ксанакса», так и оставшегося на стойке, крохотного оранжевого пузырька, содержащего в себе гору таблеток. Снова перевожу глаза на бокал — вина там уже на палец.

— Ты это пьешь?

— Что? — говорю я. — Нет, это не мои.

— Тебе их Патрик дал?

— Нет, Патрик их мне не давал. С чего ты взял?

— На наклейке его имя.

— Потому что это *его* таблетки.

— Тогда что они делают на стойке, раз он уехал?

Между нами повисает молчание. Я гляжу в окно, на готовое садиться солнце. Уже пробуждаются ночные звуки — вопли цикад, песни сверчков и прочих представителей животного мира, что

оживают во мраке. В Луизиане по ночам шумно, но я предпочитаю этот шум тишине. Поскольку в тишине слышно все. Приглушенное дыхание вдалеке, шуршание ног, глубоко зарывающихся в сухие листья. Звук, с которым по земле волочится лопата.

— Меня это беспокоит, — вздыхает Купер, запустив пальцы себе в волосы. — С его стороны неразумно таскать домой все эти средства, учитывая твоё прошлое.

— Что значит *все эти средства*?

— Хлоя, он занимается фармацевтическими продажами. У него этого дерьма полный чемодан.

— Что с того? У меня самой есть доступ к лекарствам. Я могу их выписывать.

— Ну, не себе же.

Глаза колет от подступающих слез. Ужасно, что все обвинения достаются Патрику, но других объяснений мне в голову не приходит. Другого способа выйти из ситуации, не говоря при этом Куперу, что я выписываю таблетки себе самой на имя Патрика. Поэтому я молчу, позволяя Куперу поверить во все. Позволяя его недоверию к моему жениху укорениться еще глубже, закипеть еще сильнее.

— Я сюда не ссориться пришел, — говорит он, поднимаясь с табурета, подходит ко мне и заключает меня в объятия; руки у него большие, теплые, знакомые. — Я люблю тебя, Хлоя. И понимаю, отчего ты это делаешь. Просто хочу, чтобы ты прекратила. Обратилась за помощью.

Я чувствую, как из глаза убегает слезинка, катится по щеке, оставляя соленый след. Падая Куперу на штанину, она оставляет маленькое темное пятнышко. Я прикусываю губу, чтобы за ней не последовали остальные.

— Мне не нужна помощь, — говорю я и тру глаза ладонями. — Я сама себе способна помочь.

— Прости, если я тебя расстроил. Просто... эти вот твои отношения. Нездоровые они какие-то.

— Ничего страшного. — Я поднимаю голову с его плеча и вытираю щеку тыльной стороной ладони. — Думаю, тебе лучше будет уйти.

Купер склоняет голову набок. Второй раз за неделю я угрожаю брату тем, что из них двоих выберу Патрика. Вспоминаю вечеринку,

нашу беседу на заднем крыльце. Поставленный мной ультиматум.

Я хочу видеть тебя на свадьбе. Но она состоится, придешь ты туда или нет.

Теперь, по обиде в его взгляде, я понимаю, что тогда он мне не поверил.

— Я вижу, что ты стараешься, — говорю ему я. — И я тебя понимаю, Купер. Правда понимаю. Ты хочешь меня защитить, тебе не все равно. Но что бы я тебе ни говорила, Патрик для тебя недостаточно хорош. Вот только он — мой жених. Через месяц я за него выхожу. Если он для тебя недостаточно хорош, получается, что и я недостаточно хороша.

Купер отступает на шаг назад, его ладонь сжимается в кулак.

— Я пытаюсь тебе помочь, — говорит он. — Приглядеть за тобой. Это моя обязанность. Я твой *брат*.

— Это не твоя обязанность, — отвечаю я. — Уже не твоя. И тебе нужно уйти.

Купер смотрит на меня еще какое-то время, его глаза перебегают от меня к таблеткам на стойке. Он протягивает руку, и я решаю, что он хочет взять пузырек, забрать его у меня, но брат лишь вручает мне брелок с запасным ключом. В памяти вспыхивает тот момент, когда я этот ключ ему отдала — несколько лет назад, когда только что въехала в дом. Мне хотелось, чтобы у него был ключ. «Всегда рада тебя здесь видеть», — сказала я. Мы восседали на матрасе у меня в спальне, скрестив ноги; лбы потные — мы только что закончили собирать кровать, — на полу коробки от китайской еды навынос. Лапша была жирной, на досках остались пятна. «Потом, должен же кто-то поливать растения, когда я в отъезде». Теперь я смотрю, как этот ключ болтается у него на указательном пальце. Я не могу заставить себя его взять — поскольку это будет окончательно. Отдать заново уже не получится. Так что Купер аккуратно кладет ключ на стойку, поворачивается и выходит из дома.

Я смотрю на ключ, сражаясь с желанием схватить его, выбежать за дверь и снова впихнуть Куперу в руки. Вместо этого бросаю его вместе с «Ксанаксом» в сумочку, иду к двери и включаю сигнализацию. Потом хватаю принесенную Купером бутылку, еще практически полную, наливаю себе новый бокал и, прихватив уже

остывшего лосося, отправляюсь в гостиную. Там я располагаюсь на диване и включаю телевизор.

Начинаю думать о том, что случилось сегодня, и сразу же понимаю, насколько устала. Лэйси, встреча с Аароном. Недоразумение с Патриком, визит Берта Родса и мое посещение детектива Томаса, которому я рассказала все. Спор с братом, тревога в его глазах, когда он увидел таблетки. Когда увидел, как я в одиночестве пью вино на кухне.

Чувство одиночества вдруг даже пересиливает усталость.

Я беру телефон, давлю на экран, чтобы он зажегся. Собираюсь уже позвонить Патрику, но потом воображаю себе картину — ужин в люксовом итальянском ресторане, он заказывает очередную бутылку вина, взрыв хохота в ответ на предложение взять сразу две. Патрик наверняка душа компании — шутит, хлопает всех по плечу... От этой мысли мне делается еще более одиноко, и я вызываю список контактов.

На самом его верху меня встречает другое имя: Аарон Дженсен.

Можно позвонить Аарону, думаю я. Рассказать ему обо всем случившемся со времени нашего последнего разговора. Скорее всего, он все равно ничем не занят — один, в незнакомом городе... Точнее, занят тем же, чем и я; полулежит на диване в легком подпитии, между вытянутых ног — остатки еды. Палец зависает над его именем, но я не успеваю нажать — экран гаснет. Минуту я сижу в задумчивости. В голове легкий туман, мозг словно завернули в толстое шерстяное одеяло. Наконец я откладываю телефон в сторону и просто закрываю глаза. Воображая себе его реакцию на мой рассказ о том, как обнаружила Берта Родса у себя на пороге. Как он будет орать на меня по телефону, когда я скажу, что предложила ему войти. Я чуть усмехаюсь, понимая, что он станет беспокоиться. Переживать за меня. Но потом я расскажу, как избавилась от Берта, как позвонила детективу Томасу и отправилась в полицию. Я слово в слово перескажу наш разговор в кабинете у Томаса и снова улыбнусь, зная, что он мной гордится...

Открываю глаза, кладу в рот еще кусочек лосося; бормотание телевизора куда-то отдаляется, я концентрируюсь на звуке, с которым жую. На звяканье вилки о стеклянный контейнер. На собственном тяжелом дыхании. Изображение на экране расплывается, я чувствую,

что с каждым глотком вина веки становятся все тяжелее. Понемногу начинают неметь конечности.

Я это заслужила, думаю я, утопая в диване. Заслужила отдых. Сон. Я устала. Очень, очень устала. День выдался долгий. Я отключаю телефон — не беспокоить! — кладу его на живот, а ужин перемещаю на журнальный столик. Отпиваю еще вина, чувствую, как капелька стекает по подбородку. Потом закрываю глаза, на какую-то секундочку, — и проваливаюсь в сон.

Когда я просыпаюсь, снаружи темно. Не понимая, где нахожусь, хлопаю глазами, потом соображаю, что лежу на диване, а между рукой и животом зажат наполовину полный бокал вина. Каким-то чудом он не опрокинулся. Я сажусь и принимаюсь стучать по телефону, чтобы узнать время, пока не вспоминаю, что выключила его. Щурюсь на телевизор — согласно титрам выпуска новостей, сейчас самое начало одиннадцатого. Черная гостиная частично освещена призрачно-голубоватым сиянием. Я беру пульт, выключаю телевизор и встаю с дивана. Гляжу на бокал у себя в руке, приканчиваю содержимое, ставлю его на журнальный столик, ковыляю наверх и валюсь в кровать.

Сразу же утопаю в мягком матрасе, и меня опять охватывает сон — или же воспоминание. Похоже на то и на другое сразу, все странным образом одновременно знакомое и незнакомое. Мне двенадцать лет, я сижу с книжкой на скамейке у окна, в спальне темным-темно, крошечный фонарик лишь слегка подсвечивает мое лицо. Глаза бегают по странице, я поглощена словами, но тут меня отвлекает звук снаружи. Выглянув в окно, я вижу вдалеке фигуру, молча шагающую через наш темный двор. Она движется со стороны деревьев на самом краю нашего участка; за ними на многие мили во все стороны простирается болото.

Я щурюсь на фигуру и почти сразу понимаю, что это человек. Взрослый, и что-то за собой волочит. Звук плывет через двор, проникает в мое приоткрытое окно, и вскоре я его узнаю — это царапанье металла по земле.

Лопата.

Человек подходит ближе; я загибаю страницу, откладываю книгу в сторону и прижимаюсь лицом к стеклу. Все еще слишком темно, чтобы различить черты. Человек уже совсем рядом, прямо под моим окном.

От движения автоматически включается фонарь; я щурюсь от внезапного света, прикрываю глаза рукой, чтобы не ослепнуть. Потом убираю руку и в ошеломлении смотрю на того, кто под окном, — теперь он освещен достаточно. Но это не мужчина, как я сперва решила. Не мой отец, как должно было быть в воспоминании.

Под окном — женщина.

Она поднимает лицо вверх и смотрит на меня, будто с самого начала знала, что я здесь. Наши взгляды встречаются, и сперва я ее не узнаю. Что-то в ней кажется знакомым, но я не понимаю, что именно и почему. Разглядываю черты лица — глаза, рот, нос, — и вот тут-то все становится на место. Я чувствую, как от моего лица отливает кровь.

Женщина под моим окном — это я.

Меня захлестывает паника. Это я — двенадцатилетняя — смотрю в глаза себе на двадцать лет старше. Они совершенно черные, как глаза Берта Родса. Моргнув несколько раз, я перевожу взгляд на лопату у нее в руках; она покрыта чем-то красным, и я нутром чувствую, что это кровь. Губы женщины медленно расплываются в улыбке, и я во весь голос ору от ужаса.

Подскакиваю на постели, вся в поту; мой вопль все разносится и разносится по дому. Потом я понимаю, что уже не ору. Рот раскрыт, поскольку я задыхаюсь, но из него не вырывается ни звука. То, что я слышу, идет откуда-то еще; звук громкий и режущий, подобно сирене.

Это сигнализация. *Моя* сигнализация. Она сработала.

Я вдруг вспоминаю Берта Родса. Вспоминаю его у себя дома, как он крепит датчики на стекла, как тычет в меня дрелью. Вспоминаю его предупреждение.

Я не о том думал, каково это — умереть самому. Не про умереть, а про убить.

Я соскакиваю с кровати; внизу слышны торопливые шаги. Наверное, он пытается сейчас ее отключить, заглушить сирену, а потом поднимется наверх и задушит меня точно так же, как задушил тех девочек. Я кидаюсь к шкафу, распаиваю дверцу и принимаюсь шарить по полу в поисках коробки, в которой Патрик хранит пистолет. Мне еще никогда не приходилось стрелять. Понятия не имею, как это делается. Но пистолет здесь, он заряжен, и если он будет у меня в руках, когда Берт войдет в спальню, у меня появится шанс.

Грязная одежда летит во все стороны, и тут я слышу шаги на лестнице. «Ну же, — шепчу я. — Ну где же он?» Мне попадается пара обувных коробок; я их открываю и тут же отбрасываю, обнаружив внутри лишь ботинки. Шаги все громче, все ближе. Сигнализация продолжает орать. Соседи уже наверняка проснулись, думаю я. Ему не уйти. Не станет же он меня убивать вот так, под сирену. Я все-таки продолжаю шарить в шкафу, пока руки не наталкиваются на очередную коробку в самом углу. Я выхватываю ее оттуда, вглядываюсь. Больше похоже на шкатулку для украшений — вот только зачем Патрику шкатулка? Впрочем, она вытянутая, плоская, пистолет туда как раз поместится, так что я быстро откидываю крышку, чувствуя, что кто-то уже у самой двери спальни.

Заглядываю в коробку у себя на коленях — и у меня перехватывает дыхание. Пистолета там нет, но есть нечто куда более жуткое.

Это ожерелье — длинная серебряная цепочка, кулон с единственной жемчужиной и три небольших бриллианта сверху.

Глава 27

Хлоооаяя!

Я слышу голос за дверью спальни, за визгом сирены он едва различим. Он зовет меня по имени, но я не в состоянии оторвать глаз от шкапулки у себя на коленях. От шкапулки, которую я нашла в самом углу шкафука. От шкапулки, внутри которой аккуратно уложено ожерелье Обри Гравино. Все звуки вдруг куда-то испаряются, мне снова двенадцать, я сижу в спальне родителей и смотрю на танцующую балерину. И почти что слышу позвякивание, ритмическую колыбельную, вводящую меня в транс, пока я разглядываю содранные с мертвых тел украшения.

ХЛОЯ!

Я стреляю глазами вверх — дверь спальни начинает открываться. Я инстинктивно захлопываю коробку, сую ее обратно в угол шкафа и забрасываю сверху одеждой. Озираюсь вокруг в поисках чего-то, хоть *чего-нибудь*, что сойдется в качестве оружия, и вижу, как в спальню ступает мужская нога, а следом за ней — и сам мужчина. Я совершенно уверена, что сейчас увижу мертвые глаза Берта Родса и тянущиеся к горлу руки, так что лицо Патрика узнаю с трудом. Он входит в спальню и с изумлением смотрит на меня, скрючившуюся на полу.

— Господи, Хлоя, — говорит он. — Что ты здесь делаешь?

— Патрик? — Я вскакиваю с пола и уже устремляюсь к нему, но тут вспоминаю про цепочку и застываю на месте. Спрашивается, как она могла оказаться у нас в шкафу, если только ее кто-то там не спрятал... и я точно знаю, что это была не я. И что теперь?

— А ты сам что здесь делаешь?

— Я тебе звонил! — Он пытается перекричать сирену. — Как эта хрень вообще выключается?

Я несколько раз моргаю, потом, отпихнув его, несусь вниз по лестнице и вбиваю на панели комбинацию, отключающую сирену. Оглушительный вой сменяется оглушительной тишиной, и я чувствую позади себя Патрика — он смотрит на меня с лестницы. И спрашивает:

— Хлоя, что ты делала в шкафу?

— Пистолет искала, — шепчу я, боясь оборачиваться. — Я не знала, что ты сегодня вернешься. Ты сказал — завтра.

— Я тебе звонил, — повторяет он. — Телефон был выключен. Я оставил сообщение.

Я слышу, как Патрик спускается по лестнице и идет ко мне. Знаю, что должна обернуться, встретиться с ним взглядом. Но прямо сейчас я не могу на него смотреть. Не могу заставить себя взглянуть на выражение его лица, поскольку слишком боюсь того, что могу там увидеть.

— Я не захотел там ночевать, — говорит Патрик. — Хотел домой, к тебе.

Я чувствую, как его руки обвивают мою талию, и прикусываю губу, а он утыкается носом мне в плечо, медленно втягивает воздух и целует меня сбоку в шею. Пахнет от него... как-то по-другому. Смесью пота и духов с нотками меда и ванили.

— Прости, что напугал. Я по тебе соскучился.

Я сглатываю; мое тело, к которому он прижимается, напряжено. Медикаментозный покой прошлого вечера успел улетучиться, сердце бьется с такой силой, будто готово выскочить из груди. Патрик это тоже, видимо, чувствует и обнимает меня еще крепче.

— Я тоже соскучилась, — шепчу я, поскольку не знаю, что еще сказать.

— Давай-ка обратно в постель, — говорит он, пробегая пальцами мне по груди и животу. — Прости, что разбудил.

— Ничего страшного, — отвечаю я, пытаюсь высвободиться. Но не успеваю — Патрик разворачивает меня к себе лицом, еще сильнее сдавливает в объятиях, вжимается губами в ухо. Я чувствую на щеке его горячее дыхание.

— Эй, тебе уже нечего бояться, — шепчет он, глядя мне в волосы. — Вот и попалась!

Я стискиваю зубы, вспомнив, как слышала те же самые слова из уст собственного отца. Я бегу по гравийной дорожке и вверх по ступенькам, бросаюсь в протянутые навстречу руки. Он крепко меня обнимает, все его тело — словно вместилище тепла, безопасности, защиты. И он шепчет мне в ухо:

Вот и попалась! Вот и попалась!

Патрик для меня именно этим всегда и был. Тепло. Безопасность. Защита — не только от окружающего мира, но и от себя самой. Но сейчас, когда он сжимает меня в своих руках, когда от его дыхания у меня по шее бегут мурашки, а в глубинах шкафа таится ожерелье мертвой девочки, я задумываюсь — а что в этом человеке кроется такого, чего я до сих пор не видела? Вспоминаю все предыдущие отношения, когда я постоянно задавалась вопросами: а что он скрывает? Чего мне не говорит?

Я думаю о словах брата, его предупреждениях.

Нельзя узнать человека за какой-то год.

Выпустив меня из объятий, Патрик кладет руки мне на плечи и улыбается. Выглядит он усталым, кожа на лице не такая упругая, как обычно, волосы взлохмачены. «Чем он сегодня занимался, — думаю я, — что у него такой вид?» Похоже, Патрик замечает, что я его разглядываю, и проводит ладонью по лицу, словно этот жест ему требовался, чтобы опустить веки.

— Длинный сегодня день выдался, — вздыхает он. — И за рулем все время... Я пошел в душ, и давай уже спать.

Я киваю. Патрик поворачивается и идет вверх по лестнице. Я не трогаюсь с места, пока сверху не раздастся шипение душа — тогда наконец выдыхаю, разжимаю кулаки, отправляюсь за ним следом, а в постели закутываюсь в одеяло так плотно, как только могу. Когда Патрик выходит из душа, я делаю вид, что уже уснула, стараясь не дернуться, когда его кожа касается моей, когда его пальцы легонько массируют мне шею, когда несколько минут спустя он выскальзывает из постели, на цыпочках пересекает комнату и закрывает дверцу шкафа.

Глава 28

Я просыпаюсь под доносящиеся снизу потрескивание жарящегося бекона и хрипловатый вокал Этты Джеймс. Как я заснула, не помню. Помню только, что изо всех сил старалась не засыпать, пока рука Патрика поверх талии давила на меня, словно мешок с песком. Но не заснуть мне вряд ли удалось бы, тем более после коктейля из транквилизаторов, принятого еще до его возвращения. Я сажусь на постели, стараясь не обращать внимания на мягкую пульсацию внутри черепа. Глаза опухли, я вижу окружающее сквозь две щели в форме полумесяца. Обвожу взглядом комнату — его нет. Он внизу и, как обычно, готовит мне завтрак.

Выскользнув из-под одеяла, я крадусь вниз по лестнице, чтобы убедиться — Патрик внизу и подпевает музыке. Так и есть — вероятно, орудует на кухне в моем фартуке, переворачивает шоколадные оладушки с нацарапанными зубочисткой рисунками. Усатая кошачья морда, улыбающаяся физиономия, пухлое сердечко. Снова скользя вверх, я возвращаюсь в спальню и приоткрываю дверку шкафа.

Найденное мной ночью ожерелье принадлежало Обри Гравино. У меня нет в этом никаких сомнений. Я не просто видела его на фото для листовки «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», я и парную ему сережку тоже видела. Держала в руках, разглядывала троицу бриллиантов и жемчужное навершие. Я начинаю копаться в грязной одежде. Туман в мозгах успел рассеяться — действие вина и «Ксанакса» закончилось. Я думаю про тех, кого перечислила Аарону. Про людей, которым известно, что отец забирал украшения и прятал у себя в шкафу.

Моя семья. Полиция. Родители жертв.

И еще Патрик. Я рассказала об этом Патрику. Я ему *все* рассказала.

Мне и в голову не пришло упомянуть Патрика... да и с чего бы? С чего бы мне подозревать собственного жениха? Ответить на этот вопрос я по-прежнему не могу, но теперь придется.

Я приподнимаю свой университетский свитер — помню, как швырнула его поверх шкатулки — и запускаю под него руку... но там

ничего нет. Шкатулка исчезла. Я продолжаю раскапывать завалы, отодвигаю по сторонам все больше одежды. Шарю руками по полу, надеясь нащупать шкатулку где-нибудь под джинсами, или поясом, или непарной туфлей.

Но ничего не могу нащупать. Ничего не вижу. Шкатулки нет.

Я сажусь на пол, чувствуя, как внутри меня все опускается. Я точно видела шкатулку. Помню, как нашарила ее, взяла в руки, открыла крышку, увидела внутри цепочку... и еще я помню, как ночью Патрик встал, чтобы закрыть дверцу шкафа. Может, он тогда и шкатулку прихватил? Чтобы перепрятать. Или сделал это, проснувшись утром, пока я еще спала...

Медленно выдыхаю, пытаюсь сформулировать план. Я должна найти ожерелье. Понять, как оно оказалось в моем доме. От одной мысли о том, что мне нужно будет сдать его в полицию — сдать в полицию *Патрика*, — у меня живот крутит. Все это кажется до смехотворного глупым. Но я не могу просто закрыть глаза. Не могу сделать вид, что ничего не видела. Что не чувствовала вчера, как от Патрика пахнет духами, не заметила, как пропотел у него воротник. На поверхность вдруг всплывает новое воспоминание. Мой брат вчера вечером устало смотрит на пузырек с таблетками...

У него этого дерьма полный чемодан.

Потом я вспоминаю про Лэйси на столе патологоанатома, про тыкающего пальцем в одеревенелые конечности дознавателя.

В волосах обнаружены следы большой дозы диазепамы.

У Патрика имеется доступ к снотворному. И возможности тоже. Иной раз он на несколько дней пропадает. Я вспоминаю обо всех тех случаях, когда он срывался в деловые поездки, про которые я не знала или не помнила, — и вместо того, чтобы как следует расспросить его, сама себя винила за плохую память. Вчера я отправилась к детективу Томасу с подозрениями насчет Берта Родса, а ведь оснований для них было куда меньше. Просто теория, построенная на кое-каких совпадениях, кое-каких подозрениях и, если быть с собой честной, определенной дозе истерики. Но сейчас... это ведь не подозрения. Не истерика. Это скорее доказательство. Четкое, надежное доказательство того, что мой жених имеет какое-то отношение к чему не следовало. К чему-то ужасному.

Поднявшись с пола, я закрываю шкаф и усаживаюсь на краешек кровати. Внизу слышу громыхание сковородки в кухонной раковине, шипение пара — это на горячую поверхность хлынула вода из крана. Мне нужно понять, что происходит. Если и не ради себя, то ради тех девочек. Ради Обри. Ради Лэйси. Ради Лины. Если я не разыщу ожерелья, надо найти хоть что-нибудь. Что-то, способное дать мне ответы.

Я снова спускаюсь по лестнице, уже готовая к встрече с Патриком. Обогнув угол, вижу его посреди кухни; он ставит две тарелки с оладьями и беконом на небольшой столик, где мы обычно завтракаем. На кухонной стойке исходят паром две чашки кофе, рядом — запотевший графин с апельсиновым соком.

Какую-то неделю назад я думала, что это карма. Идеальный жених в виде воздаяния за отца, хуже которого не может быть. Теперь я ни в чем не уверена.

— Доброе утро, — говорю, остановившись у входа в кухню. Патрик поднимает голову и широко улыбается. На вид вполне натурально.

— Доброе утро, — отвечает он, прихватывая чашку. Подходит поближе, вручает ее мне, целует мои волосы. — Веселенькая у нас ночка выдалась, верно?

— Ага, ты уж меня прости, — говорю я, почесав то место, которого только что коснулись его губы. — Понимаешь, я вроде как в шоке была. Проснулась от сирены и даже не подумала, что это ты там внизу.

— Понимаю, тебе пришлось нелегко, — соглашается Патрик, облокачиваясь о стойку. — Я тебя до смерти, наверное, напугал.

— Да, — подтверждаю я, — было немного.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что сигнализация работает.

Я пытаюсь выдавить улыбку.

— Угу.

Со мной и раньше случалось, что я не могла найти слов, которые можно сказать Патрику — но большей частью оттого, что любые слова казались недостаточно хороши. Казалось, ничто не способно передать всю глубину моих чувств, то, как крепко я успела его полюбить за столь короткий промежуток времени. Однако нынешняя причина отличается так сильно, что просто в голове не помещается.

Невозможно поверить, будто все происходит на самом деле. На долю секунды мой взгляд притягивает сумочка на стойке, в которой, как я знаю, находится «Ксанакс». Я думаю о таблетке, которую проглотила, заполировав двумя бокалами вина, о том, как рухнула потом на диван, словно проваливаясь в облака, о похожем на воспоминание сне непосредственно перед сиреной. Думаю про университет, когда подобное случилось в последний раз — я тогда тоже самым безответственным образом смешала алкоголь с таблетками. Думаю о том, как на меня тогда смотрели полицейские, точно так же, как вчера детектив Томас — как Купер, — подвергая безмолвному сомнению мой рассудок, мои воспоминания. Меня.

На какое-то мгновение я задумываюсь: а что, если я и цепочку вообразила? Если ее на самом деле не было? А я просто, будучи не в себе, перепутала настоящее с прошлым, как случилось уже не раз?

— Ты все еще сердишься, — говорит Патрик, подходит к столику и садится, показывая мне на стул напротив. Я подчиняюсь — оставив телефон на стойке, сажусь за стол и смотрю на завтрак перед собой. Выглядит аппетитно, но есть мне не хочется.

— Но я тебя не виню. Слишком уж я... часто отсутствую. Оставляю тебя одну посреди всего этого.

— Посреди чего? — уточняю я, сверля взглядом выглядывающие из подрумяненного теста шоколадные кругляшки. Взяв вилку, подцепляю такой кругляшок на один зубец и отправляю в рот.

— Свадебных приготовлений, — говорит Патрик. — Планирования и так далее. И еще того, что говорят в новостях.

— Ничего страшного. Я знаю, что ты занят.

— Но не сегодня, — говорит он, отрезает себе кусочек и жует. — Сегодня я не занят. Сегодня я целиком твой. И у нас имеются планы.

— Какие именно планы?

— А вот это сюрприз. Оденься поудобнее, мы будем на воздухе. Двадцати минут тебе хватит?

Я колеблюсь, не уверенная, что идея мне нравится. И уже открываю рот, на ходу выдумывая причину отказаться, но тут телефон на стойке начинает вибрировать.

— Секундочку, — говорю я, отодвигая стул, благодарная, что разговор удалось прервать. Подхожу к стойке, вижу на экране имя Купера, и вчерашняя ссора кажется мне сущей ерундой. Возможно,

Купер и прав. Возможно, все это время он видел в Патрике что-то такое, чего я не замечала. Возможно, он считал своим долгом предостеречь меня.

Эти вот твои отношения. Нездоровые они какие-то.

Я провожу по экрану пальцем, ускользаю в гостиную и негромко говорю:

— Привет, Куп. Рада, что ты позвонил.

— Да, взаимно. Послушай, Хлоя. Я хотел извиниться за вчерашнее...

— Да ерунда, — говорю я. — Уже не сержусь. Я сама слишком бурно отреагировала.

На линии тихо, я слышу его дыхание. Оно неровное, словно он быстро куда-то идет и вибрация от ударов каблуков по асфальту распространяется вверх по позвоночнику.

— У тебя все в порядке?

— Нет, — отвечает Купер. — Не совсем.

— Что случилось?

— Мама. Мне позвонили из «Риверсайда»; сказали, что это срочно.

— Что срочно?

— Я так понял, она отказывается от пищи, — говорит он. — Хлоя, они думают, что мама умирает.

Глава 29

Я выскакиваю за дверь через какие-то пять минут, не успев даже толком обуться — когда я бегу к машине, матерчатая подкладка кроссовок грозит натереть мне мозоли на пятках.

— Хлоя, — кричит Патрик мне вслед, распахнув ладонью не успевшую захлопнуться за мной дверь, — куда ты?

— Мне нужно ехать! — кричу я в ответ. — Это мама.

— Что с ней?

Он тоже выбегает из дома, поспешно натягивая через голову белую футболку. Я копаюсь в сумочке, безуспешно пытаюсь отыскать ключи от машины.

— Она ничего не ест, — отвечаю. — Несколько дней уже не ела. Мне нужно ехать, мне нужно...

Я умолкаю, закрываю лицо ладонями. Все эти годы я игнорировала маму. Относилась к ней как к волдырю, который лучше не расчесывать. Наверное, я думала, что если уделить ему внимание, уделить внимание маме, это отнимет у меня все силы, сделает невозможным сконцентрироваться на чем-то еще. А если игнорировать, боль со временем утихнет сама собой. Она никогда не *исчезнет* — я знала, что она останется там, останется навсегда, готовая вновь пробиться сквозь кожу, если я ей позволю, — но сделается незаметной, словно постоянный негромкий звук. Белый шум. Как и в случае с отцом, реальность того, какой мама стала — что она сделала с собой и с нами, — была невыносима. От этой реальности хотелось избавиться. Но за все время я так ни разу хоть на минуту не задумалась, что почувствую, если мамы и в самом деле *не станет*. Если она умрет в одиночестве в заплесневелой комнате «Риверсайда», неспособная что-то сказать напоследок, выразить свои предсмертные мысли. На меня обрушивается понимание того, что я и так всегда знала, тяжелое и удушливое, словно я пытаюсь дышать сквозь мокрое полотенце.

Я бросила маму. Оставила ее умирать в одиночестве.

— Хлоя, обожди минутку, — просит Патрик. — Давай поговорим.

— Нет. — Я трясу головой и снова запускаю руку в сумочку. — Не сейчас, Патрик. Мне некогда.

— Хлоя...

Я слышу сзади металлическое позвякивание, застываю на месте и медленно оборачиваюсь. Патрик у меня за спиной держит ключи в вытянутой руке. Я пытаюсь их схватить, но он быстро отводит руку с болтающимися ключами в сторону.

— Я еду с тобой. Я тебе там буду нужен.

— Нет, Патрик. Просто отдай мне ключи...

— Да, — возражает он. — Черт возьми, Хлоя, торг здесь неуместен. Садись сейчас же в машину.

Я смотрю на него, пораженная внезапной вспышкой гнева. На его побагровевшее лицо, выпученные глаза. Потом, столь же неожиданно, выражение лица Патрика меняется на привычное.

— Прости, — говорит он, переводит дыхание и тянется ко мне. Касается моей руки, я отдергиваюсь. — Хлоя, прости меня. Но, пожалуйста, не нужно меня отталкивать. Я хочу тебе помочь.

Я продолжаю смотреть на него, на его изменившееся за какие-то секунды лицо. На брови, сдвинутые вместе заботой, на глубокие блестящие складки на лбу. И роняю руки в знак того, что сдаюсь. Я не хочу, чтобы Патрик там оказался. Не хочу видеть его в одной комнате с мамой — беззащитной, умирающей, — но сил спорить у меня нет. И *времени* тоже.

— Хорошо, — говорю я, — но ехать тебе придется быстро.

Машину Купера я узнаю, как только мы въезжаем на парковку; Патрик еще даже передачу выключить не успел, а я уже выскакиваю из машины и несусь сквозь автоматические двери. За спиной слышу, как скрипят по полу кроссовки Патрика; он пытается меня догнать, но я его не дожидаюсь. Сразу сворачиваю в коридор направо, бегу мимо потрескавшихся дверей, за которыми слышится негромкое бормотание телевизоров, радио и разговаривающих сами с собой пациентов. Первый, кого я вижу, оказавшись в комнате мамы, — сидящий у кровати брат.

— Куп! — Я подбегаю к нему и, осев на кровать, позволяю заключить себя в объятия. — Как она?

Смотрю на маму. Глаза ее закрыты; худенькое тело кажется еще тоньше, словно она потеряла за неделю с десятков фунтов. Запястья

будто вот-вот переломятся, щеки — две впадины, затянутые белой, как салфетка, кожей.

— Вы, надо полагать, Хлоя?

Голос звучит из угла комнаты, и я подскакиваю на месте. Врача в белом халате я не заметила; он стоит, уперев в бедро медицинскую карту.

— Меня зовут доктор Гленн, я — один из дежурных врачей в «Риверсайте». С Купером я сегодня утром разговаривал по телефону, но с вами мы, кажется, еще не знакомы.

— Нет, — соглашаюсь я, даже не пытаюсь встать. Оборачиваюсь на маму, смотрю, как легонько поднимается и опускается ее грудь. — Когда это случилось?

— Все началось около недели назад.

— *Недели?* И мы только сейчас об этом узнаем?

Нас отвлекает раздавшийся из коридора шум: это Патрик, он задел плечом косяк. По лбу у него бежит струйка пота, он утирает ее тыльной стороной ладони.

— А этот что здесь делает? — Купер пытается встать, но я кладу руку ему на бедро.

— Пускай. Не сейчас.

— В принципе мы неплохо подготовлены, чтобы справляться с подобными ситуациями; как вы и сами понимаете, в случае пожилых пациентов они не редкость, — продолжает врач, его глаза бегают между нами и Патриком. — Но если это будет продолжаться и дальше, нам придется перевезти ее в больницу Батон-Ружа.

— А в чем причина, как вы полагаете?

— Физически она вполне здорова. Никакой болезни, способной вызвать отвращение к пище, мы не наблюдаем. Иными словами, ответ нам неизвестен — и за все годы, что она провела у нас, ничего подобного не случилось.

Я снова смотрю на маму, на дряблую кожу ее шеи, на торчащие, подобно барабанным палочкам, ключицы.

— Можно подумать, что она попросту проснулась однажды утром и решила, что ей пора.

Я смотрю на Купера в надежде на какой-то ответ. Всю мою жизнь мне каким-то образом удавалось найти то, что я ищу, в выражении его лица. В том, как его губа неприметно дергается, когда он пытается

скрыть улыбку, в том, как на щеке появляется ямочка, если он прикусил ее изнутри и задумался. Насколько я помню, мой ищущий взгляд лишь однажды встретился с совершенно отсутствующим выражением его лица; один-единственный раз, когда я обернулась к Куперу и с ужасом тонущего поняла, что помочь не может даже он — и никто не может. Мы сидели в гостиной на полу, ноги крендельком. В глазах у нас отражалось сияние телеэкрана, а мы слушали, как отец рассказывает про мрак, кандалы у него на ногах позвякивают, а на тетради перед ним — пятно от беглой слезинки.

Теперь я вновь это вижу. Глаза Купера не встречаются с моими, он смотрит прямо перед собой. Вгрызается взглядом во взгляд Патрика; оба напряглись, словно деревяшки.

— Конечно, спросить у вашей матери мы не можем, — продолжает доктор Гленн, совершенно не чувствуя повисшее в воздухе напряжение. — Но надеемся, что, раз уж вы здесь, может, вам что-то удастся...

— Разумеется, — говорю я, отлепляю глаза от Купера и снова смотрю вниз, на маму. Беру ее за руку, кладу ладонь на свою. Сперва — ничего, однако потом я ощущаю легкое постукивание; ее пальцы, касающиеся чувствительной кожи у меня на запястье, чуть шевелятся. Я смотрю на них, пытаюсь проследить мельчайшие движения. Глаза мамы по-прежнему закрыты, но пальцы — они шевелятся.

Перевожу взгляд на Купера, на Патрика, на доктора Гленна. Похоже, никто из них ничего не замечает.

— Могу я ненадолго побыть с ней наедине? — спрашиваю я, чувствуя, как усилившийся пульс отдается в шее. Мои ладони делаются скользкими от пота, но я не хочу выпускать мамину руку. — Пожалуйста.

Доктор Гленн кивает, молча шагает мимо кровати и выходит из комнаты.

— И вы тоже, — говорю я, переводя взгляд с Патрика на Купера. — Оба.

— Хлоя... — начинает Купер.

Я трясую головой:

— Пожалуйста. Всего на пару минут. Я хочу... ну, попробовать на всякий случай.

— Конечно. — Он чуть кивает, накрывает мою руку своей и чуть сжимает ее. — Как скажешь.

Потом встает, протискивается мимо Патрика и, не говоря ни слова, выходит в коридор.

Я остаюсь с мамой одна, и в памяти одна за другой всплывают подробности нашей последней встречи. Как я рассказывала ей о пропавших девочках, о сходстве с прошлым. О дежавю. Если доктор Гленн не ошибается со временем, примерно тогда она и перестала есть.

«Вообще, не знаю, из-за чего я так беспокоюсь, — сказала я тогда. — Отец в тюрьме. И никакого отношения к этому не имеет».

Движения ее пальцев, такие лихорадочные, перед тем, как я выбежала из комнаты, прервав визит. Я никогда не говорила ни Куперу, ни Патрику — никому о том, как, по моему мнению, мама может общаться — легкие шевеления пальцами, постукивание означает «да, я тебя слышу», — поскольку, если честно, и сама в это толком не верила. Но, может статься, и напрасно...

— Мама, — шепчу я, с испугом и в то же время глупо себя чувствуя, — ты меня слышишь?

Тук.

Я смотрю на ее пальцы. Они шевельнулись, я уверена.

— Это все из-за нашего с тобой разговора в последний раз?

Тук. Тук.

Я выдыхаю, перевожу глаза от ее ладони на все еще открытую дверь.

— Ты что-то знаешь про убитых девочек?

Тук, тук, тук. Тук, тук.

Оторвав взгляд от коридора, я снова смотрю на свою руку, на то, как пальцы мамы у меня на ладони лихорадочно дергаются. Это не может быть совпадением, оно просто обязано что-то означать. Потом я поднимаю взгляд выше, к маминому лицу, — и все мое тело отдергивается назад. Выброс страха и адреналина заставляет меня вырвать у нее свою ладонь, чтобы в изумлении прикрыть ею собственный рот.

Глаза мамы открыты, она смотрит прямо на меня.

Глава 30

Мы с Патриком снова в машине. Оба молчим; слышен лишь негромкий шелест ветра — он врывается внутрь через открытые окна. Мне сейчас так нужен свежий воздух... Я никак не перестану думать о маме, о только что состоявшемся у нее в комнате разговоре.

— ...Может, по буквам получится? — сумела выговорить я, глядя в ее широко открытые, мокрые глаза. На ресницах, словно капли росы на траве, подрагивали слезинки. Я снова взглянула на ее шевелящиеся у меня на ладони пальцы. — Обожди минуточку.

Пройдя обратно вдоль коридора, я высунула голову в вестибюль. Патрик и Купер молча сидели там одеревенелыми спинами ко мне, между ними оставалось несколько свободных стульев. Я тихонько пересекла вестибюль и направилась к общему холлу, где принялась копаться на столе, заваленном старыми, пахнущими молью книгами с коричневыми пятнами на страницах. Отодвинула в сторону стопку дисков с фильмами — жертвований, которые никто уже не хотел смотреть, — и добралась наконец до настольных игр. Потом поспешила обратно в комнату к маме, где вытащила из кармана небольшой бархатный мешочек. Фишки с буквами для игры в «Скрэббл».

— Ну, хорошо, — сказала я и, ощущая себя немного глупо, высыпала фишки на одеяло и принялась их переворачивать, пока не набрала полный алфавит буквами кверху. Мне совершенно не верилось, что из этого что-то выйдет, но попробовать стоило. — Я буду показывать на буквы. Начнем с простого. «Д» означает «да», «Н» — «нет». Когда я покажу на нужную букву, постучи пальцем.

Я окинула взглядом ряд букв на маминой кровати. Перспектива впервые за двадцать лет по-настоящему с ней поговорить одновременно возбуждала меня и пугала. Потом я набрала в грудь побольше воздуха — и разговор начался.

— Ты понимаешь, как все должно работать?

Я указала пальцем на «Н» — никакой реакции. Потом на «Д».

Тук.

Я вздохнула, сердце заколотилось быстрее. Все эти годы мама была в сознании. Она все понимала. Слышала, что я говорю. Просто мне было не до того, чтобы дать ей возможность ответить.

— Ты что-то знаешь про убитых девочек?

«Н» — ничего, «Д» — *тук*.

— Эти убийства как-то связаны с Бро-Бриджем?

«Н» — ничего, «Д» — *тук*.

Я остановилась и задумалась над следующим вопросом. Времени, как я понимала, у нас было немного — скоро сюда вернется Купер, или Патрик, или доктор Гленн, а мне не хотелось, чтобы меня застали за этим занятием. Посмотрев на фишки еще раз, я задала последний вопрос:

— Как мне это доказать?

Я начала с буквы «А», показав пальцем на фишку в левом верхнем углу. Ничего. Я перешла к «Б» и дальше по алфавиту. Наконец, когда я добралась до «П», ее пальцы шевельнулись.

— «П»?

Тук.

— Хорошо, значит, первая буква «П».

Я опять вернулась к началу — «А».

Тук.

Сердце у меня в груди подпрыгнуло.

— «П»-«А»?

Тук.

Мама пыталась произнести «Патрик». Я медленно выдохнула через поджатые губы, пытаюсь сохранять спокойствие. Подняла руку, указала на «Т», уставилась на ее пальцы — но тут из коридора раздался шум.

— Хлоя? — Я слышала, что Купер уже совсем рядом, в каких-то нескольких шагах от открытой двери. — Хлоя, как ты там?

Ладонью я смела фишки с покрывала, зажала их в кулаке и обернулась к Куперу, уже стоявшему в дверях.

— Просто хотел убедиться, что все в порядке, — сказал брат, переводя взгляд с меня на маму. Его губ коснулась улыбка, он подошел к нам и присел на кровать. — Она у тебя глаза открыла?

— Да, — ответила я ему; вспотевшие фишки у меня в кулаке скользили одна об другую. — Да, открыла.

...Патрик включает поворотник, мы съезжаем на гравийную дорожку, по стеклам начинают барабанить мелкие камушки, так что он закрывает окна. Я медленно поднимаю голову, пробуждаясь от воспоминаний, и обнаруживаю, что не понимаю, где мы оказались.

— Где это мы? — спрашиваю я. Машина петляет сейчас по каким-то пыльным грунтовкам; я не знаю, как долго мы ехали, но это точно не дорога домой.

— Уже почти приехали. — Патрик улыбается мне.

— Куда приехали?

— Увидишь.

Я вдруг чувствую приступ клаустрофобии. Выкрутив ручку кондиционера до упора вправо, подставляю голову под струю холодного воздуха.

— Патрик, мне нужно домой.

— Нет, — возражает он. — Нет, Хлоя, я не могу тебе позволить сейчас валяться дома и жалеть саму себя. Я сказал тебе, что у нас имеются планы, вот и давай их исполнять.

Я глубоко вздыхаю, отворачиваюсь к окну, смотрю, как мимо проносятся деревья — мы все дальше углубляемся в лес. Думаю про маму, пытавшуюся произнести по буквам имя Патрика. Почему? Откуда она вообще знает, кто он такой, если они даже не встречались? Беспокойство, которое я испытывала утром, стремительно возвращается. Я смотрю на свой телефон, на единственную полоску, которая то появляется, то исчезает, пока тот пытается поймать сигнал. Такие вот дела — я невесть где, в машине с человеком, который хранит дома цепочку мертвой девочки, и даже позвонить никуда не могу. Может быть, он видел вчера шкатулку у меня в руках; может, я ее спрятала не так быстро, как мне показалось? Нога нащупывает сумочку на полу, и я думаю про перцовый баллончик, который, как ему и положено, лежит в ней на самом дне. Хоть это у меня есть.

Не глупи, Хлоя. Он ничего тебе не сделает. Не тронет тебя.

По телу словно прокатывается ударная волна, когда я понимаю, что рассуждаю в точности как мама. Я сейчас и *есть* мама. Я — мама, сижу в кабинете шерифа Дули и придумываю оправдания для отца, невзирая на то, что гора доказательств стремительно растет. Глаза жжет, они наполняются слезами, уже готовыми вырваться на волю. Я быстро утираю их ладонью, стараясь, чтобы Патрик не заметил.

Думаю про маму, прикованную к кровати в «Риверсайде», где ее жизнь заключена внутри непрерывно сужающихся стен ее собственного тревожного разума. Теперь я ее понимаю. Понимаю ее тогдашний поступок. Я всегда считала, что она решила в тот день вернуться к отцу из слабости, оттого, что не хотела быть одна. Оттого, что не знала, как его оставить, — и *не хотела* этого. Но сейчас, в этот самый миг, я понимаю маму куда лучше. Понимаю, что она вернулась, потому что изо всех сил надеялась найти хотя бы слабый след, указывающий в противоположном направлении, ухватиться за мельчайшую крупицу доказательства, способную опровергнуть тот факт, что она полюбила чудовище. А когда ничего не нашла, ей пришлось взглянуть на себя саму, сурово и трезво. Задать себе те же самые вопросы, что бурлят сейчас у меня в мозгу и душат меня так же, как, должно быть, душили ее.

Ей пришлось признать, что она *действительно* полюбила чудовище. А раз так... то сама-то она кто?

Я чувствую, что машина останавливается. Снова смотрю в окно: мы в глубокой чаще; единственный просвет между деревьев — неглубокий заболоченный ручеек, ведущий, надо полагать, к водоему покрупней.

— Приехали, — говорит Патрик, глушит мотор и кладет ключи к себе в карман. — Вылезай.

— Куда приехали? — спрашиваю я, стараясь, чтобы это прозвучало беззаботно.

— Увидишь.

— Патрик, — говорю я, но он уже снаружи, обходит машину и открывает для меня дверцу. То, что прежде показалось бы рыцарственным жестом, сейчас выглядит зловеще, словно он заставляет меня выйти против воли. Я неохотно принимаю его руку, выбираюсь наружу и морщусь — Патрик захлопывает дверцу у меня за спиной. Сумочка, телефон и баллончик остаются внутри.

— Закрой глаза.

— Патрик...

— Закрой.

Я подчиняюсь и вслушиваюсь в окружающую нас абсолютную тишину. Он их сюда привез? Обри и Лэйси? Он здесь это сделал? Место подходящее — далеко отовсюду и надежно укрытое. *Он ничего*

тебе не сделает. Я слышу, как вокруг нас жужжат комары, как на отдалении шуршит листьями какое-то животное. *Не тронет тебя.* Я слышу шаги — это Патрик возвращается к моей машине, открывает багажник и что-то оттуда достает. *Он ничего тебе не сделает, Хлоя.* Я слышу глухой удар — то, что он достал, упало на землю. Теперь Патрик идет ко мне и что-то несет с собой. Я слышу, как оно царапает по земле. Металлическое царапанье.

Лопата.

Я резко разворачиваюсь, готовая кинуться в лес и там спрятаться. Готовая заорать во всю глотку, надеясь, что, как это ни маловероятно, поблизости кто-нибудь окажется. Кто-нибудь меня услышит. Кто-нибудь сумеет помочь. Встретившись со мной взглядом, Патрик удивленно таращит глаза. Он не ожидал, что я повернусь. Не ожидал, что стану сопротивляться. Я смотрю на то, что он держит в руках, на зажатую в ладонях длинную рукоять. Я вскидываю вверх руки, чтобы отразить удар, уже прицельней гляжу на то, что он держит, и обнаруживаю... что это не лопата.

А весло.

— Думал, нам стоит покататься на лодке, — говорит Патрик, кося глазами на воду.

Я поворачиваюсь и смотрю в небольшой просвет между деревьями; за ним виднеется болотистая водная поверхность. Рядом — наполовину скрытый кустами деревянный стеллаж, на нем — четыре каноэ, покрытые листьями, пылью и паутиной. Я выдыхаю.

— Это место не так просто найти, но лодки здесь всегда были. — Шагнув ближе, Патрик протягивает весло мне. Я хватаюсь за рукоять, чувствую руками его вес. — Их можно брать совершенно бесплатно, только весло нужно свое. В мой багажник оно не влезает, так что я утром взял твои ключи и загрузил его к тебе.

Я всматриваюсь в Патрика. Если он собирался использовать эту штуку в качестве оружия, зачем отдавать ее мне? Смотрю на весло, потом снова на лодки, на неподвижную воду, на безоблачное небо. Бросаю взгляд на машину — как я понимаю, мой единственный способ отсюда выбраться. Но ключи у него в кармане, а иначе домой не попасть. Тогда я решаю — раз он умеет притворяться, чем я хуже?

— Патрик, — говорю я, понуриив голову. — Патрик, прости. Не знаю, что на меня нашло.

— Ты просто перенапряглась, Хлоя. И у тебя были на то причины. Потому-то мы сюда и приехали. Я помогу тебе расслабиться.

Я смотрю на него, все еще сомневаясь, стоит ли ему верить. Поток доказательств, обрушившийся на меня за несколько часов, игнорировать трудно. Цепочка, запах духов, и как Купер смотрел на него в «Риверсайте», будто ощущая то, что я сама почувствовать не могла, — нечто мрачное, зловещее... Предостережение от мамы. Как он вчера ухватил меня за руку, прижав к дивану; как сегодня утром командовал мной, дразнил ключами...

Но есть ведь и другое. Он поставил охранную сигнализацию. Отвез меня к маме в «Риверсайд», организовал ту вечеринку, запланировал, чтобы сегодняшней день мы провели вместе. Ровно те самые романтические поступки, которые Патрик совершал с нашей самой первой встречи, когда отобрал у меня тяжелую коробку и поставил себе на плечо. Те самые жесты, которые я надеялась отныне наблюдать до конца наших дней. Видя его виноватую улыбку, я сама не могу не улыбнуться — вот она, сила привычки — и в этот самый момент решаю: даже если Патрик и способен причинять боль другим, я еще не могу поверить, что он причинит ее мне.

— Ладно, — говорю. — Ладно, давай попробуем.

Улыбка Патрика делается шире, он спешит к стеллажу и снимает с деревянных жердей одно каноэ. Волочит его по земле, потом стряхивает с него мусор, собирает выросшую внутри паутину и спускает на воду.

— Дамы вперед. — Он предлагает мне руку. Я позволяю взять себя под локоть, неуверенно шагаю в лодку, она уходит из-под ног, я инстинктивно хватаюсь за его плечо, и Патрик помогает мне усесться. Убедившись, что я разместилась, отталкивает лодку и запрыгивает на сиденье у меня за спиной. Я чувствую, что мы плывем.

Когда мы оказываемся на большой воде, у меня от окружающей красоты дух захватывает. Река медленная и неторопливая, тут и там из мутной воды торчат кипарисы; их узловатые стволы похожи на готовые вцепиться пальцы. Солнечный свет стекает по занавесям испанского мха миллионами крохотных подмигивающих искорок, лягушачий хор что-то распевает в унисон влажными горловыми голосами. По водной поверхности лениво плывут водоросли. Уголком зрения я замечаю медленно движущегося аллигатора; его маленькие

глазки наблюдают за цаплей, которая вдруг поднимается на тонких ногах, хлопает крыльями и исчезает в безопасности ветвей.

— Замечательно здесь, правда?

Патрик позади меня неторопливо гребет, шуршание воды о борта каноэ начинает меня убаюкивать. Я не отвожу взгляда от аллигатора, молчаливого наблюдателя, спрятавшегося на самом видном месте.

— Великолепно, — говорю. — Мне это место напоминает о...

Я осекаюсь, неоконченная мысль тяжело повисает в воздухе.

— Напоминает о Бро-Бридже. Но... в хорошем смысле. Нас с Купером иногда возили на озеро Мартин. Аллигаторов высматривать.

— Твоей маме там тоже наверняка нравилось.

Я улыбаюсь, вспоминая. Как среди деревьев разносились наши крики: «До свиданья, аллигатор!» Как мы голыми руками ловили черепах и считали кольца у них на панцире, чтобы определить возраст. Как раскрашивали грязью лица в боевую раскраску, потом вламывались в таком виде домой, мама ругалась, а мы, хихикая, направлялись в ванную, где она оттирала нам физиономии, пока те не покраснеют. Как вдавливали ногти в комариные укусы: наши ноги сплошь покрывались крестиками, разве что ноликов рядом не доставало. Почему-то вызвать во мне эти воспоминания способен только Патрик. Только он способен выманить их из убежища, из секретной ниши в глубинах памяти, из тайной комнаты, куда я их загнала, увидев в телевизоре лицо отца — плачущего не оттого, что отнял шесть жизней, а оттого, что попался. Только Патрик способен напомнить мне, что не все в прошлом было плохо. Я откидываюсь на скамье и закрываю глаза.

— А вот это мне здесь нравится больше всего, — говорит Патрик, оглябая речную излучину. Я открываю глаза и вижу впереди, на расстоянии «Кипарисовое ранчо». — Всего шесть недель осталось.

С воды поместье выглядит еще шикарней — огромное белое здание возвышается над пространством тщательно подстриженной травы. Круглые колонны поддерживают три ряда балконов, кресла рядом с входом так и раскачиваются на ветру. Вперед-назад, вперед-назад. Я представляю, как спускаюсь по величественным деревянным ступеням — вниз, к воде, навстречу Патрику...

Над водой вдруг эхом разносятся слова детектива Томаса, вырывая меня из счастливого транса.

В чем в таком случае связь между вами и Обри Гравино?

Никакой связи нет. Я не была знакома с Обри Гравино. Пытаюсь заглушить звук этих слов, но отчего-то не могу выкинуть его из головы. Не могу выкинуть из головы *ее*. Подведенные глаза и пепельно-каштановые волосы. Длинные тонкие руки. Юную загорелую кожу.

— Я в него с первого взгляда влюбился, — говорит Патрик у меня за спиной.

Я почти его не слышу. Не могу оторвать взгляда от кресел, все раскачивающихся на ветру вперед-назад. В них никто не сидит, но так было не всегда. В одном из них была девочка. Худая загорелая девочка лениво раскачивалась, упершись в колонну кожаным сапогом, потертым и выгоревшим на солнце.

Моя внучка. Этот дом принадлежит нашей семье уже не одно поколение.

Я вспоминаю, как Патрик ей помахал. Как она уселась ровней и одернула юбку. Как застенчиво опустила голову, прежде чем помахать в ответ. Внезапно опустевшее крыльцо. И кресло, еще какое-то время покачивающееся, прежде чем застыть.

Ей нравится забегать сюда после школы. Она любит на крыльце делать уроки.

Две недели назад она так сюда и не добежала.

Глава 31

На экране моего ноутбука — изображение Обри с фотографии, которой я раньше не видела. Маленькое, размытое оттого, что я увеличила ее лицо, но достаточно четкое, чтобы не сомневаться. Это она.

Обри в белом платье сидит на лужайке, поджав под себя ноги, все те же сапоги натянуты до колен, руками она касается идеально подстриженной изумрудной травы. Это семейный портрет, рядом с ней — родители. Бабушки и дедушки. Тети и дяди, двоюродные сестры и братья. Изображение обрамляют те же самые затянутые мхом дубы, которые в моем воображении должны обрамлять мою свадьбу; позади — те самые белые ступени, по которым я должна идти под вуалью, поднимаются вверх к огромному крыльцу. К тем самым креслам, которые никак не перестанут качаться.

Я подношу к губам картонный стаканчик с кофе, продолжая разглядывать изображение. Читаю про владельцев на официальном сайте «Кипарисового ранчо». Оно действительно принадлежит семейству Гравино уже не одну сотню лет — началось все с фермы, где в 1787 году выращивали сахарный тростник; потом там разводили лошадей, и постепенно все превратилось в место для празднеств и церемоний. Здесь жили семь поколений семейства Гравино, и в свое время производился едва ли не лучший в Луизиане сироп. Осознав, какую ценность представляет их участок земли, семейство заново отремонтировало дом и отреставрировало амбар. Безупречно украшенные здания и тщательно выстриженная растительность отныне представляли собой идеальный луизианский пейзаж, где так здорово проводить свадьбы и корпоративы.

Я припоминаю, как лицо Обри под надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» сразу же показалось мне смутно знакомым. Как меня начало грызть ощущение, что я ее знаю. И теперь ясно отчего. Она была на ранчо в тот день, когда мы его посетили. Когда осматривали местность, резервировали дату свадьбы. Я ее там видела. И Патрик видел.

А теперь она мертва.

Я перевожу взгляд на лица родителей Обри. Родителей, которых я видела в выпуске новостей две недели назад. Отец тогда плакал, закрыв руками лицо. Мать умоляла камеру: «Мы хотим, чтобы наша деточка вернулась домой». Потом я смотрю на ее бабушку. Милую женщину, что сражалась с планшетом, одновременно пытаюсь сгладить мои надуманные опасения рассказом про кондиционеры и опрыскивание насекомых. Вероятно, в новостях упомянули, что Обри Гравино принадлежит к известной в городе семье, но я не обратила внимания. Когда тело нашли, я намеренно избегала их слушать. Ездила по городу с выключенным радио. А когда ее портрет сменил портрет Лэйси, подробности уже утратили свое значение. Пресса нашла себе новую тему. И весь мир тоже. Обри сделалась еще одним смутно знакомым лицом в океане прочих лиц. Принадлежащих таким же, как она, пропавшим девочкам.

— Доктор Дэвис?

Я слышу негромкий стук и поднимаю взгляд над ноутбуком — на меня из-за приоткрытой двери смотрит Мелисса. На ней майка и шорты, волосы завязаны в узел над головой, на плече спортивная сумка. Полседьмого утра, небо за окном кабинета только-только стало из черного делаться синим. Когда проснешься утром раньше всех остальных, в этом заключается какое-то особое одиночество — единственная чашка кофе, пустое шоссе, безлюдный офис, где ты сама включаешь свет. Я была так поглощена изображением Обри, так оглушена абсолютной тишиной, что даже не заметила прихода Мелиссы.

— Доброе утро, — улыбаюсь я и машу ей рукой, чтобы она заходила. — Раненько ты сегодня.

— И вы тоже не поздно. — Она проходит в кабинет, закрывает за собой дверь и утирает со лба струйку пота. — У вас сегодня ранняя консультация?

Я вижу у нее на лице панику, страх, что она неправильно прочла расписание и вот теперь заявила в рабочее время в одежде для спортзала. Я трясую головой.

— Нет, просто пытаюсь разгрести кое-какие завалы. Всю прошлую неделю... сама знаешь. Не до того было.

— Верно, как и мне.

На самом деле я просто не в состоянии оставаться с Патриком в одном доме ни минутой дольше, чем необходимо. Там, в лодке, чуть покачиваясь на воде и глядя издали на «Кипарисовое ранчо», я наконец позволила себе испугаться. Не просто подозревать, но бояться. Бояться человека, который сидел совсем близко от меня, достаточно близко, чтобы дотянуться до моей шеи. Бояться жить под одной крышей с чудовищем — которое пряталось на самом видном месте, подобно скользящему по водной глади аллигатору. Подобно моему отцу двадцать лет назад. Теперь мою совесть грызли не только ожерелье, недоверие Купера, мамино предупреждение, но еще и это. Связь со мной еще одной мертвой девочки — со мной и с Патриком. И точно так же, как я хранила от Патрика свои секреты, в этот миг я твердо осознала, что и он прячет от меня свои. Купер прав — мы друг друга не знаем. Мы обручены и собираемся пожениться. Мы живем под одной крышей, спим в одной постели. Но мы с этим человеком чужие друг другу. Я его не знаю. И не знаю, на что он способен.

— Голова разболелась, — сказала я ему тогда, и не то чтобы напрямую солгала. На меня волнами накатывала тошнота, пока я смотрела на отдаленное здание, на пустые кресла, которые словно раскачивали призрачные ноги. Я гадала, было ли тогда на Обри ожерелье, то самое, которое сейчас спрятано где-то у меня дома. — Давай вернемся?

Патрик у меня за спиной ничего не ответил, и я спросила себя, о чем он сейчас думает. Зачем он вообще меня сюда привез? Посмотреть, как я отреагирую? Для него это часть забавы — поманить меня правдой, но так, чтобы я не смогла дотянуться? Или он меня предупреждает? *Знает* ли он, что я знаю? Я вспомнила про разговор с Ароном, как он предположил, что «Кипарисовое кладбище» может иметь какое-то особое значение. Я могла бы и раньше догадаться. Впервые я увидела Обри на «Кипарисовом ранчо», а тело ее нашли на «Кипарисовом кладбище». Сначала я не обратила внимания — для наших мест название совершенно обычное, — но после того, как тело Лэйси обнаружилось рядом с моим офисом, это уже не похоже на совпадение. Слишком уж все точно рассчитано, чтобы оказаться случайностью. Патрик что, хотел, чтобы я узнала Обри, когда ее найдут? Или у него достаточно самоуверенности, чтобы показать мне

очередную деталь головоломки и ожидать при этом, что уже начавшую формироваться картинку я так и не увижу?

— Патрик?

— Да, конечно. — Голос негромкий, обиженный. — Конечно, давай вернемся. Хло, с тобой все в порядке?

Я кивнула и заставила себя отвести глаза от дома, чтобы взглянуть на что-нибудь еще. На что угодно еще. В молчании мы подгребли обратно к машине и отправились домой. Патрик с плотно сжатыми губами не отрывал глаз от дороги, а я, упершись головой в боковое стекло, массировала себе виски. Когда мы подъехали к дому, я что-то пробормотала насчет поспать, удалилась в спальню, заперла дверь и улеглась в кровать.

— ...Слушай, Мел, — я поднимаю глаза на ассистентку. — Можно задать тебе вопрос? Про ту вечеринку?

— Конечно. — Улыбнувшись мне, она присаживается напротив.

— Патрик в котором часу туда приехал?

Она прикусывает изнутри щеку и задумывается.

— Если честно, немногим раньше тебя. Первыми там были мы с Купером и Шэннон. Патрик задержался на работе, так что это мы всех остальных впустили, а он минут за двадцать перед тобой подъехал.

Я снова чувствую знакомый болезненный укол у себя в груди. Купер попытался преодолеть собственные чувства. Постарался приехать туда ради меня, несмотря ни на что — или, может, именно поэтому. Я представила себе, как он стоит в дальнем углу гостиной, скрытый за толпой. Видит, как я кричу, как запускаю руку в сумочку и принимаюсь там яростно рыться. Как Патрик кладет руки мне на талию, ведет внутрь, раздвигая гостей. Купер всего этого наверняка просто не смог выдержать. Не смог смотреть, как Патрик, сверкая белозубой улыбкой, манипулирует мной и добивается послушания. Поэтому еще до того, как я смогла его увидеть, он развернулся и потихоньку ускользнул во двор, где и остался наедине с пачкой сигарет. Дождаясь меня. Удивительно, как я этого раньше не поняла — вероятно, мое упрямство виновато. Мой эгоизм. Хотя теперь очевидно, что Купер был там ради меня, в той же незаметной манере, как и всегда — как и на фестивале раков, когда его голова появилась

среди моря прочих лиц и он отделился от толпы. Когда он нашел и утешил меня, оставшуюся в одиночестве.

— Хорошо, — говорю я, пытаюсь сосредоточиться. Пытаюсь вспомнить тот день в подробностях. Лэйси вышла из моего офиса в шесть тридцать, я — ближе к восьми, поскольку сохраняла запись консультации, наводила в кабинете порядок и отвечала на звонок Аарона. Потом еще заехала в аптеку и дома оказалась, наверное, где-то в восемь тридцать. У Патрика было два часа, чтобы схватить Лэйси рядом со зданием офиса, отвезти туда, где он ее держал, прежде чем бросить за мусорным баком, и вернуться домой раньше меня. *Могло ли все быть именно так?* — А что он делал, когда приехал?

Мелисса ерзает на стуле, закидывает ногу на ногу. Она обеспокоена даже больше, чем когда вошла, поскольку понимает, что в вопросах заключено нечто очень личное.

— Поднялся наверх освежиться, я так думаю, принял душ и переоделся. Сказал, что весь день был за рулем. А вниз спустился, когда мы уже увидели твои фары совсем рядом с домом. Наполнил несколько бокалов... ну, тут ты и вошла.

Я киваю и снова улыбаюсь, чтобы она почувствовала мою благодарность за информацию, хотя внутри мне хочется орать. Я отчетливо помню тот момент. Людское море расступилось, и из толпы появился Патрик. Подошел ко мне с бокалами в руках, обнял рукой за талию, притянул к себе, и по всему моему скованному паникой телу прокатилась волна облегчения. Помню пряный запах его геля для душа, белоснежную улыбку. Помню, как чувствовала себя счастливой, чертовски счастливой — в этот самый момент с ним рядом. Но теперь... я не могу не задаться вопросом, что же именно он делал непосредственно *перед* тем. Может быть, мылом пахло так сильно оттого, что он намеренно мылился посильней, чтобы отбить другой запах. Может быть, одежда, которую он переменял, уже не у нас дома — он выбросил ее где-то у дороги или даже сжег, чтобы устранить следы собственного преступления. Когда наши нагие и сплетенные тела лежали той ночью в постели, были ли на нем ее следы — волосок, капелька крови, обломок ногтя, застрявший там, где Патрик его не успел обнаружить? Я думаю про Обри, про тот вечер, когда пропала она, — чем мы занимались, когда он вернулся домой? Запрыгнул ли сразу в душ, как всегда делает после дальних поездок в одиночестве?

Может быть, я тогда тоже решила присоединиться, снимала с него одежду, пока ванная наполнялась паром? И помогла смыть ее следы?

Я щиплю себя за переносицу, закрываю глаза. От всех этих мыслей меня тошнит.

— Хлоя? — слышится озабоченный голос Мелиссы, мягкий, почти что шепот. — С тобой все в порядке?

— Да. — Я поднимаю голову, слабо улыбаюсь. Тяжесть ситуации давит мне на плечи. Мое неявное участие напоминает мне о событиях двадцатилетней давности — когда я видела и не понимала. Когда, сама того не подозревая, привела девочек к хищнику — или, вернее, натравила хищника на них. Я не могу не думать: а вот если б не я, они сейчас были бы живы? Все они?

Я вдруг чувствую усталость. Очень сильную. Ночью я почти не спала. От тела Патрика несло жаром, точно от печки, предупреждая — не приближайся! Бросаю взгляд на ящик стола, на коллекцию таблеток, ожидающих, чтобы их поманили из мрака. Я могу попросить Мелиссу, чтобы она вышла. Могу задернуть шторы и от всего отгородиться. Еще даже семи утра нет, хватит времени, чтобы отменить всех пациентов. Но я не могу. Знаю, что не могу.

— Что там у меня в расписании?

Мелисса достает из сумки телефон, вызывает приложение-календарь и просматривает запись на сегодня.

— График довольно плотный, — говорит она. — Мы много всего перенесли с прошлой недели.

— Хорошо, а завтра?

— Завтра тоже все занято до четырех часов.

Я вздыхаю, массирую виски большими пальцами. Я знаю, что мне делать, но у меня нет на это времени. Я не могу раз за разом отменять пациентов, иначе еще немного — и у меня не останется ни одного.

Но я все равно вижу перед собой мамины пальцы, их безумную пляску у меня на ладони.

Как мне это доказать?

Патрик. Ответ — Патрик.

— В четверг у нас довольно свободно, — приходит на помощь Мелисса, водя пальцем по экрану. — Утром несколько пациентов, но после обеда никого.

— Хорошо, — говорю я, выпрямляясь. — Больше на этот день никого, пожалуйста, и не записывай. И на пятницу тоже. Мне нужно кое-куда съездить.

Глава 32

— Рад за тебя, малыш.

Сидя на полу спальни, я поднимаю взгляд на Патрика, который улыбается мне, опираясь плечом на дверной косяк. Он только что из душа, вокруг бедер — идеально белое полотенце, руки сложены на голой груди. Он идет через спальню и начинает перебирать висящие в шкафу на вешалках отглаженные белые сорочки. Я на мгновение задерживаю свой взгляд на нем, на его идеально загорелом теле. На накачанных бицепсах, на покрытой капельками коже. Замечаю у него на боку царапину и прищуриваюсь. Она тянется от живота на спину, кажется совсем свежей, и я пытаюсь не задаваться вопросом, как она там оказалась и откуда взялась. Вместо этого снова смотрю в чемодан, на кучу одежды внутри — в основном практичной, джинсы да футболки — и соображаю, что неплохо бы для маскировки добавить к ним платье и туфли; в конце концов, на девичник надевают именно такое.

— Я забыл, кто там еще будет?

— Нас немного совсем, — говорю я, пристраивая в уголок чемодана туфли на шпильках. Которые, как я знаю, мне не понадобятся. — Шэннон, Мелисса, еще кое-кто из подружек с прошлой работы. Не хочу огромного праздника.

— По-моему, это здорово. — Выбрав из шкафа сорочку, Патрик набрасывает ее на плечи. Подходит ко мне, не застегиваясь. В обычный день я бы встала, обвила руками его голое тело, вдавила пальцы в мускулы на спине. В обычный день я бы его поцеловала, может статья, даже затащила бы обратно в постель, а потом мы разошлись бы по своим делам, но пахло бы от обоих не гелем для душа, а друг другом.

Только не сегодня. Сегодня я не могу. Так что я просто улыбаюсь ему с пола, потом снова смотрю на одежду у себя на коленях, сосредоточившись на блузке, которую аккуратно складывала.

— Это ты и предложил, — говорю, избегая его взгляда. Я чувствую, как этот взгляд буравит мне висок в попытках разобрать причины моего беспокойства. — На вечеринке, помнишь?

— Помню. И рад, что ты меня послушалась.

— Когда ты поехал в Новый Орлеан, я решила, что и нам тоже было бы неплохо. — Я поднимаю на него взгляд. — И не слишком далеко, и не слишком дорого.

Я вижу, как у него дергается губа, почти незаметно. Я никогда не обратила бы внимания, если б не знала правду — ни в какой Новый Орлеан он не ездил. Никакой конференции, которую он мне в подробностях расписал — в субботу все знакомятся, в воскресенье играют в гольф, а потом до конца недели заседание за заседанием, — не было. Нет, не так. Конференция-то *была*. Агенты по фармацевтическим продажам съехались туда со всей страны, а вот Патрика среди них не оказалось. Он туда не ездил. Я это знаю, поскольку нашла веб-сайт конференции, позвонила в отель и попросила прислать копию его счета, сказав, что я его ассистентка и готовлю отчет о расходах. Но он там не останавливался. Никакой Патрик Бриггс не въезжал в отель и не выезжал из него, и на конференции тоже не регистрировался. Как проверить его недавнюю поездку в Лафайетт, я не знала, но что-то мне подсказывало, что и она фальшивая. Что все эти его дальние поездки, все уик-энды, ночи за рулем, когда он возвращался домой уставшим до беспамятства и в то же время каким-то необычно живым, служили прикрытием для чего-то еще. Чего-то мрачного. Способ это выяснить имелся только один.

Я столько всего не знаю про своего жениха, но одному меня совместная жизнь научила: это человек привычки. Каждый день, вернувшись домой, он аккуратно ставит свой кейс — запертый и готовый к следующей поездке — в угол гостиной. А каждое утро отправляется на длинную пробежку по окрестностям, после чего долго принимает горячий душ. Так что всю неделю, стоило ему поцеловать меня в лоб и выйти из спальни, я вскорости прокрадывалась в гостиную и принималась крутить взад и вперед колесики замка, пытаюсь угадать код. Все оказалось даже проще, чем я ожидала, — в известном смысле Патрик очень предсказуем. Я перебирала все числа, которые могут иметь в его жизни какое-то значение — его день рождения, мой, наш адрес. Если Аарон чему-то меня и научил, так это тому, что подражатели сентиментальны — их жизнь вращается вокруг скрытых сообщений, тайных кодов. Спустя несколько дней неудачных

попыток я сидела в гостиной на полу и размышляла, стреляя глазами то на замок, то на окно столовой, ожидая, что Патрик вот-вот появится.

Я уже встала, когда меня посетила мысль.

Бросив на окно еще один взгляд, я попробовала очередную комбинацию: 72619. Помню, как выставила цифры напротив отметок, выгравированных сбоку замка, помню, как нажала на кнопку и услышала щелчок, когда тот открылся. Скрипнули петли, кейс с его аккуратно уложенным внутри содержимым распахнулся.

Сработало. Код сработал. 72619.

26 июля 2019 года.

День нашей свадьбы.

— ...Напишу Шэннон эсэмэску, чтобы она прислала мне фото, — говорит Патрик, повернувшись к тумбочке и выдвинув ящик с нижним бельем. Натягивает трусы — красные с зеленым, я подарила их ему на Рождество — и хохочет. — Хочу видеть тебя на руках у бармена с Бурбон-стрит, у тех, что водку в пробирках подают...

— Нет! — восклицаю я слишком поспешно. Поворачиваюсь к нему, вижу его чуть заметный прищур и пытаюсь как можно скорее сочинить правдоподобную причину, по которой ему не следует ничего писать ни Шэннон, ни Мелиссе, да и вообще никому, поскольку никого из них на моем девичнике не будет. Собственно, там и *меня самой* не будет. Поскольку девичник выдуман от начала и до конца.

— Не надо, пожалуйста, — говорю я, потупившись. — Ну, то есть, Патрик, это все-таки *мой* девичник. Я не хочу все время только следить за собой и переживать, что сотворю сейчас какую-то глупость — и она тут же окажется у тебя на телефоне.

— Да ладно тебе! С каких это пор ты боишься пропустить лишний стаканчик?

— И вообще, мы не должны быть на связи! — объявляю я, пытаюсь сделать свой тон поигривей. — Всего-то один уик-энд потерпи. К тому же вряд ли они тебе вообще ответят. Мне тут зачитали правила — никаких звонков, никаких эсэмэсок. Мы от всех отрезаны. Только девчонки, и больше никто!

— Хорошо, хорошо. — Он поднимает руки в знак капитуляции. — Новый Орлеан умеет хранить секреты.

— Вот и спасибо.

— Так, значит, в воскресенье вернешься?

Я киваю, готовая от одной только перспективы четырех суток подряд в моем полном распоряжении растаять и лужей растечься по ковру. Какое это все-таки облегчение — уехать! Избавиться от необходимости делать вид, от непрерывного актерства, которое от меня требуется, стоит переступить порог своего собственного дома. Хотелось бы надеяться, что после поездки дальнейшее лицедейство уже не понадобится. Делать вид будет не нужно. Не придется больше спать, прижавшись к нему всем телом и скрывая отвращение, от которого сводит спину всякий раз, когда его губы трутся мне о шею. После поездки у меня появятся доказательства, с которыми наконец-то можно будет пойти в полицию. Чтобы они наконец-то мне поверили.

Но предстоящая задача легче от этого не становится.

— Я буду скучать по тебе, — говорит Патрик, присаживаясь на край кровати. С той самой ночи, когда сработала сигнализация, я стараюсь держаться от него в сторонке, и он это знает. Чувствует, как я отдаляюсь. Убрав за ухо непослушный локон, я заставляю себя встать, подойти к нему и усесться рядом.

— Я тоже буду, — говорю я и задерживаю дыхание, когда Патрик привлекает меня к себе для поцелуя; он держит в ладонях мою голову, таким уже знакомым образом охватив череп. — Но сейчас мне пора. — Высвободившись, иду к чемодану, закрываю его и застегиваю. — Сегодня утром у меня несколько пациентов, и я поеду прямо оттуда. Возьму Мелиссу с собой, а Шэннон мы по пути подхватим.

— Хорошего тебе отдыха.

Патрик улыбается. Я гляжу на него, сидящего на кровати, тяжело уронив на колени руки со сплетенными пальцами, и на какую-то секунду чувствую в нем грусть, которой никогда раньше не замечала. То безнадежное одиночество, которое некогда обнаружила в себе самой, еще до Патрика, поняв, что в любой компании рядом со мной никого нет. Какой-то месяц назад я испытала бы прилив вины, тот знакомый болезненный укол в груди, когда врешь любимому человеку. Я кручу свои делишки у него за спиной, пытаюсь рыться в его прошлом, хотя сама терпеть не могу, когда роются в моем собственном. Но понимаю, что тут — другое дело. Серьезное. Потому что Патрик — это не я. Это я знаю точно. И все больше и больше убеждаюсь, что он может оказаться таким же, как мой отец.

Я приезжаю в офис за полчаса до первого пациента, на плече у меня болтается сумка с одеждой. Быстро миную потягивающую за своим столом кофе Мелиссу, машу ей рукой, надеясь избежать длительного разговора о предстоящей поездке. Я туманно объяснила ей, что этого требует подготовка к свадьбе, однако должных подробностей у меня нет. Куда больше меня заботило правдоподобное алиби для Патрика, и вот тут я, хочется надеяться, справилась.

— Доктор Дэвис, — говорит она, отставляя стаканчик. Я уже почти в кабинете, разворачиваюсь на звук ее голоса. — Просту меня простить, у вас посетитель. Я сказала ему, что у вас прием, но он... решил вас дождаться.

Я оборачиваюсь к приемной, кидаю взгляд на диванчики в углу, на которые не обратила ни малейшего внимания, и там, на самом краю одного из них, обнаруживается детектив Томас. На коленях у него раскрытый журнал, он улыбается куда-то в мою сторону, закрывает журнал и бросает на столик.

— Доброе утро. — Встает, чтобы поздороваться. — Куда-то собрались?

Я скашиваю глаза на сумку, потом снова смотрю на детектива, успевшего вдвое сократить между нами расстояние.

— В небольшую поездку.

— Куда именно?

Я прикусываю щеку, отчетливо ощущая спиной присутствие Мелиссы.

— В Новый Орлеан. Нужно все закончить с покупками для свадьбы. А там у них полно бутиков, и я еще кое-какие магазины хотела бы посетить.

Если уж приходится врать, то, как я давно убедилась, чем ложь проще, тем лучше. И по возможности не стоит отклоняться от одной версии. Раз уж Патрик считает, что я в Новом Орлеане, пускай и Мелисса с детективом Томасом думают то же самое. Я замечаю, как взгляд Томаса падает на кольцо у меня на пальце, потом он снова поднимает глаза и чуть кивает.

— Я у вас много времени не отниму.

Я делаю приглашающий жест в сторону кабинета, потом разворачиваюсь и, улыбнувшись Мелиссе, веду его за собой через приемную, стараясь излучать ощущение спокойствия и контроля над

ситуацией, хотя грудь уже переполняет паника. Войдя в кабинет следом за мной, Томас закрывает дверь.

— Чем могу вам помочь, детектив?

Я обхожу стол, опускаю сумку на пол, отодвигаю кресло и сажусь. Рассчитывая, что он последует моему примеру, но Томас остается стоять.

— Хотел сообщить вам, что провел неделю, работая по названному вами подозреваемому. Берт Родс.

Я морщу лоб: про Берта Родса я успела позабыть. За последнюю неделю столько всего случилось, что я думаю совершенно о другом — о цепочке в шкафу и открытии насчет Обри Гравино, о рубашке Патрика, пахнувшей духами, его лжи про конференцию и царапине у него на боку. О визите к маме и о том, что я нашла в кейсе Патрика — теперь оно лежит в моей собственной сумке. Доказательства, которые я нашла, и доказательства, за которыми сейчас собралась ехать. Воспоминания о Берте Родсе у меня дома, с дрелью в руке, буравящем меня взглядом, кажутся сейчас столь отдаленными. Хотя чувство паралича я помню, и свой страх тоже. Но и то, как уверенно держалась, невзирая на все нарастающее ощущение опасности. Вот только сейчас у опасности совершенно иное значение. С Бертом Родсом я, по крайней мере, не жила под одной крышей, у него не было ключа от двери, которую я за ним заперла. События прошлой недели вызывают у меня чуть ли не ностальгию, тоску по тому моменту, когда я стояла в коридоре, прижавшись спиной к двери, и прекрасно понимала, где проходит грань между добром и злом.

Детектив Томас переступает с ноги на ногу, и я внезапно ощущаю еще и вину. За то, что направила его по ложному следу. Да, Берт Родс — дурной человек. Да, в его присутствии я чувствую себя в опасности. Только вот найденные мной за прошедшую неделю улики указывают совсем в другую сторону — и мне, кажется, следует об этом заявить. Но побеждает любопытство.

— Правда? И что вам удалось найти?

— Ну, для начала, он обратился в суд за ордером на запрет приближаться. Против вас.

— *Что?* — Пораженная этим заявлением, я вскакиваю с места; кресло скрежещет по полу, словно сломанный ноготь по грифельной доске. — За каким таким ордером?

— Прошу вас, доктор Дэвис, сядьте. Он заявил, что во время визита к вам в дом ощутил угрозу.

— *Он* ощутил угрозу? — Я повышаю голос, Мелисса теперь наверняка меня слышит, но мне уже наплевать. — С чего бы это, интересно? Это *я* ощутила угрозу! Я была безоружна!

— Доктор Дэвис, сядьте.

Какое-то время я таращусь на него, изумленно моргая, поскольку не верю собственным ушам; потом все-таки медленно опускаюсь обратно на кресло.

— Он утверждает, будто вы заманили его в дом под выдуманным предлогом, — говорит Томас, сделав ко мне шаг. — Будто он приехал, полагая, что это обычный вызов по работе, но, оказавшись внутри, понял, что намерения у вас иные. Что вы учинили ему допрос, пытались дергать за веревочки. Добиваясь, чтобы он признался в чем-то преступном.

— Полная чушь! Я его вообще не вызывала, это сделал мой жених.

Я чувствую, как при слове «жених» что-то подступает к горлу, и с усилием загоняю это обратно.

— А откуда у вашего жениха его номер?

— С веб-сайта, надо полагать.

— И что именно вас привело на этот веб-сайт? С учетом вашей истории многовато для простого совпадения.

— Послушайте, — говорю я, запуская пальцы себе в волосы. Я уже вижу, к чему все идет. — Хорошо, сайт открыла я сама. Я только что обнаружила, что Берт Родс тоже живет в городе, и сочла, выражаясь вашими словами, что это вряд ли простое совпадение. Я думала тогда про девочек и отчаянно пыталась понять, что с ними случилось. Жених заметил его у меня на ноутбуке и позвонил в фирму, не ставя меня в известность. Это просто дурацкое недоразумение.

Детектив Томас кивает, явно не веря мне.

— Надеюсь, это все? — Раздражение чуть ли не капает у меня с языка.

— Нет, не все, — отвечает он. — Мы также выяснили, что подобное с вами не впервые. И все выглядит до боли знакомым. Преследование, теории заговора... Даже запретительный ордер. Имя *Итан Уокер* вам что-нибудь говорит?

Глава 33

Впервые я увидела его на вечеринке — он зачерпывал пластиковым стаканчиком из сосуда с неоново-красной жидкостью. Было в нем что-то такое, чему я и определения-то не могла подобрать, — неземное, что ли, как если бы все присутствующие в комнате будто чуть выцвели; он же сиял, вобрав в себя все краски.

Я отпила из собственного стаканчика и поморщилась: алкоголь на студенческих вечеринках качеством не отличался. Впрочем, это было не слишком принципиально. Выпить мне требовалось ровно столько, чтобы чуть оцепенеть, притормозить реакции. «Валиум» у меня в венах уже помог успокоить нервы, обволок сознание химическим ощущением спокойствия. Я опустила глаза на стаканчик, где еще оставалось на палец жидкости, и осушила его.

— Его зовут Итан.

Я перевела взгляд налево — рядом со мной стояла Сара, моя соседка по комнате, и указывала глазами на привлекшего мое внимание юношу. *Итан.*

— Симпатичный, — сказала она. — Пошла бы, поговорила с ним.

— Да стоит ли?

— Ты с него целый вечер глаз не сводишь.

Я стрельнула на нее глазами, чувствуя, как вспыхнули щеки.

— Ничего подобного.

Она усмехнулась, взболтала жидкость в собственном стаканчике и тоже сделала глоток.

— Ну, не хочешь — не надо. Тогда я сама поговорю.

Я смотрела вслед Саре, направившейся к нему сквозь завесу из шума и жара разгоряченных алкоголем тел, неторопливо, но решительно — женщина, увидевшая цель. Я же стояла как вкопанная на своем привычном месте у стены — откуда я могла видеть всю комнату, всегда понимать, что происходит вокруг, где ко мне не могли подкрасться сзади или застать врасплох иным способом. На Сару это было очень похоже. Вся наша дружба в университете сводилась к одному — Сара забирает себе то, что мне самым очевидным образом хочется. Кровать на нижнем ярусе в общежитии, комнату со

встроенным гардеробом в квартире, которую мы сейчас снимали на двоих, последнее оставшееся место на курсе по психологическим аномалиям, единственную бежевую блузку среднего размера в витрине бутика. Ту самую, что сейчас на ней.

И вот теперь — Итана.

Я смотрела, как Сара подходит к нему, хлопает по плечу. Он поднял к ней взгляд, широко улыбнулся и заключил в дружеские объятия. «Ну и ладно, — подумала я. — Все равно он по параметрам не подходит». Тем более что так и было. На мой вкус крупноват; когда он прижал Сару к груди, на руках взбугрились внушительные бицепсы. Захоти он только, и мог бы удержать ее на месте, сдавливая, словно боа-констриктор, пока она не переломится. И еще Итан производил впечатление чересчур популярного. Чересчур привычного получать все, что захочется. А я никогда не связывалась с парнями, которые чувствуют себя в своем праве, которые могут взбеситься, если я вдруг передумаю.

Я перевела взгляд на входную дверь — портал, ведущий из душного жилища назад, в прохладный осенний воздух университетского городка. Я всегда следовала правилу не возвращаться домой в одиночку, но сейчас Сара, похоже, собралась подзадержаться, так что выбора не оставалось. К ключу от квартиры прицеплена цепочка перцового баллончика, да и идти-то всего пару кварталов. Я немного поколебалась — стоит ли подойти к ней и попрощаться или просто развернуться и уйти. Впрочем, я не думала, что кто-нибудь заметит.

Решившись наконец, я развернулась уже у самой двери, чтобы напоследок окинуть взглядом вечеринку, и тут обнаружила, что они на меня смотрят. Оба, Итан и Сара. Она что-то нашептывала ему на ухо, деликатно прижав к губам сложенную трубочкой ладошку, а он улыбался и чуть кивал. Я почувствовала, что у меня сейчас сердце из груди выскочит, и опустила глаза на до сих пор зажатый в ладони пустой стаканчик, отчаянно желая, чтобы там нашелся еще глоточек — хотя бы для того, чтобы чем-то занять руки, а то болтаются как тряпки. Не успела я шевельнуться, как Итан уже направился ко мне, глядя прямо в глаза, словно, кроме меня, в комнате никого и не было. Что-то во всем этом заставило меня занервничать, но не так, как я обычно нервничала в присутствии мужчин — настороже, на грани. От него я

занервничала в хорошем смысле, в предвкушении. Ладонь сжала стаканчик с такой силой, что я услышала треск пластика. Когда он наконец до меня добрался, его могучая рука скользнула вдоль моей — кожи коснулась мягкая фланель его рубашки.

— Привет, — сказал Итан, широко улыбнувшись. Зубы такие белые, такие ровные... И запах — бывает, прохладная волна такого аромата обдает тебя, когда проходишь мимо двери магазина. Клевер и сандаловое дерево. Тогда я еще не знала, что это за аромат, но в ближайшую пару месяцев изучила очень хорошо. Как он неделями остается у тебя на подушке, когда тепло его тела давно ее покинуло. Как ты узнаешь его повсюду — там, где он побывал, там, где он не должен был побывать...

— Так вы, значит, с Сарой соседки? — спросил Итан, легонько меня подтолкнув. — А мы с ней в одной группе.

— Ага, — сказала я, кинув взгляд в сторону подруги, наполовину уже растворившейся в толпе, и мысленно извинилась перед ней за то, что автоматически заподозрила дурное. — Меня зовут Хлоя.

— А я Итан, — сказал он и вместо рукопожатия протянул в мою сторону полный стаканчик. Я приняла его, вставила в свой, уже опустевший, и отпила через сдвоенный краешек. — Сара сказала, ты в медицине?

— Психология, — ответила я. — Надеюсь следующей осенью начать магистратуру — а там, глядишь, и до диссертации дойдет.

— Ого, — воскликнул он, — вот это планы! Слушай, здесь что-то слишком громко — может, отыщем местечко поспокойней, поболтаем...

Помню, как у меня в тот момент все внутри упало: я поняла, что он такой же, как и остальные. И однако почувствовала, что не имею права его судить. Я и сама так поступала. Пользовалась людьми. Пользовалась их телами, чтобы ощущать себя не столь одинокой. Только в этот раз ощущение было иное. Это мной должны были воспользоваться.

— Я, собственно, уже уходить собираюсь...

— Так, что-то нехорошо прозвучало, — перебил меня Итан, вскинув руку. — Понимаю, парни, наверное, всегда так говорят. *Местечко поспокойней* — к примеру, мою спальню, да? Только я совсем не это имел в виду.

Он робко улыбнулся; я же прикусила губу, пытаюсь расшифровать, что же он в таком случае имел в виду. Итан никак не подходил мне по параметрам, не вписывался в испытанную на практике схему, позволявшую мне уже длительное время оставаться в безопасности как физически, так и эмоционально. Никуда-то он не вписывался со своей фотогеничной улыбкой и блондинистой прической, встрепанной, словно только что с пляжа. Предплечья как у античной статуи, притом чувство такое, что в спортзал ему ради этого даже и заглядывать не пришлось. Разговор с ним казался одновременно совершенно безопасным и крайне рискованным, словно ты пристегнулась к сиденью на «русских горках», защелкали цепи, тебя уже тянет вперед, сердце ушло в пятки, вот только обратной дороги нет.

— Может, здесь?

Итан махнул рукой в сторону замусоренной кухни — повсюду липкие стаканчики от прошлых вечеринок и пустые коробки из-под пива, дверь же кто-то аккуратно снял с петель и унес. Внутри, впрочем, никого. Достаточно тихо, чтобы разговаривать, достаточно света, чтобы не слишком переживать. Я кивнула и двинулась впереди него через забитый народом коридор туда, под сияние флуоресцентной лампы. Итан ухватил полотенце, быстро протер стойку и, усмехнувшись, похлопал по ней ладонью. Я подошла, уперлась поудобней руками, забросила себя вверх — и уселась на самом краешке, болтая ногами. Он присел рядом, легонько чокнулся со мной своим стаканчиком. Мы отпили по глотку, глядя друг на дружку поверх пластика.

И просидели там следующие четыре часа.

Глава 34

— Доктор Дэвис, будьте добры, ответьте на мой вопрос.

Я смотрю на детектива Томаса и моргаю, пытаюсь отогнать воспоминания. Я все еще чувствую, что ладони у меня липкие от разлитых некогда по стойке напитков, что от неподвижного многочасового сидения на твердом затекли ноги. Мы поглощены разговором. И совершенно забыли про мир за пределами неухоженной кухоньки. Шум вечеринки постепенно иссякает, и вдруг оказывается, что из гостей здесь остались лишь мы. Безмолвная прогулка по направлению к дому, палец Итана легонько сцеплен с моим, сквозь деревья сочится осенний ветер. Он довел меня до подъезда и подождал на углу, пока я не отопру дверь и не помашу на прощание рукой.

— ...Да, — говорю я наконец, чувствуя, как сдавливает горло. — Итана Уокера я знаю. Но, похоже, вам это уже и так известно.

— И что вы можете о нем рассказать?

— Мы встречались с ним в университете. Восемь месяцев.

— И отчего расстались?

— В университете, — повторяю я. — Ничего серьезного. Просто отношения не сложились.

— Мне это описали по-другому.

Я меряю его гневным взглядом, внутри все кипит от ненависти, я даже сама себя пугаюсь. Естественно, он все знает. Просто хочет от меня услышать.

— Может, расскажете мне, как все выглядело с вашей стороны? — предлагает детектив Томас. — Начните с самого начала.

Я вздыхаю и гляжу на часы над дверью кабинета. Через пятнадцать минут должен явиться первый из пациентов. Я свою версию событий уже добрую сотню раз рассказывала, детектив наверняка все это может отыскать в архивах участка; вероятней всего, там даже аудиозапись найдется, где я излагаю ровно то же самое, — но мне до невозможности хочется, чтобы он успел покинуть кабинет еще до начала приема.

— Как я уже сказала, мы с Итаном встречались восемь месяцев. Для меня это были первые серьезные отношения, мы быстро

сблизились. С учетом нашего юного возраста, даже слишком быстро. Он практически не вылезал из нашей квартиры, чуть ли не каждый вечер приходил. Но к началу лета, как раз перед каникулами, начал отдаляться. И как раз в это время исчезла Сара, моя соседка по квартире.

— Ее объявили в розыск?

— Нет, — отвечаю я. — Сара была вольной душой, способной на спонтанные поступки. Для нее было нормой внезапно сорваться куда-нибудь на выходные или прочее в таком же духе, но в тот раз мне что-то показалось неладным. Три дня от нее не было ни слуху ни духу, и я стала волноваться.

— Вполне естественно, — кивает детектив Томас. — Вы обращались в полицию?

— Нет, — отвечаю я еще раз, прекрасно понимая, как это звучит. — Не забывайте, дело было в две тысячи девятом. Это сейчас телефон и его владелец сделались единым целым, тогда же еще не успели. Я пыталась убедить себя, что она укатила куда-то без предупреждения, а мобильник взять забыла... и заметила, что Итан тоже странно себя ведет.

— В чем именно заключалась странность?

— Стоило мне упомянуть ее имя, и он явно чувствовал себя неловко. Что-то бормотал и менял тему. Его будто бы вообще не волновало, что она пропала, — он только высказывал какие-то неопределенные теории насчет того, где она могла бы быть. Мог произнести что-нибудь в духе: «Ну, каникулы же, родителей проведать поехала», — но стоило мне сказать, что я собираюсь позвонить им и проверить, он начинал меня убеждать, будто я преувеличиваю и вообще в чужие дела лезть не стоит. И я стала думать, что, судя по его поведению, он вообще не хочет, чтобы она нашлась.

Детектив Томас кивает. Я уже подозреваю, что он действительно слышал все это на аудиозаписи.

— Как-то раз я зашла к ней в спальню и принялась там шарить в надежде найти какую-то подсказку относительно того, куда она делась. Не знаю, записку или что-то в этом роде.

Воспоминание очень яркое — я тихонько, одним пальчиком приоткрываю дверь, слышу, как она скрипит. И осторожно ступаю внутрь, будто нарушаю тем самым некий неписанный закон. Будто она в

любой момент может ворваться в спальню и увидеть, как я копаюсь в ее белье или читаю ее дневник.

— Я приподняла одеяло и увидела на матрасе кровавое пятно, — продолжаю я. — Большое.

Я все еще отчетливо его вижу перед собой. Кровавое пятно. Кровь Сары. Пятно размером чуть ли не во всю нижнюю половину матраса, уже не яркое, но ржавое, будто выгоревшее. Помню, как я надавила на него рукой и почувствовала, как откуда-то из глубины сочится влага. На подушечках пальцев остались алые мазки, все еще мокрые. Все еще свежие.

— Понимаю, что это прозвучит странно, но я почувствовала на кровати... *запах* Итана, — говорю я. — Он у него очень заметный был.

— Хорошо, — говорит детектив. — Но уж тут-то вы обратились в полицию?

— Нет. Не обратилась. Понимаю, что следовало бы... — Тут я прерываюсь, заставляю себя собраться. Сейчас нужно как можно тщательней выбирать слова. — Прежде чем идти в полицию, я хотела наверняка убедиться, что случилось что-то плохое. Я только что перебралась в Батон-Руж, чтобы оставить позади свое прошлое, свое имя. Мне совершенно не хотелось, чтобы полиция снова вытащила все это наружу. Я едва начала чувствовать себя нормальной и не хотела терять это чувство.

Он снова кивает, теперь с осуждением во взгляде.

— Но я уже начала чувствовать, что с Итаном и Сарой получилось точно так же, как с Линой, которую я сама пригласила в дом и познакомила с отцом, — продолжаю я. — Это я дала Итану ключ от квартиры. Теперь Сара пропала, я чувствовала, что с ней что-то неладно, и раз уж в этом был замешан Итан, теперь я считала себя обязанной сделать все возможное, чтобы выяснить подробности. На мне вроде как лежала ответственность.

— Хорошо, — говорит Томас, — и что было дальше?

— Итан бросил меня на той же неделе. Ничто этого не предвещало. Я была ошеломлена, но поскольку все случилось одновременно с исчезновением Сары, я сочла это за доказательство. Того, что Итан что-то скрывает. Он сказал мне, что на несколько дней уедет из города, погостит у родителей, чтобы «во всем разобраться». И я решила залезть к нему домой.

Детектив Томас удивленно приподнимает брови, однако я заставляю себя продолжать, пока он снова меня не перебил.

— Я подумала, что смогу найти там улики, с которыми можно будет пойти в полицию, — говорю я, а перед глазами стоит шкатулка в отцовском шкафу, физическое воплощение неоспоримого доказательства. — После отцовских убийств я знала, что главное — улики, без них это просто подозрение, и ничего больше. Недостаточное ни для ареста, ни даже для обвинения как такового. Не знаю точно, что именно я рассчитывала обнаружить. Просто что-нибудь конкретное. Достаточное, чтобы понять, что я не схожу с ума.

Я чуть вздрагиваю от собственных же слов — *схожу с ума*.

— Ну, я влезла через окно, которое, как я знала, Итан никогда не закрывал, и принялась осматриваться. А вскоре услышала в спальне какой-то шум и поняла, что на самом деле он дома.

— И что вы обнаружили, войдя к нему в спальню?

— Он был там, — говорю я, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — И Сара тоже.

В тот момент — стоя в дверях спальни Итана, глядя на их с Сарой тела, сплетенные под грязными простынями, — я вспомнила, как они обнялись на той вечеринке, когда мы познакомились. Вспомнила, как она приставила ладонь трубочкой к губам, наклонилась к нему поближе и что-то прошептала. Итан и Сара действительно были одноклассниками — тут он не соврал. Но, как я выяснила впоследствии, этим дело не исчерпывалось. Они уже крутили друг с дружкой годом раньше, а через несколько месяцев после того, как мы начали встречаться, принялись снова — за моей спиной. Оказывается, насчет Сары я не ошибалась. Она действительно норовила забрать все, что мне хочется. Познакомить нас было частью ее плана — найти повод снова повертеться перед Итаном, потом воспользоваться случаем и отобрать его у меня, в очередной раз доказав, что она заслуживает этого больше, чем я.

— И как он отреагировал на ваше появление? На то, что вы вломились к нему в квартиру?

— Само собой, не лучшим образом. Начал на меня орать, утверждать, что он уже который месяц думал со мной расстаться, но я продолжала к нему липнуть. Я не хотела его слушать. Он обрисовал

все так, будто я вломилаь к нему, обезумев от ревности... и запросил ордер на запрет приближаться.

— А кровавое пятно на матрасе?

— Очевидно, Сара от него залетела, — отвечаю я, уже не чувствуя никаких эмоций. — Однако случился выкидыш. Она сильно расстроилась, но не хотела, чтобы об этом кто-то узнал. Начать с того, что она вообще не хотела, чтобы кто-то знал о беременности, и уж тем более что залетела она от молодого человека собственной соседки по квартире. Так что Сара на неделю спряталась у Итана, пытаясь как-то со всем справиться. Потому-то он и не хотел, чтобы я паниковала и звонила ее родителям — не говоря уж, боже упаси, про полицию.

Детектив Томас вздыхает, и я не могу не почувствовать себя круглой дурой, словно подросток, которого отчитывают за попытку использовать в качестве выпивки средство для полоскания рта. «Я не сержусь, но очень разочарован». Я жду, когда он что-то скажет, хоть что-нибудь, а Томас лишь продолжает смотреть на меня, сверля своим изучающим взглядом.

— И зачем вам понадобилось, чтобы я все это рассказывала? — спрашиваю я наконец, чувствуя, как постепенно возвращается прежнее раздражение. — Очевидно, вы все знали и так. Какое это имеет отношение к нынешним событиям?

— Я надеялся, что эти воспоминания помогут вам увидеть то, что вижу я, — отвечает детектив и делает еще один шаг в мою сторону. — Вам причиняли боль те, кого вы любили. Те, кому вы верили. Вы не умеете доверять мужчинам, уж это-то очевидно — да и кто станет винить вас в этом после того, что сделал ваш отец? Но из того, что вам неизвестно, где ваш молодой человек находится в любую отдельно взятую секунду, еще не следует, что он убийца. И вам пришлось в этом убедиться не самым приятным из способов.

Я чувствую, как у меня сдавливает горло, и тут же вспоминаю про Патрика — другого моего молодого человека (нет, *жениха*), против которого я тоже затеяла расследование. Про подозрения, все это время накапливавшиеся у меня в мозгу, про свои планы на выходные. Планы, которые по большому счету не слишком отличаются от того, чтобы залезть в окно к Итану. Вторжение в частную жизнь. Пресловутый нос в чужих делах. Взгляд сам собой прыгает на сумку у моих ног, собранную и застегнутую.

— А из того, что вы не доверяете Берту Родсу, тоже вовсе не следует, что он способен на убийство, — продолжает детектив. — Похоже, в вашем случае мы наблюдаем одну и ту же схему — вы влезаете в конфликт, не имеющий к вам отношения, в попытке раскрыть тайну и показать себя героиней. Я могу понять почему — вы были той героиней, что отправила за решетку собственного отца. Вы считаете все это своим долгом. Я пришел сюда, чтобы сказать вам: подобное нужно прекращать.

Я слышу это слово уже второй раз за неделю. В прошлый раз — от Купера, у себя на кухне, когда он увидел таблетки.

Понимаю, отчего ты это делаешь. Просто хочу, чтобы ты прекратила.

— Я никуда не влезаяю, — выговариваю я, впиваясь ногтями в собственные ладони. — Я не пытаюсь *быть героиней*, что бы вы под этим ни понимали. Я всего лишь хочу помочь. Дать вам подозреваемого.

— Ложные подозрения — куда хуже, чем их отсутствие, — говорит детектив Томас. — Мы потратили на него почти неделю. Неделю, которую могли потратить на кого-то другого. Я не то чтобы думаю, что у вас были дурные намерения — я как раз полагаю, что вы пытались сделать как лучше, — но, если вас интересует мое мнение, я посоветовал бы вам обратиться за помощью.

Умоляющий голос Купера. Хочу, чтобы ты обратилась за помощью.

— Я психолог, — говорю я, глядя ему прямо в глаза, готовая снова выплюнуть те же слова, что и Куперу; те же слова, которые я себе мысленно повторяю всю свою взрослую жизнь. — Я сама себе способна помочь.

В комнате повисает тишина; я чуть ли не различаю, как за дверью, прижавшись ухом к замочной скважине, дышит Мелисса. Разумеется, она слышала всю беседу. Как и пациент, вероятно, уже ожидающий в приемной. Могу представить, как она вытаращила глаза, когда детектив предложил ее работодателю «обратиться за помощью».

— Вернемся к заявлению Итана Уокера, которое он подал, чтобы получить ордер, когда вы вломились к нему в квартиру. В нем упоминается, что в университете вы злоупотребляли психотропными препаратами. Что позволяли себе смешивать диазепам с алкоголем.

— Я так больше не поступаю, — отвечаю я, чувствуя, как раскаляется ящик рядом с моей ногой.

В волосах обнаружены следы большой дозы диазепамы.

— Вы наверняка знаете, что эти лекарства способны давать серьезные побочные эффекты. Включая паранойю и потерю чувства реальности. Которую уже сложно отличать от фантазий.

Иногда становится нелегко понять, где реальность, а где нет.

— Мне никакие лекарства не выписывали, — возражаю я, тем более что формально так оно и есть. — Я не параноик, не утратила чувства реальности. Я всего лишь хочу помочь.

— Хорошо, — детектив Томас кивает. Я вижу, что он сочувствует мне, жалеет меня, а это означает, что уже никогда не примет мои слова всерьез. Я даже не думала, что можно чувствовать себя более одинокой, чем до сих пор, однако вот чувствую. Абсолютное одиночество. — Хорошо. Думается, с этим мы закончили.

— Я тоже так думаю.

— Спасибо, что уделили мне время, — говорит он и направляется к двери. Берется за ручку, потом, поколебавшись, снова оборачивается. — И вот еще что.

Я молча приподнимаю брови, приглашая его продолжать.

— Если мы еще раз увидим вас на месте преступления, нам придется прибегнуть к дисциплинарным мерам. Подмена улик уголовно наказуема.

— Что? — переспрашиваю я в совершенном изумлении. — О какой еще подмене...

Я осекаюсь на полуслове, понимая, что он имеет в виду. «Кипарисовое кладбище». Сережка Обри. Полицейский забирает ее у меня из рук.

Вы кажетесь мне знакомой, но я не могу вспомнить, откуда. Мы с вами раньше не встречались?

— Дойл понял, что видел вас там, где нашли Обри Гравино, в ту же минуту, как мы вошли к вам в кабинет. Мы ждали, что вы нам об этом скажете. Упомянете, что были там. Слишком уж это серьезное совпадение.

Я только сглатываю комочек, поскольку совершенно ошарашена.

— Вы так и не сказали. Поэтому, когда явились в участок, сообщив, что «кое-что вспомнили», я решил, что речь об этом и

пойдет, — продолжает Томас, переминаясь с ноги на ногу. — Вместо этого вы предъявили теорию насчет подражателя. Украденные украшения. Берт Родс. Вот только вы сказали, что эта теория возникла у вас, когда вы увидели тело Лэйси. Чего я никак не мог уложить в голове, учитывая, что случилось это уже *после* того, как Дойл видел у вас в руках сережку Обри. Концы с концами не сходились.

Я вспоминаю, как детектив Томас смотрел на меня в тот день у себя в кабинете. С неловкостью. С недоверием.

— Как ко мне могла попасть сережка Обри? — спрашиваю его я. — Если вы на самом деле думаете, что я могла ее туда *подбросить*, вы, стало быть, полагаете...

Я замолкаю, не в силах произнести следующих слов. Не может же он и вправду думать, что я во всем этом как-то завязана... или может?

— Теории имеют самые разные. — Он ковыряет в зубах мизинцем, потом внимательно его изучает. — Могу, впрочем, сообщить, что ее ДНК на сережке не было. Вообще. Только ваша.

— Что вы сейчас хотите сказать?

— Я хочу сказать, что у нас нет надежного способа установить, почему и как эта сережка там оказалась. Но если во всем и есть связующая нить, то это — вы. Так что постарайтесь не навлекать на себя дополнительные подозрения.

Тут я понимаю, что даже если и смогу отыскать спрятанную у себя дома цепочку Обри, полиция мне не поверит. Они явно решат, что я подбрасываю улики, чтобы направить их в определенном направлении — в отчаянной попытке обосновать свою очередную беспочвенную идею, обвинить очередного мужчину, не оправдавшего моего доверия. Или, хуже того, придут к выводу, что я *замешана* в преступлениях. Последняя, кто видел Лэйси живой. Первая, кто нашел сережку Обри. Живой носитель ДНК Дика Дэвиса. Отродье чудовища.

— Ладно, — говорю я. Спорить тут бессмысленно. Объяснить все равно не получится.

Детектив Томас, удовлетворенный моим ответом, разворачивается и исчезает за дверью кабинета.

Глава 35

Остаток утра проходит в каком-то тумане. Я принимаю троих пациентов, одного за другим, и не помню никаких подробностей. Впервые за все время я благодарна иконкам на рабочем столе — к записям можно будет вернуться и переслушать их, когда посторонние мысли уйдут и я снова смогу сосредоточиться. Хотя и побаиваюсь, представляя себе лишённое эмоций бормотание, которое наверняка услышу на месте собственных реплик: безучастные «хм-м-м» там, где следует быть конкретным вопросом. И длинные, затянувшиеся паузы, которые требовались, чтобы мой взгляд сфокусировался и я вспомнила, где нахожусь и чем занята. Когда детектив Томас вышел, первая пациентка уже сидела в приемной. Помню выражение ее лица, когда я наконец заставила себя отлипнуть от кресла и сама туда вышла, как ее глаза метались между мной и дверью офиса, словно она не могла решиться, заходить ли ей ко мне в кабинет или просто встать и уйти.

Из-за стола я поднимаюсь в 12:02, чтобы не выглядело, будто я тороплюсь. Беру сумку, выключаю компьютер, потом открываю ящик стола и окунаю пальцы в лекарственное море. Смотрю на диазепам в уголке, но отвожу взгляд, на всякий случай прихватываю вместо него пузырек «Ксанакса», закрываю стол на ключ и устремляюсь мимо Мелиссы, торопливо инструктируя ее, чтобы не забыла запереть офис, уходя.

— Вы в понедельник вернетесь? — уточняет она, поднимаясь с места.

— Да, в понедельник. — Я оборачиваюсь и пытаюсь изобразить улыбку. — Покупки перед свадьбой. И все прочее, с чем нужно разделаться.

— Верно, — говорит она, внимательно в меня вглядываясь. — В Новом Орлеане. Как вы и сказали.

— Верно, — соглашаюсь я и пытаюсь сообразить, что бы сейчас добавить еще, что-нибудь обыденное, — но пауза, неловкая и неудобная, лишь затягивается. — Ну, если больше ничего...

— Хлоя, — говорит она, ковыряя заусенец на пальце. В офисе Мелисса никогда не обращается ко мне по имени, она очень четко разделяет личное и профессиональное. Сейчас же, очевидно, хочет сказать нечто явно личное. — Хлоя, все в порядке? Что с тобой происходит?

— Ничего, — улыбаюсь я опять. — Ничего особенного, Мелисса. Подумаешь, пациентку убили да свадьба через месяц...

Пытаюсь рассмеяться над собственной жалкой попыткой пошутить, но горло не повинуется. Так что я кашляю. Мелисса не улыбается.

— У меня правда в последнее время сильный стресс, — говорю. Похоже, впервые за долгий срок я действительно сказала ей правду. — Нужно передохнуть. Для душевного здоровья нужно.

— Хорошо, — произносит она неуверенно. — А тот детектив?

— У него возникли дополнительные вопросы по делу Лэйси, только и всего. Я ведь последняя, кто видел ее живой. Но если я до сих пор основной свидетель, похоже, дела у полиции не очень.

— Хорошо, — говорит она снова, уже несколько уверенней. — Ну, счастливо тебе отдохнуть. Надеюсь, к понедельнику вернешься веселой и бодрой.

Я иду к машине, кидаю сумку на пассажирское сиденье, словно ненужную рекламу из почтового ящика, сажусь на водительское, завожу двигатель. Потом достаю телефон, открываю список контактов и вбиваю короткое сообщение.

Еду.

До мотеля недалеко, от офиса примерно сорок пять минут. Номер я зарезервировала еще в понедельник, сразу после того как велела Мелиссе отменить приемы. Выбрала в «Гугле» самый дешевый из тех, у которого рейтинг хотя бы три звезды, — платить я собиралась наличными, да и проводить много времени в комнате вряд ли придется. Заезжаю на парковку, вхожу в вестибюль, забираю у портье ключ, стараясь избежать обычного в таких случаях треп.

— Номер двенадцать. — Он протягивает мне ключ, я хватаю его и неуверенно улыбаюсь, словно в чем-то провинилась. — Повезло вам, холодильник со льдом совсем рядом.

Открывая дверь, я чувствую, как в кармане вибрирует телефон. Выудив его оттуда, читаю сообщение — «Я приехал», — посылаю в

ответ номер комнаты, бросаю сумку на единственную внутри двуспальную кровать. Потом осматриваюсь вокруг.

Блеклое флуоресцентное освещение — такое только в придорожных мотелях и встретишь. Попытки украсить комнату придают ей даже более грустный вид: над кроватью криво висит стандартное фото с изображением пляжа, заботливо уложенная на подушку шоколадка теплая и чуть расползается под пальцами. Смотрю на прикроватную тумбочку, выдвигаю ящик. Внутри — Библия без обложки. Зайдя в ванную, я плещу себе в лицо водой, потом завязываю волосы над головой в узел. В дверь стучат, я медленно выдыхаю и еще разок украдкой гляжу на себя в зеркале, стараясь не замечать особенно заметные в резком свете мешки под глазами. Наконец заставляю себя щелкнуть выключателем и подойти к двери; снаружи за задернутыми шторами уже маячит силуэт. Я твердо берусь за ручку и распахиваю дверь.

На тротуаре, глубоко засунув руки в карманы, стоит Аарон. Ему явно неудобно, и я не могу его за то винить. Пытаюсь улыбнуться, чтобы чуть поднять ему настроение, отвлечь внимание от того обстоятельства, что у нас назначена встреча в комнате неприметного мотеля на задворках Батон-Ружа. Я не сказала Аарону, зачем ему нужно быть здесь, что мы собираемся делать. Не сказала, почему не могу заночевать в своем собственном доме, до которого отсюда меньше часа езды. Все, что я сказала ему в понедельник, — у меня есть след, который он не захочет упустить. Но чтобы идти по этому следу, мне потребуется его помощь.

— Привет, — говорю я и прислоняюсь к косяку. Под моим весом тот издает натушный стон, так что я выпрямляюсь, скрестив вместо того руки на груди. — Спасибо, что приехали. Я сейчас, только сумочку возьму.

Жестом я приглашаю его войти, что Аарон и делает, неуверенно переступая через порог. Осматривается вокруг — мое новое жилище его явно не впечатлило. С прошлых выходных, когда я попросила его разузнать про Берта Родса, мы почти не разговаривали, и у меня такое чувство, что это было вечность назад. Он ничего не знает про мою встречу с Бертом, про поездку в полицейский участок и про то, как впоследствии детектив Томас угрожал мне, чтобы я не совалась в расследование, — чем я, если подумать, сейчас и занимаюсь. Он также

понятия не имеет, что мои подозрения переключились с Берта Родса на собственного жениха и что его помощь требуется мне для подтверждения этой теории.

— Как движется статья? — спрашиваю я, тем более что мне и в самом деле интересно, не накопал ли он больше моего.

— Редактор дал мне время до конца недели, чтобы я хоть что-нибудь обнаружил, — говорит Аарон, присаживаясь на уголок матраса, кровать скрипит. — В противном случае я могу собирать чемодан и возвращаться.

— С пустыми руками?

— Именно.

— Но вы ведь не зря сюда ехали? Как там ваша теория? Насчет подражателя.

Аарон пожимает плечами.

— Я все еще думаю, что она верна, — говорит он, ковыряя пальцем шов на одеяле. — Но прогресса, откровенно говоря, никакого.

— Возможно, я смогу вам помочь.

Подойдя к кровати, усаживаюсь рядом; просевший матрас придвигает нас ближе друг к другу.

— Каким именно образом? Ваш таинственный след поможет?

Я смотрю на собственные руки. Слова для ответа нужно подбирать со всей тщательностью, сообщая Аарону только то, что ему следует знать.

— Мы собираемся побеседовать с одной женщиной по имени Диана, — говорю я. — Ее дочь — юная, симпатичная старшеклассница — пропала примерно тогда же, когда совершал свои преступления мой отец. Ее тело так и не нашли, как и тела его жертв.

— В ее убийстве ваш отец не признавался? Только в тех шести?

— Нет, не признавался, — отвечаю я. — И украшений ее в шкатулке тоже не было. В схему она не слишком укладывается... но раз ее похитителя так и не нашли, вероятно, тут есть чем заняться. Понимаете, мне подумалось, что, быть может, *он* и есть подражатель. Кем бы он там ни был. Быть может, стал имитировать отца куда раньше, чем мы решили, — возможно, даже прежде, чем его поймали. Потом на какое-то время затаился, а теперь, в двадцатую годовщину, снова вылез из мрака наружу.

Аарон смотрит на меня, и я уже думаю, что он сейчас вскочит и ринется за дверь, возмущенный, что я притащила его сюда ради такой дурацкой версии. Он, однако, хлопает себя по ляжкам, громко выдыхает и только потом поднимается с просевшей кровати.

— Ну, хорошо. — Подает мне руку, чтобы помочь встать. Я не уверена, купился ли Аарон на мою историю, или настолько уже потерял всяческую надежду, что готов слепо двигаться за мной по подобному следу, или просто согласился, чтобы сделать мне приятное. В любом случае я ему благодарна. — Едем к Диане.

Глава 36

Аарон за рулем, а я слежу за навигатором телефона, который заводит нас все глубже в район, где модульные дома среднего класса постепенно сменяются развалюхами, и на Батон-Руж-то не похожими. Изменения столь медленные, что почти не бросаются в глаза. Вот я смотрю в окно и вижу плещущегося в надувном бассейне малыша; его мать со стаканом лимонада в руке тоже опустила ноги в воду, не отрываясь от телефона, — а минуту спустя за окном скелетоподобная женщина толкает перед собой магазинную тележку, наполненную мусорными мешками и пивом. Дома вокруг начинают буквально рассыпаться на части — окна заколочены, краска облезла, — и мы сворачиваем в длинный немощный проезд. Увидев наконец двухэтажный дом, к пластиковой обшивке которого приколочена табличка с номером 275, я даю Аарону знак остановиться.

— Приехали, — говорю, отстегивая ремень. Бросаю на себя еще один взгляд в зеркале заднего вида — мое лицо полускрыто большими очками для чтения, я надела их в мотеле перед выходом. Очки, используемые для маскировки, — есть в этом что-то карикатурное. Словно в плохом кино. Не думаю, что Диана когда-либо видела мое фото, но полной уверенности у меня нет. Поэтому я и решила изменить внешность — а еще рассчитываю, что говорить в основном будет Аарон.

— Хорошо, давайте еще раз: какой у нас план?

— Стучим в дверь, говорим, что занимаемся убийствами Обри Гравино и Лэйси Деклер, — повторяю я. — Можете помахать перед ней своим документом. Надо, чтобы все выглядело официально.

— Хорошо.

— Говорим ей, что знаем — ее дочь пропала двадцать лет назад, похитителя так и не нашли. Не может ли она нам что-нибудь рассказать о деле своей дочери?

Аарон без дальнейших вопросов кивает, достает с заднего сиденья компьютерную сумку и кладет себе на колени. Похоже, он нервничает, но явно не хочет, чтобы я это заметила.

— А вы?

— А я — ваша коллега, — говорю я, выхожу из машины и захлопываю за собой дверцу.

Иду к дому; воздух вокруг пропитан табачным дымом. Запах не производит впечатления свежего, как если бы кто-то недавно выходил на крылечко выкурить сигаретку перед обедом. Запах здесь глубоко укоренен, он словно испускается через равные промежутки времени автоматическим освежителем воздуха; устойчивый аромат, который впитывается в одежду и никогда до конца не выветривается. Я слышу, как Аарон сзади тоже закрывает дверцу и спешит за мной. Мы поднимаемся на крыльцо. Я оборачиваюсь к нему, чуть приподняв брови, словно спрашивая: «Вы готовы?» Аарон кивает, легонько наклонив голову, потом дважды стучит в дверь кулаком.

— Кто там?

Наружу из дома вырывается женский голос, визгливый и скрипучий. Аарон смотрит на меня; теперь уже я поднимаю кулак и бью им в дверь. Я еще не успеваю опустить руку, как дверь распаивается. Пожилого вида женщина сердито смотрит на нас из-за сетки от насекомых. В сетке застряла дохлая муха.

— Чего? — спрашивает она. — Вы кто такие? Чего нужно?

— Меня зовут... э-э, Аарон Дженсен. Я журналист, пишу для «Нью-Йорк таймс». — Аарон опускает глаза и тычет пальцем в приколотую к воротнику рубашки пресс-карту. — Позвольте задать вам несколько вопросов?

— Какой еще журналист? — Взгляд женщины от Аарона перебегает ко мне. На секунду задерживается; она морщит лоб, справа от носа у нее темно-синее пятно. Глаза желтые и желеобразные, консистенции бытового пятновыводителя, словно никотин ей даже слезные протоки успел забить. — Из газеты, говорите?

На какой-то момент меня охватывает ужас — она меня узнала. Она знает, кто я. Однако ее взгляд почти сразу же снова перескакивает с моих глаз на Аарона, она щурится на его пресс-карту.

— Да, мэм, — отвечает он. — Я пишу статью об убийствах Обри Гравино и Лэйси Деклер, и мое внимание привлекло то обстоятельство, что и вы двадцать лет назад потеряли дочь. Которая исчезла и не вернулась.

Я рассматриваю женщину, ее лицо, измученное, словно она никому в целом свете не доверяет. Окидываю ее взглядом с головы до

ног, вижу грязную мешковатую одежду; на рукавах — проеденные молью микроскопические дырочки. Пальцы толстые и искривлены артритом, словно небольшие морковки; предплечья покрыты красными и фиолетовыми ссадинами. Я почти что угадываю в них отпечатки пальцев и тут понимаю, что пятно у нее под глазом — никакое не пятно, а синяк. Откашливаюсь, отвлекая ее внимание от Аарона к себе.

— Мы очень хотели бы расспросить вас, — говорю я ей. — Про вашу дочь. Выяснить, что с ней случилось, так же важно, как и выяснить, что случилось с Обри и Лэйси, пусть даже с тех пор прошло много лет. И мы надеялись... я надеялась, что вы сможете нам помочь.

Женщина снова смотрит на меня, потом бросает взгляд через плечо и вздыхает — кажется, обреченно.

— Ладно. — Она распахивает раму с сеткой и делает нам знак проходить. — Только постарайтесь побыстрее. Надо будет закончить, пока муж не вернулся.

Мы проходим внутрь, и царящая там грязь обрушивается на все мои органы чувств одновременно. Повсюду, в углу каждой комнаты, — кучи мусора. На полу — целые башни из бумажных тарелок с присохшей к ним едой; вокруг пакетов из фастфуда, заляпанных жиром и кетчупом, вьются мухи. На краю дивана расположилась облезлая кошка, шерсть у нее драная и влажная. Женщина сбрасывает кошку с дивана, и та с мявом удирает через комнату.

— Садитесь, — говорит женщина, указывая туда.

Мы с Аароном быстро переглядываемся, прежде чем снова уставить на диван в попытке разглядеть под журналами и грязной одеждой достаточно обивки. Я в конце концов решаю садиться как есть; бумага под моим весом неестественно громко хрустит. Хозяйка же усаживается на кушетку рядом с журнальным столиком, берет с него пачку сигарет — такие пачки в комнате повсюду, разбросаны на каждой поверхности, как в иных домах очки, — и вытягивает оттуда одну тонкими влажными губами. Взяв зажигалку, подносит сигарету к огню, глубоко затягивается и выпускает в нашу сторону струю дыма.

— Так что вам рассказать-то нужно?

Аарон достает из сумки блокнот, листает его, пока не находит чистую страницу, несколько раз щелкает ручкой себе по ноге.

— Давайте, Диана, вы сперва назовете мне свое имя полностью, я его запишу. А потом перейдем к исчезновению вашей дочери.

— Ладно. — Вздохнув, женщина втягивает в себя очередное облако дыма. Когда она выдыхает, ее взгляд устремляется куда-то вдаль, в сторону окна. — Меня зовут Диана Бриггс. Моя дочь Софи пропала двадцать лет тому назад.

Глава 37

— Что вы можете рассказать нам про Софи?

Диана бросает в мою сторону такой взгляд, словно успела напрочь позабыть о моем существовании. Как-то неправильно, что с возможной будущей свекровью приходится знакомиться подобным образом. Она явно понятия не имеет, кто я такая, и если мне удастся избежать вопросов о своем имени, то и хорошо. «Фейсбука» у меня больше нет, так что свои фото я в интернете не размещаю — собственно, даже будь они там, Патрик все равно с родителями не общается. На свадьбу они не приглашены. Да и знает ли она про свадьбу?

Какое-то время она, кажется, размышляет над вопросом, словно успела позабыть ответ; тянется рукой к пергаментной коже на другой руке, чешет ее.

— Что я могу рассказать о Софи? — Наконец делает последнюю затяжку и тушит сигарету о деревянный столик. — Она была замечательной девочкой. Умница, красавица. Просто красавица. Да вот, посмотрите!

Диана показывает на единственное изображение на стене, вставленный в рамку портрет; на нем — улыбающаяся девочка в школьной форме с бледной кожей и волнистыми светлыми волосами. Задник ярко-голубой — вероятно, вода бассейна. Мне кажется странным, что на стене один лишь школьный портрет и ничего больше. Выглядит неестественно, словно декорация для некоего печального святилища. То ли в семье Бриггсов не любили фотографировать, то ли не нашли, что запечатлеть на память. Я оглядываюсь по сторонам в поисках изображений Патрика, но ничего не вижу.

— Я возлагала на нее большие надежды. Ну, пока она не пропала...

— Какие именно надежды?

— Да просто чтобы она отсюда выбралась, — отвечает Диана, обводя рукой комнату. — Она заслуживала лучшего, чем это. Лучшего, чем мы.

— Мы — это кто? — уточняет Аарон, уперев в щеку кончик ручки. — Вы с мужем?

— Я, муж, наш сын... Я, знаете ли, всегда думала, что она как раз отсюда и выберется. Чего-нибудь для себя добьется.

При упоминании Патрика у меня проваливается сердце. Я пытаюсь представить себе, как он тут рос, погребенный под слоями табачного дыма и кучами мусора. Я понимаю, как ошибалась насчет него. Его прекрасные зубы, гладкая кожа, дорогое образование и высокооплачиваемая работа. Я все время думала, что все это — благодаря его воспитанию, его привилегированному происхождению. Что внутренне он куда выше меня, *ущербной Хлои*. Но это не так, не выше он. Патрик тоже ущербный.

Он тебя не знает, Хлоя. А ты — его.

Неудивительно, что Патрик столько внимания уделяет гигиене, безупречному внешнему виду. Он ведь изо всех сил старается стать *этому* полной противоположностью.

Или же — скрыть, что представляет собой на самом деле.

— Расскажите про своих мужа и сына.

— Мужа зовут Эрл. И характер у него еще тот, как вы наверняка уже заметили. — Она смотрит на меня и чуть усмехается, словно в отношении к мужчинам между нами наличествует не нуждающаяся в словах общность. В отношении к их поступкам. *Таким мужским*. Я стараюсь отводить взгляд от синяка у нее под глазом, но эта женщина вовсе не глупа. И успела заметить, куда я смотрю. — Что до сына... ну, теперь-то я мало что про него слышу. Хотя всегда подозревала, что яблочко от яблони недалеко падает.

Мы с Аароном переглядываемся, и я киваю ему, чтобы он продолжал.

— Что вы имеете в виду?

— Да что у него тоже характерец.

Я вспоминаю руку Патрика у себя на запястье и как он его сжимал.

— Было время, он меня от папашки своего защищать пытался, чуть не в драку лез, когда тот ночью пьяным заявлялся, — продолжает она. — Потом подрос, и не знаю, что с ним сделалось. Даже и пытаться перестала, — дескать, будь что будет. Я так думаю, он совсем душой загрузел. Наверное, это я виновата.

— Хорошо. — Аарон кивает, что-то царапая в блокноте. — А как ваш сын... к слову сказать, как его зовут?

— Патрик, — отвечает она. — Патрик Бриггс.

Желудок мне сводит судорогой, я принимаюсь копаться в памяти, соображая, называла ли когда-либо Аарону полное имя Патрика. Вроде бы нет. Я скашиваю глаза в его сторону — наморщив от усердия лоб, он записывает имя себе в блокнот. Похоже, не сообразил.

— Так я хотел спросить, а как Патрик отреагировал на исчезновение Софи?

— Если честно, ему, похоже, было наплевать. — Диана снова лезет в пачку за сигаретой, закуривает. — Знаю, *как мать* я не должна бы такого говорить, но это правда. В глубине души я не перестаю думать...

Она умолкает, глядит вдаль, чуть качает головой.

— Думать что? — спрашиваю я.

Диана выходит из транса, смотрит на меня. Взгляд пристальный, и я на какую-то секунду уверяюсь, что она знает, кто я. Что обращается сейчас ко *мне*, Хлое Дэвис, невесте своего сына. Что пытается меня предупредить.

— Думать, не имел ли он к тому отношения.

— Отчего вы так решили? — Тон Аарона с каждым вопросом делается настойчивей. И пишет он все быстрее, стараясь зафиксировать каждую подробность. — Это довольно серьезное обвинение.

— Даже не знаю, просто чувство такое... Материнский инстинкт, что ли. Когда Софи только пропала, я спросила Патрика, может, он знает, куда она делась, а я ведь чувствую, когда он мне врет. Что-то он тогда скрывал. И еще мы телевизор иногда смотрим, в новостях про ее исчезновение говорят, а я вижу — он улыбается... нет, *усмехается* даже, будто секрет знает какой-то, а все остальные — нет.

Я чувствую, что Аарон на меня смотрит, однако игнорирую его, не отводя глаз от Дианы.

— А где сейчас Патрик?

— Хер его знает, — говорит Диана, откидываясь на спинку кушетки. — Съехал из дому в тот же день, как школу окончил, и с тех пор я о нем не слыхала.

— Не возражаете, если мы здесь немного осмотримся? — спрашиваю я, поскольку мне вдруг хочется прервать эту беседу, пока Аарон не успел раскопать лишнего. — Может, в комнату к Патрику заглянем? Вдруг увидим там что-нибудь, что направит нас в нужную сторону...

Она машет рукой в сторону лестницы.

— Да на здоровье. Я то же самое двадцать лет назад полиции рассказывала, ничего с того не вышло. Сказали, такое никакому школьнику не проверить.

Я встаю, перешагиваю через всевозможные препятствия в гостиной, повыше поднимая ноги, и направляюсь к лестнице по грязному, испещренному пятнами бежевому ковру.

— Первая дверь направо! — кричит Диана мне в спину, пока я осторожно ступаю по ступенькам. — Я туда тыщу лет не заходила.

Поднявшись наверх, я смотрю на закрытую дверь. Ладонь нашаривает дверную ручку, я поворачиваю ее, и взгляду открывается комната подростка. В потоке солнечного света из окна видны плавающие в воздухе пылинки.

— К Софи тоже, — продолжает Диана, голос доносится издалека. Я слышу, что Аарон поднялся с дивана и направляется следом за мной. — Незачем мне больше туда заходить. Честно сказать, вообще не знаю, что с теми спальнями теперь делать.

Я ступаю внутрь, надув щеки и затаив дыхание, словно переступающий через трещину в тротуаре ребенок с его детскими суевериями. Словно, если дышать, случится что-то плохое. Это — спальня Патрика. На стене плакаты с рок-группами девяностых вроде «Нирваны», края у них уже начали трескаться. Матрас на полу, на нем скомканное сине-зеленое клетчатое одеяло, будто он только что проснулся и вышел из комнаты. Я пытаюсь представить себе, как Патрик лежит в постели и слышит — отец вернулся домой, пьяный и неуправляемый. Злой. Громкий. Представляю себе крики, громыхание посуды, звук, с которым об стену ударяется тело. Представляю себе, как он неподвижно лежит и слушает. И улыбается. *Душой загрубел.*

— Нам, наверное, лучше уйти, — шепчет Аарон у меня за спиной. — Все, что было нужно, мы узнали.

Я брожу по комнате, впитывая в себя это место из прошлого Патрика. Веду пальцами вдоль стены и натываюсь на полку,

заставленную рядами пыльных книг с пожелтевшими страницами; там же пара карточных колод и старая бейсбольная ловушка с мячом в ней. Глаза пробегают по названиям — Стивен Кинг, Лоис Лоури, Майкл Крайтон. Все такое типичное для подростка, такое нормальное...

— Хлоя, — говорит Аарон, но мне вдруг словно уши ватой заткнули. Я его почти не слышу за шумом своей собственной крови. Протягиваю руку, беру книгу, вытягиваю из ее уютного гнездышка. В памяти звучит голос Патрика в день нашей первой встречи. В день, когда он достал из моей коробки эту самую книгу и провел по обложке пальцами, в глазах его что-то блеснуло. Когда он держал в руках мой собственный экземпляр «Полночи в саду Добра и Зла».

Я это не в укор, сказал он тогда, перелистывая страницы. Я сам эту книгу обожаю.

Я сдуваю с обложки пыль и гляжу на знаменитую статую юной невинной девушки; ее голова чуть склонена набок, словно она спрашивает меня: «Зачем?» Провожу пальцами по глянцевой обложке, как и он тогда. Потом поворачиваю книгу и вижу между страницами щель, такую же, как осталась в моей, когда он вложил внутрь свою визитку.

Интересуетесь убийствами?

— Хлоя, — повторяет Аарон, но я не обращаю внимания. Вместо этого, глубоко вздохнув, вставляю в щель ноготь и раскрываю книгу. Гляжу в нее, вижу имя и чувствую, что грудь свело точно так же, как в прошлый раз. Только это не имя Патрика. И не визитка. Это стопка старых газетных вырезок — за двадцать лет, проведенных между страницами, они сделались совсем плоскими. Руки трясутся, но я заставляю себя взять их. И прочитать первый же тянувшийся через всю страницу жирным шрифтом заголовок.

ИМЯ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ ИЗ БРО-БРИДЖА —
РИЧАРД ДЭВИС. ТЕЛА ТАК И НЕ ОБНАРУЖЕНЫ

Из газеты на меня смотрит отец.

Глава 38

— Что это, Хлоя?

Голос Аарона доносится откуда-то издалека, словно с другого конца тоннеля. Я не могу оторвать взгляда от глаз отца. От глаз, в которые я последний раз смотрела еще маленькой девочкой, двенадцатилетней, сидя на корточках в гостиной и вглядываясь в зернистое телевизионное изображение. В этот миг я вспоминаю вечер, когда рассказала Патрику про отца. На лице у него печать заботы, он внимательно слушает, а я излагаю отцовские преступления во всех их суровых подробностях. Патрик качает головой и говорит, что ничего об этом не слышал, даже не подозревал подобного.

Он мне тогда врал. От начала и до конца. Он знал про моего отца. Знал про его преступления. Статья со всеми подробностями хранилась в спальне, где он провел детство, между страниц книги, вместо закладки. Он все знал про то, как отец похищал девочек и прятал их тела в потайном месте, которое так и не удалось отыскать.

Сделал ли Патрик нечто подобное, нечто ужасное, с собственной сестрой? Вдохновлялся ли он тогда примером моего отца? А сейчас?

— Хлоя?

Я поднимаю на Аарона полные слез глаза. И вдруг осознаю, что раз Патрик знал про отца, то и про меня, получается, тоже? Думаю про нашу встречу в больнице — судьбоносное это совпадение или результат тщательного планирования, правильно выбранных места и времени? Что я там работала, ни для кого не секрет; пресловутая газетная статья тому доказательство. Я думаю про то, как он смотрел на меня, будто уже видел раньше. Как его глаза изучали мое лицо, словно выискивая знакомые черты. Как он сунул голову в коробку с моим барахлом, как по его лицу скользнула улыбка, когда он услышал мое имя. Как он якобы немедленно в меня после этого влюбился, гладко вошел в мою жизнь — столь же гладко, сколь проскальзывал в любые другие знакомства и ситуации.

Просто не могу поверить, что сейчас сижу здесь. Рядом с вами.

Было ли все это частью его плана? Была ли я частью плана? *Ущербная Хлоя*, еще одна ничего не подозревающая жертва...

— Нам нужно идти, — говорю я, трясущимися руками складываю вырезку и сую себе в карман. — Нам... мне нужно идти.

Быстро обхожу Аарона, сбегая вниз по лестнице и подхожу к матери Патрика, которая так и сидит в гостиной с отсутствующим выражением лица. Увидев, что мы спустились, она поднимает взгляд и чуть улыбается.

— Нашли что-нибудь?

Я трясую головой, неотрывно чувствуя сбоку у себя на лице исполненный подозрений взгляд Аарона. Она легонько кивает, будто иного не ожидала.

— Я так и думала.

Разочарование в ее голосе, несмотря на все прошедшие годы, вполне ощутимо. Я-то понимаю, каково это: все время подозревать, не в силах ни о чем забыть. И одновременно не желая себе признаться, что все еще надеешься — настанет тот день, когда ты узнаешь правду. Все поймешь. И в конце концов окажется, что ожидание того стоило. Я вдруг чувствую, как сильно меня тянет к этой практически незнакомой женщине. Я понимаю, что между нами есть связь. Такая же, как между мной и мамой. Мы с ней любим одного человека, одно чудовище. Я подхожу к кушетке, присаживаюсь на самый краешек. Накрываю ладонь Дианы своей.

— Спасибо, что нашли возможность с нами поговорить, — говорю я, чуть сжимая пальцы. — Знаю, вам было нелегко.

Она кивает, опускает взгляд на мою руку. Голова ее медленно отклоняется вбок, словно она что-то внимательно изучает. Потом вдруг разворачивает ладонь, хватает мою, притягивает ближе.

— Откуда это у вас?

Я тоже смотрю вниз и вижу, что на пальце у меня блестит кольцо, фамильная драгоценность Патрика. Меня охватывает паника, а она подносит мою ладонь прямо к глазам, вглядывается.

— Откуда у вас это кольцо? — спрашивает она снова, теперь уже глядя мне прямо в глаза. — Это — кольцо Софи!

— Ч-ч-что? — с трудом выдавливаю я, пытаюсь забрать у нее руку. Но она держит цепко и не собирается отпускать. — Прошу прощения, что значит — *кольцо Софи*?

— Это кольцо моей дочери, — повторяет она снова, уже громче, снова буравя его взглядом. Овальным бриллиант, окруженный

камешками помельче, дымчатое золото 583-й пробы, на моем тощем костлявом пальце оно слегка болтается. — Кольцо у нас в семье с незапамятных пор. Мне его подарили на обручение, а когда Софи исполнилось тринадцать, я отдала его ей. Она его не снимала. Оно было на ней, когда... — Диана смотрит на меня, в ужасе вытаращив глаза. — Когда она исчезла.

Я вырываю у нее свою руку и встаю.

— Прошу прощения, нам пора идти. — Прохожу мимо Аарона, распахиваю раму с сеткой от насекомых. — Аарон, за мной.

— Кто вы такие? — кричит женщина нам в спину, от потрясения не в силах подняться с кушетки. — *Кто вы такие?*

Я выбегаю наружу, слетаю вниз по крыльцу. Голова кружится, я словно пьяная. Как же это я кольцо-то забыла снять? Как *можно* было забыть? Подбежав к машине, я дергаю ручку дверцы. Она не поддается. Машина заперта.

— Аарон! — кричу я. Звучит глуховато, словно горло мне сдавили невидимые руки. — Аарон, откройте машину!

— *КТО ВЫ ТАКИЕ?* — кричит женщина сзади. Я слышу, что она уже вскочила с кушетки и бежит через дом. Открывается и тут же захлопывается рама, но я даже не успеваю обернуться — слышен щелчок, машина открыта. Я снова хватаю за ручку, распахиваю дверцу и прыгаю внутрь. Следом запрыгивает на водительское сиденье Аарон, заводит двигатель.

— *ГДЕ МОЯ ДОЧЬ?*

Машина дергается вперед, разворачивается и катит обратно вдоль дорожки. В зеркале я вижу сзади поднятую нами тучу пыли и бегущую следом мать Патрика, с каждой секундой она все дальше от нас.

— *ГДЕ МОЯ ДОЧЬ? УМОЛЯЮ, СКАЖИТЕ МНЕ!*

Она несется за нами, размахивая руками, потом вдруг падает на колени, охватывает ладонями голову и разражается рыданиями.

Мы молча едем через город, возвращаясь к шоссе. Мои сложенные на коленях руки трясутся от воспоминаний о том, как несчастная женщина бежала за нами по улице; живот сводит спазмами. Кольцо на пальце вдруг начинает невыносимо давить; я сдираю его другой рукой и бросаю вниз. Потом смотрю на него на полу и представляю себе, как Патрик аккуратно снимает кольцо с холодной, мертвой ладони своей сестры.

— Хлоя, — шепчет Аарон, не отрывая глаз от дороги, — что это было?

— Простите меня, — отвечаю я. — Простите меня, Аарон. Простите.

— Хлоя, — повторяет он уже громче. Сердито. — Что это еще за херня вышла?

— Простите меня, — еще раз повторяю я дрожащим голосом. — Я не знала.

— Кто она такая? — продолжает спрашивать он, вцепившись в руль. — Как вы ее отыскали?

Сидя рядом с ним, я молчу, не в силах ничего ответить. Его лицо поворачивается в мою сторону, рот широко открыт.

— Вашего жениха разве не Патрик зовут?

Я не отвечаю.

— Хлоя, *ответьте мне!* Ваш жених разве не Патрик?

Я киваю, по щекам струятся слезы.

— Да, — говорю я. — Да, Аарон, только я не знала...

— Какого хера? — Он качает головой. — Какого *хера*, Хлоя? Я ей свое имя назвал. Она знает, из какой я газеты. Вот черт, да я из-за этого работу могу потерять!

— Простите меня, — повторяю я. — Вы сами помогли мне все увидеть — когда спрашивали про моего отца и украшения, и кто еще об этом мог знать. *Патрик*. Патрик об этом знал. Патрик знал все.

— На вас наитие снизошло или?..

— Я у нас в шкафу нашла цепочку. Цепочку, очень похожую на ту, которую должна была носить Обри в день своего исчезновения.

— Вот черт...

— После этого я стала на многое обращать внимание. На то, как от него по-другому пахнет, когда он возвращается из командировок. Словно бы духами. Другими женщинами. Он утверждал, что в дни исчезновения Обри и Лэйси был в отъезде, но только там, куда он якобы ездил, его тоже не было. Я понятия не имела, где он пропадает по нескольку дней. Понятия не имела, чем занят, — пока не нашла у него в кейсе счета.

Аарон уже смотрит на меня так, будто я — ниспосланная ему на голову чума. Будто он готов оказаться сейчас где угодно, лишь бы не здесь, не рядом со мной.

— Какие еще счета?

— Я покажу их вам в мотеле, — говорю я. — Пожалуйста. Мне нужна ваша помощь.

Аарон колеблется, пальцы барабанят по рулевому колесу.

— Я вам уже говорил, — произносит он до невозможности тихо. — В моей работе доверие — это все. Честность — это все.

— Знаю, — отвечаю я. — И клянусь вам, что теперь расскажу все до самого конца.

Мы въезжаем на парковку рядом с блеклым зданием мотеля. Аарон выключает зажигание и молча сидит рядом со мной.

— Прошу вас, пойдите в номер, — говорю я и кладу руку ему на колено. От прикосновения он отдергивается, но я вижу, что его решимость начинает таять. Аарон молча отстегивает ремень и, все так же не говоря ни слова, выходит из машины.

Дверь, когда я открываю ее, скрипит; мы входим в номер и запираем ее за собой. Внутри темно и холодно. Шторы плотно запахнуты, моя сумка так и лежит на кровати. Подойдя к прикроватной тумбочке, я щелкаю выключателем; флуоресцентная лампа отбрасывает на лицо стоящего у двери Аарона резкие тени.

— Вот что я нашла.

Расстегиваю сумку. Сую руку внутрь; ладонь тут же натывается на лежащий сверху пузырек «Ксанакса», который я отпихиваю в сторону. Достая белый конверт. Пальцы трясутся так же, как они тряслись, пока я копалась в раскрытом на полу гостиной кейсе Патрика, перебирала бумаги, аккуратно разложенные по папкам и скоросшивателям. Были там и образцы лекарств внутри разделенных на секции прозрачных пластиковых коробок — будто коллекция. Названия мне были прекрасно знакомы по ящику собственного стола: алпразолам, хлордиазепоксид, диазепам. Помню, как у меня перехватило дыхание, когда я прочитала последнее из них; мне привиделся волосок, медленно, словно перышко, опускающийся на пол. Я заставила себя искать дальше, пока наконец не нашла.

Счета. Мне нужны были счета. Я знала, что Патрик хранит все чеки, начиная от отельных и ресторанных, заканчивая бензоколонками и автомастерскими. Все, что можно списать с налогов.

Открываю конверт и вываливаю его содержимое на кровать; пачка бумаг с шелестом опускается на одеяло. Я начинаю их перелистывать,

вглядываясь в адреса, напечатанные внизу каждого листка.

— Разумеется, часть счетов из Батон-Ружа, — говорю я. — Рестораны, отели. По чекам можно обрисовать картину того, где он провел день, а по датам на них — когда он там был.

Аарон подходит и садится рядом со мной, наши бедра соприкасаются. Он берет верхний из чеков и смотрит на него, взгляд прикован к низу страницы.

— Энгола, — говорит он. — Это в его зоне ответственности?

— Нет, — я качаю головой. — Но он туда часто ездит. Это-то и привлекло мое внимание.

— Почему?

Я отбираю у него счет, держу его перед собой в вытянутой руке, зажав кончиками пальцев, словно он ядовитый. Словно может укусить.

— В Энголе находится самая большая в Америке тюрьма строгого режима, — поясняю я. — Государственная тюрьма Луизианы.

Аарон поднимает голову. Поворачивается ко мне, его брови приподняты.

— А еще там находится мой отец.

— Ни хрена себе...

— Может статься, они знакомы, — продолжаю я, глядя на чек. Бутылка воды, бензин на двадцать долларов. И упаковка подсолнечных семечек. Помню, как отец мог высыпать такую целиком прямо в рот и принимался ими хрустеть, словно обрезанные ногти пережевывал. Как потом по всему дому обнаруживалась налипшая повсюду шелуха. В трещинах на кухонном столе, у меня на подошве. Кучкой на дне стакана, в лужице слюны.

Я думаю про маму, пытающуюся выговорить пальцами имя «Патрик».

— Потому-то он, наверное, все это и делал, — говорю я. — Потому и меня отыскал. Они поддерживают связь.

— Хлоя, вам нужно обратиться в полицию.

— Полиция мне не поверит, Аарон. Я уже пыталась.

— Что значит — уже пытались?

— У меня раньше были трения с полицией. Теперь прошлое работает против меня. Они думают, что я сумасшедшая...

— Ты не сумасшедшая.

Его слова заставляют меня умолкнуть. Я ошарашена так, будто он со мной сейчас заговорил по-французски. Впервые за последние несколько недель кто-то мне поверил. Кто-то принял мою сторону. Это так замечательно, когда тебе верят, когда на тебя смотрят с чистосердечной заботой, а не с подозрением, беспокойством или гневом. Я вспоминаю все наши с Аароном мелкие эпизоды, которые я старалась отодвинуть в сторону, старалась не придавать им значения. Как мы сидели рядом с мостом и говорили про воспоминания. Как тем вечером на диване, пьяная и одинокая, я собиралась ему позвонить. Вижу, что он собирается сказать что-то еще, поэтому наклоняюсь к нему и целую, пока он не заговорил снова. Пока ощущение не исчезло.

— Хлоя...

Наши лица совсем рядом, мы соприкасаемся лбами. Аарон смотрит на меня так, будто хочет высвободиться, будто понимает, что нужно высвободиться, но вместо этого его рука находит мое бедро, потом руку, волосы. Вот он уже отвечает на поцелуй; его губы вжались в мои, пальцы хватаются за все, до чего удастся дотянуться. Я запускаю собственные пальцы ему в волосы, потом принимаюсь расстегивать ему рубашку, джинсы. Я снова в университете, бросаюсь навстречу чужому бьющемуся сердцу, чтобы собственное не чувствовало себя столь одиноким. Он осторожно укладывает меня на кровать, прижимается сверху, сильные руки отводят мои собственные за голову, сжимают запястья. Губы касаются моей шеи, груди. Пару минут спустя я чувствую Аарона внутри себя и позволяю себе забыть обо всем.

Когда все заканчивается, снаружи уже темно, комнату освещает лишь тусклое сияние прикроватной лампы. Аарон лежит рядом, его пальцы перебирают мои волосы. Мы не произнесли ни слова.

— Я тебе верю, — говорит он наконец. — Насчет Патрика. Ты это понимаешь, правда?

— Да. — Я киваю. — Да, понимаю.

— Значит, завтра ты идешь в полицию?

— Аарон, они мне не поверят. Я ведь тебе сказала. Я уже начинаю думать... — Поколебавшись, поворачиваюсь на бок, к нему лицом. Он все еще смотрит в потолок, просто силуэт во мраке. — Начинаю думать, что мне, наверное, нужно с ним повидаться. С отцом.

Он садится, упирается голой спиной в изголовье кровати. Голова поворачивается ко мне.

— Начинаю думать, что, может статься, только он знает ответы, — продолжаю я. — Может статься, он один способен помочь мне понять...

— Хлоя, это опасно.

— Что здесь опасного? Он в тюрьме. Он не может причинить мне вреда.

— Может. Даже из-за решетки. Вред не обязан быть физическим...

Аарон умолкает, закрывает лицо руками.

— Тебе нужно поспать, — говорит он. — Пообещай мне ничего не решать, пока не поспишь. Утром обсудим. И если захочешь, чтобы я тебя сопровождал, так и будет. Я готов присутствовать при вашем разговоре.

— Хорошо, — говорю я после паузы. — Хорошо, обещаю.

— Вот и отлично.

Аарон опускает ноги с кровати, наклоняется, чтобы поднять с пола джинсы. Я смотрю, как он их натягивает, как направляется в ванную, включает там свет. Закрываю глаза, слышу, как взвизгивает кран, потом шум душа. Когда открываю глаза, он снова входит в комнату; в руке у него стакан с водой.

— Мне нужно будет уйти ненадолго, — говорит Аарон, протягивая мне воду. Я беру стакан, делаю глоток. — Я с редактором целый день не связывался. Ты как, справишься одна?

— Справлюсь, — отвечаю я и снова валюсь на подушку.

Аарон смотрит куда-то вниз, разглядывает что-то на полу. Нагибается и берет мой пузырек «Ксанакса», так и оставшийся наверху раскрытой сумки.

— Хочешь одну? Чтобы лучше спалось?

Я смотрю на пузырек, внутри которого — таблетки. Аарон чуть встряхивает его, таблетки гремят; он вопросительно смотрит на меня. Я киваю и протягиваю руку.

— Если я выпью две, ты ведь меня не осудишь?

— Нет. — Он улыбается, откручивает крышечку и высыпает мне на ладонь пару таблеток. — Денек у тебя выдался еще тот.

Я разглядываю таблетки у себя на ладони, потом забрасываю их в рот и запиваю водой. Чувствую, как они царапают пищевод, словно цепляются зазубренными ногтями, не желая проваливаться.

— Не могу не чувствовать себя виноватой, — говорю я, опираясь головой о спинку кровати. Я думаю о Лине. Об Обри. О Лэйси. О всех девочках, чья смерть на моей совести. О всех девочках, которых я, сама того не зная, заманила прямо в лапы чудовищ. Сперва — отца. Теперь — Патрика.

— Ты ни в чем не виновата. — Аарон садится на кровать и гладит мне волосы. Комната начинает чуть покачиваться, мои веки ползут вниз. Когда я закрываю глаза, в памяти возникает картинка из сна — я стою под окном собственной детской спальни, а в руках у меня окровавленная лопата.

— Все из-за меня, — говорю я заплетающимся языком, еще чувствуя на лбу теплую руку Аарона. — Все из-за меня.

— Поспи. — Его голос доносится до меня, словно эхо. Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб, губы прилипают к моей коже. — Я запру за собой дверь.

Я киваю в последний раз, чувствуя, что куда-то уплываю.

Глава 39

Просыпаюсь я оттого, что на прикроватной тумбочке вибрирует телефон, колотится о деревянную поверхность, потом в конце концов валится вниз и стучается об пол. Я, все еще полусонная, открываю глаза и щурюсь на будильник.

Десять вечера.

Я пытаюсь пошире открыть глаза, но зрение плывет, в голове — глухие удары. Я думаю про поездку к Патрику домой — его мать внутри старого обветшавшего домика, вырезка из газеты между книжных страниц. Внезапно подкатывает тошнота; я заставляю себя выбраться из кровати, несусь в ванную, откидываю крышку унитаза и блюю туда. Выходит лишь желчь, она кислотно-желтая и обжигает язык. К задней стенке гортани прилипла тоненькая струйка слюны, и я долго откашливаюсь. Вытерев рот тыльной стороной ладони, плетусь в комнату и присаживаюсь на край кровати. Тянусь за стаканом с водой на тумбочке, но обнаруживаю, что он на боку; с краешка еще капает вода и впитывается в ковер. Наверное, телефоном опрокинуло. Так что вместо стакана я тянусь за телефоном и нажимаю кнопку сбоку, чтобы зажегся экран.

Несколько пропущенных звонков от Аарона, какие-то эсэмэски. Я мгновенно вспоминаю тяжесть его тела поверх своего. Его руки у меня на запястьях, его губы на шее. То, что между нами случилось, было ошибкой, но разобраться с ней я буду потом. Для того чтобы просмотреть весь список пропущенных звонков и эсэмэсок, мне приходится прокрутить несколько экранов — в основном от Шэннон, между ними затесалось несколько от Патрика. Откуда столько, недоумеваю я. Сейчас всего десять, я проспала самое большее четыре часа. Потом я обращаю внимание на дату на экране.

Десять вечера *пятницы*.

Я продрыхла целые сутки.

Разблокировав телефон, быстро просматриваю эсэмэски, и с каждой новой мне делается все тревожней.

Хлоя, позвони мне. Очень важно.

Хлоя, где ты?

Хлоя, позвони НЕМЕДЛЕННО!

«Хреново», — думаю я, растирая виски. Они продолжают пульсировать, протестуяще огрызаются. Две таблетки «Ксанакса» на пустой желудок явно были ошибкой, я это и сама тогда понимала. Но очень уж хотелось уснуть. Забыть обо всем. В конце концов, всю эту неделю с Патриком под боком я почти не спала. Очевидно, недосып и сказался.

Выбрав в списке имя Шэннон, я нажимаю «Вызов», подношу телефон к уху и слушаю гудки. Очевидно, мой обман раскрыт. Видимо, Патрик все же написал ей, хоть я и просила его этого не делать. Когда они поняли, что я обманула обоих, что меня нет и никто не знает, куда я отправилась и с кем, то начали паниковать. Вот только сейчас меня это не слишком волнует. Домой, к Патрику, я возвращаться не собираюсь. Правда, я все еще сомневаюсь, что смогу пойти в полицию, — ведь детектив Томас недвусмысленно запретил мне лезть в расследование. Но теперь, когда есть вырезка из газеты и кольцо, чеки из Энголы и разговор с матерью Патрика, может быть, они все-таки меня выслушают? Может быть, удастся их заставить?

Тут до меня доходит. Кольцо! Я сняла его с руки в машине Аарона и швырнула на пол. И не помню, чтобы поднимала. Смотрю на свой пустой палец, потом разворачиваюсь и принимаюсь шарить руками по смятому покрывалу. Ладонь натывается на что-то твердое, я откидываю одеяло, но это не кольцо. Это завалившаяся между простынями пресс-карта Аарона. Я снова вижу, как расстегиваю на нем рубашку, помогаю снять. Подняв карту, подношу ее к глазам. Смотрю на его фото и на секунду позволяю себе усомниться, что прошлая ночь была ошибкой. Может, судьба заложила неожиданный вираж и нам именно так и суждено было найти друг друга...

Гудки прекращаются, слышен голос Шэннон, и я сразу понимаю — что-то стряслось. Она шмыгает носом.

— Хлоя, где тебя носит, черт возьми?

Голос у нее хриплый, будто она гвоздей наглоталась.

— Шэннон, — говорю я, усаживаясь попрямей. Пресс-карту Аарона опускаю в карман. — С тобой все в порядке?

— Ничего не в порядке, — отрезает она. Из ее глотки вырывается короткий всхлип. — Где ты?

— Я... здесь, в городе. Мне нужно было немного проветрить голову. Что случилось?

Из телефона доносится еще один всхлип, на этот раз громче; звук заставляет меня отшатнуться, словно от удара. Я отвожу руку подальше и слушаю завывания на другом конце; Шэннон пытается найти слова и собрать их вместе, чтобы выразить мысль.

— Это... Райли... — выговаривает она наконец, и я немедленно чувствую, что меня сейчас снова стошнит. Я уже знаю, что она сейчас скажет. — Райли... *пропала*.

— Что значит «пропала»? — переспрашиваю я, хотя и сама знаю, что это значит. Кишками чую. Я представляю себе Райли на вечеринке, ссутулившуюся в углу гостиной, скрестив худые ноги. Подошва кроссовки постукивает по ножке кресла; в одной руке телефон, другой она крутит локон.

Я думаю о том, как Патрик на нее смотрел. О том, что он сказал тогда Шэннон, думалось — чтобы успокоить, но теперь его слова кажутся куда более зловещими.

Настанет день, когда от этого останутся лишь воспоминания.

— Пропала, я же говорю. — Шэннон быстро делает несколько вдохов. — Утром мы проснулись, а ее нет в спальне. Снова удрала через окно, но домой не вернулась. Ее весь день нет!

— Патрику ты не звонила? — спрашиваю я, надеясь, что напряжение в голосе меня не выдаст. — Когда не смогла до меня дозвониться?

— Звонила, — отвечает она, теперь уже у нее напряженный голос. — Он полагал, что мы с тобой сейчас вместе. На твоём девичнике.

Понуриив голову, я закрываю глаза.

— Очевидно, между вами двумя что-то происходит. И ты нам врешь. Только знаешь, Хлоя, мне сейчас совершенно не до этого. Я просто хочу знать, где моя дочь!

Я молчу, даже не зная, с чего начать. Ее дочь Райли в опасности, и я уверена, что знаю причину. Вот только как сказать об этом Шэннон? Как объяснить ей, что ее дочь, скорее всего, похитил Патрик? Что он, наверное, выжидал рядом с домом, пока она выкинет из окна спальни

простыню и спустится во мрак? И что он знал об этом, потому что сама же Шэннон ему и рассказала тем вечером у нас дома? А прошлую ночь он выбрал, потому что это я уехала, предоставив ему свободу разгуливать, где он пожелает?

Как сказать ей, что ее дочь, скорее всего, мертва — из-за меня?

— Я сейчас приеду, — говорю я ей. — Я сейчас приеду и все объясню.

— Я не дома, — отвечает Шэннон. — В машине, объезжаю окрестности. Ищу Райли. Но твоя помощь нам тоже пригодится.

— Само собой, — говорю я. — Просто скажи, куда мне ехать.

Получив инструкции объехать каждую улицу в радиусе десяти миль от их дома, я даю отбой. Поднимаюсь с кровати и смотрю вниз; под ногами — моя сумка, поверх белого конверта — куча счетов Патрика. Я сметаю все обратно в сумку и закидываю ее на плечо. Потом снова смотрю на телефон, на эсэмэски от Патрика.

Хлоя, позвони мне, пожалуйста.

Хлоя, где ты?

Еще он оставил голосовое сообщение, и я уже собираюсь его удалить. Не могу я сейчас слышать его голос. Не хочу слушать его объяснения. Но что, если Райли еще у него? Что, если я еще могу ее спасти? Нажимаю кнопку и подношу телефон к уху. Его голос сочится мне в мозг, скользкий, словно масло, заполняет каждый уголок, каждую щель. Обволакивает собой все.

«Алло, Хлоя. Послушай... я не знаю, что с тобой сейчас происходит. Ты ни на каком не на девичнике. Я только что разговаривал с Шэннон. Не знаю, где ты, но творится явно что-то не то».

Тишина на линии. Я смотрю на телефон, не конец ли это сообщения, но таймер записи продолжает тикать. Наконец Патрик заговаривает снова.

«Когда ты вернешься домой, меня не будет. Бог знает, где ты сама-то сейчас. Но к завтрашнему утру я уже съеду. Это твой дом. С чем бы ты сейчас ни пыталась справиться, не хочу, чтоб ты думала, будто дома этого сделать нельзя».

У меня сдавливают горло. Он съезжает. *Бежит.*

«Я люблю тебя, — говорит Патрик голосом, больше похожим на вздох. — Сильнее, чем тебе кажется».

Запись вдруг обрывается. Я стою посреди комнаты мотеля, голос Патрика все еще отдается в ней эхом. *К завтрашнему утру я уже съеду.* Снова смотрю на будильник. Уже пол-одиннадцатого. Может быть, он еще там. Еще дома. Может быть, я успею туда, пока он еще там, выясню, куда он собрался сбежать, и извещу полицию...

Я быстро выхожу за дверь, шагаю к парковке. Солнце успело уйти за деревья, свет уличных фонарей превратил их ветви в кривые тени. Я застываю на полушаге; во мраке мне неудобно, срабатывает инстинкт. Ночной покров уже опустился. Потом я думаю про Райли. Про Обри и Лэйси. Думаю про Лину. Думаю про девочек, про всех пропавших девочек на свете — и заставляю себя шагать дальше, навстречу правде.

Глава 40

Въехав на нашу улицу, я сразу выключаю фары, но быстро понимаю, что смысла в этом нет. Патрик не увидит, как я подъезжаю, поскольку сам уже уехал. Это делается очевидным, когда я медленно въезжаю на пустую подъездную дорожку. Свет не горит ни внутри, ни снаружи. Мой дом снова кажется мертвым.

Я опускаю голову на руль. Опоздала. Он может быть сейчас где угодно — и с ним Райли. Я копаюсь в собственном мозгу, пытаюсь вообразить себе, как он покидает дом. И представить, куда он мог направиться.

Потом снова поднимаю голову. Есть идея.

Я вспомнила про камеру, про крошечную точку в углу гостиной, которую установил там Берт Родс. Достав телефон, вызываю охранное приложение, затаив дыхание. Изображение начинает загружаться. На экране моя гостиная — темная, пустая. Я чуть ли не ожидала увидеть, как среди теней прячется Патрик, ожидая, когда я войду. Потянув за ползунок внизу экрана, я перемещаюсь назад во времени. Вижу, как дом освещается, как наконец появляется Патрик.

Он был здесь полчаса назад. Расхаживал по дому, занятый до отвращения нормальными делами: протер кухонную стойку, подровнял стопку почты — раз, другой, третий, наконец, переместил ее чуть в сторонку. Я гляжу на него, и мне снова вспоминаются слова: *серийный убийца*. Они оставляют на языке странный привкус, такой же, как и двадцать лет назад, когда я смотрела, как отец моет посуду, тщательно протирает каждую тарелку, стараясь ни за что не задеть ее краешком. *Серийный убийца*. Откуда такая забота? С чего серийный убийца так старается сберечь бабушкин фарфор, если он и жизнь-то человеческую ни во что не ценит?

Патрик подходит к дивану, присаживается на краешек, задумчиво трет пальцами подбородок. Мне и раньше доводилось за ним наблюдать, подмечать мелкие поступки, которые он делает, когда думает, что никто их не видит. Я смотрела, как он, готовя на кухне ужин, выливает мне в бокал остатки вина из бутылки, а потом проводит пальцем по горлышку и облизывает его. Я смотрела, как он,

выходя из душа, сперва ерошит спадающие на лоб мокрые волосы, а уже потом берет расческу и аккуратно зачесывает их набок. И каждый раз, когда я на него смотрела, когда видела все эти милые мелочи, меня охватывало восхищение — не может же все это быть на самом деле!

Теперь я понимаю почему.

На самом деле Патрика и не было. Он был ненастоящий. Патрик, которого я знала, Патрик, в которого я влюбилась, был лишь карикатурой на человека, маской, которую надевают, чтобы скрыть истинное лицо. Он заманивал меня — в том же смысле, что и тех девочек. Он показывал мне то, что я хотела видеть, говорил то, что я хотела слышать. Заставлял меня ощутить себя в безопасности, почувствовать любимой.

Но теперь я думаю и о *других* мелочах — когда он показывал мне частичку себя истинного. Когда его маска на мгновение соскальзывала. Как же я всего этого раньше не замечала?

В конечном итоге все сводится к описанию двух типов подражателей, данному Аароном: те, кто восхищается, и те, кто презирает. Патрик отцом явно восхищался. Двадцать лет он следил за его жизнью, и сам с семнадцатилетнего возраста повторял его преступления. Посещал его в тюрьме, но с какого-то момента этого стало недостаточно. Недостаточно просто убивать. Недостаточно взять чужую жизнь и выбросить за ненадобностью; понадобилось взять жизнь, чтобы оставить ее себе. Ему понадобилось взять *мою* жизнь, похитить ее у меня так же, как это сделал отец. Потребовалось день за днем обманывать меня, как это делал отец. Сейчас я смотрю, как те же самые руки, которые надели мне на палец сестрино кольцо, метят территорию. Те же самые руки, которые во время поцелуя брали меня за горло и чуть сдавливали. Поддразнивая меня, проверяя мою реакцию. Я ничем не отличалась от украшения, припрятанного в темном уголке шкафа, — я была его трофеем, живым напоминанием о его свершениях. А теперь я смотрю на него и чувствую, как в груди волной поднимается гнев, все выше и выше, грозя захлестнуть с головой и утопить заживо.

Патрик встает, сует руку в задний карман. Достает оттуда что-то и некоторое время разглядывает. Я шурюсь, пытаюсь разглядеть, что это, но не выходит — слишком все мелко. Тыкаю в экран телефона двумя пальцами, растягиваю изображение и наконец узнаю: в ладони у него

лужицей улеглась тонкая серебряная цепочка. На свету посверкивают крошечные бриллианты.

Я опять вспоминаю, как он выбрался из постели, на цыпочках подкрался к шкафу и закрыл его. Жар в груди поднимается к горлу, заликает щеки, пышет из глаз.

Я была права. Это он ее забрал.

Я думаю обо всех тех случаях, когда Патрик заставлял меня сомневаться в самой себе, в собственном рассудке, пусть всего на мгновение. *Я еду в Новый Орлеан, ты не забыла?* Подвергал сомнению то, что я видела своими глазами, то, в чем в глубине души была уверена.

Он все еще смотрит на ладонь, потом наконец вздыхает и снова прячет цепочку в карман. Идет к входной двери — в этот миг я замечаю стоящий в коридоре чемодан, прислоненную к стене сумку с ноутбуком. Он берет их, оборачивается. Обводит напоследок взглядом комнату. Поднимает палец к выключателю, и все делается черным, словно чьи-то губы задули свечу.

Я кладу телефон в подставку для стакана и пытаюсь дешифровать смысл увиденного. Не то чтобы его было много, но хоть кое-что. Полчаса назад Патрик был здесь — и далеко уехать за это время не мог. Нужно лишь догадаться, в какую именно сторону он направился. Возможностей тут, сказать по правде, бесчисленное множество. Патрик мог двинуться куда угодно. При нем чемодан. Мог поехать на другой конец страны, чтобы отсидеться где-нибудь в отеле. Или даже на юг, в Мексику — до границы каких-нибудь десять часов езды, к утру как раз доберется.

Потом я вспоминаю про ожерелье, как он гладил пальцами серебро у себя на ладони. Вспоминаю про Райли, которую продолжают искать. Чье тело пока что не обнаружено. И я понимаю: он еще не убежал, потому что не успел здесь закончить. Кое-что осталось.

Дознаватель утверждает, что тела жертв после смерти перемещали. Что они умерли где-то еще, а потом тела подбросили туда, откуда похитили. В таком случае, *где сейчас Райли?* Где он может ее прятать? Где он их всех прятал?

И тут меня осеняет. Я знаю где. Знаю глубоко внутри, клеточной памятью. Знаю.

Не давая себе возможности передумать, я завожу машину, включаю фары и трогаюсь. Стараясь отвлечь себя, думая о чем угодно, лишь бы не о месте, куда направляюсь, — и все равно по прошествии времени мой пульс начинает ускоряться. С каждой пройденной милей дышать становится все тяжелей. Тридцать минут, сорок. Я знаю, что уже почти приехала. Кидаю взгляд на часы — скоро полночь, — а когда отрываю его от приборной доски и снова смотрю на дорогу, в отдалении замечаю его. Он медленно приближается — старый, знакомый знак, успевший проржаветь по краям, покрытый коркой от налипшей на металл за долгие годы грязи. Я чувствую, что ладони у меня скользкие от пота, что паника уже совсем рядом, а знак все ближе и ближе. Мигающий фонарь озаряет его тошнотворным сиянием.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В БРО-БРИДЖ — МИРОВУЮ СТОЛИЦУ РАКОВ

Я возвращаюсь домой.

Глава 41

Я включаю поворотник и съезжаю с шоссе. Бро-Бридж. Город, где я не была с тех пор, как десять с лишним лет назад отправилась в университет. Город, куда я никогда не собиралась возвращаться.

Я петляю по нему, минуя ряды старых кирпичных зданий с зелеными от мха карнизами. В моем сознании все здесь разделено четкой линией на *до* и *после*. По одну сторону черты воспоминания радостные и светлые. Детство в небольшом городке, мороженое, которое продается на бензоколонке, подержанные роликовые коньки. Пекарня, куда я заскакивала каждый день ровно в три, чтобы получить бесплатный кусочек кислого хлеба, горячий, только что из печи. По подбородку капает топленое масло, я иду из школы домой, перепрыгивая через трещины в асфальте, собираю букет из придорожных цветов, который потом преподнесу маме в высоком стакане из дымчатого стекла.

По другую сторону над всем нависает разбухшая черная туча.

Я проезжаю мимо пустой ярмарки, где каждый год проводятся фестивали. Вижу то самое место, где стояли мы с Линой; я упираюсь лбом ей в теплый живот, кожа была влажной от ее пота. В руках у меня искрился металлический светлячок. Гляжу на другую сторону площади, туда, где стоял вдали мой отец и смотрел на нас. Смотрел на нее. Проезжаю мимо своей школы, мимо мусорного бака, о который меня бил головой старшеклассник, угрожая сделать со мной то же, что отец сделал с его сестрой.

Патрик тоже не один раз проезжал этой дорогой, понимаю я, — когда исчезал в ночи, а потом возвращался домой усталый, потный и полный жизни. Я приближаюсь к своей улице и наконец останавливаю машину у обочины, совсем рядом с ведущей к дому подъездной дорожкой. Разглядываю ее — длинный отрезок, по которому я бежала, поднимая пыль, прежде чем скрыться за деревьями. И — вверх по ступенькам крыльца, в распростертые отцовские руки. Идеальное место, где можно спрятать похищенную девочку: старый заброшенный дом на двадцати акрах неухоженной земли. Дом, куда никто не заглядывает, никто к нему не прикасается. Дом, в котором, как

считается, живут призраки, то самое место, где Дик Дэвис закопал шесть своих жертв, прежде чем подняться в спальню и поцеловать меня на ночь.

Я думаю про ту нашу беседу с Патриком, когда мы оба валялись на диване у меня в гостиной. Беседу, когда я впервые все ему рассказала — и как он очень внимательно меня слушал. Лина и кольцо у нее в пупке, сияющий во мраке один-единственный светлячок. Мой отец, его тень под деревьями. Шкатулка в шкафу, скрывающая его тайну.

И мой дом. Я и про дом ему рассказала. Про эпицентр всего этого.

Когда мой отец оказался в тюрьме, а мама утратила способность присматривать за недвижимостью, ответственность легла на нас — на меня и Купера. Но мы предпочли покинуть это место, точно так же как покинули маму в «Риверсайде». Мы не хотели иметь с ним ничего общего, не хотели заново встречаться со все еще живущими внутри воспоминаниями. Так что просто оставили дом пустовать год за годом. Мебель внутри стоит там же, где и раньше, только все, вероятно, плотно затянуло паутиной. Деревянная балка в мамином шкафу все еще сломана ее весом, ковер в гостиной все еще в пятнах от пепла из трубки отца. Оставили все это словно фотографию из моего прошлого, застывшую во времени; пылинки неподвижно повисли в воздухе, как если бы кто-то нажал на паузу. А мы развернулись, заперли дверь и уехали.

Патрик знал об этом. Знал, что дом стоит здесь. Знал, что он пуст — и ждет его.

Мои руки сжимают руль, сердце бешено колотится в груди. Несколько секунд я сижу в тишине, размышляя, что теперь делать. Думаю, не позвонить ли детективу Томасу, попросить его подъехать? Только что именно от него потребуется? Какие у меня доказательства? Потом я думаю об отце, как он идет ночью между вот этих самых деревьев с лопатой на плече. И о себе двенадцатилетней, как я смотрю на него через открытое окно.

Смотрю, жду, но ничего не делаю.

Райли может быть там. И она в опасности.

Я хватаю сумочку, дрожащей рукой открываю клапан и гляжу на пистолет внутри. Пистолет, который я забрала из шкафа перед поездкой, пистолет, который искала там в ночь, когда включилась

сирена. Делаю вдох и выдох, выбираюсь из машины и закрываю за собой дверцу с почти беззвучным щелчком.

Воздух теплый и влажный, словно отрыжка после яйца всмятку; серный запах с болот кажется благодаря летней жаре особенно давящим. Я на цыпочках подбираюсь к подъездной дорожке и какое-то время стою там, вглядываясь в путь, ведущий к дому. Лес по обе стороны угольно-черный, но я все же заставляю себя сделать шаг вперед. Потом еще один шаг. И еще один. Какое-то время спустя я уже рядом с домом. Я уже успела забыть, насколько здесь абсолютная темень — света нет ни от фонарей, ни от соседних домов — зато, давая идеальный, как на рисунке пером, контраст, всегда очень ярко светит луна. Я поднимаю взгляд вверх; луна сегодня полная, ничто ее не скрывает. Она сияет над домом, словно прожектор, так что и сам он как будто светится. Сейчас я его отлично вижу — выкрошившаяся белая краска, доски обшивки, искривленные под действием многолетних жары и влаги, буйно разросшаяся прямо у меня под ногами трава. С одной стороны по стене ползут похожие на вены плети вьюна; из-за них дом кажется не от мира сего, словно в его жилах пульсирует дьявольская жизнь. Я начинаю медленно карабкаться по ступенькам, избегая ставить ногу туда, где может заскрипеть, но потом замечаю, что ставни распахнуты — при такой яркой луне Патрик, если он внутри, не может меня не заметить. Поэтому я разворачиваюсь и обхожу дом с противоположной стороны. Смотрю на усыпавший двор мусор; впрочем, оно всегда так и было. У задней двери кучей навалена старая фанера, рядом — лопата и тачка с прочим садовым инструментом. Представляю себе маму стоящей на четвереньках, перемазанную землей, даже на лбу полоса грязи. Я пытаюсь заглянуть внутрь через окно, но здесь, сзади, ставни закрыты, света с этой стороны тоже мало, так что сквозь щели ничего не разглядеть. Пробую повернуть дверную ручку, легонько дергаю в разные стороны, но поворачиваться она отказывается. Заперто.

Я перевожу дух, упираюсь руками в бока. Потом меня посещает мысль.

Смотрю на дверь и вызываю из глубин памяти тот день, когда мы с Линой с помощью библиотечной карточки пытались проникнуть к брату в спальню.

Для начала проверь дверные петли. Если их не видно, дверь правильная.

Я лезу в карман и достаю оттуда пресс-карту Аарона, так и оставшуюся у меня в джинсах после того, как я нашла ее между простынями в мотеле. Чуть сгибаю ее руками — вроде бы прочная — и под углом вставляю между дверью и косяком, в точности как учила Лина.

Когда уже войдет в щель, выпрямишь.

Я начинаю орудовать картой, потихоньку давить, двигать ее взад-вперед, взад-вперед. Проталкиваю карту поглубже, другой рукой берусь за дверную ручку — и наконец слышу щелчок.

Глава 42

Задняя дверь распахивается, я с силой выдергиваю застрявшую карту и, зажав ее в ладони, ступаю внутрь. На ощупь двигаюсь по коридору, ведя пальцами вдоль знакомых стен, чтобы не оступиться. Во мраке трудно ориентироваться; со всех сторон я слышу какие-то поскрипывания, но не могу понять — это просто звуки старого здания или же следом за мной крадется Патрик, тянет руки, готовый напасть...

Стена коридора под пальцами заканчивается, дальше — гостиная; стоит мне шагнуть туда, как комната освещается падающим сквозь ставни лунным светом, так что я могу видеть. Оглядываюсь вокруг. Тени в комнате выглядят точно такими же, как я их запомнила. В углу — старое отцовское раскладное кресло, кожа у него выцвела и пошла трещинами. На полу — телевизор; на стекле экрана там, где я касалась его пальцами, пятна. Вот куда ездил Патрик — в этот дом. Каждую неделю он пропадал в этом жутком, отвратительном доме. Сюда привозил своих жертв, бог знает что с ними делал, а потом возвращался туда, где они исчезли, чтобы избавиться от тел. Я смотрю направо — и тут замечаю на полу незнакомую тень, длинную и узкую, словно небольшой штабель досок.

У тени — форма тела. Тела девочки.

— Райли? — шепчу я и устремляюсь к тени через всю гостиную. Еще на бегу вижу, что это она: глаза закрыты, рот плотно сжат, отдельные пряди волос закрывают лицо и падают дальше, на грудь. Даже в окружающем мраке — или, может, из-за мрака? — лицо ее поражает своей бледностью. Девочка похожа на призрака, губы синие, вся кровь отлила от кожи; она словно светится.

— Райли, — повторяю я, тряся ее за руку. Она не двигается, не отвечает. Я смотрю на ее запястья — поперек вен уже начала образовываться красная борозда. Смотрю на шею, готовая увидеть начинающие проступать сквозь кожу бледные синяки, похожие на отпечатки пальцев, — но там ничего нет. Пока что нет.

— Райли, — твержу я, слегка ее потряхивая. — Райли, просыпайся.

Надавливаю пальцами ей за ухом и задерживаю дыхание в надежде что-нибудь, хоть что-то почувствовать. Есть! Почти неразличимый, но есть. Слабо пульсирующий ритм ее сердца, медленный, затрудненный. Она еще жива.

— Просыпайся, — шепчу я, пытаюсь ее приподнять. Тело тяжелое, как у мертвеца, но когда я тяну ее за руки, то вижу, как глаза ее быстро мечутся из стороны в сторону, она чуть слышно стонет. Диазепам, понимаю я. Она под большой дозой. — Я вытащу тебя отсюда. Клянусь, я тебя вытащу...

— Хлоя?

Мое сердце замирает — за спиной кто-то есть. Я узнаю этот голос, то, как мое имя перекачивается на языке, словно готовый растаять леденец. Я бы его где угодно узнала.

Но это — не голос Патрика.

Я медленно встаю, разворачиваюсь лицом к силуэту у себя за спиной. Света в комнате как раз достаточно, чтобы различить черты.

— Аарон? — Я пытаюсь придумать объяснение, причину, по которой он мог оказаться в этом доме, в *моем* доме, но в голове совершенно пусто. — Что ты здесь делаешь?

Луна ныряет за тучу, и комната внезапно погружается во мрак. Я таращу глаза, пытаюсь что-то разглядеть, а когда сквозь жалюзи снова пробивается лунный свет, Аарон кажется ближе — на полшага, а то и на целый.

— Я могу задать тебе тот же вопрос.

Я поворачиваю голову набок, смотрю на Райли и понимаю, как все это может выглядеть. Я на коленях во мраке рядом с бесчувственной девочкой. Вспоминаю детектива Томаса, задержавшегося в моем кабинете, с каким подозрением он на меня взирал. Мои отпечатки пальцев на сережке Обри. Его обвиняющие слова.

Если во всем и есть связующая нить, так это — вы.

Я указываю на Райли рукой и открываю рот, пытаюсь что-то сказать, однако в горле застрял комок. Пробую откашляться.

— Слава богу, она жива, — перебивает меня Аарон и делает еще шаг ко мне. — Я сам ее только что нашел. Пробовал разбудить, но ничего не вышло. Позвонил в полицию. Они уже едут.

Я смотрю на него, все еще не в силах разговаривать. Он чувствует мои колебания и продолжает:

— Я вспомнил то, что ты говорила про этот дом. Как он стоит здесь совершенно пустой. Я и подумал — вдруг она здесь... Несколько раз тебе звонил, ты не отвечаешь. — Он поднимает вверх руки, словно намереваясь обвести ими комнату, потом снова их роняет. — Похоже, мы пришли к одинаковым выводам.

Вздохнув, я киваю. Вспоминаю прошлый вечер, нас с Аароном в комнате мотеля. Как его жадные руки скользили сквозь мои волосы; как мы потом молча лежали рядом. В ушах все еще звучит его голос. *Я тебе верю.*

— Мы должны ей помочь. — Ко мне наконец возвращается собственный голос. Я снова поворачиваюсь к Райли, опускаюсь на корточки и еще раз проверяю пульс. — Сделать так, чтобы ее стошнило или что-то в этом роде...

— Полиция уже едет, — повторяет Аарон. — Хлоя, все в порядке. С ней все будет хорошо.

— Патрик должен быть где-то поблизости. — Я провожу пальцами ей по щеке. Такое чувство, что она слишком холодная. — Когда я проснулась, у меня была куча пропущенных звонков. Он мне даже голосовое сообщение оставил, и я подумала, а вдруг...

Тут я замолкаю и снова вспоминаю последовательность событий. Я проваливаюсь в сон, потрескавшиеся губы Аарона липнут в прощальном поцелуе к моему лбу. Я медленно встаю, разворачиваюсь. Мне вдруг совершенно расхотелось иметь его у себя за спиной.

— Обожди секундочку. — Мысли движутся медленно, будто ковыляют сквозь грязь. — А откуда ты вообще узнал, что Райли похищена?

Я вспоминаю, как проснулась сутки спустя после ухода Аарона. Звонок Шэннон, ее длинные влажные всхлипы...

Райли пропала.

— В новостях объявили, — отвечает он.

Что-то в тоне его ответа — холодном, отрететированном — не дает мне ему поверить.

Я чуть отступаю назад, чтобы увеличить между нами дистанцию. Стараюсь при этом держаться строго между Аароном и Райли. Вижу, как при этом моем движении выражение его лица чуть меняется —

линия губ твердеет, делается тоньше, челюстные мускулы напрягаются. Он сжимает кулаки.

— Хлоя, будет тебе, — говорит он, пытаюсь выдавить улыбку. — Там уже организовали поисковую партию и все такое. Ее целый город ищет. Все про это знают.

Он протягивает ладони вперед, словно пытаюсь взять меня за руки, но я не тянусь навстречу, а вскидываю свои собственные ладони, жестом приказывая ему не двигаться.

— Это же я, — говорит он. — Я, Аарон. Хлоя, ты меня *знаешь*.

Сквозь жалюзи снова льется лунный свет, и я вижу то, что лежит между нами на полу. Наверное, я ее обронила, когда бросилась к Райли, стала лихорадочно проверять пульс. Пресс-карта Аарона. Я открыла ею дверь. Но теперь что-то в ней выглядит не так.

Медленно, не отводя глаз от Аарона, я нагибаюсь и поднимаю карту. Подношу к лицу, вглядываюсь и вижу, что она треснула — сломалась, пока я давила на дверь. Край совсем растрепан. Я беру пальцами за разлохмаченную бумагу, легонько тяну и вижу, как покрытие отслаивается целиком. По спине пробегает холодок.

Пресс-карта не настоящая. Фальшивка.

Я снова перевожу взгляд на Аарона, который стоит и смотрит на меня. И думаю про тот раз, когда увидела эту карту впервые — в кафе, аккуратно пристегнутую к рубашке. «Нью-Йорк таймс» читалось легко — логотип большой, жирный, отпечатан по самому верху. Я тогда впервые встретила с Аароном — но видела-то я его еще до того. Я его сразу узнала, потому что видела его фото — у себя в кабинете; я вглядывалась в найденный в интернете портрет, а конечности от «Ативана» уже чуть онемели. Маленькое, зернистое черно-белое изображение. Клетчатая рубашка, очки в черепаховой оправе. Точно такая же одежда была на нем, когда он вошел в кофейню, на ходу засучивая рукава. Теперь я сквозь надвигающийся ужас осознаю: это было не случайно. Все было не случайно. Одежда, которую я, как он был уверен, должна узнать. Пресс-карта, на которой на видном месте напечатано «Аарон Дженсен». Я вспоминаю, что подумала тогда, будто он выглядит не так, как на фото, не так, как я ожидала... крупней, коренастей. Слишком могучие руки, голос на пару октав ниже нужного. Но я решила, что это Аарон Дженсен, еще до того, как он представился, назвал свое имя. И то, как он вошел в кафе — неспешно,

уверенно, — как будто знал, что я там и в каком углу сижу. Словно разыгрывал представление, зная, что я за ним наблюдаю.

Потому что и он за мной наблюдал.

— Ты кто такой? — спрашиваю я, а его лицо во вновь подступившем мраке делается незнакомым.

Он молча стоит на месте. В нем обнаруживается какая-то пустотелость, которой я раньше не замечала, словно вытек весь желток и осталась лишь скорлупа. Похоже, он задумался над вопросом, решая, как лучше ответить.

— Никто, — произносит он наконец.

— Это ты сделал?

Он открывает и вновь закрывает рот, словно не может подобрать слова. Ответа так и не следует, и я обнаруживаю, что перебираю сейчас в памяти все наши с ним разговоры. Его слова звучат громко, эхом отдаются вокруг меня, словно звук пульсирующей в ушах крови.

Подражатель убивает оттого, что одержим личностью другого убийцы.

Я смотрю на этого человека, на этого чужака, который вклинился в мою жизнь в самом начале нынешних событий. Который первым выдвинул теорию о подражателе, а потом понемногу подталкивал меня, пока я и сама в нее не поверила. Вопросы, которые он задавал, всякий раз пробуя почву, пытаюсь сблизиться. *У того, что убийства происходят здесь и сейчас, имеется причина.* Когда я заговорила про Лину, в его голос прокралась совершенно детская непосредственность, словно ему так хотелось знать ответ, что совсем невтерпеж. *Какой она была?*

— Отвечай! — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это ты?

— Послушай, Хлоя. Все не так, как ты думаешь.

Я думаю о нем в моей постели; его руки на моих запястьях, губы на моей шее. О том, как он встал и принялся натягивать джинсы. Как принес мне стакан воды, погладил мои волосы, усыпил и снова ушел во мрак. Той ночью пропала Райли. Той ночью она была похищена — *им*, а я спала, лоб в каплях пота, конечности все еще подрагивают от его прикосновений. Я чувствую, как в желудке пузырем распухает отвращение. Хотя ведь он мне ровно это и сказал — тогда, на реке,

когда мы, поставив у ног картонные стаканчики с кофе, смотрели на мост, медленно возникающий из-под полога тумана.

Это игра.

Вот только я не догадывалась, что это он говорил про себя.

— Я звоню в полицию, — говорю я, точно зная, что сам он никуда не звонил. И что полиция сюда не едет. Сую руку в сумочку в поисках телефона. Пальцы трясутся, ощупывая ее содержимое, и тут я понимаю: телефон остался в машине, в подставке для стакана. Я его туда положила, посмотрев видео с Патриком со своей камеры, а потом на полном автопилоте доехала до Бро-Бриджа, оставила машину и влезла в дом. Как я могла его там забыть? Как могла не взять телефон?

— Хлоя, будет тебе, — говорит Аарон, двигаясь ближе. Сейчас он от меня в каком-то шаге, уже может дотронуться. — Я все объясню.

— Зачем ты это сделал? — спрашиваю я, рука все еще глубоко в сумочке, губы дрожат. — Почему убил этих девочек?

Стоит словам сорваться с моих губ, и я снова это чувствую: дежавю, захлестывающее меня подобно волне. Воспоминание о том, как я сидела в этой самой комнате двадцать лет назад. И, упершись пальцами в экран телевизора, слушала, как судья задает отцу тот же вопрос. Тишина в зале суда, все ждут, и я жду, отчаянно надеясь узнать правду.

— Я не виноват, — говорит он наконец, его глаза увлажняются. — Не виноват.

— Не виноват, — повторяю я. — Ты убил двоих, но не виноват.

— Нет, то есть... да. Да, виноват. И в то же время не виноват...

Я смотрю на него и вижу своего отца. Вижу его на телеэкране, руки скованы за спиной, а я сижу на полу и ловлю каждое его слово. Я вижу дьявола, который живет где-то глубоко у него внутри, — влажный пульсирующий зародыш, свернувшийся внизу живота и медленно растущий, пока наконец не вырвется наружу. Мой отец и его мрак; тень в углу, которая затягивает его, заглатывает с головой. Молчание в зале суда, когда он в этом сознается, слезы у него на глазах. Голос судьи, полный неверия. Отвращения.

Вы хотите сказать, что убивать девочек вас заставлял мрак?

— Ты такой же, как он, — говорю я. — Обвиняешь других в том, что сам сделал.

— Нет. Нет, все совсем не так.

Я практически чувствую сейчас, как мои ногти впиваются в ладони, раздирая их в кровь. Гнев и ярость, бушевавшие в моей груди, когда я смотрела на него в тот день; безразличие, которое ощутила, когда отец заплакал. Теперь я помню, как сильно его тогда ненавидела. Ненавидела каждой клеточкой собственного тела.

Помню, как убила его. В своих мыслях я его убила.

— Хлоя, послушай меня, — говорит Аарон и делает еще шаг вперед. Его руки тянутся ко мне, мягкие ладони распахнуты навстречу. Те самые ладони, которые касались моей кожи, пальцы, сплетавшиеся с моими. Я должна упасть к нему в руки точно так же, как падала в руки отца, рассчитывая найти безопасность совершенно не там, где следовало. — Это он меня заставил...

Услышать я успеваю даже раньше, чем увидеть, чем понять, *что* сейчас сделала. Я словно наблюдаю со стороны: моя рука появляется из сумочки, в ней пистолет. Один-единственный выстрел, громкий, как взрыв петарды; руку отбрасывает назад. Ослепительная вспышка света; он неуверенно отступает на несколько шагов, опускает взгляд на расплывающееся по животу алое пятно, потом удивленно смотрит на меня. Лунный свет у него на глазах, остекленевших, непонимающих. Губы, красные и влажные, приоткрываются, будто он хочет что-то сказать.

Я вижу, как его тело оседает на пол.

Глава 43

Я сижу на стуле в полицейском участке Бро-Бриджа, от дешевых лампочек на потолке допросной у моей кожи зеленоватый оттенок радиоактивной водоросли. Накинутое мне на плечи покрывало жесткое, словно брезент, но я слишком замерзла, чтобы его сбросить.

— Ну хорошо, Хлоя. Попробуйте рассказать нам обо всем случившемся еще раз.

Я смотрю на детектива Томаса. Он сидит с противоположной стороны стола; рядом с ним — Дойл и женщина-полицейский из Бро-Бриджа, чье имя я успела забыть.

— Я ей уже все рассказала, — я киваю на безымянную сотрудницу. — У нее есть аудиозапись.

— Еще один раз, пожалуйста, — говорит он. — А потом мы отвезем вас домой.

Я вздыхаю, тянусь рукой за картонным стаканчиком с кофе на столе перед собой — уже третий за вечер, — и когда я подношу его к губам, то замечаю присохшие к коже микроскопические капельки крови. Отставив стаканчик, ковыряю одно из пятен ногтем; оно отслаивается, словно старая краска.

— С человеком, который представился мне как Аарон Дженсен, я познакомилась пару недель назад, — начинаю я. — Он сказал, что пишет статью о моем отце. Что он — журналист из «Нью-Йорк таймс». Позднее он объявил, что в связи с исчезновениями Обри Гравино и Лэйси Деклер статью придется изменить. Что у него есть теория, будто новые убийства — работа подражателя, и нужна моя помощь, чтобы это доказать.

Детектив Томас кивает, приглашая меня продолжать.

— Поговорив с ним несколько раз, я тоже начала в это верить. Сходства было слишком много: сами жертвы, пропавшие украшения, канун двадцатилетней годовщины... Изначально я решила, что убийцей мог быть Берт Родс, я вам об этом заявляла, но той же ночью я обнаружила нечто в собственном шкафу. Цепочку, соответствовавшую сережкам Обри.

— И отчего вы сразу же не явились с этой уликой к нам?

— Я намеревалась, — отвечаю я. — Однако на следующее утро ее уже не было. Ее забрал мой жених — у меня на телефоне есть видео, где цепочка у него в руках. Вот тогда я и решила, что он может быть вовлечен во все это. Но даже будь у меня цепочка, во время нашей последней беседы вы ясно дали понять, что не склонны верить ни единому моему слову. Фактически на хер послали.

Воззрившись на меня с другой стороны комнаты, Томас слегка ерзает на стуле. Я не отвожу взгляда.

— В любом случае дело этим не ограничивается. Он посещал моего отца в тюрьме. В его кейсе есть запас диазепама. Двадцать лет назад пропала его собственная сестра, и когда мы приехали к его матери, она сказала, что, по ее мнению, он мог иметь к этому какое-то отношение...

— Обождите, — прерывает меня детектив, подняв ладонь с растопыренными пальцами. — Давайте по порядку. Что привело вас нынешней ночью в Бро-Бридж? И почему вы решили, что Райли Тэк окажется здесь?

Перед глазами у меня все еще бледная, как призрак, Райли. И «Скорая помощь», влетающая к нам во двор. Я стою на крыльце; телефон, за которым я сбегала к машине, у меня в руках; я просто жду, окаменевшая и с невидящим взглядом. У меня нет сил снова войти в дом, оказаться рядом с мертвым телом на полу. Медики грузят Райли в машину; она привязана к носилкам, жидкость из прозрачных мешков льется ей в вены.

— Патрик оставил мне голосовое сообщение о том, что уезжает, — говорю я. — Я попыталась сообразить, куда он мог отправиться, где держит девочек. Мне показалось, что здесь. Не знаю почему.

— Хорошо, — детектив Томас кивает. — И где Патрик сейчас?

— Понятия не имею. Скрылся.

В комнате делается тихо, только лампочка на потолке жужжит, словно оказавшаяся внутри жестянки муха. Девочек убил Аарон. И Райли он тоже хотел убить. Я наконец нашла ответы — но столько всего еще не понимаю! Столько концов не сходится с концами...

— Я знаю, что вы мне не верите, — я поднимаю взгляд. — Знаю, все это кажется безумным, но я говорю вам правду. Я и не догадывалась...

— Я вам верю, Хлоя, — перебивает меня детектив Томас. — Честное слово.

Я просто киваю, стараясь не выказать нахлынувшее на меня облегчение. Не знаю, каких слов я от него ожидала, но точно не этих. Я думала, он станет спорить, потребует доказательств, которых у меня нет. И тут понимаю: похоже, он знает что-то, мне неведомое.

— Вам известно, кто он, — говорю я, чувствуя, как что-то постепенно проясняется. — Я про Аарона. Вам известно, кто он такой на самом деле.

Детектив смотрит на меня с непроницаемым видом.

— Вы должны мне сказать. Я имею на это право.

— Его имя — Тайлер Прайс, — отвечает Томас в конце концов и нагибается за своим портфелем. Раскрыв его на столе, достает оттуда полицейский снимок и кладет между нами. Я смотрю на лицо Аарона — нет, *Тайлера*. Он и выглядит как какой-нибудь Тайлер — без увеличивающих глаза очков, аккуратно застегнутой рубашки, короткой стрижки. Одно из тех банальных лиц, которые могут принадлежать кому угодно — невыразительные черты, никаких особых примет, — и однако определенное сходство со снимком из интернета, с настоящим Аароном Дженсенем, прослеживается. За двоюродного брата он бы сошел. Или даже за старшего. Из тех, кто покупает старшеклассникам алкоголь, чтобы потом самому заявиться на вечеринку, молча потягивать пиво и наблюдать.

Я сглатываю комочек, сверлю глазами поверхность стола. Тайлер Прайс. Я ругаю себя последними словами за то, что так легко поддалась на обман, согласилась увидеть именно то, что он хотел, — впрочем, может быть, я видела то, что сама хотела? В конце концов, я ведь нуждалась в союзнике. В ком-то, кто займет мою сторону. Но для него это было лишь игрой. Все это — лишь игра. И сам Аарон Дженсен был не более чем персонажем.

— Мы опознали его практически мгновенно, — говорит детектив Томас. — Он из Бро-Бриджа.

Я вскидываю голову, таращу на него глаза.

— *Что?*

— У них здесь на него было заведено личное дело, давно уже, из-за всякой ерунды. Марихуана по мелочи и аналогичные правонарушения. Он даже девятый класс закончить не сумел.

Я снова смотрю на портрет, пытаюсь вызвать в себе воспоминание. Хоть какое-то воспоминание о Тайлере Прайсе. Бро-Бридж ведь городок совсем небольшой — с другой стороны, избытком друзей я тоже никогда не отличалась.

— Что вы еще о нем знаете?

— Его видели на «Кипарисовом кладбище», — отвечает Томас, доставая еще одну фотографию; на ней поисковая партия, а в отдалении — Тайлер, без очков, в низко надвинутой бейсболке. — Убийцы, особенно серийные, часто возвращаются на место преступления. Похоже, в вашем случае Тайлер пошел дальше. Не просто посетил место, но и принял участие в расследовании. Само собой, с определенной дистанции. Такое тоже случается.

Тайлер там был, он везде побывал. Я вспоминаю про кладбище, про то, как все время ощущала спиной чей-то взгляд. Он смотрел, как я брожу между могил, опускаюсь там на корточки. Представляю себе, как он, держа в затянутой в перчатку руке сережку Обри, нагибается, якобы поправляя шнурок, и оставляет сережку там, где я ее найду. И та моя фотография у него на телефоне. Он ведь не в интернете ее нашел, понимаю я. Сам и сделал.

И тут меня наконец осеняет.

Я вспоминаю детство, сразу после ареста отца. Следы, которые мы находили во дворе. Безымянного парнишку, которого я застала заглядывающим в окно. Руководимого болезненным любопытством, зачарованного смертью.

Ты кто такой? — заорала я тогда, бросаясь на него. И ответ его был тем же, что и двадцать лет спустя, прошлой ночью.

Никто.

— Мы сейчас работаем с его машиной, — продолжает детектив Томас, хотя я едва его слышу. — Нашли у него в кармане диазепам. Золотое кольцо, которое предположительно принадлежит Райли. А также браслет. Деревянные бусины и металлический крестик.

Я сдавливаю ногтями переносицу. Слишком много всего за один раз.

— Послушайте, — говорит Томас, наклонившись, чтобы заглянуть мне в глаза. — Вашей вины тут нет.

— Но ведь она есть, — возражаю я. — Это я виновата. Он их из-за меня выбрал. Они из-за меня *умерли*. Я должна была его узнать...

Детектив протягивает руку, встряхивает фотографию.

— Даже не думайте об этом. Двадцать лет прошло. Вы тогда были еще ребенком.

Я знаю, что он прав. Действительно, ребенком, всего двенадцать. Но что с того?

— А про другого ребенка вы тоже помните? — спрашивает Томас.

Я удивленно смотрю на него.

— Какого?

— Райли, — говорит он. — И в живых она осталась благодаря вам.

Глава 44

Мы выходим из участка, и детектив Томас упирает руки в бедра, словно стоит сейчас, обозревая окрестности, где-то на вершине горы, а не на парковке. Шесть утра. Одновременно душно и прохладно — в такую рань подобное случается, — и я вдруг остро осознаю, что вдалеке щебечут птицы, что небо похоже на сахарную вату, что уже едут на работу первые водители. Я щурю глаза, сонная и не вполне понимающая, что происходит. Внутри полицейского участка забываешь о времени — там нет ни часов, ни окон. В четыре утра тебя заставляют выпить еще кофе, из микроволновки на кухне пахнет уже слегка подкисшей пищей, которую разогревает себе сменившийся с дежурства полицейский, а мир медленно ползет мимо тебя. Теперь я чувствую, что мозг отказывается понимать, как так может быть, — уже рассвело, начинается новый день, а мое сознание так и застряло во вчерашнем вечере.

На шее проступают капельки пота, я завожу руку назад и чувствую, как соленая влага сочится между пальцами, будто кровь. Ни о чем другом я думать, похоже, не способна — только про кровь, как она собирается в лужу, выбирая себе путь наименьшего сопротивления. С того самого момента, когда я опустила глаза и увидела, как на животе Тайлера по рубашке медленно расплзается красное пятно. Как кровь сочится на пол, медленно ползет в мою сторону. Обволакивает кроссовки, пропитывает подошвы. Как она течет и течет, словно кто-то надрезал ножницами резиновый шланг, выпустив жидкость наружу.

— Послушайте, вы там раньше говорили... — нарушает молчание Томас. — Насчет жениха.

Я все еще смотрю на кроссовки, на багряный ободок понизу. Не знай я, в чем дело, решила бы, что нечаянно наступила в краску.

— Вы уверены? — уточняет он. — У всего этого может быть другое объяснение...

— Уверена, — перебиваю его я.

— Видео у вас на телефоне. Там ведь толком не разобрать, что у него в ладони. Это может быть что угодно.

— Я уверена.

Чувствую, как он изучает сбоку мое лицо, потом расправляет плечи и сам себе кивает.

— Хорошо. Мы его разыщем. И зададим кое-какие вопросы.

Я вспоминаю последние слова Тайлера; они все еще отдаются эхом в моем доме, в моей голове.

Это он меня заставил.

— Спасибо.

— А пока вам лучше вернуться домой. Отдохнуть. Я отправлю полицейского в штатском патрулировать ваш район, просто на всякий случай.

— Да, — говорю я. — Да, хорошо.

— Вас подбросить?

Детектив Томас довозит меня до машины, все еще припаркованной рядом с домом, где я провела детство. Я не решаюсь поднять глаза — просто перелезаю из полицейской машины в свою, не отводя взгляда от гравия, заводжусь и отъезжаю. По дороге обратно в Батон-Руж ни о чем толком не думаю, только гляжу на разделительную полосу, пока не чувствую, что уже заработала косоглазие. Миную знак, приглашающий посетить Энголу, тридцать пять миль к северо-востоку, — и только крепче сжимаю руль. В конце концов, в него все и упирается, в моего отца. Счета Патрика, то, как Тайлер пытался отговорить меня от посещения тем вечером в мотеле. *Хлоя, это опасно.* Отец что-то знает. Ключ ко всему этому в его руках. Он — связующее звено между Патриком и Тайлером, между мертвыми девочками и мной; он объединяет нас всех, словно мух, угодивших в одну паутину. Он располагает ответами — он, и никто другой. Само собой, я давно это знала. В мыслях я играла с идеей посетить его, крутила ее в сознании, словно комок глины в пальцах, надеясь, что он обретет форму. Что даст мне ответ.

Так я ничего и не получила.

Вхожу в дверь, ожидая услышать мелодичный звон, уже ставший привычным успокоительный звук охранной системы, но она молчит. Гляжу на пульт и вижу, что он не активирован. Потом вспоминаю, как смотрела в телефоне на Патрика, выключающего свет, — последним из дома вышел он. Набрал на клавиатуре код, я поднимаюсь наверх и иду прямым ходом в ванную, где бросаю сумочку на крышку унитаза. Набираю

полную ванну, вывернув ручку до упора в надежде, что обжигающая вода прокалит меня насквозь, начисто смыв Тайлера с кожи.

Попробовав воду кончиком большого пальца, я соскальзываю в ванну; тело быстро приобретает рассерженно-розовый цвет. Вода покрывает грудь, потом ключицы. Я погружаюсь так глубоко, что снаружи остается лишь лицо; в ушах слышен шум крови. Я скашиваю глаза в сторону сумочки, внутри которой — емкость с таблетками. Воображаю себе, как глотаю их все и проваливаюсь в сон. Тело в ванне оседает все глубже, от губ отделяются мелкие пузырьки, потом один большой пузырь — и все. Наконец наступит покой. И тепло вокруг. Интересно, как скоро меня найдут? Вероятно, не один день пройдет. А то и вся неделя. Уже начнет отделяться кожа, клочьями всплывать на поверхность, словно листья кувшинок...

Я смотрю на воду и вижу, что она сделалась бледно-розовой. Хватаю мочалку и принимаюсь тереть кожу, сдирать с рук присохшую кровь Тайлера. Ничего уже не осталось, но я все тру, тру изо всех сил. До боли. Потом наклоняюсь вперед, выдергиваю затычку и сижу так, пока не уйдет вода.

Натянув спортивные штаны и такой же свитер, спускаюсь вниз, иду в кухню и наливаю стакан воды. Залпом его выпиваю и со вздохом, понуриив взгляд, гляжу на донышко. Но тут же снова поднимаю голову и прислушиваюсь. По коже волной несутся мурашки; я осторожно ставлю стакан и делаю шагок в сторону гостиной. Я что-то слышала. Приглушенный звук. Неясное движение, которого я и не заметила бы, если б не столь острое в этот миг чувство одиночества.

Вхожу в гостиную — и цепенею, уставившись на Патрика.

— Привет, Хлоя.

Я молча взираю на него и воображаю себя наверху, в ванне, с закрытыми глазами. Которые я открываю и вижу Патрика над собой. Его протянутые руки толкают меня вниз. Мой широко раскрытый рот, потоки воды и вопль, захлебывающийся, словно двигатель старого автомобиля за мгновение до кончины.

— Я не хотел тебя напугать.

Я смотрю в сторону двери, на пульт, оставшийся неактивированным. И тут понимаю, что он не покидал дом. Вспоминаю тот кадр, где он стоит у двери и, вздохнув, выключает свет.

Изображение делается темным. Но я не видела, чтобы он открывал дверь. Не видела, как он выходил.

— Я знал, что ты не вернешься, если только не будешь уверена, что я уехал, — говорит, читая мои мысли, Патрик. — Планировал тебя дождаться, чтобы поговорить. Я даже видел, как ты вчера подъехала и припарковалась снаружи. Но потом снова уехала. И не вернулась.

— Там снаружи полицейский в штатском, — вру я. Не видела я никого, когда подъезжала. Хотя, может, он все-таки там. Хотелось бы надеяться. — Тебя ищут.

— Просто позволь мне объяснить...

— Я виделась с твоей матерью.

Похоже, он ошарашен — не ожидал. У меня нет никакого плана, но при виде Патрика у себя дома, как обычно уверенного в себе, во мне просыпается гнев.

— Она мне все про тебя рассказала, — говорю я. — Про твоего отца, как он ее бил. Как ты одно время пытался вмешиваться, а потом решил, что так и надо.

Пальцы Патрика сжимаются в кулаки, пока еще не слишком плотно.

— С ней именно так и было? — спрашиваю я. — С Софи?

Я представляю себе, как Софи Бриггс возвращается домой от подружки; розовые кроссовки стучат по ступеням, хлопает рама с сеткой. Она ступает внутрь и видит ссутулившегося на диване Патрика, его кривую ухмылку и мертвые глаза. Представляю, как она торопится мимо него, спотыкаясь о разбросанный на ковре мусор, устремляется к ступеням, ведущим вверх, к ее комнате. Патрик у нее за спиной, уже совсем рядом, хватая ее за забранные в хвостик волосы и резко дергает. Шея откидывается назад, раздается треск, словно сломался сучок. И приглушенный вопль, которого никто не слышит.

— Может, ты ничего такого и не хотел. Просто все зашло слишком далеко.

Ее тело у подножия лестницы, обмякшие руки и ноги, словно влажные макаронины. Патрик трясет ее за плечо, потом нагибается, поднимает руку — которая мертво падает обратно. Он осторожно снимает с пальца кольцо, запихивает в карман. Дурные привычки так и начинаются, с несчастных случаев: сломанный мизинец может

привести к наркомании. Если б не боль, человек и не узнал бы никогда, чего ему так сильно хотелось.

— Ты думаешь, что я убил собственную сестру? — спрашивает Патрик. — Ты к этому клонишь?

— Я знаю, что ты ее убил.

— Хлоя...

Осекшись на полуслове, он вглядывается в меня. И в этом взгляде — не замешательство, не гнев и не тоска. В нем то же самое, что я уже видела бесчисленное количество раз. В глазах собственного брата, полицейских. Итана, Сары, детектива Томаса. В зеркале, когда я вглядываюсь в собственное отражение, пытаюсь отделить реальность от воображения, *тогда от сейчас*. Я так боялась увидеть это в глазах своего жениха, изо всех сил пыталась месяц за месяцем избежать такого момента. И вот он наконец наступил.

Первый намек на беспокойство — не за меня, но за мой рассудок.

Жалость, испуг.

— Я не убивал свою сестру, — медленно произносит Патрик. — Я ее спас.

Глава 45

Эрл Бриггс пил бурбон «Джим Бим». Всегда чуть теплый оттого, что открытая бутылка стояла на столе в гостиной, и лучи солнца из окон преломлялись в ней, словно в окаменевшем янтаре. Всегда из высоких стаканов, наполняя их до краев. Губы его от этого вечно поблескивали, словно бензиновая лужа, а от дыхания пахло чем-то медицинским. Приторно-сладковатым, словно от подтаявшей на солнце ириски.

— Я всегда умел определять время суток по количеству жидкости в бутылке, — говорит Патрик, опускаясь на диван и глядя в пол. В обычное время я подошла бы к нему, обвила рукой. Провела ногтем по коже между лопатками. В обычное время. Сейчас я просто стою на месте. — Я начал относиться к ней как к песочным часам. Сначала сосуд полный, потом содержимое постепенно исчезает. Когда он опустеет, всем лучше держаться подальше.

Хотя мой отец очевидным образом был одержим собственными демонами, алкоголь в их число не входил. Я смутно припоминаю, как он открывал себе слабоалкогольное пиво, проработав денек во дворе. Дескать, запотевшая бутылочка — лучшее средство от потной спины. Крепкие напитки он употреблял очень редко, лишь по особым случаям. Кажется, лучше б уж пьянствовал. У каждого свои пороки; иные, подвыпив, смолят одну сигарету за другой, а Дик Дэвис вот убивал. Хотя нет, все было не так. Ему для насилия никакие химические стимулянты не требовались. Так я этого его демона понять и не смогла.

— Он не один уже год на маму руку поднимал, — говорит Патрик. — По любому поводу. Из-за каждой мелочи готов был начать.

Я вспоминаю о синяке у Дианы под глазом, о ее руках, похожих на хорошо отбитый бифштекс. *Мужа зовут Эрл. И характер у него еще тот.*

— Я не мог понять, отчего она от него не уйдет. Просто не заберет нас и не уйдет. Она не пыталась. И мы вроде как научились лавировать. Я и Софи. Держать дистанцию, ходить на цыпочках. Пока однажды я не вернулся из школы домой...

Вид у Патрика такой, словно ему физически больно, словно у него камень в глотке застрял. Он изо всех сил зажмуривается, потом смотрит на меня.

— Хлоя, он ее избил до полусмерти. Собственную дочь. И это еще не самое страшное. Мама за нее не вступилась.

Я даю волю воображению: Патрик, совсем юный, семнадцатилетний, возвращается из школы домой с рюкзаком на плече, а навстречу ему из входной двери плывут уже знакомые рыдания. Он входит внутрь, в заполненную табачным дымом комнату. Но вместо привычной сцены видит свою мать склонившейся над кухонной раковиной в надежде, что хлещущая из крана вода заглушит, утопит звуки.

— Боже, я ведь пытался ее заставить... Хоть как-то встать на защиту. Но она ни во что не вмешивалась. Наверное, решила, что уж лучше пусть Софи, чем ее. Если честно, думаю, она даже облегчение почувствовала.

Я представляю себе, как Патрик бежит через комнату мимо мусорных куч, облезлой кошки и разбросанных по полу окурков. Как ломится в запертую дверь, но никто не обращает внимания на его крики. Как кидается обратно в кухню, хватая за руку мать. *СДЕЛАЙ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ!* Представляю охватившую его панику, такую же, которую испытала сама, когда вбежала в родительскую спальню, где рядом со шкафом валялась почти совсем мертвая мама, больше похожая на выпавшую из корзины с грязным бельем кучу одежды. Купер смотрит на нее. И ничего не делает. Понимание, что теперь мы предоставлены сами себе.

— Тогда я и осознал, что ей нужно уйти из дома. Причем сама она этого не сделала бы, если б я ее не вытащил. Постепенно превратилась бы в такую же маму. Если бы осталась в живых.

Я позволяю себе сделать шагок в его сторону — лишь один. Похоже, Патрик не замечает этого — он весь погружен в собственные воспоминания, которые льются сейчас через край. Мы с ним поменялись ролями.

— Я слышал про твоего отца в Бро-Бридже, откуда и почерпнул идею. Вдохновение. Сделать так, чтобы она исчезла.

Спрятанная у него на полке статья, фото моего отца.

ИМЯ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ ИЗ БРО-БРИДЖА — РИЧАРД ДЭВИС. ТЕЛА ТАК И НЕ ОБНАРУЖЕНЫ

— После школы она зашла к подружке и не вернулась. Родители до следующего вечера даже и не хватились. Двадцать четыре часа ее не было... и хоть бы что. — Патрик машет рукой — дескать, ерунда какая. — Я ждал, пока они что-нибудь скажут. Просто сидел и ждал, чтобы они заметили. В полицию позвонили или *хоть что-то*. Но нет. А ей было всего тринадцать... — Он качает головой, словно все еще не веря. — Мать подружки на следующий вечер позвонила, той, у которой Софи была в гостях, — по-моему, она учебники там оставила, поскольку знала, что они ей уже ни к чему. Только тогда они и поняли. Чужие родители раньше заметили, чем собственные. Ну и все тогда решили, что с ней случилось то же самое, что и с другими девочками. Что ее тоже похитили.

Я представляю себе изображение Софи в обшарпанном телевизоре — обычно такие держат на кухне, но там его водрузили в гостиной на складной столик. На экране вспыхивает тот самый школьный портрет, ее *единственный* портрет. Диана смотрит на Патрика, который молча улыбается в уголке, поскольку знает правду.

— И где же она? — спрашиваю я. — Раз она все еще жива...

— Хаттисберг, штат Миссисипи, — произносит Патрик преувеличенно звонко, словно заблудившийся водитель, читающий название на карте. — Кирпичный домик с зелеными ставнями. Если случается ехать мимо, я обязательно ее навещаю.

Я закрываю глаза. Я видела это название на одном из чеков. Хаттисберг, Миссисипи. Закусочная «У Рикки». Один куриный салат, один чизбургер средней прожарки. Два бокала вина. Двадцать процентов чаевых.

— С ней все в порядке, Хлоя. Она жива. И в безопасности. Мне только это и было нужно.

Концы начинают сходиться с концами, хотя и совершенно не так, как я ожидала. Но я все еще не знаю, можно ли полностью ему верить. Поскольку осталось еще столько необъясненного...

— Почему ты мне не рассказал?

— Я собирался. — Я стараюсь не обращать внимания на его умоляющий тон, на легкую дрожь в голосе, отчего кажется, что он вот-

вот заплачет. — Ты даже не представляешь себе, как много раз я уже почти что тебе признался.

— И что тебе помешало? Я про свою семью все тебе рассказала!

— Да именно это и помешало, — говорит Патрик, дергая себя за волосы. Теперь у него расстроенный голос, словно мы поссорились из-за того, чья очередь мыть посуду. — Я с самого начала знал, кто ты, Хлоя. Узнал тебя в тот самый миг, когда мы столкнулись в вестибюле. А потом, в баре, ты об этом не стала заговаривать, а я тем более не хотел начинать первым.

Эти его мелкие наводящие вопросы и то изумление, с которым он, казалось, на меня поглядывал. Потом я вспоминаю про вечер на диване, и у меня кровь приливает к лицу.

— Так что, ты предоставил мне возможность рассказать все самой, а сам сделал вид, что впервые об этом слышишь?

Осознав весь масштаб его лжи, я не могу не взбеситься. Во что он заставлял меня верить, что мне по его воле пришлось чувствовать!

— Ну а что мне еще оставалось? Перебить тебя посередине фразы? «А, ну да, Дик Дэвис. Это который навел меня на мысль инсценировать убийство сестры». — Патрик издает самоуничижительный смешок, и почти мгновенно его лицо снова делается серьезным. — Я не хотел, чтобы ты решила, будто я до тех пор тебе лгал.

Я так ярко помню тот вечер, и как мне полегчало, когда я все рассказала... Внутри все саднило — и одновременно казалось чистым, будто слова унесли с собой и заразу. Его палец у меня на подбородке поднимает мою голову вверх. Слова, которые я слышу впервые. *Я люблю тебя.*

— А что ты, по-твоему, делал?

Патрик вздыхает, упирает руки в бока.

— Я тебя не виню. За то, что ты разозлилась. Имеешь полное право. Но я не убийца, Хлоя. Поверить не могу, что такое могло прийти тебе в голову.

— А зачем тебе тогда понадобился мой отец?

Патрик смотрит на меня. Глаза усталые, словно он только что таранился на солнце.

— Если у тебя на все имеется невинное объяснение, если скрывать тебе нечего, зачем ты тогда к нему ездил? — продолжаю я. —

Что между вами общего?

Он словно чуть уменьшается в объеме, как если бы где-то случилась утечка воздуха. Воздушный шарик, застенчиво плавающий в углу, пока не сморщится окончательно. Потом запускает руку в карман и достает оттуда длинную серебряную цепочку. Я смотрю, как его большой палец гладит жемчужину в центре подвески, делает небольшие круги, раз за разом, будто полируя. Кажется, что она нежная, будто кроличья лапка-талисман или щека новорожденного, мягкая и сочная, будто спелый персик. На мгновение я вспоминаю, как Лэйси теребила свои четки у меня в кабинете, взад-вперед, вверх-вниз...

Наконец он отвечает.

Глава 46

Я сижу у кухонной стойки; на ней посередине между двумя полными бокалами проходит аэрацию открытая бутылка вина. Один из бокалов я чуть вращаю взад-вперед, зажав пальцами его тонкую ножку. Слева от меня — оранжевый пузырек с открученной крышкой.

Я бросаю взгляд на настенные часы, где часовая стрелка уже приблизилась к семи. Разросшиеся ветви магнолии за окном царапают стекло, будто когтями. Стук в дверь я чуть ли не ощущаю еще до того, как услышала, подобно тому, как после вспышки молнии в воздухе на несколько секунд тяжело повисает тишина, пока ты ждешь громового раската. Потом раздаются быстрые удары в дверь кулаком — всегда одинаковые, все равно что отпечатки пальцев, — а за ними знакомый голос:

— Хлоя, это я. Открывай.

— Не заперто! — кричу я, глядя прямо перед собой. Слышу скрип двери, двойное позвякивание сигнализации. Тяжелые шаги брата — он проходит внутрь, закрывает за собой дверь. Подходит к стойке, целует меня в висок, потом я чувствую, как он застывает на месте.

— Не переживай, — говорю я, ощущая его взгляд на пузырьке. — Все в порядке.

Купер переводит дыхание, вытягивает из-под стойки второй табурет и садится рядом. Какое-то время мы ничего не говорим, словно играя в молчанку. Каждый надеется, что заговорит другой.

— Послушай, я понимаю, что последняя пара недель далась тебе нелегко. — Он признает поражение, кладет руки на стойку. — Мне и самому-то несладко пришлось.

Я не отвечаю.

— Как ты справляешься-то?

Я поднимаю вино, касаюсь губами края бокала. Оставляю его в этом положении и смотрю, как мое дыхание оставляет на стекле туманное пятно, которое почти сразу же исчезает.

— Я убила человека, — отвечаю я наконец. — Как я, по-твоему, должна справляться?

— Даже представить себе не могу, каково это.

Я киваю, отпиваю вина, снова ставлю бокал на стойку и поворачиваюсь к Куперу.

— Я что, одна буду пить?

Он внимательно смотрит на меня; его глаза изучают мое лицо, словно пытаюсь в нем что-то отыскать. Что-то знакомое. Не найдя, тянется ко второму бокалу и тоже делает глоток. Выдыхает, крутит шейю, чтобы размять ее.

— Мне жаль, что с Патриком так вышло. Знаю, что ты его любила. Я с самого начала чувствовал, что с ним что-то не так... — Он замолкает, колеблется. — Ну, теперь-то все кончилось. Рад, что ты в безопасности.

Я молчу и жду. Купер делает еще несколько глотков; алкоголь бежит по его венам, расслабляет мускулы. Потом я гляжу ему прямо в глаза:

— Расскажи мне про Тайлера Прайса.

Я вижу, как по его лицу волной пробегает тревога, пусть всего лишь секундная. Легкая дрожь, миниатюрное землетрясение, потом он снова берет себя в руки и лицо делается каменным.

— Что ты от меня хочешь? Новости тебе пересказать?

— Нет, — я качаю головой, — я хочу знать, каким он был на самом деле. Вы все-таки были знакомы. Даже дружили.

Он смотрит на меня, снова стреляет глазами на пузырек с таблетками.

— Хлоя, ты говоришь какую-то ерунду. Я его и не встречал никогда. Это верно, он из нашего городка, но он ведь был никто. Одиночка.

— Одиночка, — повторяю я за ним, вращая в ладонях ножку бокала; его основание ритмично шаркает по мрамору стойки. — Хорошо. И как же он в таком случае проник в «Риверсайд»?

Я вспоминаю то утро у мамы, когда увидела имя Аарона в журнале посещений. Меня страшно взбесило, что они допустили к ней в комнату постороннего. Взбесило настолько, что я даже не услышала, что мне говорят, не обратила внимания.

Милочка, мы не пускаем никого, кто не имел бы разрешения от родственников.

— Черт побери, я ведь просил тебя не пить эти сраные таблетки, — говорит Купер, протягивая руку к пузырьку. Берет его, и я

следом за ним чувствую, что пузырек у него в ладони ничего не весит. — Господи, ты их что, все выпила?

— Таблетки ни при чем, Купер. Насрать на таблетки.

Он смотрит на меня, как смотрел двадцать лет назад, когда я, глядя на отца в телевизоре, прокаркала сквозь зубы те слова, словно табачную слюну выплюнула, горькую и шершавую. *Трус засранный.*

— Ты его знал, Купер. Ты всех знал.

Я представляю себе Тайлера подростком, тощим и неуклюжим, и почти всегда в одиночестве. Безымянное и безликое существо, таскающееся за братом на фестивале раков, бредущее за ним к дому, ожидающее под его окном. Выполняющее приказы. Мой брат ведь со всеми был на дружеской ноге. С ним все себя чувствовали в тепле, в безопасности, кому-то нужными.

Я снова вспоминаю беседу с Тайлером у воды, когда мы говорили о Лине. Как она была ко мне добра, как обо мне заботилась.

Это и называется — друг, сказал он тогда, кивнув. С пониманием. *Причем, на мой взгляд, лучшего свойства.*

— Ты нашел его, — говорю я. — Обратился к нему. Привез сюда.

Купер смотрит на меня; его рот открыт, словно шкафчик с разболтавшейся петлей. Я вижу, что слова застряли у него в глотке подобно куску хлеба, и понимаю, что не ошиблась. Потому что Куперу всегда есть что сказать. У него всегда находятся слова, *подходящие* слова.

Ты ведь моя сестренка, Хлоя. Хочу, чтобы у тебя все было замечательно.

— Хлоя, — шепчет он, тараща на меня глаза. Теперь я замечаю все — как пульсирует жилка у него на шее, как он потирает блестящие от пота пальцы. — Что за херню ты несешь? Зачем бы мне это делать?

Я представляю себе Патрика сегодня утром в гостиной, пальцы опутаны цепочкой. Неуверенность в его голосе, когда он начал мне все рассказывать, печальный взгляд, будто он вынужден подвергнуть меня эвтаназии — поскольку в каком-то смысле так оно и было. Гуманное убийство — прямо здесь, в собственной гостиной. *Убей ее, но нежно.*

— ...Когда ты в первый раз рассказывала мне про своего отца, — сказал тогда Патрик, — про Бро-Бридж, про все, что он сделал, я это уже знал. Во всяком случае думал, что знаю. Но многое из рассказанного тобой сильно меня удивило.

Я вспоминаю тот вечер, в самом начале наших отношений. Пальцы Патрика гладят мои волосы. А я рассказываю ему все — про отца, про Лину, про то, как он глядел на нее в тот день на фестивале, глубоко засунув руки в карманы. Про скользящую через темный двор фигуру, про шкатулку в шкафу, про танцующую балерину и мелодию, которая продолжает играть у меня в голове, не давая уснуть по ночам.

— Мне это показалось странным. Всю свою жизнь я считал, что знаю, кто такой твой отец. Исчадие зла. Убийца маленьких девочек. — Я представляю себе Патрика в его собственной спальне, подростка с газетной вырезкой в руках, пытающегося все себе вообразить. Газеты расписали нас тогда в черно-белых тонах. Мама, позволившая злу свершиться. Купер, золотой мальчик. Я, маленькая девочка, постоянное напоминание. И отец, воплощенный дьявол. Одномерный и падший. — Но, слушая твой рассказ о нем, я начал сомневаться. Не все укладывалось в картину.

Потому что Патрику, ему одному, я могла рассказать, что не все было так плохо. Могла говорить и о добрых воспоминаниях. О том, как отец устилал лестницу полотенцами и спускал нас по ней в корзине для белья, поскольку нам никогда не доводилось покататься на санках. Как он выглядел по-настоящему напуганным, когда на нас обрушились новости — я на кухне, верчу в пальцах мятно-зеленое покрывало, и красная полоса вдоль экрана. *ПРОПАЛА ДЕВОЧКА ИЗ БРО-БРИДЖА*. Как он крепко меня тогда обнял, как ждал каждый день на крыльце, как проверял по вечерам, что я заперла окно.

— Если это он все совершил, если он убил девочек, от кого он тебя-то пытался защитить? — спросил меня Патрик. — Чего ему было опасаться?

У меня тогда защипало глаза. Ответа на этот вопрос у меня не было. На вопрос, который я сама себе задавала всю жизнь. Как раз в этих воспоминаниях я и сама пыталась разобраться — в воспоминаниях об отце, противоречивших образу того чудовища, которым он потом оказался. Как он вручную мыл посуду, как снял с моего детского велосипеда боковые колеса, как брал с собой на рыбалку. Помню, я расплакалась, поймав свою первую рыбу; она хватала воздух растопыренными губами, а отец зажал ей пальцами жабры, потому что мне показалось, что у нее идет кровь. Вообще-то,

ее предполагалось съесть, но я так расстроилась, что отец бросил ее обратно в воду. Чтобы она жила и дальше.

— А когда ты мне рассказала про арест — как он не пытался бежать, не отбивался... — продолжил Патрик, придвинувшись поближе. Словно надеялся, что я наконец пойму. Наконец соображу. Что ему не придется произносить самому. Что убийство окажется самоубийством, что на спусковой крючок нажмет не он своим языком, а я сама, собственным сознанием. — Как прошептал всего лишь три слова.

Отец, уже в наручниках, собирается с силами для прощания. Смотрит сперва на меня, потом на Купера. Уставился на брата, словно, кроме него, в комнате никого и нет. И вот тут меня стукнуло по-настоящему, предательски, ниже пояса. Отец *к нему* обращался, не ко мне. Он говорил с Купером.

Говорил с ним, просил его, умолял.

Чтоб без глупостей.

— ...Это ты убил тех девочек в Бро-Бридже, — произношу я, глядя на брата. Слова, которые уже какое-то время вертела на языке, пытаюсь понять, каковы они на вкус. — Ты убил Лину.

Купер молчит, его глаза начинают стекленеть. Он опускает взгляд на бокал — на донышке еще осталось немного вина; он подносит его к губам и допивает.

— Патрик это понял. — Я заставляю себя продолжать. — Теперь все встало на свои места. Понятно, откуда эта враждебность между вами. Патрик знал, что папа не убивал этих девочек. *Ты* их убил. Патрик знал это, но доказать не мог.

Я вспоминаю вечеринку, когда Патрик обвил рукой мою талию и притянул поближе к себе — и подальше от Купера. Как я ошибалась насчет него! Он не пытался мной управлять, он хотел меня защитить — от Купера и от правды. Я даже вообразить не могу, как ему приходилось балансировать свои слова и чувства — чтобы, находясь от брата на расстоянии вытянутой руки, ничего при этом не выдать.

— И ты это тоже знал, — продолжаю я. — Знал, что Патрик тебя раскусил. И поэтому пытался настроить меня против него.

Купер, у меня на крыльце, произносит слова, которые с того самого дня подобно раку разъедали мой мозг. *Ты его не знаешь, Хлоя.* Цепочка в глубине нашего шкафа. Купер спрятал ее там в день

вечеринки. Он приехал раньше всех, открыл дверь собственным ключом и тихо пристроил в том самом месте, где она нанесет самый сильный удар, после чего выбрался наружу, чтобы укрыться в тени. В конце концов, я ведь через это уже проходила. В университете, с Итаном, когда тоже заподозрила самое худшее. Купер знал, что если выкопать правильные воспоминания и посадить их в благодатную почву, они там разрастутся, выйдут из-под контроля, словно сорняки. И все собой поглотят.

Я думаю о Тайлере Прайсе, похитившем Обри, Лэйси и Райли, с точностью воссоздав преступления Купера, поскольку тот разъяснил ему, что именно делать. Думаю о том, какой нужно быть надломленной личностью, чтобы кто-то другой уговорил тебя убивать. Надо полагать, то же самое происходит, когда пострадавшие в прошлом женщины пишут уголовникам в тюрьмы с брачными предложениями или совершенно обычные на вид девушки подпадают под влияние извергов. Одно и то же: одинокие души ищут общества, хоть какого-нибудь. *Никто*, сказал он про себя, и глаза его были как выпитые стаканы — пустые, влажные и хрупкие. И сама я точно так же раз за разом оказывалась в постели с чужими мне людьми, в страхе за собственную жизнь и одновременно готовая рискнуть. *Ты не сумасшедшая*, сказал Тайлер, глядя мои волосы. Потому что опасность — она все усиливает. Сердцебиение, эмоции, осязание. Все это вместе — твое желание ощущать жизнь, поскольку в присутствии опасности невозможно не чувствовать себя *живой*; мир вокруг словно обволакивает темная дымка, самим своим существованием доказывающая — ты здесь, ты еще дышишь.

Но все это может кончиться в одно мгновение.

Теперь я вижу все очень ясно. Как брат снова вовлекает Тайлера — одинокого, потерянного — под собственное влияние, поскольку делал это и раньше. *Он меня заставил*. В нем всегда было что-то такое. В Купере. Притягивающая людей аура, очарование, от которого очень трудно избавиться. Все равно что железу бороться с притяжением магнита — мягким, естественным. Какое-то время сопротивляться, подрагивая под нарастающим давлением, еще удастся. Но рано или поздно все равно сдаешься — так мой гнев всякий раз таял, когда он заключал меня в столь знакомые объятия. Так в школе вокруг него постоянно роились поклонники, готовые рассыпаться по сторонам,

повинуясь небрежному взмаху руки, если делались не нужны — словно не люди, а надоедливые насекомые. Расходный материал. Существующий ради его удовольствия, и ничего другого.

— Ты пытался подставить Патрика, — говорю я наконец, и слова мои оседают, словно зола после пожара, покрывая все в комнате слоем пепла. — Потому что он тебя насквозь видел. Все про тебя понял. Тебе нужно было от него избавиться.

Купер смотрит на меня, закусив изнутри собственную щеку. Я вижу, как внутри его глаз вращаются шестеренки, как он пытается все рассчитать — что можно сказать, что нельзя. Наконец решается.

— Не знаю, Хлоя, что тебе ответить. — Голос его — густой сироп, язык будто покрыт наждаком. — У меня внутри мрак. Мрак, который пробуждается по ночам.

Я слышала эти слова из уст отца. Который выдавливал их из себя почти автоматически, сидя в зале суда с кандалами на ногах, и на тетрадь перед ним упала единственная слезинка.

— Он очень могучий. Я не могу ему противостоять.

Купер, вжавшийся носом в экран, словно все остальное в комнате попросту испарилось, превратившись в бурлящий вокруг него вихрь. Смотрит, как отец повторяет слова, которые, вероятно, сам Купер и сказал ему, когда попался.

— Словно огромная тень, всегда в углу комнаты, — говорит он. — Засосал меня и проглотил целиком.

Я борюсь с тошнотой, а откуда-то изнутри моего живота уже всплывает заключительная фраза. Забившая в гроб отца последний гвоздь. Произнесенная на остатках дыхания риторическая фигура, уничтожившая его в моих глазах. Фраза, разгневавшая меня до мозга костей — попытка отца свалить вину на выдуманное существо. Слезы — не от раскаяния, а оттого, что попался. Теперь я знаю, что все было не так. Совершенно не так.

Я открываю рот и выпускаю слова наружу.

— Иногда мне кажется, что это сам дьявол.

Глава 47

Ответы словно всегда были прямо передо мной — приплясывали, но в руки не давались. Вертелись, как Лина — бутылка в поднятой вверх руке, драные шорты, две косы, трава налипла на кожу, и в дыхании тоже чувствуется «травка». Как балерина, розовая, с облупившейся краской, танцующая под негромкое позвякивание. Но когда я протягивала руку, пытаюсь коснуться их, ухватить, ответы таяли, как дым, протекали между пальцами, и ничего не оставалось.

— Украшения, — говорю я, глядя на силуэт Купера, на его взрослое лицо, превращающееся у меня в глазах в юную физиономию брата. Ему всего-то пятнадцать лет тогда исполнилось. — Они у тебя были.

— Папа нашел их в моей комнате. Под половицей.

Под той, про которую я ему рассказала, когда нашла журнальчики. Я опускаю голову.

— Он забрал оттуда шкатулку, все протер и спрятал в шкафу, пока не решит, что с этим делать. Но не успел. Ты обнаружила ее раньше.

Я ее обнаружила. Случайно наткнулась, когда искала косынку. Открыла ее, достала оттуда светлячка Лины, серого и мертвого. А я ведь знала. Знала, что он принадлежит Лине. Видела его в тот день, прижавшись лицом к ее животу, к гладкой теплой коже.

На нас смотрят.

— Папа не на Лину тогда пялился, — говорю я, вспоминая выражение его лица — рассеянное, даже какое-то испуганное. Поглощенное терзающей его сознание невысказанной мыслью — что его сын присматривается сейчас к новой жертве. — Тогда, на фестивале. Он смотрел на тебя.

— После Тары. — Теперь, когда Купер начал говорить, слова текут, как я и ожидала, куда свободней. Я смотрю на его бокал, на лужицу вина на самом доньшке. — Он на меня все время так смотрел. Как будто знал.

Тара Кинг. Сбежавшая из дома за год до того, как все началось. Тара Кинг, девочка, о которой Теодор Гейтс поспорил с мамой. Загадка, не вписавшаяся в схему. Никто ничего не смог доказать.

— Она была первой, — говорит Купер. — Я тогда уже начал задумываться. Каково оно было бы.

Мой взгляд против воли устремляется в угол, где когда-то стоял Берт Родс.

Ты себе хоть представляешь, что это такое? Я ночами не спал. Вообразал.

— И вот как-то вечером заметил ее. На обочине, одну.

Я вижу все это ярко, словно в кино. Хочется кричать в пустоту, чтобы остановить надвигающуюся опасность. Но никто не услышит, никто не станет слушать. Купер в отцовской машине. Он только что начал водить — и наверняка ощущал свободу, подобную глотку свежего воздуха. Представляю себе, как он остановил машину, молча сидел за рулем и наблюдал. Всю жизнь его окружали целые толпы: в школе, в спортзале, на фестивале кто-нибудь обязательно оказывался рядом и не желал уходить. Однако сейчас он был один и почувствовал шанс. Тара Кинг. Тяжелый чемодан на плече, оставленная на кухне записка. Уходит из дома, убегает. Когда она исчезла, никто ее даже искать не пытался.

— Помню, я еще удивился, как все просто, — продолжает Купер, впившись глазами в поверхность стойки. — Руки на горле, и движения просто... замирают. — Он замолкает, смотрит на меня. — Тебе точно нужно это слышать?

— Купер, ты мой брат, — говорю я и накрываю его ладонь своей. Сейчас меня от прикосновения к его коже тошнит. И хочется куда-нибудь сбежать. Тем не менее я заставляю себя произнести слова, *его* слова, которые, как я знаю, прекрасно срабатывают. — Расскажи мне обо всем.

— Я все ждал, что меня поймают. Ждал, что кто-нибудь объявится у нас дома — полиция или уж не знаю кто... но никто не пришел. Даже разговоров никаких не было. И тогда я понял... что мне все может сойти с рук. Никто ничего не знал, только...

Купер снова прерывается, сглатывает комок, будто понимает, что его следующие слова ударят меня больней, чем все, что уже прозвучало.

— Только Лина, — заканчивает он. — Лина знала.

Лина — которая тоже все время гуляла ночами в одиночку. Вскрывала запертую дверь спальни, выбиралась наружу и бродила во

тьме. И заметила Купера в машине, которая медленно ехала за шагающей вдоль обочины и ничего не подозревающей Тарой. Лина его видела. И она не была влюблена в Купера; она проверяла его, дразнила. Она единственная на свете знала его тайну, и эта власть ее пьянила, заставляла, как ей это было свойственно, играть с огнем, придвигаясь все ближе и ближе, пока он не опалит кожу. *Покатал бы меня как-нибудь на машине, что ли!* — крикнула она ему через плечо. Окаменевшая спина Купера, засунутые глубоко в карманы руки. *Ты ведь не хочешь стать такой, как Лина.* Я представляю ее лежащей на траве, по щеке ползет муравей — но она не шевелится. Не мешает ему ползти. Мы взламываем дверь в спальню Купера; улыбка, искривившая ее губы, когда он нас застал, — все понимающая, и упертые в бока руки; она ему чуть ли не вслух говорит: «Смотри, что я могу с тобой сделать».

Лина была неуязвимой. Все мы так думали, даже она сама.

— Лина была для тебя камнем на шее, — говорю я, изо всех сил пытаюсь проглотить царапающие горло слезы. — И пришлось от нее избавиться.

— А потом, — он пожимает плечами, — смысла останавливаться уже не было.

Моего брата ведь не сами убийства привлекали — теперь я это точно знаю, глядя, как он сгорбился над кухонной стойкой, охваченный вихрем многолетних воспоминаний. Не убийства, а контроль. И мне это каким-то образом понятно. Так, как может быть понятно лишь члену семьи. Я вспоминаю собственные страхи, потерю контроля, которую все время воображаю. Руки у меня на шее — и вот-вот сожмутся. Тот самый контроль, который я так боялась потерять, Купер обожал присваивать. Его он чувствовал в те мгновения, когда девочки понимали — что-то не так. Ужас в их глазах, дрожь в умоляющем голосе: «Прошу тебя, я все-все сделаю». Понимание, что ему, ему одному принадлежит сейчас выбор между жизнью и смертью. На самом деле он всегда таким и был — когда ткнул ладонью в грудь Берту Родсу, вызывая его на бой. Когда двигался кругами по борцовскому мату, сгибая и разгибая пальцы, подобно тигру, кружащему вокруг слабого противника в готовности впиться в него когтями. Что он чувствовал, взяв в захват шею соперника? Сдавливая ее, выкручивая. Раз — и сломается. Это ведь совсем несложно, когда у

тебя под пальцами пульсирует яремная вена. Отпуская их, он, должно быть, ощущал себя богом. Дарующим еще один день жизни.

Тара, Робин, Сьюзен, Маргарет, Керри, Джилл. В этом для него тоже заключался азарт — выбирать, растопырив пальцы, как выбираешь сорт мороженого, разглядываешь стеклянную витрину, а потом, когда выбор сделан, тычешь пальцем и забираешь. Только Лина оказалась другой, особенной. В ней чувствовалось что-то сверх этого, потому что она такой и была. И выбор оказался не случайным, но из необходимости. Лина *знала*, поэтому ее и пришлось убить.

Отец тоже знал. Однако эту проблему Купер решил по-другому. Словами, слезами, мольбой. Объяснениями про тени в углах и как он пытался с ними сражаться. Куперу всегда удавалось находить правильные слова и пользоваться ими — чтобы влиять на людей, контролировать их. Это работало. Сработало с отцом, которого он использовал, чтобы самому остаться на свободе. Сработало с Линой, которую Купер убедил в ее неуязвимости, в том, что ей не нужно его бояться. И — со мной, *в первую очередь* со мной, когда он просто тянул за привязанные ко мне веревочки, и я послушно исполняла требуемый танец. А он лишь скармливал мне нужную информацию в нужный момент. Он писал книгу моей жизни — и уже давно, — заставлял меня верить в то, что ему хотелось, плел у меня в голове паутину лжи — паук, который затягивает насекомых в свои хитрые тенета, наблюдает, как они отчаянно бьются, а потом заглатывает целиком.

— Когда папа все понял, ты уговорил его не выдавать тебя.

— А что бы ты сделала, — вздыхает Купер, глядя на меня, — окажись твой собственный сын чудовищем? Перестала бы любить?

Я думаю о маме — как она возвращалась к отцу из полицейского участка, какие объяснения этому поступку нашлись у нее в голове. *Он ничего нам не сделает. Не тронет нас. Ведь мы — его семья.* О себе самой — я смотрю на Патрика, против которого уже видела кучу улик, и все же не хочу верить. Думаю, надеюсь: должно же в нем найтись что-то доброе. Наверняка и отец думал то же самое. В результате я его выдала, обвинила отца в преступлениях Купера, а он не стал сопротивляться, когда за ним пришли. Лишь поглядел на собственного сына, на Купера, и попросил его сдержать обещание.

Я смотрю на часы. Семь тридцать. Купер приехал полчаса назад. Я знаю, что момент наступил. Момент, о котором я думала после того, как попросила Купера приехать, проигрывая в голове возможные сценарии, пытаюсь предсказать, чем все может закончиться. Вертела в голове, переворачивала с боку на бок, словно тесто месила.

— Ты же понимаешь, что я должна позвонить в полицию, — говорю я. — Купер, я обязана. Ты же людей убивал.

Брат смотрит на меня из-под налившихся тяжестью век.

— Совсем необязательно, — произносит он. — Тайлер мертв. У Патрика нет никаких доказательств. Оставим прошлое в покое, Хлоя. Не нужно его тревожить.

Я обдумываю его предложение — единственный сценарий, который не пришел мне в голову. Можно встать, открыть дверь и выпустить Купера наружу, прочь из моей жизни. Позволить брату ускользнуть, как ему это удавалось уже двадцать лет. Я прикидываю, чего мне будет стоить обладание подобной тайной — что он гуляет где-то на свободе. Чудовище, прячущееся у всех на виду, расхаживающее среди людей. Чей-то коллега, сосед. Друг. И тут меня пробирает дрожь, словно я неосторожно коснулась чего-то пальцем и получила удар статическим электричеством. Я вижу маму — как она была прикована к телеэкрану, не пропускала ни единого мгновения отцовского процесса, ни единого слова, — пока к нам не пришел Теодор Гейтс, чтобы объявить о сделке.

Если у вас нет чего-то еще, от чего я бы мог отталкиваться. Чего-то такого, о чем вы мне до сих пор не сказали.

Она тоже знала. Мама знала. Когда мы вернулись из участка, отдав полиции шкатулку, отец ей рассказал — я убежала наверх, а ее он остановил. Но было слишком поздно. Шестеренки уже закрутились. Полиция должна была явиться за ним, так что мама отстранилась и не стала мешать. Вероятно, надеялась, что обвинение слабое — ни оружия, ни тел. Что его отпустят. Я вспоминаю, как мы с Купером сидели на лестнице и слушали. Как он вцепился пальцами мне в руку при упоминании Тары Кинг — оставив похожие на виноградины синяки. Не понимая того, я стала свидетелем момента, когда мама сделала выбор — и выбрала ложь. Жизнь с тайной.

Больше ничего нет. Вам известно все.

Тогда-то она и начала меняться. Причиной ее постепенного распада был Купер. Она жила с сыном под одной крышей, видя, как все сходит ему с рук. Свет в ее глазах потух; из гостиной она удалилась в спальню, закрылась там. Жить, зная истину — кем был ее сын и что сделал, — оказалось невозможно. Муж в тюрьме, в окна летят камни, во дворе размахивает руками Берт Родс, раздирая ногтями собственную кожу. Я чувствую, как ее пальцы пляшут у меня на запястье, стучат по покрывалу, когда я показываю на фишки: «П», потом «А». Теперь я понимаю, что она пыталась сказать. Она хотела направить меня к папе. Хотела, чтобы я его навестила, и он мог открыть мне правду. Потому что, слушая мои рассказы про исчезнувших девочек, про совпадения, про дежавю, она все поняла — кому, как не ей, было знать, что прошлое не желает оставаться в отведенном нами для него месте, даже если мы засунем его в дальний угол шкафа и попытаемся все забыть.

Я никогда не хотела возвращаться в Бро-Бридж, не мечтала пройти коридором своего дома. Не хотела вновь посещать воспоминания, которые покинула там, в крошечном городке. Теперь я знаю, что они не пожелали там оставаться. Прошлое таскалось за мною следом всю мою жизнь, словно призрак, оставшийся непогребенным, — как те девочки.

— Я так не могу, — говорю я, глядя на Купера. — Ты и сам понимаешь, что не могу.

Он тоже смотрит на меня, медленно сжимая кулаки.

— Не стоит, Хлоя. Не нужно этого делать.

— Нужно, — возражаю я, начиная отодвигать свой табурет от стойки. Однако не успеваю встать с него, как Купер выбрасывает руку и хватает меня за запястье. Я смотрю на его пальцы, изо всех сил сжимающие мою кожу; костяшки совершенно белые. Теперь я знаю. Точно знаю, что Купер это сделал бы. Он и меня убил бы. Прямо здесь, на моей собственной кухне. Протянул бы руки, сжал их у меня на горле и, глядя мне в глаза, начал бы душить. Я не сомневаюсь, что брат меня любит — насколько подобные ему вообще способны любить, — но в конечном итоге я для него такой же камень на шее, как и Лина. Я — проблема, которую нужно решить.

— Ничего ты мне не сделаешь! — кричу я, выдергивая у него свою руку. Отодвигаю табурет, встаю и смотрю, как Купер пытается на

меня броситься — но вместо этого лишь неловко подается вперед. Колени отказываются держать его вес. Споткнувшись о ножку табурета, он кулем валится на пол. Недоуменно смотрит на меня, потом на стойку. На опустевший бокал, на пустой оранжевый пузырек.

— Ты в мое вино...

Начав говорить, он сразу же останавливается — слишком большого это требует усилия. Я вспоминаю, как в последний раз чувствовала себя подобным образом так, как Купер сейчас, — вечер в мотеле, Тайлер натягивает джинсы и ныряет в ванную. Потом протягивает мне стакан воды, заставляет выпить. И таблетки, которые потом в тех самых джинсах и нашли. Таблетки, которые он подмешал мне в воду, как я подмешала их Куперу в вино — и глядела потом, как быстро у него тяжелеют веки. Ярко-желтая желчь, которую я выкашляла, проснувшись.

Отвечать ему я даже не думаю. Вместо этого смотрю на потолок, на камеру в самом углу, маленькую, словно булабочная головка, которая размеренно мигает. И все записывает. Поднимаю руку и делаю знак, что можно заходить. Детективу Томасу, который сидит сейчас в машине рядом с Патриком; на его коленях — телефон. И все это он видит и слышит.

Снова смотрю вниз, на брата — в последний раз. Сейчас мы в последний раз с ним вдвоем. Трудно не думать о том, что осталось в прошлом, — мы с ним носимся по лесу у нас на задворках, спотыкаемся о кривые корни, которые лезут из земли, словно окаменевшие змеи. Он вытирает мне кровь с ободранной коленки, прилепляет полоску пластыря туда, где кожу жжет сильнее всего. Привязывает веревку мне к лодыжке, я заползаю в потайную пещеру — наш с ним общий секрет — и тут понимаю, где они. Пропавшие девочки, спрятанные на самом видном месте. Спихнутые во мрак, о котором знаем только мы двое.

Я вызываю в памяти темный силуэт с лопатой в руках, появляющийся из-за деревьев. Купер, необычно рослый для своих пятнадцати лет, мускулистый, как и положено борцу. Голова опущена, лицо скрывает мрак. Тени проглатывают его целиком — и он наконец обращается в ничто.

Июль 2019 года

Глава 48

Сквозь открытые окна машины веет освежающий ветерок; пряди моих волос пляшут у люка в крыше, тоже открытого, щекочут мне шею. Кожу греет свет заходящего солнца, но, вообще-то, сегодня необычно прохладно для этого времени. Двадцать шестое июля.

День моей свадьбы.

Я смотрю на бумажку с записанными указаниями дороги у себя на коленях — повернуть туда, повернуть сюда, и наконец адрес. Бросаю через лобовое стекло взгляд на длинную подъездную дорожку, на почтовый ящик — к его деревянной стенке прибиты четыре медные цифры. Сворачиваю — из-под колес летит пыль — и наконец останавливаюсь рядом с небольшим домиком: красный кирпич, зеленые ставни. *Хаттисберг, Миссисипи.*

Выхожу из машины, закрываю дверцу. Иду по дорожке, потом по ступеням крыльца, протягиваю руку и дважды стучу в тяжелую сосновую дверь — точно посередине на ней висит соломенный венок. Слышу внутри шаги, негромкие голоса. Дверь открывается, передо мной стоит женщина. На ней простые джинсы, майка, на ногах шлепанцы. На лице беззаботная улыбка, поверх голого плеча — посудное полотенце.

— Чем могу помочь?

Она вглядывается в меня, не уверенная, кто я такая, потом — вижу по глазам — узнает. Вежливая улыбка медленно исчезает с лица. Я вдыхаю знакомый запах, который не раз чувствовала у Патрика — болезненно-сладкий, смесь цветущей жимолости и жженого сахара. Я все еще могу разглядеть перед собой девочку со школьного портрета: Софи Бриггс. Ее непослушные светлые волосы теперь уложены гелем в колечки, а вокруг переносицы разбежалось созвездие веснушек, словно кто-то сыпанул их туда щепотью, как соль.

— Привет, — говорю я, чувствуя неожиданное смущение. Застываю на крыльце и думаю, как бы сейчас выглядела Лина, будь у нее шанс повзрослеть. Мне хотелось бы убедить себя, что и она сейчас тоже где-то есть, спрятанная, как и Софи, в своем собственном безопасном уголке мира.

— Патрик тут, — говорит она, разворачиваясь всем телом и делая приглашающий жест. — Если вы хотели...

— Нет. — Я качаю головой, чувствуя, что щеки заливаются краской. Патрик съехал от меня, как только арестовали Купера, и мне отчего-то даже в голову не пришло, что он может быть здесь. — Нет, не нужно. Я приехала к вам.

Протягиваю ей руку, держа в пальцах обручальное кольцо. Полиция вернула его мне на прошлой неделе — кольцо нашлось на полу машины Тайлера Прайса. Она ничего не говорит, просто протягивает руку, берет его, вертит в пальцах.

— Оно принадлежит вам, — говорю я. — Вашей семье.

Софи надевает его на средний палец, растопыривает перед собой ладони, радуясь тому, как кольцо смотрится на своем законном месте. Я заглядываю ей через плечо в коридор и вижу там столик, уставленный фотографиями в рамках, небрежно скинутые у подножия лестницы кроссовки, надетую на поручень бейсбольную кепку. Оторвав взгляд от внутренностей дома, окидываю глазами двор. Дом небольшой, но очень милый, вид у него несомненно обжитой: с ветки дерева свисают на двух веревках качели, к стенке гаража прислонена пара роликовых коньков. Потом изнутри доносится голос — мужской. Голос Патрика.

— Соф, кто там пришел?

— Я лучше пойду, — говорю я, разворачиваясь, поскольку чувствую, что подзадержалась. Будто я заглядываю в шкафчик в чужой ванной, пытаюсь воссоздать по его содержимому целую жизнь. Пытаясь разглядеть последние двадцать лет, начиная с того момента, как Софи вышла за порог старенькой развалюхи и, не оборачиваясь, зашагала прочь. Ей, наверное, было нелегко — тринадцать лет, еще совсем ребенок... Она выходит от подруги, идет одна по темной улице. Сзади подкатывает машина с выключенными фарами. Патрик, ее брат, медленно увозит ее оттуда — один небольшой городок, другой, он высаживает ее на автобусной остановке. Сует в руки конверт с деньгами, которые копил именно на этот случай.

«Я найду тебя, — обещает он. — Как только окончу школу. Тогда и мне там будет нечего делать».

Его мать царапает грязными ногтями пергаментную кожу, водянистый взгляд не отрывается от меня. *Съехал из дому в тот же*

день, как школу окончил, и с тех пор я о нем не слыхала.

Я думаю о том, как им жилось вдвоем. Патрик учится в университете, удаленно, через интернет. Софи зарабатывает деньги как только может — обслуживает столики в забегаловке, пакует покупки в супермаркете. Потом в один прекрасный день они смотрят друг на друга и понимают, что уже выросли. Годы остались позади, опасность миновала. Оба заслуживают того, чтобы жить собственной — *настоящей* — жизнью. И вот Патрик уезжает обратно в Батон-Руж, но всегда изыскивает возможность вернуться.

Я уже на ступеньках, когда Софи снова заговаривает — в ее речи я слышу голос брата, сильный, убедительный.

— Это была моя идея. Насчет подарка. — Я оборачиваюсь и смотрю на нее; она стоит на том же месте, плотно скрестив руки на груди. — Патрик только о вас все время и говорил. До сих пор не перестает. — Она усмехается. — Когда он сказал, что намерен сделать предложение, я решила, что таким образом тоже смогу присоединиться. Представлять себе его у вас на пальце. Как если бы рано или поздно нам удалось познакомиться.

Я думаю о Патрике, о статьях, спрятанных в книге у него в спальне. Преступления Купера вдохновили его на то, чтобы забрать Софи из дома — помочь ей исчезнуть. Из-за моего брата оборвались столько жизней — я все еще не могу спать по ночам, их лица выжжены у меня в памяти, словно обугленное пятно на ладони у Лины. Большое черное пятно.

Столько жизней потеряно... Кроме Софи Бриггс. Ее жизнь — спасена.

— Рада, что вы это сделали. — Я улыбаюсь. — А теперь вот и познакомились.

— Я слышала, вашего отца выпускают. — Она делает шаг вперед, будто не хочет, чтобы я уходила. Я молчу, не зная, что ей ответить.

Я была права насчет того, что Патрик посещал отца в Энголе; туда он в эти свои командировки и ездил. Он пытался узнать от него правду о Купере. Когда Патрик поведал ему, что убийства начались снова — сообщил о пропавших девочках, предъявил цепочку Обри в качестве доказательства, — отец согласился обо всем рассказать. Но когда уже успел сознаться в убийстве, нельзя просто так взять и передумать.

Нужно кое-что еще — признание истинного преступника. Тут я и пригодилась.

В конце концов, за решетку отца привели мои слова. Было лишь справедливо, что и освободить его помогла моя беседа с Купером двадцать лет спустя.

На прошлой неделе я видела по телевизору, как отец приносит извинения. За ложь, за попытку защитить сына. За те дополнительные жизни, которых все это стоило. Я не смогла заставить себя с ним встретиться, пока не готова, — но прекрасно помню, как смотрела на него сквозь телеэкран, словно в прошлом. Только на этот раз я пыталась сопоставить его нынешнее лицо с тем, что осталось у меня в памяти. Толстая оправа очков сменилась металлической, простой и тонкой. От прежних, сломавшихся, когда его ударили лицом о фургон и по щеке тонкой струйкой потекла кровь, на носу остался шрам. Волосы сделались короче, лицо загрубело, будто его обрабатывали наждаком или терли о бетонную стену, пока не сошла кожа. Я заметила у него на руках оспины — должно быть, ожоги, — участки блестящей натянутой кожи, идеально круглые, словно кончик сигареты.

И все-таки это был он. Мой отец. Живой.

— Что вы теперь собираетесь делать? — спрашивает Софи.

— Точно не знаю, — отвечаю я. И это правда. Я действительно не знаю.

Бывают дни, когда я снова чувствую гнев. Отец лгал. Он взял на себя вину за преступления Купера. Нашел шкатулку и перепрятал ее, чтобы сохранить тайну. Обменял собственную свободу на жизнь Купера. В результате мертвы еще две девочки. В другие дни до меня доходит. Я все понимаю. Родители так и должны: любой ценой защищать собственных детей. Я думаю о матерях, обращающихся к камере, пока их мужья рядом растекаются лужей. Их детей забрал мрак — но что, если твой собственный ребенок *и есть* тот мрак? Разве он тоже не нуждается в защите? В конечном итоге все упирается в контроль. В иллюзию, что у нас есть власть над смертью, что ее можно спрятать внутри сложенных горкой ладоней и крепко их сжать, не давая ей выбраться. Что Купер, если дать ему еще один шанс, каким-то чудом изменится. Что Лина, болтаясь прямо перед носом у брата и чувствуя, как огонь обжигает ей кожу, в последний миг сумеет отдернуться. Так что даже шрама не останется.

Все это — лишь ложь, которую мы сами себе повторяем. Купер так и не изменился. Лина не успела убежать от пламени. Даже Патрик норовил себе лгать, надеясь справиться с присущим ему гневом. Отчаянно пытаюсь затолкать обратно собственного отца, выглядывающего наружу в минуты слабости. Да и я виновата в том же самом. В пузырьках у себя в столе, призывно шепчущих мне по ночам.

Только склонившись над обмякшим телом Купера у себя на кухне, глядя на него сверху вниз, я наконец попробовала на вкус, что это такое: контроль. Не просто над собой, но когда ты отнимаешь его у другого. Крадешь и объявляешь, что отныне он твой. И на какое-то мгновение, искоркой промелькнувшее во мраке, я почувствовала, что мне это нравится.

Я улыбаюсь Софи, снова разворачиваюсь, спускаюсь по оставшимся ступенькам, ощущаю под подошвами дорожку. Иду к машине, держа руки в карманах, и смотрю, как сумерки окрашивают горизонт розовыми, желтыми, оранжевыми мазками — последние мгновения цвета, прежде чем опустится мрак. И тут замечаю: воздух вокруг меня знакомо жужжит электричеством. Я останавливаюсь, замираю на месте, вглядываюсь. Жду. Потом складываю ладони горкой и хватаю ими небо, чувствуя внутри уже сомкнутых ладоней легкое трепыхание. Смотрю на свои сжатые пальцы, на то, что ими поймала. На жизнь, которую самым буквальным образом держу в руках. Потом подношу их к лицу и заглядываю в узенькую щель между пальцами.

Внутри ярко светится крошечный светлячок, пульсируя жизнью. Я долго гляжу на него, прижав лоб к ладоням. Гляжу, как он сияет, как в моих руках подмигивает искорка, и думаю о Лине.

Потом я открываю ладони и отпускаю ее.

Благодарности

Все это не состоялось бы без моего агента, Дона Конуэя. Вы раньше всех поверили в эту книгу, заключили со мной договор, прочитав лишь первые три главы, и с того дня с неизменной благожелательностью отвечали на все мои панические вопросы. Вы дали мне шанс и тем изменили всю мою жизнь. За это никакой благодарности не хватит.

О таких, как вы, сотрудники агентства «Райтерс хаус», можно лишь мечтать. Спасибо Лорен Карсли, которая выбрала мою книгу из, надо думать, немаленькой кипы. Спасибо вам, Пегги Булос-Смит, Майя Николич и Джессика Бергер из юридического отдела, за продвижение книги на международном рынке.

Спасибо всей команде из «Минотавра», издательской группы «Сент-Мартин» и «Макмиллана». Моему редактору, замечательной Келли Рагланд: ваш острый взгляд неоценим, и мне очень повезло, что вы оказались рядом. Спасибо Маделин Хаупт за административную поддержку на протяжении всего маршрута, Дэвиду Ротстейну, создавшему чудесную обложку, а также Гектору ДеДжину, Саре Мельник, Эллисон Зиглер и Полу Хохману за распространение информации. Я также очень благодарна Джен Эндерлин и Энди Мартину за проявленные с самого начала энтузиазм и веру в мою книгу.

Спасибо моему британскому редактору Джулии Уиздом и всему коллективу из «Харпер Коллинз» в Великобритании. Я дополнительно благодарна всем замечательным зарубежным издательствам за то, что моя история оказалась переведена на столько языков.

Сильвия Рабино из WME, спасибо вам за то, что разглядели в моей истории потенциал для экранизации. С вами мои мечты взлетели на новую высоту.

Моим родителям, Кевину и Сью. Что бы там ни было написано в самой книге, мои собственные родители — любящая и заботливая пара, поддерживавшая мои писательские амбиции, насколько я вообще себя помню. Без вашей любви и одобрения ничего этого не было бы. Спасибо вам — за все.

Моей сестре Мэллори. Спасибо, что научила меня читать и писать (я серьезно!), что с головой окунулась в мои первые, еще слабые черновики, и за твои неизменно полезные отзывы, пусть я иной раз и обижалась. А еще спасибо, что разрешала смотреть вместе с тобой ужастики, несмотря на мой сомнительно юный возраст. Ты всегда была моей лучшей подругой и всегда останешься.

Моему мужу Бритту. Ты никогда не позволял мне опустить руки. Спасибо за то, что годами готовил ужин, пока я уединялась в кабинете, что каждый день слушал мои разговоры о вымышленных мной людях, что во всеуслышание меня поддерживал и гордился мной. Я люблю тебя — за это и еще за миллион других вещей. Без тебя я не справилась бы.

Брайану, Лоре, Элвину, Линдси, Мэтту и всей моей замечательной семье — спасибо вам за нескончаемую энергию, энтузиазм и поддержку. Я так рада, что вы есть в моей жизни!

Моей фан-группе и первым читателям за пределами узкого круга: Эрин, Кейтлин, Ребекке, Эшли и Жаклин. Кричали ли вы с трибун или тихо шептали ободрительные слова, я слышала все. Спасибо за то, что вы со мной. Не знаю, чем именно я заслужила таких друзей.

Моей лучшей подруге Колби. Твой энтузиазм на протяжении всего процесса был просто заразителен. Ты постоянно меня подбадривала и заводила, пусть даже у меня не было для тебя никаких радостных новостей. Я также восхищаюсь твоей силой воли, позволившей тебе дождаться, когда выйдет книга, и только потом прочитать. Надеюсь, я тебя не разочаровала.

И наконец — тебе, мой замечательный читатель, что держит сейчас в руках эту книгу. Купил ты ее, взял в библиотеке, одолжил у приятеля или попросту скачал — то, что ты читаешь сейчас эти слова, означает: в воплощении моих самых безумных мечтаний в реальность тебе принадлежит очень важная роль. Большое, очень большое спасибо тебе за поддержку.

notes

Примечания

1

Обыгрывается название культового хита в жанре рок-н-ролл — «See You Later Alligator» в исполнении Билла Хейли.

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

3

Имена печально известных американских серийных убийц-маньяков.

«Бриолин» (*англ.* Grease) — культовый мюзикл Дж. Джейкобса и У. Кейси (1971), а затем и не менее культовый фильм Р. Клайзера (1978).